

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 2

Минск
Академия МВД
2017

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, а также тезисы докладов, представленных на конференциях (чтениях, круглых столах), проведенных Академией МВД.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

- А.В. Яскевич*, проректор Академии МВД по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент (ответственный редактор);
А.А. Вишневский, начальник кафедры экономической безопасности,
кандидат юридических наук, доцент;
Н.С. Демьянец, научный сотрудник научно-исследовательского отдела;
С.В. Добряня, начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Е.М. Ефременко, заведующая кафедрой гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент;
И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления органами внутренних дел
факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров,
кандидат юридических наук, доцент;
В.Ч. Родевич, докторант научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент;
А.Н. Тукало, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Т.М. Фишук, начальник научно-исследовательского отдела;
М.П. Шруб, начальник кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

УДК 343.985.8

Т.А. Андриашкин, С.В. Клименто, курсанты факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пилюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проанализированы характерные особенности совершения коррупционных преступлений на современном этапе. Излагаются взгляды на основные проблемы, влияющие на коррупционные преступления. В качестве доказательства приводятся официальные данные по коррупционным преступлениям.

В современных условиях коррупция стала одной из главнейших проблем в работе системы государственного управления. Она представляет реальную опасность публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека, социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и препятствует нормальному функционированию экономики.

Проблему коррупции в современный период можно обнаружить практически в любой стране мира, а также в международной организации.

Однако это не означает, что она везде одинакова. Причины возникновения коррупции в зависимости от исторической эпохи и фазы социально-экономического развития страны весьма различны, в связи с чем попытка разработать универсальные административно-правовые средства ее предупреждения и пресечения представляется практически нереальной.

Коррупция существует с древних времен. Например, она широко была распространена в Древней Греции и в Римской империи в области сбора налогов. В Древнем Китае сторонники легизма утверждали, что гибель государства начинается с порочности и продуманности чиновников [1, с. 192]. Факты коррупции в России упоминаются в летописях XIII в. Впервые в России законодательные ограничения на коррупцию пытался ввести Иван III, а Иван Грозный ввел смертную казнь в качестве наказания за коррупцию [2, с. 226]. В современном обществе коррупция существует при различных формах государственного правления, включая высокоразвитые демократические общества, и может проявляться во всех ветвях власти так же, как и во всех сферах частной деятельности. Как

правильно отмечали М. Левин и Г. Сагаров, «коррупция проявляется там, где существует власть, т. е. право принимать решения и распоряжаться ресурсами. Это могут быть бюджетные средства, государственные заказы или льготы либо, наоборот, штрафы, запреты, те или иные наказания. К властным ресурсам относятся право разрешения или запрета, право принять решение или уклониться от него. Не следует полагать, что речь идет только о государственной власти. Должностные лица субъектов хозяйствования также обладают властью и возможностью распоряжаться ресурсами. Значит, и здесь есть коррупция» [2, с. 227].

Как у всякого сложного социального явления, у коррупции не существует единого канонического определения. Термин «коррупция» (от лат. *corruption*) означает подкуп, подкупность и продажность общественных и политических деятелей, государственных чиновников и должностных лиц. В словарях иностранных слов приводится термин «коррупировать», (от лат. *corrupture* – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами). Социологи, специалисты по управлению, экономисты, юристы и просто граждане по-разному трактуют это понятие.

Анализируя труды научных деятелей, а также материалы из различной литературы, хотелось бы отметить, что, по мнению социологов, что коррупция – это отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды. Такое утверждение оказывается и слишком узким (коррупция может быть и в частных корпорациях), и слишком широким.

В отличие от социологов юристы считают, что коррупция в широком смысле – социальное явление, поражающее публичный аппарат управления, выражающееся в разложении власти, умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах.

В Беларуси в условиях продолжающегося системного (экономического, политического, правового, организационного и идеологического) переходного периода проблема коррупции приобрела особую остроту и политическую значимость. О ней говорится в средствах массовой информации и на самом высоком государственном уровне. Значимым фактором государственной политики в области противодействия коррупции является нормотворческая деятельность, создающая правовую базу для борьбы с ней. Не менее важным является применение антикоррупционного законодательства и реализация его в практической деятельности государственных органов. Идет постепенное преобразование антикоррупционного законодательства, ориентированного на реализацию международ-

ных стандартов противодействия и борьбы с коррупцией на основе как совершенствования антикоррупционных законодательных норм, так и применения комплексных мер в рамках действующего законодательства.

Коррупция проявляется в различных сферах жизни общества, в которых противостоят и переплетаются силы власти и капитала. Она негативно влияет на стабильность в обществе и государстве, угрожает национальным жизненно важным интересам, деформирует систему духовно-нравственных ценностей. Под воздействием коррупции личность, общество и государство оказываются в опасности. В связи с тем, что коррупционные отношения обладают способностью к саморазвитию и имеют тенденцию к ускоренному распространению, незаконно приобретенные капиталы порождают использование более сложных конспиративных механизмов развития коррупции. Через коррумпированные связи осуществляется взаимодействие между властными полномочиями государственных служащих и нелегальным (черным) наличным капиталом. Растут незаконные выплаты, побочные вознаграждения, переплаты за выполненную работу, обеспечивается недостаточный контроль или попустительство в реализации перспективных экономических проектов. Все это ведет к интеграции коррупционных отношений и образованию организованных коррумпированных структур в государственных органах власти и управления.

Обязательные юридические признаки коррупции:

1) обязательный субъект коррупционных отношений – должностное лицо (либо лицо, приравненное к нему), уполномоченное на выполнение государственных функций;

2) умышленная вина, корыстная или иная заинтересованность субъектов коррупционных отношений;

3) действие или бездействие – использование лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций (либо лицом, приравненным к нему), вопреки интересам службы, своего служебного положения, либо связанных с ним возможностей, либо авторитета организации, в которой он служит;

4) корыстная цель – противоправное получение для себя или своих близких родственников имущественных или неимущественных благ, льгот и преимуществ в результате выполнения или невыполнения определенных действий по службе либо за обещание выполнить или не выполнить их в будущем.

Признаками коррупции являются прямое или завуалированное участие должностных лиц и государственных служащих в деятельности коммерческих структур; содействие (организационное или ресурсное) негосударственным структурам, дифференцированное использование, манипулирование информацией, имеющей коммерческий характер;

прямое или косвенное вымогательство. Должностное положение и предоставляемые властные полномочия создают возможность незаконного обогащения. Оно выражается в приобретении должностным лицом для себя или других лиц имущественных либо неимущественных благ, помимо законного вознаграждения за труд в виде заработной платы, премий, льгот и т. д. Выбор должностным лицом противоправного пути зависит от его социально-психологической характеристики. Коррупционные отношения в сфере государственного управления представляют собой систему противозаконного получения материальных благ, выгод имущественного и неимущественного характера должностными лицами, работниками государственного органа либо государственной организации за выполнение действий или бездействие в интересах лиц, представляющих им эти блага и выгоды.

Впервые определение коррупции было дано на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г. как «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

В Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» подчеркивается, что коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества.

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. обращено внимание на серьезность порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, которые подрывают демократические институты, этические ценности и наносят ущерб устойчивому развитию и правопорядку, а также на связи коррупции с другими формами преступности, в частности связанными с экономической сферой, включая отмывание денежных средств.

Под коррупцией в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» понимается «...умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставле-

ния им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного».

В целях реализации требований Закона совместным постановлением Генпрокуратуры Республики Беларусь, КГК Республики Беларусь, ОАЦ при Президенте Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь, КГБ Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 утвержден Перечень коррупционных преступлений. К ним отнесены следующие преступления:

хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК);

легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и 3 ст. 235 УК);

злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и 3 ст. 424 УК);

бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 425 УК);

превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и 3 ст. 426 УК);

незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);

получение взятки (ст. 430 УК);

дача взятки (ст. 431 УК);

посредничество при взяточничестве (ст. 432 УК);

злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК).

Анализ указанных составов заслуживает отдельного внимания и может быть представлен в рамках исследования особенностей уголовно-правовых мер противодействия коррупции.

По данным Белстата, в 2015 г. за совершение коррупционных преступлений осуждено 485 чел. Это на 63 % больше, чем в 2014 г. Большинство коррупционеров приговорены к различным срокам лишения свободы. Самое распространенное преступление в этой сфере – хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (204 осужденных), далее идут получение взятки (112), дача взятки (75), злоупотребление властью (48) и превышение власти (27).

В Республике Беларусь, как и в ряде других стран, коррупция стала одной из проблем, с проявлениями которой ведется борьба и в отношении которой осуществляется системное противодействие. Причиной терпимого отношения к ней являются крайне слабо осознаваемые обществом ее негативные последствия, вызванные недостатком знаний у граждан по данному вопросу и недооценкой характера коррупционного воздействия на общество и государство в целом. Все это усугубляет влияние коррупции. Важно, чтобы все общество не только сознавало и определяло проявления коррупции, но и не допускало терпимого отношения к ней, поскольку было бы неправильным рассматривать проявления коррупции всего лишь как один из видов преступлений, присущих аморальным действиям отдельных, обладающих властными полномочиями лиц. Несомненно, что коррупция оказывает разлагающее влияние на все стороны жизни общества. Для получения более полной картины влияния коррупции на различные стороны жизни и деятельности общества и государства следует привести некоторые из ее негативных последствий, в той или иной мере проявляющиеся в современных условиях на территории стран как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Проанализировав различные источники, суждения научных деятелей, мы можем разделить последствия, к которым приводит коррупция на три блока: экономические, социальные и политические.

Экономические последствия коррупции:

расширяется теневая экономика, что приводит к уменьшению налоговых поступлений и ослаблению бюджета. Как следствие, государство теряет финансовые рычаги управления экономикой, обостряются социальные проблемы из-за невыполнения бюджетных обязательств;

нарушаются конкурентные механизмы рынка, поскольку часто в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто незаконно смог получить преимущества. Это влечет за собой снижение эффективности рынка и дискредитацию идей рыночной конкуренции;

замедляется появление эффективных частных производств и собственников, в первую очередь из-за нарушений в ходе приватизации, а также искусственных банкротств;

неэффективно используются бюджетные средства, в частности при распределении государственных заказов и кредитов. Это еще больше усугубляет бюджетные проблемы стран, подверженных коррупции;

повышаются цены за счет коррупционных «накладных расходов», в результате чего страдает потребитель;

ухудшается инвестиционный климат, из-за чего не решаются проблемы преодоления спада производства, обновления основных фондов. У аген-

тов рынка появляется неверие в способность властей устанавливать, контролировать и соблюдать честные правила рыночных отношений;

расширяются масштабы коррупции в неправительственных организациях. Это ведет к уменьшению эффективности их работы, а значит, снижается эффективность экономики стран в целом.

Социальные последствия коррупции:

отвлекаются от целей общественного развития средства, имеющие колоссальные объемы. Тем самым обостряется бюджетный кризис, снижается способность власти решать социальные проблемы;

закрепляется и увеличивается имущественное неравенство, бедность большей части населения. Происходит несправедливое перераспределение средств в пользу узких групп за счет наиболее уязвимых слоев населения;

дискредитируется право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан как перед преступностью, так и перед лицом власти;

происходит укрепление и расширение организованной преступности вследствие коррумпированности правоохранительных органов. Организованная преступность, срачиваясь с коррумпированными группами чиновников и предпринимателей, усиливается еще больше с помощью доступа к политической власти и возможности отмывания денег;

увеличивается социальная напряженность, снижается уровень развития экономики, угрожая политической стабильности в стране.

Политические последствия коррупции:

происходит смещение целей политики от общенационального развития к обеспечению властвования тех или иных кланов;

уменьшается доверие к власти, растет ее отчуждение от общества. Тем самым, ставятся под угрозу любые ее общественно-значимые проекты;

падает престиж страны на международной арене, растет угроза ее экономической и политической изоляции;

снижается и профанируется политическая конкуренция. Граждане разочаровываются в ценностях демократии. Возникает разложение демократических институтов;

увеличивается риск крушения демократии на основе развития сценария прихода к власти диктатуры на волне борьбы с коррупцией.

Следует отметить, что в целом экономические потери от коррупции гораздо шире и глубже, чем это представляется с точки зрения простой ее оценки как суммарной величины взяток – цены, которую платят частные лица или фирмы коррумпированным чиновникам или политикам. Главные потери происходят из-за тех решений, которые принимаются агентами, вступающими в коррупционные отношения. Например, в

результате нечестно проведенного тендера заказ поступает недобросовестному исполнителю. Потери, сопряженные с этим обстоятельством, намного больше величины взятки, стимулировавшей нечетное решение тендерной комиссии. Реальные потери от коррупции значительно превышают исчисляемые на основании объема выявленных коррупционных деяний и доведенных до конца расследований, на результаты которых могут повлиять невыявленные коррупционные отношения.

В целом борьба с коррупцией в Республике Беларусь осуществляется на основе комплексного применения мер, в полном объеме согласующихся с Конвенцией ООН против коррупции.

Все это указывает на наличие в Республике Беларусь стройной и постоянно совершенствующейся системы борьбы с коррупцией. Однако важным фактором успешности данной борьбы является необходимость ее осуществления не только правоохранительными органами. Задачей номер один для всех руководителей, и в первую очередь государственных органов и организаций, должно быть обеспечение кадровой чистоты коллектива, юридической и моральной чистоплотности каждого сотрудника, и вместе с тем активное включение в борьбу с коррупцией всего гражданского общества.

1. Абдуллаева, Т. Коррупция – паразит экономики / Т. Абдуллаева, А. Таксанов // О-во и экономика. – 2003. – № 10. – С. 189–207.

2. Шамхалов, Ф. Основы теории государственного управления : учеб. для вузов / Ф. Шамхалов. – М. : Экономика, 2003. – 518 с.

УДК 346.546

А.А. Бараховский, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Е.А. Авраменко

Рецензент – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

ПОНЯТИЕ ЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЕЕ ВИДЫ

Рассматривается понятие ценовой конкуренции, а также методы ведения борьбы хозяйствующими субъектами за рынки сбыта своей продукции. Приводятся примеры ценовой конкуренции между субъектами хозяйствования, как на государственном, так и на мировом рынках.

Конкуренция является, пожалуй, одним из главных элементов функционирования и развития рыночных отношений. Как известно, клас-

сическим основоположником концепции конкуренции по достоинству считается А. Смит. Свободный рынок по Смиту – это путь, ведущий к благосостоянию нации. Идея, которая легла в основу конкуренции, по мнению А. Смита, найти некий естественный порядок вещей, к которому и надлежит стремиться в поисках богатства народов. Для него этим порядком вещей является конкуренция [1, с. 144]. К. Маркс в теории конкуренции центральное место отдавал ценовой конкуренции.

Ценовая конкуренция – это конкурентная борьба за счет снижения цен до более низкого относительно конкурентов уровня. При этом за счет улучшения с точки зрения потребителя соотношения цена/качество повышается конкурентоспособность продукта на рынке. В зависимости от реакции других участников рынка (ответят они адекватным снижением цен или нет) либо компания увеличивает свои продажи, оттягивая на свой продукт часть их потребителей, либо снижается средняя рентабельность (а значит и инвестиционная привлекательность) отрасли [2, с. 57].

Конкуренты не обязательно должны отвечать аналогичным снижением цены. Возможность снижения цены каждым из конкурентов ограничивается его полными издержками на единицу. Однако, следуя за рынком, субъекты хозяйствования для удержания рынков сбыта иногда вынуждены отвечать снижением цен на свою продукцию в ответ на снижение цен конкурентов. Продажа продуктов по цене ниже их полной себестоимости называется демпингом.

Например, в 2013 г. российский производитель калия «Уралкалий» стал реализовывать свою политику, направленную на реализацию своей продукции по меньшей цене, но при этом увеличивая объемы продаж. Мировые цены на калийные удобрения резко пошли вниз. «Беларуськалий» был вынужден для удержания рынков сбыта удобрений снизить цену.

В августе – сентябре 2013 г. «Беларуськалий» предложил клиентам скидку в 20 %.

Для обеспечения стабильной работы «Беларуськалия» государство было вынужденно пойти на отмену экспортных пошлин на калийные удобрения на срок до 31 декабря текущего года (Указ Президента Республики Беларусь от 5 сентября 2013 г.).

Коммерческая организация может продолжительное время продавать свои продукты по цене ниже их полной себестоимости только при наличии дополнительного внешнего финансирования. Но поскольку любая коммерческая компания ориентирована на получение прибыли, то при демпинге она либо рассчитывает окупить эти убытки в будущем, либо низкие цены на продукт позволяют ей получать другие, неочевидные или недоступные для остальных участников рынка выгоды уже сейчас.

К ценовой конкуренции целесообразно прибегать при выполнении двух условий. Во-первых, если вы уверены, что цена является для вашего потенциального потребителя решающим фактором при выборе между конкурирующими продуктами. Во-вторых, обычно к ценовой конкуренции прибегают компании, добившиеся отраслевого лидерства в издержках. В этом случае можно получать прибыль даже при таких ценах, когда все остальные игроки уже работают в убыток.

Так, в iPhone 6 компания Apple вложила от 200 до 247 дол. США. iPhone 6 Plus обошелся в 216–263 дол. США. Разница в цене зависит от объема установленного флэш-накопителя. Напомним, что 16-гигабайтная версия iPhone 6, которая стоит 200 дол. США, продается за 649 дол. США, в то время, как 128-гигабайтная версия обойдется потребителям на 200 дол. США дороже, Apple эта же память стоит всего 47 дол. США. При такой разнице себестоимости продукции и конечной ее стоимости у производителя остается широкий маневр для ценовой конкуренции. Главный конкурент Apple, южнокорейская компания Samsung, зарабатывает с одного устройства чуть меньше. Себестоимость GALAXY S5 256 дол. США, а цена его 599 дол. США [3].

Различают следующие виды ценовой конкуренции:

прямую ценовую конкуренцию с широким оповещением о снижении цены. Прямой ценовой конкуренции подвержены практически все товары широкого потребления, сходные по качеству: например хлеб, молоко; скрытую ценовую конкуренцию, когда на рынок выпускается новый товар с улучшенными потребительскими свойствами при сравнительно незначительном увеличении цены.

Ценовая конкуренция реализуется в стремлении конкурирующих хозяйствующих субъектов привлечь потребителя с помощью установления более низких, чем у соперника, цен. При этом они наперегонки снижают издержки потребителя на приобретение товара, тем самым увеличивая его прибыль от покупки и повышая запас конкурентоспособности своей продукции. В результате такой конкуренции устанавливаются цены, которые соответствуют реальным затратам на производство продукции, и повышается эффективность размещения ресурсов на рынке посредством удаления с него неэффективных производителей с высокими производственными затратами.

Обратной стороной ценовой конкуренции товаропроизводителей выступает процесс ценовой конкуренции потребителей, которые своим решением оказывают влияние на поведение товаропроизводителей. Ценовой выбор потребителей определяет уровень спроса, изменение которого влияет на объем предложения конкурентных товаропроизводителей.

Мотивами ценовой конкуренции выступают обеспечение выживаемости, максимизация текущей прибыли, поддержание и обеспечение ликвидности, завоевание большой доли на рынке, завоевание лидерства на рынке. Зарубежные крупные и сверхкрупные корпорации в большинстве случаев довольствуются около 10 % рентабельности акционерного капитала, что обеспечивает им выживание.

Например, в марте 2014 г. издание Businessweek опубликовало размеры заработков с каждого проданного автомобиля марок, входящих в состав концерна Volkswagen. В Porsche получают за каждую машину 23,2 тыс. дол. США, в Bentley – 20 тыс. дол. США, в Lamborghini и Audi – 5,2 тыс. дол. США, а в Volkswagen – 850 дол. США. Таким образом, Porsche в 2013 г. зарабатывал 18 % с автомобиля, а для массовых моделей Volkswagen (Passat, Jetta) этот показатель ниже – 2,9 % отпускной цены [4].

Обеспечение выживаемости выступает основным мотивом хозяйствующего субъекта в тех случаях, когда на рынке слишком много производителей и царит острая конкуренция или резко меняются потребности покупателей. Ценообразование в целях выживания обусловлено попыткой товаропроизводителя выдержать или слегка сбить ценовую конкуренцию. В этом случае цены устанавливаются на уровне, обеспечивающем безубыточность ведения дела. Такая политика имеет краткосрочный характер и является попыткой «выкупить» время до тех пор, пока товаропроизводитель не будет в состоянии сократить издержки в достаточной степени, чтобы получить прибыль, либо рыночная ситуация не приведет к повышению цен. Максимизация текущей прибыли приводит к увеличению доходности, расширению воспроизводственных возможностей хозяйствующего субъекта. В условиях рынка поддержание и обеспечение ликвидности всегда актуально, так как устойчивая неплатежеспособность грозит предпринимателю банкротством. Поэтому он стремится определиться с условиями и предпосылками, обеспечивающими стабильную платежеспособность.

Ценовая конкуренция развивается на рынке в тесной связи с условиями и практикой неценовой конкуренции, выступает по отношению к последней в зависимости от обстоятельств, ситуации на рынке и проводимой политики, как подчиненной, так и доминирующей. Это – метод, основанный на цене. Ценовая конкуренция восходит к временам свободного рыночного соперничества, когда даже однородные товары предлагались на рынке по самым разным ценам. Снижение цены было той основой, с помощью которой продавец выделял свой товар, завоевывал желаемую долю рынка [5, с. 135].

В условиях современного рынка «война цен» является одним из видов конкурентной борьбы с соперником, причем такое ценовое противостояние часто приобретает скрытый характер. Война цен в открытой форме возможна только до того момента, пока фирма не исчерпает резервы себестоимости товара. В целом ценовая конкуренция в открытой форме приводит к снижению нормы прибыли, ухудшению финансового состояния компаний. Поэтому компании избегают вести ценовую конкуренцию в открытой форме. Она применяется в настоящее время обычно в следующих случаях: фирмами-аутсайдерами в их борьбе с монополиями, для соперничества с которыми в сфере неценовой конкуренции у аутсайдеров нет ни сил, ни возможностей; для проникновения на рынки с новыми товарами; для укрепления позиций в случае внезапного обострения проблемы сбыта.

При скрытой ценовой конкуренции фирмы вводят новый товар с существенно улучшенными потребительскими свойствами, а цены поднимают непропорционально мало. При этом необходимо отметить, что в условиях функционирования различных рынков степень значимости ценовой конкуренции может существенно различаться. В качестве обобщающего определения ценовой конкуренции можно привести следующее: «Конкуренция, основанная на привлечении покупателей за счет продажи по более низким ценам товаров, аналогичных по качеству товарам конкурентов» [6, с. 374].

На сегодняшний день самой распространённой ценовой стратегией, которую выбирают около 80 % компаний, является «следование за рынком» [7, с. 312].

Предприятия, которые ее используют, устанавливают цены на свою продукцию, ориентируясь на некий усредненный прайс-лист. Впрочем, осознанным выбором назвать это трудно. Чаще всего действовать по-другому просто невозможно. Как правило, «быть как все» приходится тем, кто работает на массовых рынках, где конкуренция очень высокая. Данное положение в полной мере относится и к мясному рынку. В сложившейся ситуации покупатели очень болезненно реагируют на всякое заметное подорожание товара, что не позволяет завышать цены, а конкуренты жестко отвечают на любую попытку изменить сложившиеся пропорции продаж, что делает опасной другую стратегию ценообразования – «внедрение на рынок» [8, с. 562].

Таким образом, конкуренция призвана не допустить установления монополистического диктата одних агентов рынка над другими. Можно сказать также, что при несовершенной конкуренции производство становится не таким гибким. Поэтому государство как регулирующий

орган, сдерживающий монополистические тенденции и поощряющий конкурентные отношения, должно создавать систему мер, поощряющих состязательность на рынке, стимулирующих деловую активность, подерживающих соблюдение принципа равных возможностей.

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Госкомиздат, 1962. – 688 с.
2. Портер, М.Ю. Конкуренция / М.Ю. Портер. – М. : Вильямс, 2010. – 608 с.
3. Новости mail.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/news/iphone6-costs-200-dollars.html>. – Дата доступа: 24.09.2014.
4. Новости businessweek.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.businessweek.com/articles/2014-03-13/volkswagen-pockets-23-000-when-you-buy-that-new-porsche>. – Дата доступа: 13.03.2014.
5. Румянцева, Е.Е. Новая экономическая энциклопедия / Е.Е. Румянцева. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 219 с.
6. Ильина, В.Н. Конкуренция / В.Н. Ильина. – М. : Акрополь, 2013. – 752 с.
7. Ерохина, Л.И. Цель оправдывает цену / Л.И. Ерохина. – Тольятти : Довгань, 2003. – 442 с.
8. Курс экономической теории / Е.А. Киселева [и др.] ; под ред. М.Н. Чепурина. – Киров : АСА, 2007. – 848 с.

УДК 343.985

П.А. Божко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются вопросы сущности принципов оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с которыми данная деятельность осуществляется в Республике Беларусь. Уделяется внимание конституционным и отраслевым принципам оперативно-розыскной деятельности, обязательности их реализации в деятельности оперативных подразделений государственных органов Республики Беларусь, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность – это деятельность, осуществляемая в соответствии с настоящим Законом государственными органами (далее, если не определено иное, – органы, осуществляющие

оперативно-розыскную деятельность) с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленная на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее, если не определено иное, – граждане), прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства.

Данная деятельность основывается на конституционных принципах законности, соблюдения прав и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также на принципах конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно.

Принцип – основополагающая руководящая идея, правило поведения, понятие, представляющее собой обобщение и распространение какого-либо положения на всю совокупность познаваемых явлений и процессов реальной действительности [1, с. 27].

Если задачи ОРД закрепляют, что необходимо сделать для реализации ее цели, то принципы определяют, чем необходимо руководствоваться при осуществлении ОРД.

Они выполняют познавательную, нормативную функцию и функцию преобразования, практического применения в реальных условиях указанной деятельности. Сформулированные в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) принципы имеют общий характер, непосредственное практическое значение и относятся к содержанию всех направлений деятельности, организационным формам и тактике осуществления оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих решение основных задач ОРД [2, с. 18].

В ст. 5 Закона об ОРД отражено два вида принципов, на которых основывается ОРД в целом. Это конституционные принципы законности, соблюдения прав и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций и отраслевые, непосредственно отражающие сущность, назначение и особенности ОРД, – принципы конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно.

Конституционные принципы ОРД подчеркивают их верховенство перед отраслевыми, а также подтверждают общность ОРД с иными видами правоохранительной деятельности, направленной на обеспечение соблюдения и защиты права, определяющими смысл, содержание и применение ими законов.

Принцип законности относится к числу ключевых государственно-правовых принципов деятельности всех без исключения органов государства, в том числе и правоохранительных органов.

В ОРД принцип законности заключается в точном и безусловном соблюдении всеми органами и должностными лицами, ее осуществляющими, Конституции и иных законов и нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по обеспечению безопасности общества и государства, охране правопорядка и борьбе с преступностью, ведомственных нормативных правовых актов субъектов ОРД, регламентирующих вопросы организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий [3, с. 29].

Законность предполагает существование системы государственных гарантий, исключающих возможность злоупотреблений при осуществлении ОРД. Такие гарантии получили закрепление в ряде норм Закона об ОРД. В частности, законом регламентирован перечень оперативно-розыскных мероприятий, перечислен строго определенный круг субъектов, наделенных правом их проведения, определены условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и ограничивающих конституционные права граждан, а также установлены задачи этой деятельности. Законодательные гарантии реализуются при любых нарушениях со стороны должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность путем применения к ним мер ответственности, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, осуществления прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля, что усиливает действенность принципа законности.

Принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан является важнейшим конституционным принципом, который закреплен в Конституции Республики Беларусь. В частности, в ней провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность властей. Жизнь, здоровье, честь и достоинство личности охраняются государством [4, с. 80].

Приоритетная цель оперативно-розыскной деятельности – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан. В этом заключается первоочередной смысл деятельности. Вместе с тем признаются и права объектов ОРД, лиц, преступивших закон. Указанный принцип в равной мере распространяется и на лиц, оказывающих содействие органам – субъектам ОРД. В частности, Закон об ОРД декларирует их государственную защиту, закрепляет меры их социальной и правовой защиты, обеспечение безопасности конфиденентов, определяет конфиденциальность отношений.

Конституция Республики Беларусь закрепляет права всех граждан на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, на тайну корре-

спонденции, телефонных и иных сообщений, неприкосновенность жилища и иных законных владений. Тем не менее ограничение этих прав допустимо с позиции Закона об ОРД и не противоречит комментируемому принципу. Это связано, прежде всего, с тем, что Конституцией Республики Беларусь допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения национальной безопасности государства, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других граждан. К тому же ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища допускается на основании санкции прокурора, что предусмотрено и Законом об ОРД [1, с. 34].

Выполнение данных условий обеспечивается не только предписанием норм Закона об ОРД, но и положениями иных законодательных актов, устанавливающих ответственность в случае нарушения указанных конституционных прав, а также законодательной регламентацией права обжалования незаконных действий правоохранителей и механизма его защиты.

Необходимо отметить и то, что ОРД является единственным, а также установленным государством, вынужденным, не имеющим альтернативы средством борьбы с преступностью, с ее скрытыми проявлениями.

В качестве важнейшего отраслевого принципа ОРД законодателем определен принцип конспирации.

Под конспирацией применительно к ОРД понимается сохранение в тайне сведений об организации, тактике, силах, средствах, методах, планах оперативно-розыскной деятельности, применяемых при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; об организациях в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности; о должностных лицах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, штатных негласных сотрудниках, а также об иных должностных лицах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в соответствии с актами законодательства; о проводимых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, оперативно-розыскных мероприятиях и об иной осуществляемой ими деятельности при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности. Необходимость соблюдения

принципа конспирации обусловлена тем, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, действия их участников невозможно сделать абсолютно скрытыми от посторонних лиц, все они происходят в условиях реального времени, места, осуществляются конкретными лицами. В то же время возможно, необходимо и целесообразно представить оперативно-розыскные мероприятия так, что окружающими они воспринимаются как обыденные, не имеющие отношения к деятельности оперативных подразделений. Это может достигаться путем применения камуфлирующих средств (предметов одежды, транспортных средств и др.), некоторых приемов поведения (вести себя сообразно обстановке, не привлекая внимания окружающих, быть как все), использованием специальных помещений, легендированных предприятий, документов прикрития, укрытий, тайников, паролей, правил делопроизводства и др.

Конспиративность при проведении оперативно-розыскных мероприятий (осуществлении ОРД) имеет и другое назначение. Она, в частности, позволяет не допустить преждевременной или необоснованной компрометации объектов оперативно-розыскных мероприятий, является мерой обеспечения прав лиц, оказывающих содействие субъектам ОРД, условием обеспечения безопасности участников оперативно-розыскных мероприятий [2, с. 20].

Рассматриваемый принцип материализован в ряде норм Закона об ОРД. Так, закон ограничивает предоставление сведений о лице, являвшемся объектом ОРД, пределами, допускаемыми требованиями конспирации; предусматривает использование помощи должностных лиц и отдельных граждан на негласной основе; возлагает на субъектов ОРД обязанность соблюдать конспирацию при проведении оперативно-розыскных мероприятий; предоставляет им право создания предприятий, организаций для решения задач ОРД, использования документов, зашифровывающих личность участников ОРД и др. Указанные положения свидетельствуют о том, что принцип конспирации не просто продекларирован законодателем, а конкретно обозначен Законом об ОРД.

К числу основных законодателем отнесен принцип проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно. Его существенная значимость и решающее практическое значение подчеркнуты и в законодательном определении оперативно-розыскной деятельности.

Рассматриваемый принцип содержит положения хотя и противоположные, автономные по содержанию, но не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга. Выполнение одного не вызывает обязательность исполнения или исключения другого. ОРД в содержательной части предпола-

гает проведение достаточно обширного перечня оперативно-розыскных мероприятий, характер и сочетание которых диктуются конкретными условиями и законодательными границами. Их проведение может быть как гласным, открытым для лиц, в отношении которых они проводятся, так и негласным, тщательно скрываемым от вышеуказанных лиц.

В законодательной формулировке анализируемого принципа употреблены термины «методы» и «средства».

Под методом ОРД понимается совокупность приемов и способов, применяемых для решения оперативно-тактических задач в процессе практической реализации оперативно-розыскных мероприятий.

Средствами ОРД являются объекты, предметы материального мира, при помощи которых обеспечивается осуществление оперативно-розыскной функции.

В процессе деятельности субъектов ОРД методы могут использоваться либо самостоятельно, либо в сочетании со средствами, обеспечивающими их проведение и результативность. На практике может проводиться комплекс оперативно-розыскных мероприятий, одни из которых могут быть как гласными, так и негласными, а другие носить только негласный характер.

Оперативно-розыскная деятельность взаимосвязана с уголовным процессом, поэтому проведение оперативно-розыскных мероприятий может быть негласным, но полученные оперативным путем фактические данные или сведения о них должны быть использованы для подготовки и проведения уголовно-процессуальных действий, по определению являющихся гласными. В то же время проведение следственных действий допускается в сочетании с параллельно проводимыми оперативно-розыскными мероприятиями, в том числе и негласными [4, с. 91].

Сочетанием гласных и негласных средств и методов обеспечиваются результативность оперативно-розыскной деятельности, конспирация, зашифровка негласных источников информации, проверка достоверности полученной оперативной информации, правильность принимаемых решений, а также обоснованность выдвигаемых версий [1, с. 34].

Статья 5 Закона об ОРД отражает перечень только основных принципов ОРД. Следует отметить, что этот перечень не является исчерпывающим. Ведомственные нормативные правовые акты содержат куда более широкий круг принципов в зависимости от специфики органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Эти принципы составляют еще один вид – специальные. Однако только Закон об ОРД устанавливает единый ряд принципов, обязательных к соблюдению всеми оперативными подразделениями как органов внутренних дел, так и органов государственной безопасности, органов пограничной службы и др.

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 281 с.
2. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И.И. Бранчель [и др.] ; под ред. А.И. Шведа. – Минск : Тетралит, 2014. – 349 с.
3. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.
4. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. В.Б. Рущайло. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Лань, 2000. – 560 с.

УДК 347.775

А.М. Бокшиц, выпускница магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук, профессор
Д.А. Колбасин

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Пашкеев*

ПРИЗНАКИ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются признаки коммерческой тайны по законодательству Республики Беларусь. Проводится анализ требований к информации, относящейся к категории «коммерческая тайна».

В условиях конкурентного рынка информация приобрела положение самостоятельного объекта отношений, возникающих в данной сфере. Обладание необходимой информацией во многом обеспечивает успешность коммерческой деятельности организации. Владение информацией всегда давало преимущества той стороне, которая располагала более точными и обширными сведениями. Причем обладатели часто стремились сохранить важные сведения в тайне.

Перед принятием мер по установлению режима коммерческой тайны будущему ее владельцу необходимо определиться с тем, какие сведения, которыми он обладает, могут охраняться как коммерческая тайна.

Из приведенного в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» (далее – Закон) определения следует, что в режиме коммерческой тайны могут охраняться сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие содержащимся в Законе требованиям, в отношении которых лицом, правомерно обладающим указанными сведениями, этот режим установлен.

Закон устанавливает несколько критериев, соответствие которым является условием охраны информации как коммерческой тайны. Согласно ст. 5 Закона режим коммерческой тайны может быть применен в отношении сведений, которые одновременно соответствуют следующим критериям [1]:

первый критерий – информация (сведения) не должна быть общеизвестной;

второй критерий – информация (сведения) не должна быть легкодоступной третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобного рода информацией;

третий критерий – информация (сведения) должна иметь коммерческую ценность для своего обладателя в силу ее неизвестности третьим лицам;

четвертый критерий – информация (сведения) не должна быть объектом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности;

пятый критерий – информация (сведения) не должна быть отнесена в установленном порядке к государственным секретам (т. е. информация не должна являться не только государственной тайной, но и служебной тайной [2]).

Перечисленные выше требования дополняют понятие «коммерческая тайна», так как отражают его суть и позволяют отграничить данную категорию от других видов конфиденциальной информации.

Категория «общеизвестный» применительно к определенным сведениям означает их распространенность, «легкодоступность» – возможность получения заинтересованным лицом без значительных затрат времени и средств. В Законе используется критерий относительной неизвестности и недоступности информации, составляющей коммерческую тайну, при этом использование понятия «круг лиц, которые обычно имеют дело с подобного рода сведениями» может ограничить круг этих лиц субъектами, находящимися в конкурентных отношениях с владельцем коммерческой тайны [1].

Даже если информация стала известной неограниченному кругу лиц в результате чьих-либо неправомерных действий, то и в этом случае она автоматически утрачивает статус коммерческой тайны, поскольку лишается одного из необходимых критериев – отсутствия свободного доступа к информации.

К коммерческой тайне относятся сведения, представляющие интерес для третьих лиц, которые могли бы получить определенную выгоду, если бы они этой информацией обладали (под третьими лицами в данном случае следует понимать только лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, поскольку именно они, во-первых, являются

субъектами права на коммерческую тайну, а во-вторых, могут получить экономическую выгоду от получения или использования такой информации). Хотя это условие может выполняться не всегда.

Информация имеет коммерческую ценность только в том случае, когда обладание ею позволяет ее владельцу при определенных обстоятельствах (существующих либо возможных): увеличить доходы; сократить расходы; сохранить положение на рынке товаров, работ или услуг; получить другую коммерческую выгоду.

Если же информация не представляет коммерческой ценности для ее обладателя, она не может относиться к коммерческой тайне. В литературе, посвященной вопросу о коммерческой тайне, указывается, что в отношении сохранения тайны должно быть наличие оправданного экономического интереса. На это указывалось еще в литературе начала XX в., а именно, что охрана тайны допустима постольку, поскольку с ее сохранением сопряжен какой-либо защищаемый правом интерес. В сфере промышленной тайны этот интерес имеет характер имущественного [3].

Указание на то, что в режиме коммерческой тайны не могут охраняться сведения, являющиеся объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, необходимо для разграничения сферы действия законодательства о коммерческой тайне и права интеллектуальной собственности: в режиме коммерческой тайны не может охраняться информация, которая выражена в охраняемых объектах авторского или патентного права [1].

В п. 2 ст. 140 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где раскрывается определение нераскрытой информации, в отношении которой может быть установлен режим коммерческой тайны, приведены также вышеуказанные критерии. Правда, применительно к требованию о том, что информация (сведения) не должна быть объектом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, нельзя все-таки не отметить, что поскольку в п. 2 ст. 140 ГК Республики Беларусь речь идет не о коммерческой тайне как таковой, а о нераскрытой информации, которая, для того чтобы быть таковой, должна составлять коммерческую тайну или служебную тайну, то стоит обратить внимание, что указанный критерий может не характеризовать коммерческую тайну как таковую, в силу чего в состав коммерческой тайны могут входить и отдельные исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые не имеют иного способа защиты, кроме защиты через механизм коммерческой тайны [2].

Отнесение сведений к государственным секретам означает автоматическое прекращение их охраны в режиме коммерческой тайны.

Категории сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, названы в ст. 6 Закона. К ним относятся сведения:

содержащиеся в учредительных документах юридического лица, а также внесенные в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

содержащиеся в документах, дающих право на осуществление предпринимательской деятельности;

являющиеся врачебной, адвокатской, банковской, налоговой или иной охраняемой законом тайной;

о недвижимом имуществе, правах и ограничениях (обременениях) прав на недвижимое имущество, содержащиеся в едином государственном регистре недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним;

о составе имущества государственных юридических лиц и юридических лиц, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству;

об использовании средств республиканского и (или) местных бюджетов;

о состоянии окружающей среды, противопожарной безопасности, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановки, безопасности пищевых продуктов и других факторах, оказывающих или способных оказать негативное воздействие на обеспечение безопасного функционирования производственных объектов, безопасности каждого гражданина и населения в целом;

о подлежащих уплате суммах налогов, сборов (пошлин) и других обязательных платежей;

о численности и составе работников, об условиях и охране труда, о показателях производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а также о наличии свободных рабочих мест (вакансий);

о задолженности нанимателей по выплате заработной платы и по социальным выплатам;

о нарушениях законодательства и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений;

об условиях аукционов (конкурсов) по продаже объектов приватизации и конкурсов по передаче принадлежащих Республике Беларусь или ее административно-территориальной единице акций открытых акционерных обществ в доверительное управление, в том числе с правом выкупа части этих акций по результатам доверительного управления, а также о проданных объектах приватизации, об условиях их продажи и о покупателях;

о финансовом состоянии лица, предоставляемые в соответствии с требованиями законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве).

Приведенный перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, является открытым, однако Закон допускает возможность его расширения только на уровне иных законодательных актов. Это означает, что дополнительные изъятия из сферы действия коммерческой тайны могут быть предусмотрены иным законом, а также указом или декретом Президента Республики Беларусь [1].

Обобщая изложенное, нельзя не подчеркнуть то обстоятельство, что правовое явление «коммерческая тайна» получается достаточно широко распространенным, в связи с чем очень важным представляется месторасположение коммерческой тайны в системе объектов гражданского права Республики Беларусь.

Учитывая вышеприведенную информацию, согласно Закону можно охарактеризовать коммерческую тайну как сведения, соответствующие требованиям Закона, в отношении которых установлен режим, предусмотренный Законом. Такое определение никоим образом не раскрывает сущность понятия коммерческая тайна, а только позволяет сказать, что законодатель ушел от четкости определения, а, следовательно, само понятие коммерческая тайна стало менее понятным обывателю.

Информация, содержащая коммерческую тайну, определяется предприятиями самостоятельно, из специфики своей хозяйственной деятельности. Главный признак конфиденциальной коммерческой информации – ее ценность для конкурентов.

Вышеизложенные признаки (критерии) коммерческой тайны не способствуют в полной мере ее защите и обеспечению сохранности. Улучшению сложившейся ситуации послужило бы отнесение к признакам коммерческой тайны критерия действительной или потенциальной коммерческой ценности.

На сегодняшнем этапе развития общества защита информационной сферы, обеспечение ее безопасности – одно из важнейших направлений политики любого государства. Институт тайны является одним из важнейших составляющих системы информационной безопасности государства. Он представляет собой комплексное социально-правовое явление, охватывающее широкий круг общественных отношений, возникающих в различных сферах деятельности личности, общества, государства. Подробная регламентация этого института в уголовном законодательстве государства является свидетельством его приоритетной защиты. Однако правовая защита тайны невозможна без научного исследования этого института, выявления его особенностей и характеристик.

1. Лосев, С.С. Организация охраны коммерческой тайны на предприятии : практ. пособие [Электронный ресурс] : [по состоянию на 10.09.2013 г.] / С.С. Ло-

сев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Функ, Я.И. Коммерческая тайна, нераскрытая информация: сходство и отличие [Электронный ресурс] : [по состоянию на 19.02.2014 г.] / Я.И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Рязов, Н.В. Законодательство о коммерческой тайне: что изменилось? / Н.В. Рязов // Юрид. мир. – 2013. – № 2. – С. 16–25.

УДК 340.63

А.В. Веремеенко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент
С.Н. Чигирь

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мережко*

РАССТРОЙСТВА ЛИЧНОСТИ (ПСИХОПАТИИ) И ИХ ФОРМЫ: ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ СИМПТОМЫ.

Рассматривается проблема выявления лиц, имеющих расстройство, а также симптомы, по которым можно определить болезнь. Выясняются причины заболевания, а также формы, в которых проявляется расстройство личности.

Расстройства личности представляют собой комплекс глубоко укоренившихся ригидных и дезадаптивных личностных черт, обуславливающих специфическое восприятие и отношение к себе и к окружающим, снижение социального приспособления и, как правило, эмоциональный дискомфорт и субъективный дистресс. Они возникают чаще всего в подростковом или даже в детском возрасте, причем каждый тип расстройства имеет свой характерный возраст формирования. С начала своего возникновения эти дезадаптивные личностные черты уже не имеют очерченности во времени и пронизывают весь период взрослой жизни. Их проявления не ограничиваются каким-либо аспектом функционирования, а затрагивают все сферы личности – эмоционально-волевую, мышление, стиль межличностного поведения.

Основными диагностическими критериями расстройства личности служат:

тотальность патологических черт характера, которые проявляются в любой обстановке (дома, на работе);

стабильность патологических черт, которые выявляются в детском возрасте и сохраняются до периода зрелости;

социальная дезадаптация, являющаяся следствием именно патологических черт характера, не обусловленная неблагоприятными условиями среды.

Расстройства личности встречаются у 6–9% населения. Их происхождение в большинстве случаев неоднозначно. В развитии расстройств играет роль патологическая наследственность (прежде всего алкоголизм, психические заболевания, расстройства личности у родителей), разного рода экзогенно-органические воздействия (черепно-мозговые травмы и другие негрубые повреждения мозга в возрасте до 3–4 лет, а также пре- и перинатальные нарушения), социальные факторы (неблагоприятные условия воспитания в детстве в результате потери родителей или воспитание в неполной семье, с родителями, не уделяющими внимание детям, больными алкоголизмом, асоциальными личностями, имеющими неверные педагогические установки) [1].

Рассмотрим классификацию расстройств личности (психопатий) по П.Б. Ганнушкину.

1. Астенический тип. Для психопатических личностей этого круга характерны с детства повышенная робость, стеснительность, нерешительность, впечатлительность. Особенно теряются они в незнакомой обстановке и новых условиях, испытывая при этом чувство собственной неполноценности. Повышенная чувствительность, «мимозность» проявляется в отношении как психических раздражителей, так и физических нагрузок. Довольно часто они не выносят вида крови, резких перепадов температуры, болезненно реагируют на грубость и бестактность, но их реакция недовольства может выражаться в молчаливой обидчивости или брюзжании. У них часто бывают различные вегетативные расстройства: головные боли, неприятные ощущения в области сердца, желудочно-кишечные нарушения, потливость, плохой сон. Они быстро истощаемы, склонны к фиксации на своем самочувствии.

2. Психастенический тип. Личностям этого типа свойственны выраженная стеснительность, нерешительность, неуверенность в себе и склонность к постоянным сомнениям. Психастеники легко ранимы, застенчивы, робки и вместе с тем болезненно самолюбивы. Для них характерно стремление к постоянному самоанализу и самоконтролю, склонность к абстрактным, оторванным от реальной жизни логическим построениям, навязчивым сомнениям, страхам. Для психастеников трудны любые перемены в жизни, нарушение привычного уклада (смена работы, места жительства и т. д.), это вызывает у них усиление неуверенности и тревожных опасений. Вместе с тем они исполнительные, дисциплинированные, нередко педантичны и назойливы. Они могут быть хорошими заместителями, но никогда не могут работать на

руководящих должностях. Необходимость принятия самостоятельного решения и проявления инициативы для них губительны. Высокий уровень притязаний и отсутствие чувства реальности способствуют декомпенсации таких личностей.

3. Шизоидный тип. Личности этого типа отличаются замкнутостью, скрытностью, оторванностью от реальности, склонностью к внутренней переработке своих переживаний, сухостью и холодностью в отношениях с близкими людьми. Для шизоидных психопатов характерна эмоциональная дисгармония: сочетание повышенной чувствительности, ранимости, впечатлительности – если проблема лично значима, и эмоциональной холодности, непробиваемости в плане чужих проблем («дерево и стекло»). Такой человек отрешен от действительности, его жизнь направлена на максимальное самоудовлетворение без стремления к славе и материальному благополучию. Увлечения его необычны, оригинальны, «нестандартны». Среди них много лиц, занимающихся искусством, музыкой, теоретическими науками. В жизни их обычно называют чудаками, оригиналами. Их суждения о людях категоричны, неожиданны и даже непредсказуемы. На работе они часто неуправляемы, так как трудятся, исходя из собственных представлений о ценностях в жизни. В определенных же областях, где требуются художественная экстравагантность и одаренность, нестандартность мышления, символизм, они могут достичь многого. У них нет постоянных привязанностей, семейная жизнь обычно не складывается из-за отсутствия общности интересов. Однако они готовы к самопожертвованию ради каких-то отвлеченных концепций, воображаемых идей. Такой человек может быть абсолютно безразличен к больной матери, но в то же время будет призывать к оказанию помощи голодающим на другом конце света. Пассивность и бездеятельность в решении бытовых проблем сочетается у шизоидных личностей с изобретательностью, предприимчивостью и упорством в достижении особо значимых для них целей (например, научная работа, коллекционирование).

Следует заметить, что не всегда наблюдается подобная клиническая картина. Так, материальное благополучие и власть как средство самоудовлетворения, могут стать основной задачей шизоида. В некоторых случаях шизоид способен использовать свои (хотя порой и не замечаемые другими) уникальные способности, чтобы воздействовать на внешний для него мир. В отношении же деятельности шизоида на рабочем месте следует отметить, что наиболее удачная комбинация наблюдается тогда, когда эффективность работы приносит ему удовлетворение, причем не важно, какого типа деятельностью он занимается (естественно, только в

том случае, если она связана с созданием или, по крайней мере, с восстановлением чего-либо).

4. Параноидный тип. Главной особенностью психопатических личностей этого круга является склонность к образованию сверхценных идей, которые формируются к 20–25 годам. Однако уже с детства им свойственны такие черты характера, как упрямство, прямолинейность, односторонность интересов и увлечений. Они обидчивы, злопамятны, самоуверенны и очень чувствительны к игнорированию их мнения окружающими. Постоянное стремление к самоутверждению, безапелляционная категоричность суждений и поступков, эгоизм и крайняя самоуверенность создают почву для конфликтов с окружающими. С возрастом личностные особенности обычно усиливаются. Застреваемость на определенных мыслях и обидах, ригидность, консервативность, «борьба за справедливость» являются основой для формирования доминирующих (сверхценных) идей, касающихся эмоционально значимых переживаний. Сверхценные идеи, в отличие от бредовых, базируются на реальных фактах и событиях, конкретны по содержанию, однако суждения при этом основаны на субъективной логике, поверхностной и односторонней оценке действительности, соответствующей подтверждению собственной точки зрения. Содержанием сверхценных идей может быть изобретательство, реформаторство. Непризнание достоинств и заслуг параноидальной личности ведет к столкновению с окружающими, конфликтам, которые, в свою очередь, могут стать реальной почвой для суггестивного поведения. «Борьба за справедливость» в таких случаях заключается в бесконечных жалобах, письмах в разные инстанции, судебных разбирательствах. Активность и настойчивость больного в этой борьбе не могут сломить ни просьбы, ни убеждения, ни даже угрозы. Сверхценное значение для подобных личностей могут представлять также идеи ревности, ипохондрические идеи (фиксация на собственном здоровье с постоянным хождением по лечебным учреждениям с требованиями дополнительных консультаций, обследований, новейших методов лечения, не имеющими реального обоснования).

5. Возбудимый тип. Ведущими чертами возбудимых личностей являются крайняя раздражительность и возбудимость, взрывчатость, доходящая до приступов гнева, ярости, причем реакция не соответствует силе раздражителя. После вспышки гнева или агрессивных поступков больные быстро «отходят», сожалеют о случившемся, но в соответствующих ситуациях поступают так же. Такие люди обычно многим недовольны, ищут поводы для придирок, вступают в споры по любому поводу, проявляя излишнюю горячность и стараясь перекричать собеседников. Отсутствие гибкости, упрямство, убежденность в своей правоте

и постоянная борьба за справедливость, сводящаяся в конечном итоге к борьбе за свои права и соблюдение личных эгоистических интересов, приводят к их неуживчивости в коллективе, частым конфликтам в семье и на работе. Одним из вариантов возбудимой психопатии является эпилептоидный тип. Для людей с этим типом личности, наряду с вязкостью, застреваемостью, злопамятностью, характерны такие качества как слащавость, льстивость, ханжество, склонность к употреблению в разговоре уменьшительно-ласкательных слов. К тому же чрезмерный педантизм, аккуратность, властность, эгоизм и преобладание мрачного угрюмого настроения делают их невыносимыми в быту и на работе. Они бескомпромиссны — либо любят, либо ненавидят, причем окружающие, особенно близкие люди, обычно страдают как от их любви, так и от ненависти, сопровождаемой мстительностью. В некоторых случаях на первый план выступают нарушения влечений в виде злоупотребления алкоголем, наркотиками (снимают напряжение), стремления бродяжничать. Среди психопатов этого круга встречаются азартные игроки и запойные пьяницы, сексуальные извращенцы и убийцы.

6. Истерический тип. Для истерических личностей наиболее характерна жажда признания, т. е. стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих. Это проявляется в их демонстративности, театральности, преувеличении и приукрашивании своих переживаний. Поступки таких личностей рассчитаны на внешний эффект. Они стремятся поразить окружающих, например, необычно ярким внешним видом, бурностью эмоций (восторги, рыдания, заламывания рук), рассказами о необыкновенных приключениях, нечеловеческих страданиях. Иногда больные, чтобы обратить на себя внимание, не останавливаются перед ложью, самооговорами, например, приписывают себе преступления, которых не совершали. Таких называют патологическими лгунами. Для истерических личностей характерен психический инфантилизм (незрелость), что проявляется и в эмоциональных реакциях, и в суждениях, и в поступках. Их чувства поверхностны, неустойчивы. Внешние проявления эмоциональных реакций демонстративны, театральны, не соответствуют вызвавшей их причине. Для них характерны частые колебания настроения, быстрая смена симпатий и антипатий. Истерические типы отличаются повышенной внушаемостью и самовнушаемостью, поэтому постоянно играют какую-то роль, подражают поразившей их личности. Если такой пациент попадает в больницу, то он может копировать симптомы заболеваний других больных, находящихся вместе с ним в палате. Истерическим личностям свойствен художественный тип мышления. Суждения их крайне противоречивы, часто не имеют под со-

бой реальной почвы. Вместо логического осмысления и трезвой оценки фактов их мышление основано на непосредственных впечатлениях и собственных выдумках и фантазиях. Психопаты истерического круга нередко достигают успехов в творческой деятельности или научной работе, так как им помогают необузданное стремление быть в центре внимания, эгоцентризм.

7. Аффективный тип. К нему относятся личности с различным, конституционально обусловленным уровнем настроения. Лица с постоянно пониженным настроением составляют группу гипотимных (депрессивных) психопатов. Это всегда мрачные, унылые, всем недовольные и малообщительные люди. В работе они излишне добросовестны, аккуратны, исполнительны, так как во всем готовы видеть осложнения и неудачи. Для них характерны пессимистическая оценка настоящего и соответствующий взгляд на будущее в сочетании с пониженной самооценкой. Они чувствительны к неприятностям, способны к сопереживанию, но чувства свои пытаются скрыть от окружающих. В беседе сдержанны и немногословны, боятся высказать свое мнение. Им кажется, что они всегда неправы, ищут во всем свою виновность и несостоятельность. Гипертимные личности, в отличие от гипотимных, отличаются постоянно повышенным настроением, активностью и оптимизмом. Это общительные, оживленные, говорливые люди. В работе они предприимчивы, инициативны, полны идей, но их склонность к авантюризму и непоследовательность вредят в достижении поставленной цели. Временные неудачи не огорчают их, они с неутомимой энергией берутся вновь за дело. Чрезмерная самоуверенность, переоценка собственных возможностей, деятельность на грани закона часто осложняют их жизнь. Такие личности бывают склонны ко лжи, необязательности при исполнении обещаний. В связи с повышенным сексуальным влечением бывают неразборчивы в знакомствах, вступают в опрометчивые интимные связи. Лица с эмоциональной неустойчивостью, т. е. с постоянными колебаниями настроения, относятся к циклоидному типу. Настроение их изменяется от пониженного, грустного, до повышенного, радостного. Периоды плохого или хорошего настроения разной продолжительности, от нескольких часов до нескольких дней, даже недель. Их состояние и активность изменяются в соответствии с переменной настроения.

8. Неустойчивый (безвольный) тип. Это люди, отличающиеся повышенной подчиняемостью внешним влияниям, слабовольные, легко внушаемые, «бесхарактерные» личности, легко поддающиеся влиянию других людей. Вся их жизнь определяется не целевыми установками, а внешними, случайными обстоятельствами. Они нередко попадают в дурную компанию, спиваются, становятся наркоманами, мошенниками.

На работе такие люди необязательны, недисциплинированы. С одной стороны, они всем дают обещания и стараются угодить, но малейшие внешние обстоятельства выбивают их из колеи. Они постоянно нуждаются в контроле, авторитетном руководстве. В благоприятных условиях они могут хорошо работать и вести правильный образ жизни [1].

Одной из основных является когнитивная классификация расстройств личности, в которой выделяют девять когнитивных профилей и соответствующих расстройств.

Рассмотрим наиболее характерные.

1. Параноидное расстройство личности. Для страдающего данным расстройством человека характерна тенденция приписывать окружающим злые намерения; склонность к образованию сверхценных идей, самой важной из которых является мысль об особом значении собственной личности. Сам больной редко обращается за помощью, а если его направляют родственники, то при беседе с врачом он отрицает проявление расстройств личности.

Такие люди чрезмерно чувствительны к критике, постоянно кем-то недовольны. Подозрительность и общая тенденция к искажению фактов путем неверного истолкования нейтральных или дружеских действий окружающих в качестве враждебных нередко приводят к необоснованным мыслям о заговорах, субъективно объясняющих события в социальном окружении.

2. Шизоидное расстройство личности. Характеризуется замкнутостью, необщительностью, неспособностью к теплым эмоциональным отношениям с окружающими, сниженным интересом к сексуальному общению, склонностью к аутистическому фантазированию, интровертированностью установок, затруднением в понимании и усвоении общепринятых норм поведения, что проявляется в эксцентричных поступках. Страдающие шизоидными расстройством личности обычно живут своими необычными интересами и увлечениями, в которых могут достигать больших успехов. Для них часто характерна увлеченность различными философиями, идеями усовершенствования жизни, схемами построения здорового образа жизни за счет необычных диет или спортивных занятий, особенно если для этого не надо непосредственно иметь дело с другими людьми. У шизоидов может оказаться достаточно высоким риск пристрастия к наркотикам или алкоголю с целью получения удовольствия или улучшения контактов с окружающими людьми.

3. Диссоциальное расстройство личности. Характеризуется обращающим на себя внимание грубым несоответствием между поведением и господствующими социальными нормами. Больные могут обладать специфическим поверхностным шармом и производить впечатление (чаще на врачей противоположного пола).

Основная черта – стремление непрерывно получать удовольствие, максимально избегая труда. Начиная с детского возраста их жизнь представляет собой богатую историю асоциальных поступков: лживость, прогулы, побеги из дома, вовлеченность в криминальные группы, драки, алкоголизм, наркомания, воровство, манипулирование окружающими в собственных интересах. Пик антисоциального поведения приходится на поздний подростковый возраст (16–18 лет).

4. Истерическое расстройство личности. Характеризуется чрезмерной эмоциональностью и стремлением к привлечению внимания, которые проявляются в различных жизненных ситуациях. Распространенность истерического расстройства личности в популяции составляет 2–3 %, с преобладанием у женщин. Часто оно сочетается с соматизированным расстройством и алкоголизмом. Перечислим основные черты, характерные для данного расстройства: поиск внимания окружающих к себе, непостоянство в привязанностях, капризность, непреодолимое стремление всегда быть в центре внимания, вызывать к себе сочувствие или удивление (неважно по какому поводу). Последнее может достигаться не только экстравагантным внешним видом, хвастовством, лживостью, фантазерством, но и наличием у них «таинственных болезней», которые могут сопровождаться выраженными вегетативными пароксизмами (спазмы, ощущение удушья при волнении, тошнота, афония, онемение конечностей и другие расстройства чувствительности). Самое непереносимое для больных – равнодушие со стороны окружающих, в этом случае предпочитается даже роль «отрицательного героя».

5. Обсессивно-компульсивное расстройство личности. Таким людям свойственны озабоченность порядком, стремление к совершенству, контролю над психической активностью и межличностными отношениями в ущерб собственной гибкости и продуктивности. Все это значительно сужает их приспособительные возможности к окружающему миру. Больные лишены одного из важнейших механизмов приспособления к окружающему миру – чувства юмора. Всегда серьезные, они нетерпимы ко всему, что угрожает порядку и совершенству.

Постоянные сомнения в принятии решений, вызванные страхом совершить ошибку, отравляют им радость от работы, но тот же страх мешает им сменить место деятельности. В зрелом возрасте, когда становится очевидным, что достигнутый ими профессиональный успех не соответствует первоначальным ожиданиям и приложенным усилиям, повышен риск развития депрессивных эпизодов и соматоформных расстройств.

6. Тревожное (уклоняющееся, избегающее) расстройство личности. Им свойственно ограничение социальных контактов, ощущение собственной неполноценности и повышенная чувствительность к негатив-

ным оценкам. Уже в раннем детстве эти пациенты характеризуются как чрезмерно робкие и застенчивые, они искаженно воспринимают отношение к себе, преувеличивая его негативность, а также риск и опасность повседневной жизни. Им трудно говорить на публике или просто обратиться к кому-то. Потеря социальной поддержки может привести к тревожно-депрессивной и дисфорической симптоматике.

7. Нарциссическое расстройство личности. Наиболее отчетливо проявляющиеся с подросткового возраста представления о собственном величии, потребности в восхищении со стороны окружающих и невозможность переживания. Человек не допускает, что может стать объектом критики – он либо безразлично ее отрицает, либо приходит в ярость. Следует подчеркнуть черты, занимающие особое место в психической жизни человека с нарциссическим расстройством личности: необоснованное представление о своем праве на привилегированное положение, автоматическое удовлетворение желаний; склонность эксплуатировать, использовать других для достижения собственных целей; зависть к окружающим или убеждение в завистливом к себе отношении [2].

1. Пограничная психическая патология в общемедицинской практике / сост. А.Б. Смудевич. – М. : Рус. врач, 2000. – 160 с.

2. Репина, Н.В. Основы клинической психологии / Н.В. Репина, Д.В. Воронцов, И.И. Юматова. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 214 с.

УДК 340.63

А.А. Водопьян, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент

С.Н. Чигирь

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мережко*

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Рассматриваются факторы, предрасполагающие к семейному насилию, и влияние семейного насилия на психическое здоровье детей и подростков.

Важность рассматриваемой темы заключается в том, что насилие является одним из самых распространенных видов социальных девиаций, нарушений как морально-ценностной, так и нормативной системы общества [1]. Социологи указывают, что насилие – это применение силы

либо разного рода угроз в отношении социального субъекта с целью запугивания и принуждения к определенным действиям [2]. Юридическое определение этого термина подразумевает либо физическое воздействие (телесные повреждения), либо психическое (вербальная угроза [3]. С точки зрения медицины термин «насилие» имеет также четкую взаимосвязь с нанесением физического ущерба. Современное законодательство определяет четыре формы физического ущерба: физические повреждения, не причиняющие вред здоровью, повреждения легкой степени тяжести, средней степени тяжести и тяжелый вред здоровью. Исследования, проведенные в зарубежных странах, также подчеркивают, что чаще всего жестокое обращение с детьми не выходит за рамки повреждений, не несущих серьезного вреда здоровью. Приводимые данные распространенности насилия в отношении подростков, по мнению ряда авторов (социологов, психологов и криминологов), являются неполными и отражают только частичную картину в связи с недостатками системы здравоохранения и нормативной правовой базы, вследствие чего значительная часть подобных преступлений остается латентной. Среди причин роста семейного насилия и толерантного отношения к нему общества на территории выделяют ряд причин. Важной из них является нестабильная обстановка в обществе, в том числе вследствие проводимых преобразований, а также изменения структуры общества и потеря господствующей идеологии. Наиболее значимыми последствиями подобных изменений является кризис института семьи, нарушение его функционирования, что приводит к дисгармоничным семейным отношениям [4]. Многие исследователи среди наиболее весомых причин семейного насилия называют традиционную закрытость семьи, стремление всеми возможными способами скрыть от окружающих неблагополучную ситуацию в семье, даже в том случае, когда она принимает формы, угрожающие здоровью детей. Данный феномен указывается как латентность насилия, т. е. стремление его жертв и сторонних свидетелей скрыть факт насилия от общества, исключить его огласку и судебное преследование. Также важную роль играют определенные патриархальные традиции в воспитании, которые относят семейное насилие к допустимым воспитательным мерам даже в том случае, когда оно несет вред здоровью ребенка [5]. Важное место в низком уровне выявления случаев жестокого обращения занимает ошибочное представление о том, что оно присуще исключительно неблагополучным семьям, т. е. имеющим явные социальные проблемы, такие как алкогольная или наркотическая зависимость родителей, финансовые затруднения, проблемы с законом. Однако семейное насилие осуществляется и в так называемых благопо-

лучных семьях, члены которых имеют высшее образование, достаточный материальный уровень и высокое социальное положение. Современные исследования показывают, что насилие в школьном возрасте оказывает негативное воздействие на психическое здоровье детей и подростков. Иностранцы исследователи проводят прямую параллель между развитием депрессивных и тревожных расстройств в детском и подростковом возрасте и насилием в семье, особенно физическим. Современные российские и зарубежные криминологи подчеркивают взаимосвязь между семейным насилием и ростом преступности, в том числе подростковой. С их точки зрения, насилие в детском и подростковом возрасте ведет к трудностям в социализации ребенка, сложностям в усвоении существующих морально-этических норм, вследствие чего оно воспринимается ими не как нечто чуждое, а как допустимая модель поведения [6].

В отношении ребенка выделяются четыре основные формы насилия: физическое, сексуальное, психическое, социальное [7]. К.И. Чудакова указывает, что физическое насилие – это преднамеренное нанесение физических повреждений ребенку, которое может причинить ущерб его здоровью, нарушить его дальнейшее развитие и в крайнем случае лишить его жизни [8]. К физическому насилию также относится приобщение ребенка к употреблению наркотиков, алкоголя, отравляющих веществ или «медицинских» препаратов, которые вызывают одурманивание. Сексуальное насилие – это когда ребенка вовлекают с его согласия и без такового в сексуальные действия, а также в проституцию и порнобизнес. Согласие ребенка на сексуальный контакт не дает основания считать его ненасильственным, поскольку ребенок еще не способен предвидеть все негативные последствия таких действий. Психическое насилие – это периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на ребенка, а также предъявление ребенку требований, которые не соответствуют его возрастным возможностям и могут тормозить его дальнейшее развитие личности и привести к формированию психологических комплексов. Социальное насилие происходит тогда, когда пренебрегают интересами и нуждами ребенка. О нем не заботятся и не удовлетворяют его основные потребности (питание, одежда, жилье, образование, медицинская помощь). В результате у ребенка может нарушиться эмоциональное состояние, появляется угроза здоровью и нормальному развитию. Насилие в отношении ребенка относится к сфере профессионального интереса психологии, юриспруденции и социальной работы. Ребенок, переживший насилие, будет нуждаться в помощи специалиста. Насилие, которое ребенок пережил, может быть скрытой причиной трудностей, с которыми клиент обращается к специалисту,

а также, если вовремя не обратиться за помощью, это может негативно сказаться на его дальнейшем развитии [9]. Специфика травмирующего влияния насилия на психику ребенка заключается в том, что насильником является член семьи ребенка, совершающий жестокое действие по отношению к конкретному ребенку с целью нанесения вреда именно ему. Поэтому ребенок, подвергшийся насилию, становится жертвой в самом полном смысле этого слова. Т.М. Журавлева, Т.Я. Сафонова, Е.И. Цымбал, Х. Вильфинг, Г. Паренс описывают основные виды и последствия жестокого обращения с детьми, анализируют особенности оказания психологической и правовой помощи таким детям. Уязвимость подростков к насилию объясняется их физической, психической и социальной незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны или воспитатели [10]. Особенности переживания подростками насилия затрагиваются такими авторами, как А. Гуггенбуль, Э. Дюркгейм, А.Н. Buss, D. Olweus и А.Н. Дрожевец, который освещает тему насилия в семье в попытке ответить на вопрос, каковы механизмы совладения с кризисом используются людьми в попытке самостоятельно преодолеть его последствия. В.В. Королев отмечает, что насилие, которое пережил ребенок в семье, может оказать огромное влияние на все его дальнейшее развитие и затронуть не только эмоциональную, но и интеллектуальную и поведенческие сферы. Если ребенок растет в неблагоприятных для него психологических условиях, то он сильно отстает в росте от своих сверстников и имеет задержку психологического развития [11]. У ребенка, подвергшегося насилию в семье, может развиваться «комплекс неполноценности», он склонен к уединениям, фантазиям, а также к агрессии и антисоциальному поведению. При этом агрессия может быть направлена как против других, так и против себя. О.А. Кравцова указывает, что подростки, являющиеся очевидцами домашнего насилия, подвергаются повышенному риску приобретения таких эмоциональных и поведенческих проблем, как тревожность, страх, депрессия, плохая учеба, низкая самооценка, ночные кошмары, физическое недомогание [12]. Практически все подростки, по мнению Л.С. Андреевой и В.А. Попова, пострадавшие от физического насилия и пренебрежительного отношения, пережили психическую травму, в результате чего они развиваются с определенными личностными, эмоциональными и поведенческими особенностями, отрицательно влияющими на их дальнейшую жизнь [13]. Различные способы помощи, реабилитации и поддержки подростков, переживших насилие в семье, затрагивают такие авторы, как В.Г. Ромек, В.А. Конторович, Е.И. Крукович, А.Г. Осухова, Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова, Л.Р. Ап-

тикиева, В.Н. Куракина. Жестокое отношение к ребенку, его отвержение в грубой или явной форме и последствия такого отношения живут в виде психотравматических переживаний и трансформируются сначала в комплекс жертвы, а затем агрессию или аутоагрессию. Согласно исследованиям Е.Н. Волковой, у большинства детей, живущих в семьях, в которых применяются тяжелые физические наказания, эмоциональное или иные виды насилия, имеются признаки задержки физического и нервно-психического развития. У них ухудшается память: процессы запоминания и сохранения затруднены, резко возрастает избирательность в запоминании. Внимание становится рассеянным, обедняется речь, часто появляется заикание. Дети значительно хуже успевают в школе, труднее протекают процессы школьной адаптации [14]. Е.В. Бурмистрова, А.Б. Орлов, Н.Ю. Синягина, Т.Ю. Райфшнайдер рассматривают данный вопрос с точки зрения предупреждения кризисных ситуаций в образовательной среде. С.Б. Николаева отмечает, что независимо от вида и характера насилия у детей могут наблюдаться различные заболевания, которые относятся к психосоматическим: ожирение или, наоборот, резкая потеря веса, что обусловлено нарушениями аппетита. При физическом насилии у детей развиваются такие нервно-психические заболевания, как тики, заикание, энурез (недержание мочи), энкопрез (недержание кала), некоторые дети повторно поступают в отделения неотложной помощи по поводу случайных травм, отравлений [15]. В исследовании Т.Я. Сафоновой и Е.И. Цымбал отмечается, что подростки, подвергшиеся различного рода насилию, сами испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту детей или животных [16]. Среди таких подростков даже во взрослом состоянии отмечается высокая частота депрессий. Это проявляется в приступах беспокойства, безотчетной тоски, чувстве одиночества, в нарушениях сна. В старшем возрасте у подростков могут наблюдаться попытки покончить с собой или завершённые самоубийства [17].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что насилие как преднамеренное применение физической силы или власти является не только значительной социальной проблемой, но и вопросом, требующим профессионального внимания психологов и социальных работников. Переживания последствий у подростков, подвергшихся насилию в семье, приводят к серьезным трудностям социализации, развития, сохранения психологического здоровья. Как показывают результаты исследований, у данной группы подростков нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, по причине низкой самооценки, также сужена временная перспектива, меняются смысловые связи, что приводит к угрозе здоровью и нормальному развитию. Реше-

ние своих проблем подростки – жертвы, как правило, физического, социального и психологического насилия – часто находят в криминальной, асоциальной среде, а это сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия. Психологическую помощь и реабилитацию подростков, переживших насилие в семье необходимо осуществлять через работу с будущим, построением жизненных перспектив, позволяющих выделить новые смысловые связи с окружающими.

1. Анисимова, С.Г. Дети, подростки, насилие: девиантологический дискурс [на материалах республики Саха (Якутия)] / С.Г. Анисимова, Е.Ю. Колбина // Науч. проблемы гуманит. исслед. – 2011. – № 11. – С. 175–182.

2. Социологический энциклопедический словарь / под ред. В.Г. Осипова. – М., 1999. – 194 с.

3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/208782>. – Дата доступа: 26.10.2016.

4. Мирошниченко, В.Н. Функциональная трансформация института семьи в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В.Н. Мирошниченко. – Ростов-н/Д, 2007. – 26 с.

5. Попова, И.В. Опыт исследования проблемы семейного насилия / И.В. Попова // Науч. диалог. – 2012. – № 4. – С. 124–135.

6. Комарницкий, А.В. Степень криминогенной виктимизации несовершеннолетних в сфере семейных отношений / А.В. Комарницкий // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2. – С. 80–83.

7. Дети и насилие. Материалы Международного семинара «Права ребенка: проблемы насилия над детьми». – Минск : МТС-Пресс, 2013. – 428 с.

8. Чудакова, К.И. Психосоциальная работа с детьми, подвергшимися насилию [Электронный ресурс] / К.И. Чудакова // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1095/10351>. – Дата доступа: 25.10.2016.

9. Мугаджирова, А.М. Медико-социальные проблемы женщин и детей, подвергшихся насилию в семье / А.М. Мугаджирова, Г.Н. Дамаданова // Изв. ДГПУ. – 2013. – С. 45–52.

10. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации : учеб. пособие / Н.М. Платонов, Ю.П. Платонова ; отв. ред. Н.М. Платонов. – СПб. : Речь, 2004. – 154 с.

11. Королев, В.В. Насилие против сотрудников органов внутренних дел и организованная преступность / С.Н. Королев // Орг. терроризм и орг. преступность. – 2002. – № 1. – С. 195–200.

12. Кравцова, О.А. Сексуальное насилие как психологическая травма : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О.А. Кравцова. – М., 2000. – 193 с.

13. Ениколопов, С.Н. Теории сексуального насилия / С.Н. Ениколопов, О.А. Кравцова // Приклад. психол. – 1999. – № 4. – С. 45–53.

14. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е.Н. Волковой. – Н. Новгород : Папирус, 2011. – 248 с.

15. Николаева, С.Б. Насилие над детьми в семье / С.Б. Николаева // Регион. политика. Экономика. – 1999. – № 5. – С. 79–80.

16. Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита / Т.Я. Сафонова [и др.]. – М., 1993. – С. 168–174.

17. Маслова, Т.Р. Наказание детей / Т.Р. Маслова, М.Л. Смагина // Соц. иссл. – 2011. – № 7. – С. 154–161.

УДК 343.3/7

Д.О. Воинов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Д.Л. Харевич

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ИЗГОТОВЛЕНИЮ И ПЕРЕРАБОТКЕ НАРКОТИКОВ

Рассмотрены проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающихся незаконным изготовлением и переработкой наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. Предложены варианты их устранения путем внесения изменений в нормативные правовые акты.

Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права и свободы – это высшая ценность государства и общества. Одновременно одной из задач УК Республики Беларусь является защита человека, его прав, свобод и законных интересов. Поэтому здоровье населения представляет государственный интерес, так как на республиканском и местном уровнях в нашей стране принимаются правовые и организационные меры по защите здоровья общества. В частности, сегодня пристальное внимание уделено борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. В последние годы наблюдается всплеск фактов распространения и употребления наркотиков в немедицинских целях, особенно среди молодежи.

За правонарушения в указанной сфере установлены административная и уголовная ответственность. Так, в УК Республики Беларусь содержится ст. 328, предусматривающая ответственность за незаконное изготовление и переработку наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Указанные деяния наказываются ограниче-

нием свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от двух до пяти лет (ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь), а при наличии признаков, указанных в частях 2–5, – лишением свободы на срок от пяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества или без конфискации. Данные деяния должны быть незаконными, т. е. совершенными в нарушение установленного порядка законного оборота данных средств или веществ без получения соответствующего разрешения (лицензии) на деятельность с ними.

Согласно п. 5 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов – это действия, в результате которых получены наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги либо одни наркотические средства, психотропные вещества, аналоги преобразованы в другие наркотические средства, психотропные вещества, аналоги. В ч. 1 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов понимаются умышленные действия, направленные на получение из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ одного или нескольких готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Согласно п. 15 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» переработка наркотических средств, психотропных веществ, аналогов представляет собой действия, в результате которых происходят очистка от примесей (рафинирование), повышение концентрации наркотических средств, психотропных веществ, аналогов. В ч. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 под незаконной переработкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов понимаются умышленные действия, направленные на рафинирование (очистку от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо на повышение концентрации наркотического средства, психотропного вещества или их аналога.

В ч. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь содержится разъяснение о том, что незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов надлежит квалифицировать как оконченное преступление с начала совершения действий, направленных на получение готовых к ис-

пользованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ.

Проанализируем, как содержание представленного разъяснения отражается на практике привлечения к уголовной ответственности участников незаконного наркооборота. В ситуации, когда действия лица, осуществляющего синтез наркотика, пресекаются сотрудниками правоохранительного органа, возможно выдвижение задержанным защитной версии о том, что его действия были направлены на получение вещества, не являющегося наркотическим средством, психотропным веществом, их прекурсором либо аналогом. При отсутствии поличного в виде наркотика, изъятого у злоумышленника, доказать его вину будет сложно, что с высокой степенью вероятности приведет к его уклонению от привлечения к уголовной ответственности.

В российском законодательстве несколько другой подход. Так, согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 ответственность по ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконное изготовление или незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта как за оконченное преступление наступает с момента получения в значительном размере готовых к использованию и употреблению этих средств или веществ либо в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания.

Проведя анализ данной нормы следует что российский законодатель считает, что для квалификации данного деяния как оконченного преступления требуется соблюдение некоторых условий: значительный размер; наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги должны быть готовы к использованию и употреблению, а также в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания.

Считаем, что незаконное изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов следует квалифицировать как оконченное преступление с момента получения наркотического средства, психотропного вещества либо их аналога независимо от того готово ли оно к потреблению.

В ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», а также ч. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 указано, что незаконная переработка наркотического средства, психотропного вещества или их аналога имеет место при направленности действий на повышение концентрации наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Однако при перера-

ботке многих синтетических курительных смесей часто производится нанесение растворенного в спирте или ином жидком веществе порошкообразного психоактивного концентрата на растительный субстрат [1, с. 40]. При этом происходит уменьшение концентрации исходного психоактивного порошка с целью придания пригодного для потребления вида, поскольку в исходном состоянии применение к человеку концентрата курительной смеси неизбежно вызовет резкие отрицательные последствия для здоровья, вплоть до смерти. Можно утверждать, что общественная опасность данных действий не меньше совершаемых с противоположной целью деяний, направленных на повышение концентрации психоактивного вещества, которые согласно рассматриваемой норме Закона и комментарии Пленума Верховного Суда квалифицируются как переработка. В этой связи полагаем необходимым незаконную переработку наркотического средства, психотропных вещества или их аналога квалифицировать как оконченное преступление с начала совершения действий, направленных на рафинирование, повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ или ее понижение с целью получения готового к потреблению наркотических средств и психотропных веществ.

Считаем целесообразным изменить содержание ч. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 на следующую редакцию: «Незаконное изготовление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов надлежит квалифицировать как оконченное преступление с момента получения наркотического средства, психотропного вещества либо их аналога. Незаконную переработку следует квалифицировать как оконченное преступление с начала совершения действий направленных на рафинирование, повышение концентрации наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, или понижение данной концентрации с целью получения готового к потреблению наркотического средства, психотропного вещества или их аналога».

Необходимыми компонентами для изготовления синтетических наркотиков являются определенные химические вещества, а также лабораторное оборудование. Для многих стран мира данная проблема остро встала еще в 1980-х гг., она была во многом решена с принятием Конвенции ООН 1988 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». В п. 1 (а) IV ст. 3 данной Конвенции указано, что «каждая Страна принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно: ...изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в

Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

Запрет на незаконный оборот материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II Конвенции ООН 1988 г. (прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ), был введен в статьи УК Республики Беларусь 1999 г. Однако данная мера носит неполный характер, поскольку другая необходимая составляющая, требуемая для подпольного изготовления наркотиков – лабораторное оборудование, не было запрещено к обороту.

Хочется отметить что ст. 330 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами. В ее диспозиции указаны такие действия, как «нарушение правил производства, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, либо инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, совершенное лицом, обязанным соблюдать указанные правила, повлекшее по неосторожности утрату или расхищение названных средств, веществ или предметов».

Рассматриваемое деяние совершается в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов. Предметом преступления являются не только наркотические средства, психотропные вещества, вещества, используемые для изготовления данных средств или веществ (прекурсоры), и аналоги, но и инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем. К таким инструментам или оборудованию относятся: заводские и кустарно изготовленные машины и приспособления для таблетирования или ампулирования веществ; автоматические и ручные мешалки субстанций, веществ (не отнесенные к изделиям, входящим в кухонные наборы); полуфабрикаты, пустые ампулы, шприц-тюбики и разных объемов капсулы; приспособления для маркировки ампул, шприц-тюбиков, капсул; устройства кустарные или заводские для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке (не относятся бытовые холодильники), а также устройства для экстракции и перегонки; устройства для фильтрации жидкостей под вакуумом [2, с. 47–48].

Объективная сторона преступления включает: общественно опасное деяние в виде нарушения правил обращения с предметом преступле-

ния; общественно опасные последствия в виде утраты или расхищения предмета преступления; причинную связь между деянием и наступившими последствиями.

Исходя из изложенного, можно понять, что деятельность лиц и организаций, которые оказывают посреднические услуги в форме изготовления или поставки таких инструментов или оборудования и непосредственно не занимаются изготовлением наркотиков, остается ненаказуемой. Между тем такая деятельность может наносить огромный ущерб, поскольку налаженная подпольная лаборатория может в течение непродолжительного времени произвести партию наркотиков, которая удовлетворит незаконный спрос на них в течение нескольких лет [2, с. 48].

В связи с возросшей опасностью широкого распространения деятельности подпольных лабораторий по производству наркотиков, представляется необходимым ввести запрет на оборот инструментов или оборудования для изготовления наркотиков, дополнив ст. 327 и 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь таким предметом преступления, как «инструменты и оборудование, используемые для изготовления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов» [2, с. 49].

1. Наркотики : криминалист. справ. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; сост. Д.Л. Харевич. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 119 с.

2. Харевич, Д.Л. О введении уголовной ответственности за незаконный оборот инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ / Д.Л. Харевич // Юстыцыя Беларусі. – 2006. – № 6. – С. 47–49.

УДК 347.9

Е.В. Гапоненко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Пашкеев

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ПИСЬМЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются проблемы использования электронного документа в качестве письменного доказательства в гражданском процессе Республики Беларусь.

Постиндустриальное (информационное) общество, характеризующееся возрастанием значимости и проникновением информационных технологий во все сферы общественных отношений, требует наличия соответствующей данному этапу развития системы защиты прав. В целях обеспечения эффективных механизмов урегулирования разногласий в условиях нового типа производственных отношений экономически развитые страны внедряют новые технологии в судопроизводство и сферу альтернативного разрешения споров.

Следует отметить, что целесообразность и перспективность использования достижений научно-технического прогресса в сфере защиты прав отмечается на протяжении уже не одного десятка лет. Первые публикации о возможности применения электронных вычислительных машин (ЭВМ) и кибернетических методов в правоприменительной практике появились в середине 1960-х гг. Однако в последующие 30 лет данная проблематика в силу причин объективного характера не привлекла достаточного внимания исследователей и не получила должного развития: немногочисленные публикации (преимущественно в виде небольших по объему статей) в подавляющем большинстве затрагивали вопросы криминалистики и уголовного процесса. Отдельные аспекты использования возможностей ЭВМ в рамках гражданского процесса в целях автоматизации разбирательства были проанализированы в монографии И.Ф. Кузьмина «Общие проблемы права в условиях научно-технического процесса» [цит. по: 1, с. 4].

Развитие информационно-коммуникационных технологий, в том числе внедрение персональных компьютеров во все сферы человеческой деятельности, появление глобальной информационной сети Интернет на территории нашей страны во второй половине 1990-х гг. существенным образом изменили ситуацию. В периодической литературе все чаще стали появляться статьи о целесообразности и перспективности использования возможностей электронного документа, электронной цифровой подписи, электронной почты, глобальной сети в судопроизводстве, в том числе при разбирательстве по гражданским делам.

Электронные документы в последнее время приобретают все большее значение для доказывания в гражданском процессе. Технологии не стоят на месте и это позволяет развивать различные сферы общественной жизни. Совершенствуется электронная торговля, а условия договора сторон могут быть урегулированы с помощью электронной почты, социальных сетей, внедрена система электронного перевода денег.

Вопросы использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе телекоммуникационной сети Интернет, в сфере судебного разрешения споров в отечественной юридической литерату-

ре практически не встречаются: имеется лишь несколько публикаций, основывающихся на зарубежном опыте и носящих ознакомительно-описательный характер.

Как говорилось ранее, под документами законодатель понимает выражение человеческих помыслов через письменные знаки или связанные письменные обозначения. Законодательная и теоретическая дефиниции письменных доказательств, что человеческие помыслы, выраженные неписьменным образом, не относятся к документам. Речь идет о фотографиях, возможных звуко- и грамзаписях, а также иных воспроизводящих мысль приборов. Следует заметить, что все эти результаты неписьменного выражения человеческой мысли являются объектами осмотра. Развитие теории доказательственного права, в частности теории о письменных доказательствах, привело отдельных ученых к мысли, что к документам нужно относить электронные документы и их репродукции [2, с. 117].

Недопустимо закрывать глаза на развитие информационного общества и оставаться в стороне от обсуждения будущего права и процесса, чтобы не «проспать» наступление новой эры, оказавшись неготовыми к приходу чужеродных юридических конструкций [3, с. 3].

Развитие и использование новых технологий в повседневной жизни становится одним из составляющих третьего тысячелетия.

В то же время это не единственная причина переоценки таких традиционных юридических понятий, как «сделка», «документ», «доказательство» и др. В системе управления также происходят существенные изменения. В некоторых зарубежных странах записи, хранящиеся в ЭВМ, используются в качестве доказательств при судебном разбирательстве. В большинстве стран машинные записи принимаются в качестве доказательств только в тех случаях, когда сторона, представляющая запись, устанавливает определенные факты в отношении данной записи и данной электронно-вычислительной системы.

Электронный документооборот в нашей стране приобретает наибольшее распространение при заключении и использовании договоров, сделок.

В Республике Беларусь шагом навстречу к развитию электронного документооборота стало принятие Законов от 10 ноября 2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации», от 28 декабря 2009 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», а также включение соответствующих положений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 192 и 194) и Гражданский кодекс Республики Беларусь.

В законодательстве Республики Беларусь предусмотрена возможность использования средств ЭВМ при подготовке, передаче и подписании документов.

Так, согласно ст. 161 ГК использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронно-цифровой подписи либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и порядке, предусмотренных законодательством или соглашением сторон.

В соответствии со ст. 404 ГК договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

ГК разрешил использование электронных документов, заверенных электронно-цифровой подписью, во всех случаях, когда требуется письменная форма сделки, за исключением тех случаев, при которых установлены специальные требования к форме документа. В тех случаях, когда подобные требования установлены подзаконными актами, для применения электронного документооборота достаточно решения соответствующих органов о возможности использования параллельно с традиционными и электронных документов.

Можно сделать вывод, что результатом реформирования законодательства в нашей стране стала «ассимиляция» электронного и бумажного документов с точки зрения их юридического и доказательственного значения.

Измененные ГПК Республики Беларусь и ГПК Российской Федерации восприняли прежний метод определения письменного доказательства – путем перечисления его отдельных видов. Причем данный список не является исчерпывающим. В частности, в него входят документы, полученные посредством факсимильной, телетайпной, электронной или другой связи, а также документы, подписанные электронной цифровой подписью или иными аналогами собственноручной подписи, при соблюдении условий, указанных в законе, ином нормативном акте или договоре (ст. 194 ГПК).

Использование электронных документов и электронной цифровой подписи в качестве доказательств обусловлено соблюдением требований законодательства.

В законодательстве Республики Беларусь закреплено легальное определение электронного документа и электронной цифровой подписи. Электронный документ – документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность.

Электронный документ на практике и в теории сравнивается с классическими документами на бумажном носителе. Необходимо отметить, что в электронном документе отсутствует один из элементов существенных признаков письменного доказательства – письменной формы.

Следует согласиться с А. Вершининым в том, что «по информации, которая может составлять содержание электронного документа, электронный документ не отличается от информации, которая может составлять содержание иных видов документов, например «бумажных». Однако для проведения различия между электронным документом и иными документами необходимо в содержании понятия указать на специфическую форму существования такой информации в качестве записи на электронном носителе. Именно форма электронного документа и является отличительным признаком по сравнению с другими видами документов» [4, с. 40].

«Функциональной неотъемлемой характеристикой любого документа является его способность хранить и передавать информацию во времени и пространстве о событиях, фактах, правах и обязательствах. Иначе говоря, основной целевой функцией документа является фиксирование сведений, событий, фактов, прав, обязательств и сопутствующих обстоятельств.

Создание любого документа неразрывно связано с применением определенных правовых процессуальных действий и процедур: подготовка текста документа, порядок его подписания, проверка его подлинности, включение идентификационных данных его составителя или подписавшего лица, процессуальные правила использования документа в качестве доказательств в суде, система регистрации подписи (например, образец подписи гражданина в его паспорте, банковские карточки с образцами подписей) и многое другое» [5, с. 92]. Как верно отмечает А. Марченко, «отличие собственно документа от некоторого текста заключается именно в его включенности в правовую систему».

Основное функциональное назначение документа связано с процессом закрепления информации, т. е. технологическим процессом ее фиксации на материальном носителе с целью ее долговременного хранения для последующего употребления и использования в общественных отношениях посредством предъявления, обозрения или передачи документа во времени и пространстве. При этом как материальные носители, так и способы фиксации могут быть самыми разными, важно лишь то, чтобы документы и зафиксированная на них информация могли сохраняться во времени неограниченно долго, а сама фиксация производилась с соблюдением порядка, соответствующего функциональному назначению каждого отдельного документа. Такие требования обеспечивают известную степень защиты документа от возможных подделок и фальсификаций, выявляемых в ходе визуального осмотра и оценки всех имеющихся реквизитов документа [5, с. 92–93].

Электронно-цифровая подпись, используемая при подписании документа, представляет собой последовательность символов, является рек-

визитом электронного документа и предназначена для подтверждения его целостности и подлинности.

Если возникает вопрос об авторстве и подлинности подписи, то назначается экспертиза. В этом случае для суда нет принципиальной разницы в том, следует ли установить подлинность подписи, представленной в электронном виде или в обычном – рукописном. Отличие будет состоять лишь в виде экспертизы, которую необходимо провести при установлении авторства или подлинности подписи.

При наличии разногласий подтверждение целостности и подлинности электронного документа осуществляется путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи и использования открытых ключей лиц, подписавших электронный документ. Электронная цифровая подпись является аналогом собственноручной подписи, а также может применяться как аналог оттиска печати или штампа. Таким образом, возможность использования электронной цифровой подписи для удостоверения электронных документов и наличие процедуры создания бумажных копий (которые имеют одинаковую юридическую силу с подлинником) позволяют электронным документам считаться письменными доказательствами.

Развитие электронного документа тесно связано с перспективами развития института письменных доказательств в гражданском процессе. Это прежде всего связано с особенностями процессуальной деятельности – закрепление процессуальных действий в письменных документах (протоколах, актах). Письменный характер очень обременяет гражданский процесс. Из практики известно, что суды тратят не менее половины времени своей работы на подготовку различных процессуальных документов, поэтому процесс внедрения новых технических и электронных носителей информации в гражданский процесс выглядит перспективным.

Вопрос об использовании электронных средств в процессуальной деятельности обуславливается необходимостью использовать электронные документы в качестве доказательств. Мы полагаем, что письменными доказательствами по закону следовало признать и документы, которые были получены посредством факсимильной, электронной или другой связи, либо иным способом, позволяющим установить достоверность документов.

В гражданском процессе Республики Беларусь видна проблема правового регулирования процессуальных отношений, связанных с использованием электронного документа в качестве доказательства. На сегодняшний день условия замены письменных документов на электронные изучены явно недостаточно. Хотя вопрос правового регулирования поднят практически уже давно, неясным остаются правовые и технические основы деятельности, связанной с электронными документами.

Несмотря на это, обилие правовой информации и быстрые темпы общественной жизни требуют применения различных технических средств.

Необходимо подумать о перспективе использования в качестве письменных доказательств в гражданском процессе Республике Беларусь передовых технологий электронных носителей информации и, оценив все достоинства и недостатки, приступить к активным действиям, чтобы законом было регламентировано использование фактических данных, закреплённых в электронных документах, при рассмотрении гражданских дел в судах.

1. Миронова, С.Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров : монография / С.Н. Миронова. – М., 2010. – 245 с.

2. Давтян, А.Г. Гражданское процессуальное право Германии / А.Г. Давтян. – М., 2000. – 320 с.

3. Медведев, И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / И.Г. Медведев. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

4. Вершинин, А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде : учеб.-практ. пособие / А.П. Вершинин. – М., 2000. – 247 с.

5. Семилетов, С.И. Электронный документ как продукт технологического процесса документирования информации и объект правового регулирования / С.И. Семилетов. – М., 2003. – 101 с.

УДК 351.74

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Г.Г. Рыхлицкий*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

О СУЩНОСТИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ВИДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием единого подхода к пониманию сущности государственной службы в соответствии с действующим законодательством и службы в органах внутренних дел как вида государственной службы. Предлагаются меры по решению данной проблемы.

Пониманию сущности государственной службы посвящены многочисленные исследования белорусских и зарубежных ученых. В самом общем смысле государственная служба понимается как деятельность

государственных служащих, т. е. лиц, работающих в государственных органах, наделенных государственно-властными полномочиями в целях непосредственной реализации функций данных государственных органов (функций государства).

Органы внутренних дел, являясь государственным органом, выполняют возложенные государством задачи по осуществлению борьбы с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, т. е. осуществляют правоохранительную функцию государства. Следовательно, службу в органах внутренних дел необходимо рассматривать в контексте сущности государственной службы в целом. В то же время нельзя не отметить, что служба в органах внутренних дел имеет и свои специфические характеристики, вытекающие из задач и функций органов внутренних дел. В связи с этим обоснованно можно говорить о ней как о виде государственной службы.

Однако если обратиться к законодательству Республики Беларусь о государственной службе, мы увидим, что в нашей стране система государственной службы, ее виды четко не определены. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе) дает нам общее понятие государственной службы в Республике Беларусь, формулирует принципы, устанавливает порядок ее прохождения. Вместе с тем в самом законе прямо указано, что его действие не распространяется на сотрудников органов внутренних дел и других сотрудников силовых ведомств.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что каждый вид государственной службы в Республике Беларусь регламентируется отдельными нормативными правовыми актами: военная служба, служба в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, суде, прокуратуре и т. д.

Чтобы разобраться в понимании сущности службы в органах внутренних дел как вида государственной службы, необходимо вспомнить, что среди ученых традиционно существуют два различных подхода к пониманию сущности государственной службы: в широком и узком смысле.

Под государственной службой в широком смысле понимается трудовая деятельность работников, выполнение ими служебных функций в государственных органах или организациях. Например, Б.М. Лазарев в широком смысле дает определение государственной службы как служение государству, т. е. выполнение по его поручению и за плату от него деятельности по реализации задач и функций государства в государственных органах [1, с. 5–6].

Ряд ученых (О.И. Чуприс, С.Н. Бочаров и др.) характеризуют государственную службу в узком смысле. Так, в узком понимании государственная служба определяется как профессиональная деятельность граждан, состоящих на руководящих либо исполнительских должностях в качестве соответствующих специалистов в аппарате государственных органов, в органах управления государственных учреждений и предприятий [2, с. 6].

Как правило, чаще всего, когда речь идет о государственной службе, она понимается именно в узком смысле – выполнение работниками служебных обязанностей в органах государственной власти (государственном аппарате), т. е. как деятельность только служебного аппарата государственных органов. В таком понимании государственная служба есть деятельность административно-управленческого персонала [3, с. 163].

Если обратиться к законодательному определению государственной службы, то можно сделать вывод, что оно соответствует пониманию государственной службы в узком смысле как профессиональной деятельности лиц, занимающих государственные должности, осуществляемой в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов.

Из данного определения мы можем четко выделить основные признаки государственной службы в Республике Беларусь.

Во-первых, это профессиональная деятельность, т. е. деятельность, осуществляемая на основе специальных знаний и практических навыков. Государственная служба, осуществляемая в рамках полномочий от имени и по поручению государства, является для государственных служащих профессией. Соответственно к лицам, осуществляющим эту деятельность, предъявляются соответствующие требования в части уровня образования, специальности, квалификации и т. д.

Целью данной профессиональной деятельности является непосредственная реализация государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов. И это второй существенный признак государственной службы.

Третий признак указывает на то, что данную профессиональную деятельность осуществляет лицо, занимающее государственную – должность, предусмотренную Конституцией Республики Беларусь, Законом о государственной службе и иными законодательными актами, либо должность, учрежденную в установленном законодательством порядке как штатную единицу государственного органа с определенным для занимающего ее лица кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа.

Признаки государственной службы и службы в органах внутренних дел во многом сходны. Так, согласно Положению о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 (далее – Положение о прохождении службы), служба в органах внутренних дел является видом государственной службы в Республике Беларусь, заключающейся в выполнении сотрудниками органов внутренних дел задач по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, организации исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, административных взысканий, а также иных задач, определенных законодательными актами.

Служба в органах внутренних дел также является видом профессиональной деятельности, только цель ее более конкретизирована под задачи и функции органов внутренних дел. В общем смысле целью данной деятельности, как и всей государственной службы, является непосредственная реализация государственно-властных полномочий и (или) обеспечение выполнения функций государственных органов.

Отличие службы в органах внутренних дел от государственной службы в соответствии с Законом о государственной службе заключается прежде всего в субъекте, осуществляющем функции этой службы.

В первом случае субъектом является лицо, занимающее государственную должность, т. е. государственный служащий. В Законе о государственной службе дано определение государственного служащего: это гражданин Республики Беларусь, занимающий в установленном законодательством порядке государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и выполняющий служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования [4].

Задачи, возложенные на органы внутренних дел, выполняет сотрудник органов внутренних дел. Согласно ст. 31 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об органах внутренних дел) и п. 5 Положения о прохождении службы сотрудником органов внутренних дел является гражданин Республики Беларусь, принятый на службу в органы внутренних дел, которому в установленном порядке присвоено специальное звание.

Анализ норм Положения о прохождении службы, а также Закона об органах внутренних дел позволяет сделать вывод о том, что разница между сотрудником органов внутренних дел и государственным служащим в соответствии с Законом о государственной службе состоит в занятии государственным служащим государственной должности.

Действительно, категория «государственная должность», определение которой уже приводилось выше, является одной из определяющих на государственной службе. Занятие государственной должности будет определять служебное положение лица, ее занимающего, наличие у него соответствующих обязанностей, прав и ответственности. Должность государственной службы можно определить как базовый элемент государственного органа, нормативно и организационно определенный и обособленный, обладающий частью компетенции государственного органа [4, с. 163].

О.И. Чуприс также определяет сущность государственной службы через понятие государственной должности, замещаемой государственными служащими в государственных органах, и отмечает, что важным признаком, связанным с местом государственной службы, является стаж государственной службы, который определяет период деятельности, признаваемый в качестве государственной службы, а ст. 43 Закона о государственной службе закрепляет, что в стаж государственной службы включается время работы государственного служащего на государственных должностях [5, с. 23–24].

В то же время, если обратиться к законодательству о прохождении службы в органах внутренних дел, можно заметить, что понятие сотрудника органов внутренних дел, функции которого состоят в выполнении задач, возложенных на органы внутренних дел, шире, чем определение государственного служащего в соответствии с Законом о государственной службе. Если в последнем случае это лицо, занимающее в установленном порядке государственную должность, то сотрудник органов внутренних дел – лицо, принятое на службу в органы внутренних дел, которому в установленном порядке присвоено специальное звание. Здесь следует обратить внимание, что сотрудником лицо будет считаться именно с момента приема на службу и присвоения специального звания, а не с момента назначения на государственную должность, в чем и заключается существенное отличие этих видов государственной службы, так как начало государственной службы по Закону о государственной службе будет считаться именно с момента назначения на государственную должность.

То же самое относится и к прекращению государственной службы. Согласно нормам Закона о государственной службе моментом ее пре-

кращения является освобождение государственного служащего от занимаемой государственной должности. Так, например, моментом прекращения службы в органах внутренних дел является день исключения сотрудника из списков личного состава в связи с увольнением со службы в запас Вооруженных Сил или отставку, переводом для дальнейшего прохождения службы (военной службы) в иных военизированных организациях или воинских формированиях, определенных в Положении о прохождении службы, выходом из гражданства или утратой гражданства Республики Беларусь, гибелью (смертью), признанием безвестно отсутствующим или объявлением умершим.

Другими словами, периодом прохождения государственной службы в соответствии с Законом о государственной службе будет являться время со дня назначения государственного служащего на государственную должность по день освобождения от должности, а службы в органах внутренних дел – со дня приема на службу в органы внутренних дел по день исключения из списков личного состава. При этом в период службы сотрудник может как занимать различные должности в органах внутренних дел, так и находиться за штатом, т. е. в распоряжении начальника органа внутренних дел, но в то же время выполнять общие задачи и функции, возложенные на органы внутренних дел, например, в соответствии со ст. 23 Закона об органах внутренних дел.

Отсюда следует, что понятие службы в органах внутренних дел как вида государственной службы раскрывается через выполняемые сотрудниками органов внутренних дел функции и задачи без привязки к занимаемым сотрудниками должностям.

Таким образом, Положение о прохождении службы дает понятие службы в органах внутренних дел в широком смысле, как вида профессиональной деятельности. Сущность этого вида государственной службы заключается в выполнении соответствующих задач сотрудниками органов внутренних дел.

Основные принципы службы в органах внутренних дел во многом сходны с принципами государственной службы, перечисленными в Законе о государственной службе, так как все сотрудники органов внутренних дел, независимо от занимаемых ими должностей, по сути, в широком смысле проходят государственную службу. Отличия правового регулирования деятельности сотрудников органов внутренних дел от регулирования других государственных служащих вытекают из специфики службы. Несмотря на кажущееся на первый взгляд общее единство, в законодательстве применяется разный подход при определении

сущности государственной службы в соответствии с Законом о государственной службе и службы в органах внутренних дел.

В юридической литературе существуют различные критерии классификации государственной службы. Так, исходя из специальных профессиональных обязанностей и характера государственной службы общепризнано подразделение ее на два вида: гражданскую (например, служба в государственных органах) и милитаризованную, которая, в свою очередь, подразделяется на военную и правоохранительную.

А.Н. Крамник указывает на особенность содержания государственной гражданской служебной деятельности, которая определяется тем, что она осуществляется в системе гражданских государственных органов, не является милитаризованной и проявляется в виде законодательной, исполнительной и судебной деятельности, прокурорского надзора, т. е. отличается особым свойством функций и полномочий [6, с. 255–256].

Исходя из анализа правовых норм Закона о государственной службе, можно сделать вывод, что данным законом регулируется такой ее вид, который относится к государственной гражданской службе. Действительно, если сравнить особенности прохождения данного вида государственной службы и службы в органах внутренних дел, можно увидеть существенные отличия, связанные с порядком приема на службу, разными подходами к определению и сущности контракта о службе, наличием институтов зачисления сотрудника в распоряжение Министра внутренних дел или другого начальника и приостановления службы, присвоением специальных званий.

В результате получается, что, говоря о существовании государственной службы в Республике Беларусь и ее правовом регулировании, совершенно закономерно подразумевается действующий Закон о государственной службе, который дает нам определение понятия государственной службы, ее принципы, порядок ее прохождения. В то же время данный закон регулирует отношения, связанные с отдельным видом государственной службы – государственной гражданской службой. Все остальные виды государственной службы, в том числе служба в органах внутренних дел, регламентируются отдельными законодательными актами.

Таким образом, действующий в Республике Беларусь Закон о государственной службе не определяет систему и виды государственной службы, связь государственной гражданской службы с другими видами государственной службы, регулирование которых осуществляется специальными нормативными правовыми актами.

В связи с этим указанное обстоятельство порождает ряд проблем, связанных с прохождением различных видов государственной службы,

например, разный подход к исчислению стажа государственной службы и невозможность его взаимозачета при переходе с одного вида службы в другой. Так, при приеме бывшего сотрудника органа внутренних дел на государственную гражданскую службу в стаж государственной службы ему не будут зачтены периоды службы в строевых подразделениях (батальонах, полках) в связи с тем, что эти подразделения не относятся к аппарату государственного органа (органа внутренних дел). В то же время выполнение такими сотрудниками непосредственных задач и функций, возложенных на органы внутренних дел, не учитывается.

Можно также отметить разные подходы к определению перечня запретов и ограничений, связанных с прохождением государственной гражданской службы и службы в органах внутренних дел. Например, законодательством не установлено ограничений по принятию сотрудником органов внутренних дел сувениров, вручаемых при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, стоимость которых превышает пять базовых величин (в отличие от государственного гражданского служащего).

Решение проблемы видится в совершенствовании и систематизации законодательства о государственной службе в Республике Беларусь и, в первую очередь, принятии единого системного нормативного правового акта, определяющего общие основы государственной службы в Республике Беларусь, ее систему и виды, а также общий подход к определению стажа государственной службы при переходе с одного вида государственной службы на другой.

1. Лазарев, Б.М. Государственная служба / Б.М. Лазарев ; Акад. правовой ун-т при Ин-те государства и права РАН. – М. : ИГПАН, 1993. – 15 с.

2. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации : курс лекций / С.Н. Бочаров [и др.] ; Моск. ун-т МВД России ; под общ. ред. И.Б. Кардашовой. – М. : Щит-М, 2004. – 190 с.

3. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Республики Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 1. Административно-регулятивное право / И.В. Козелецкий [и др.]. – 438 с.

4. Административное право России : учеб. для студентов вузов / под ред. П.И. Кононова, В.Я. Кикотя, И.Ш. Киляханова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити : Закон и право, 2009. – 687 с.

5. Чуприс, О.И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О.И. Чуприс ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2009. – 310 с.

6. Крамник, А.Н. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / А.Н. Крамник. – Ч. 1. Управленческое право. – Минск : Тесей, 2008. – 672 с.

Н.В. Данилов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Пашкеев

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ФОНДА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦАМ, КОТОРЫМ ПРИЧИНЕН ВРЕД ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Рассматриваются современные подходы к решению проблемы создания фонда возмещения вреда в виде компенсационных выплат лицам, которым причинен вред преступлениями.

Любое лицо стремится к возмещению физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием. Поддержка жертв преступлений осуществляется в виде денежной выплаты, необходимой человеку для покрытия расходов на медицинскую помощь, для оплаты похорон, оказания помощи членам семьи при утрате кормильца, для проведения экспертиз и т. д. Однако при выполнении данной поддержки возникает проблема финансового обеспечения. Выходом с данной ситуации является идея о создании фонда, предусматривающего возмещение ущерба потерпевшим. Основная задача фонда – это защита законных прав и интересов граждан, в отношении которых было совершено преступление, путем компенсационных выплат [1, с. 15–19].

Не всегда представляется возможным и установление лица, причинившего ущерб, а фонд позволит в скорейшем времени возместить вред в денежном довольствии [2, с. 75], осуществить выплату вреда всем лицам, в отношении которых совершено преступление, так как не всегда есть возможность взыскать с преступника необходимую сумму [3].

Понимая всю социальную важность создания фонда помощи жертвам преступлений, надо решить ряд вопросов, без получения ответа на которые его создание не представляется возможным: правовая основа деятельности фонда; организационно-правовой статус фонда; источники формирования бюджета фонда; место фонда в правовой системе государства; формы и виды помощи, оказываемой за счет средств фонда; основания для выплаты средств из бюджета фонда; какой вред может возмещаться за счет средств фонда; кто вправе претендовать на получение средств фонда; минимальные и максимальные пределы воз-

мещения; порядок осуществления выплат; сроки давности при подаче заявления на предоставление финансовой помощи из бюджета фонда; возможность для фонда предъявления регрессных исков о взыскании с виновного сумм, выплаченных фондом в пользу потерпевших.

В современном научном мире существует много взглядов и моделей фонда, однако обществу еще не представлялось возможным увидеть полную, функциональную, действующую в настоящее время модель фонда, которая содержала бы ответы на поставленные вопросы [1, с. 14–15].

Источниками формирования фонда могут являться: штрафы, взыскиваемые за совершение преступлений и административных правонарушений; средства, полученные от реализации конфискованного имущества; благотворительные взносы физических и юридических лиц; отчисления из заработной платы осужденных; доходы от предпринимательской деятельности самого фонда, а также созданных им или при его участии юридических лиц; государственные дотации; пожертвования частных лиц и церковных учреждений; отчисления из средств бюджетов различных уровней и других источников [4, с. 23–26].

Фонд будет наподобие Пенсионного фонда или Фонда социального страхования [5, с. 27]. Как такового срока для обращения в фонд существовать не будет.

Однако есть и другие идеи и мысли по поводу решения данной проблемы.

Один из вариантов ее решения В.И. Задорожный видит в введении в стране системы всеобщего обязательного страхования жизни и здоровья граждан от преступлений или иных противоправных посягательств [6, с. 123–125].

Р. Максудова, М. Флямер и А. Герасенкова, разрабатывая идею восстановительного правосудия, рассматривают мысль о том, что государство обязано возмещать вред от преступлений через специальные фонды помощи потерпевшим только в случае невозможности взыскания необходимой суммы с преступника. По их мнению, вред государством должен возмещаться уже на стадии установления доказанности факта его причинения, независимо от того, привлечен к уголовной ответственности виновный или нет. Преступник в таком случае будет отвечать перед государством в порядке регресса. Авторы работы [3] считают, что основным источником финансирования фонда должен являться введенный специальный государственный сбор, который должен уплачивать виновный, в зависимости от размера причиненного вреда или категории совершенного преступления. Кроме того, они выступают за введение специального налога, взимаемого со всех видов дохода осужденного в течение периода отбывания наказания.

С.А. Галактионов выступает за создание Государственного фонда защиты жертв от насильственных преступлений. Фонд должен, по мнению автора, выплачивать государственные компенсации только тем лицам, которые пострадали от насильственных преступлений. Возмещению должен подлежать только вред, причиненный здоровью человека, и только в том случае, если ущерб нельзя возместить в порядке реституции или из средств местных страховых фондов [7, с. 132–133].

Д.П. Чекулаев также видит целесообразность создания специализированных целевых фондов. При этом автор не связывает возможность потерпевших получить компенсацию из таких фондов по результатам расследования, платежеспособностью виновного и другими факторами [8, с. 10–23].

В.А. Жилейкин рассматривает проблемы возмещения вреда потерпевшим с точки зрения двух механизмов: публично-правового и частноправового. Так, под публично-правовым механизмом он понимает денежные компенсации, выплачиваемые пострадавшим за счет государственных фондов в порядке и размере, которые установлены нормативными правовыми актами. Другим видом этого механизма может быть, по его мнению, установление потерпевшим государственных пособий и выплат непосредственно из государственного бюджета. Также возможны разовые или периодические выплаты жертвам какого-либо террористического акта по специальному решению высших органов власти. Под частноправовым механизмом В.А. Жилейкин видит, например, образование частных организаций, уставной задачей которых является помощь жертвам преступлений, в том числе выплата им в порядке, определенном уставом этих организаций, денежных сумм. Кроме того, по мнению автора, частноправовую природу имеет и страхование, как добровольное, так и обязательное [9, с. 25].

А. Власов считает, что необходимо создание сети государственного и общественных фондов. Государственный фонд будет функционировать для возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью жертв преступлений, а общественный фонд для возмещения вреда, причиненного собственности жертв преступлений [10, с. 40–43].

А.С. Карпиков высказывается о поддержке идеи создания специализированного государственного фонда, из которого, по его мнению, должны компенсироваться только материальные потери граждан при неустановлении лица, причинившего ущерб, в случае отсутствия у него для этого денежных средств, когда причинитель вреда неизвестен или известен, но скрылся от следствия и суда [11, с. 13–14].

В. Вавилова первостепенное значение придает жертвам насильственных преступлений и во имя их защиты предлагает учредить фонд по возмещению морального вреда [12, с. 10–11].

За создание специализированного фонда защиты жертв преступлений выступала О. Ведерникова, которая видит ключ к решению проблемы в создании страхового фонда [13, с. 26–27].

С.В. Бажанов ставит необходимость создания фонда помощи жертвам преступлений в зависимости от такого принципа, как безусловное возмещение гражданину ущерба от преступления, в том числе оставшегося нераскрытым. Интересным является проведенное автором социологическое исследование, какой источник финансирования фонда будет являться более прибыльным, в виде опроса сотрудников правоохранительных органов. Результаты опроса оказались следующими. Основными источниками формирования бюджета фонда являются: процентные отчисления предприятий государственного сектора экономики – 23,1 % опрошенных, процентные отчисления коммерческих предприятий – 24,1 % опрошенных; специальная статья в федеральном бюджете – 54,1 %; процентные отчисления от сумм ущерба, возмещенного потерпевшим по уголовным делам, а также с конфискованного имущества – 20,7 %; процентные отчисления с доходов экономической деятельности предприятий УИС – 8,2 %; иное – 5,3 % [14].

Такие авторы, как В.А. Сысоев, В.Л. Слесарев, А.С. Михеев, уверены в необходимости создания такого фонда с непосредственным участием в нем государства и с главной уставной задачей – аккумулярование денежных средств, направляемых на компенсацию вреда, причиненного гражданам посредством преступлений. Однако они не отрицают и другой путь развития – использование страховых методов, аналогичных институту обязательного медицинского страхования. Кроме того, авторы остро поднимают вопрос компенсации морального вреда за счет фонда, в который бы могли обращаться граждане по истечении любого времени со дня вынесения приговора. Срок обращения в фонд устанавливаться, по мнению авторов, не должен [11, с. 14–16].

Особого внимания и изучения требует предложенная С.Н. Бакуниным и С.М. Воробьевым идея создания фонда компенсации морального вреда. Они видят его учреждение в рамках службы исполнения наказаний, которая будет являться головной и будет координировать деятельность региональных отделений (филиалов). Фонд будет государственным некоммерческим образованием, финансируемым за счет внебюджетных средств. Цель фонда – защита прав и интересов потерпевших от преступлений путем восстановления социальной справедливости через предоставление компенсационных выплат [1, с. 14–18].

Как оказалось, некоторые страны уже пытаются каким-либо образом реализовать данную идею.

В Великобритании Законом 1995 г. о компенсации ущерба, причиненного преступлениями, предусмотрено возмещение вреда государством лицам, пострадавшим от «тяжкого» преступления, влекущего арест подозреваемого до суда. Компенсация подлежит уплате потерпевшему (жертве преступления) в тех случаях, когда причиненный ущерб: не может быть восполнен виновным самостоятельно; не может быть возмещен по результатам уголовного или гражданского судопроизводства из-за нехватки средств у осужденного или ответчика; по характеру и размеру носит так называемый фатальный характер, ставящий под угрозу жизнь или реализацию иных неотъемлемых прав человека. Исполнение законодательства возлагается на Министерство внутренних дел Великобритании, для чего в составе Министерства формируется Департамент по вопросам компенсации вреда от преступлений, осуществляющий апелляционную оплату гражданам, которые обращаются по вопросам компенсации вреда посредством преступлений [1, с. 19–23].

В Федеративной Республике Германии правовой основой данной деятельности являются Закон о компенсациях жертвам насилия и Социальный кодекс Федеративной Республики Германии. В соответствии с положениями указанных нормативно-правовых актов физические лица, которым в результате совершения умышленных насильственных преступлений причинен вред жизни и здоровью, имеют право на государственную компенсацию этого вреда в случаях его не возмещения уголовно-правовыми и гражданско-правовыми средствами за счет виновных. При этом возмещению в компенсационном порядке подлежит как физический, так и моральный ущерб. Размер выплат зависит от тяжести экономических и медицинских последствий. Например, в случае смерти лица в результате преступления государством компенсируются: расходы на погребение; ущерб, связанный с потерей кормильца или основного дохода, вдовам, детям-сиротам, нетрудоспособным иждивенцам. Компенсации выплачиваются за счет федерального бюджета (40 %) и бюджетов федеральных земель (60 %) при условии подачи пострадавшим соответствующего заявления [15, с. 14–15].

Во Франции вопросы компенсационных выплат со стороны государства урегулированы в Уголовно-процессуальном кодексе. Так, потерпевший имеет право на государственную компенсацию за причиненный ему преступлением вред до того момента, когда виновный предстанет перед судом, который помимо основного приговора вынесет решение о возмещении ущерба. Само государство в регрессном порядке взыскива-

ет с осужденного все свои затраты на возмещение потерпевшему вреда от преступления [16, с. 15–19].

Таким образом, подводя итог вышеизложенного материала, можно сделать вывод о целесообразности введения государственного фонда по возмещению потерпевшим физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием посредством денежных средств.

1. Квашис, В.Е. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений / В.Е. Квашис, Л.В. Вавилова ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 1996. – С. 14–15.

2. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М., 1908. – С. 522.

3. Максудов, Р. Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития / Р. Максудов, М. Флямер, А. Герасенкова // Правозащитник. – 1998. – № 2.

4. Бойков, А.Д. Жертвы преступности / А.Д. Бойков // Мировой судья. – 2006. – № 10. – С. 23–26.

5. Адигюзелов, К.А. Проблемы виктимизации населения (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Адигюзелов. – Махачкала, 2002. – С. 27.

6. Задорожный, В.И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики : монография / В.И. Задорожный. – Тамбов : Першина, 2005. – С. 123–125.

7. Галактионов, С.А. Принцип справедливости в уголовном праве России : монография / С.А. Галактионов. – Самара : Изд-во МГПУ, 2006. – С. 132–133.

8. Чекулаев, Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 10–11, 23.

9. Жилейкин, В.А. Гражданско-правовая ответственность Российской Федерации за вред, причиненный гражданам в результате совершения террористических актов / В.А. Жилейкин // Юрист. – 2008. – № 1. – С. 25.

10. Сысоев, В.А. Гражданско-правовые и процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного преступлением : учеб. пособие / В.А. Сысоев, В.Л. Слепсарев, А.С. Михеев. – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – С. 15–17.

11. Карпиков, А.С. Право на возмещение вреда, причиненного преступлением. Материальный ущерб и его реализация в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Карпиков. – М., 1999. – С. 13–14.

12. Вавилова, Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Вавилова. – М., 1995. – С. 10–11.

13. Ведерникова, О. Фонд для жертв преступлений / О. Ведерникова // Соц. законность. – 1990. – № 11. – С. 26–27.

14. Бажанов, С.В. Стоимость уголовного процесса [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Бажанов. – Н. Новгород, 2002. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/bazanov2002/1-4.htm>.

15. Власов, А. Возмещение вреда жертвам преступлений / А. Власов // Законность. – 2000. – № 2. – С. 40–43.

16. Дубровин, В.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) / В.В. Дубровин // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2010. – № 3. – С. 15–19

УДК 343.985.8

Д.А. Дроздов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматуйский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ»

Рассматриваются понятие оперативного внедрения, его сущность, содержание, задачи, признаки. Отмечаются сложности при проведении оперативно-розысчного мероприятия, мнения ученых о наиболее эффективном и качественном проведении оперативного внедрения, а также анализ современного состояния научных исследований в сфере оперативного проникновения в криминогенную среду.

Борьба с преступностью и преодоление явлений, порождающих правонарушения в обществе, составляют основу уголовной политики нашего государства. Характеризуя состояние преступности в Республике Беларусь, можно выделить следующие признаки: преступления подготавливаются и совершаются тайно, преступники постоянно пытаются скрыть улики; выявление и раскрытие ряда преступлений путем технического контроля, наружного наблюдения, процессуальным путем часто крайне затруднительно; при отсутствии конфиденциального проникновения в криминальную среду проблематично контролировать лиц, подготавливающих преступления; осложнена возможность наблюдения за преступным сообществом и процессами, происходящими внутри него, без оперативного внедрения в криминогенную среду; часто отсутствует возможность пресечения тяжких и особо тяжких преступлений, совер-

шенных организованными преступными группировками, без конфиденциального проникновения.

Анализ практики борьбы с преступностью в современных условиях свидетельствует о необходимости увеличения требований к деятельности оперативных подразделений криминальной милиции. Одним из направлений совершенствования такой работы является повышение уровня профессионализма оперативных сотрудников при осуществлении работы с конфидентами [1, с. 299]. Социальная полезность и ценность указанного института не вызывает сомнений и в настоящее время обусловлена следующими обстоятельствами: обнаружались новые формы опасных преступлений, и возникла потребность в использовании высококвалифицированных конфиденгов; информация о преступной деятельности циркулирует в рамках замкнутой среды; без помощи конфиденгов чаще всего отсутствует возможность проникновения в криминогенную среду; при отказе от использования этих лиц утрачивается возможность выявления преступлений.

Данный вопрос на протяжении многих лет постоянно является предметом обсуждений на коллегиях, совещаниях и семинарах, проводимых отдельными оперативными подразделениями МВД и ГУВД (УВД) Беларуси. Такие обсуждения представляются обоснованными, поскольку виды, формы и методы ОРД находятся в нераздельном единстве, а достижение положительных результатов в борьбе с преступностью возможно за счет комплексного использования всех, в том числе негласных сил, средств и методов ОРД. Соответственно улучшение качества работы с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе, стало крайне необходимым и приоритетным направлением деятельности криминальной милиции.

Согласно ст. 33 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон) оперативное внедрение представляет собой проникновение должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД), или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в окружение гражданина или среду гражданина в целях получения сведений, необходимых для решения задач ОРД. Оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ), заключающееся в приобретении оперативно-розыскным подразделением конфиденга внутри или в окружении объекта оперативного интереса. Оно направлено на получение сведений о составе и структуре преступного формирования (группы, банды и т. п.), жизненном и преступном опыте лиц, представляющих оперативный интерес; характере

криминальной деятельности, способах совершения преступлений, связях, трудностях, испытываемых членами преступного формирования при осуществлении криминальной деятельности; наличии конфликтов внутри преступного формирования и лиц, которых тяготит нахождение в нем и которые желают его покинуть; наличии коррумпированных связей в правоохранительных органах и т. п.

Поэтому основной задачей оперативного внедрения является получение внедренным лицом криминально значимой информации, имеющей немаловажное значение для собирания доказательств совершения преступления.

По мнению В.С. Овчинского, оперативное внедрение – это внедрение штатных сотрудников, специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью либо лиц, содействующим этим органам в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, в организованные группы, банды, преступные организации и сообщества. По своей сути приведенная дефиниция практически не отличается от понятия, установленного Законом. Следует отметить, что вышеуказанное определение сужает количество и видовое разнообразие преступного элемента (объекта оперативного внедрения), в отношении которого может проводиться ОРМ. Так, в нем указано, что оперативное внедрение осуществляется в организованные группы, банды, преступные организации и сообщества [2, с. 336]. Легальное же определение понятия оперативного внедрения говорит о том, что оно помимо преступных формирований может проводиться и в отношении отдельных граждан.

Учитывая определение, указанное в Законе, выделим признаки оперативного внедрения как законодательно закрепленного ОРМ:

1. Оперативное внедрение представляет собой проникновение в окружение гражданина или граждан, т. е. лицо, которое внедряется в криминогенную среду, становится ее частью, и, дабы завоевать доверие (что является весьма важным, а в какой-то степени даже необходимым условием благополучного и качественного проведения ОРМ), может участвовать в криминальной деятельности членов преступного формирования или отдельного преступника. В отношении данного признака целесообразным представляется отметить мнение В.Ч. Родевича, который считает, что в целях решения оперативно-тактических задач внедренному сотруднику необходимо:

завоевать доверие участников преступной группы. Как отмечалось ранее, внедренному лицу следует выбирать такую линию поведения, которая будет обеспечивать формирование доверительных отношений с участниками криминальной среды;

стать полноправным членом преступного сообщества (поддерживать интерес к себе). Следует сказать, что внедренное лицо, будучи формально участником преступного формирования, наряду с другими его членами выполняет задачи данного формирования;

изучить преступное сообщество изнутри и определить его слабые стороны. В целях более качественного и своевременного сбора необходимой информации о лицах, представляющих оперативный интерес, внедренное лицо должно обладать знаниями о ролях, отведенных каждому из членов преступного формирования, направленности преступной деятельности этого формирования, различного рода нюансах;

уметь использовать противоречия и конфликты, возникшие в преступной организации;

обеспечить защиту своих интересов в конфликтной ситуации;

своевременно передать информацию о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих интерес, инициатору внедрения.

Своевременная передача информации о криминальной деятельности преступного формирования способствует более качественному документированию действий членов такого формирования и быстрому построению плана дальнейших действий оперативного сотрудника и внедренного лица.

2. Закон разрешает участие в проведении оперативного внедрения как должностному лицу органа, осуществляющего ОРД, так и гражданину, оказывающему или оказывавшему содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД. Однако следует отметить, что данное ОРМ проводится только с письменного согласия вышеуказанных лиц.

3. Сложность проведения оперативного внедрения прямо обусловлена целями, стоящими перед данным ОРМ. Одной из целей выступает сбор сведений о преступном формировании или отдельном гражданине, получение информации, представляющей оперативный интерес о членах преступного формирования, направленности его деятельности, совершенных, совершаемых, готовящихся преступлениях и т. д.

Касательно сущности оперативного внедрения необходимо сказать, что данное ОРМ направлено, прежде всего, на получение информации, представляющей оперативный интерес о лицах и фактах осуществления криминальной деятельности различного рода преступных объединений и формирований, на документирование этой деятельности, предотвращение совершения новых преступлений, изобличения преступников и взятие их с «поличным». Как отмечает И.И. Басецкий, оперативное внедрение представляет собой комплексное ОРМ (тактическая операция), обеспечивающее легендирование контактов оперативных работников с

проверяемыми лицами, завоевание доверительных отношений с целью получения информации, необходимой для предотвращения и раскрытия тяжких преступлений и решения задач ОРД.

Говоря о содержании оперативного внедрения, важным будет отметить, что данное ОРМ, как правило, является длящимся. Оно не заканчивается только лишь на установлении конкретного лица или группы лиц, их связях, формы и направленности их преступной деятельности, а, как отмечает И.И. Басецкий, предполагает последовательное решение сложных разведывательно-поисковых задач. Например, установление связи с участником преступного формирования, установление доверительных отношений с членами преступного объединения, получение и документирование информации, представляющей оперативный интерес, и т. п.

Не менее важным будет остановиться на объектах и субъектах оперативного внедрения. Под объектом оперативного внедрения понимается окружение гражданина или среда граждан, в отношении которого (которых) в установленном порядке заведено соответствующее дело оперативного учета и вынесено постановление о проведении оперативного внедрения. Для более полного понимания в комментарии к Закону выделяются следующие элементы объекта оперативного внедрения:

- незаконные вооруженные формирования;
- формирования, планирующие осуществление насильственного захвата власти;
- устойчивые преступные формирования лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (организованные преступные группы, банды, преступные сообщества);
- криминальные группы, созданные по предварительному сговору для совершения преступлений;
- организации, используемые лицами в качестве прикрытия для ведения преступной деятельности или осуществляющие вспомогательные функции;
- жилые массивы со сложной криминальной обстановкой;
- пораженные преступностью объекты экономики, а также другие криминогенные объекты.

Хотелось бы отметить, что, по мнению И.И. Басецкого, криминогенные объекты (казино, рестораны, гостиницы и т. п.) также можно расценивать как объекты оперативного внедрения. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в качестве объектов оперативного внедрения можно рассматривать как преступные формирования отдельных граждан, занимающихся преступной деятельностью, так и криминогенные объекты.

На законодательном уровне нет четкого закрепления понятия субъекта оперативного внедрения. Правильным будет отметить определение, закрепленное в комментарии к Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 1999 г., в котором указано, что субъектами оперативного внедрения являются должностные лица органов, осуществляющих ОРД, штатные негласные сотрудники, а также граждане, оказывающие содействие на конфиденциальной основе указанным органам [3, с. 99]. Вспомогательные (обеспечивающие) функции при проведении оперативного внедрения могут выполнять сотрудники иных служб и подразделений ОВД, представители общественности, специалисты. Инструкция подразделяет субъектов оперативного внедрения на следующие категории: оперативное подразделение, проводящее по имеющемуся в его производстве ДОО комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий, в том числе оперативное внедрение; оперативное подразделение, должностное лицо или конфиденгент которого непосредственно внедряется на объект. Говоря о лицах, участвующих в проведении оперативного внедрения, следует отметить, что они должны обладать психоэмоциональными, физическими, морально-волевыми и деловыми качествами, соответствующими сложному по своей природе и процессу проведения ОРМ. Данное лицо должно уметь быстро и качественно реагировать на складывающиеся ситуации в процессе проведения ОРМ (например, когда организатор преступного формирования требует от внедренного лица совершить определенные действия, в том числе и преступные).

Также необходимо отметить, что сотрудники оперативных подразделений, как правило, в силу своей известности в среде преступного элемента не всегда могут осуществлять оперативное внедрение, так как возрастает риск расшифровки внедренного субъекта. В таком случае представляется целесообразным осуществлять оперативное внедрение лиц из числа конфиденгентов, состоящих на связи у сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. В связи с этим оперативный сотрудник должен, как правильно заметил Л.В. Саленик, осуществить подбор граждан, отвечающих по своим личным качествам, способностям и разведывательным возможностям.

Для наиболее эффективного и качественного проведения ОРМ, как отмечает В.В. Бачила, конфиденгенты должны обладать рядом разведывательных качеств, к которым относятся:

способность ориентироваться, принимать правильные решения в сложной обстановке;

оправданный риск;

вступление в контакт с лицами, представляющими оперативный интерес, развитие этих контактов до степени доверительных отношений,

выведывание информации, имеющей значение для решения задач по предупреждению и раскрытию преступлений;

соблюдение конспирации;

контролирование своих действий и поступков;

сохранение и точное воспроизведение в своем сознании прежних впечатлений, опыта;

умение проявлять инициативу, строго придерживаться определенной линии поведения и легенды в конкретных ситуациях;

твердая воля и решительный характер;

осведомленность о нравах и обычаях уголовно-преступной среды;

ведение образа жизни, благоприятствующего выполнению заданий оперативных подразделений ОВД (как бытовая, так и служебно-производственная сторона жизнедеятельности негласного сотрудника).

На наш взгляд, обладая вышеперечисленными качествами, конфиденент сводит к минимуму риск расшифровки перед оперативным внедрением как ОРМ.

Для проведения оперативного внедрения должны быть выполнены следующие задачи:

получение сведений о характере криминальной деятельности объекта, способах совершения преступлений, трудностях, испытываемых им при осуществлении данной деятельности, наличии конфликтов внутри объекта, гражданах, тяготящихся нахождением в нем и желающих его покинуть, коррумпированных связях объекта в правоохранительных и иных государственных органах;

установление структуры и состава объекта, наличия контактов (отношений) с другими гражданами, обоснованно подозреваемыми в причастности к подготовке или совершению преступлений, с организованными группами либо преступными организациями;

выявление конкретных фактов и обстоятельств, криминальной деятельности объекта, предметов и документов, фиксация следов преступлений и других фактических данных, которые впоследствии могут быть использованы как доказательства в уголовном процессе;

сбор сведений о гражданах, являющихся свидетелями или очевидцами совершения преступлений;

установление мест нахождения обвиняемых, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда;

сбор других сведений о противоправной деятельности, необходимых для выполнения задач ОРД.

Указанные задачи оперативного внедрения ярко отражают весь объем информации, которую необходимо собрать в процессе проведения данного ОРМ.

Анализируя современное состояние научных исследований в сфере оперативного проникновения в криминогенную среду, следует отметить, что это многоплановое и актуальное для практики органов внутренних дел направление.

Систематизация и научное обобщение возможностей и способов оперативного внедрения в криминогенную среду имеет большое значение для совершенствования ОРД и раскрытия преступлений, а также повышения их эффективности, что требует, по нашему мнению, специального исследования.

1. Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12 мая 2016 г. / Краснодар. ун-т МВД России. – Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2012. – 342 с.

2. Основы борьбы с организованной преступностью / А.И. Конов [и др.] ; под ред. В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 397 с.

3. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И.И. Басецкий [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. 2000. – 135 с.

УДК 351.753(476)

А.А. Жилинская, Н.С. Касперович, курсанты факультета милиции

Научный руководитель – *В.С. Валежанин*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Э.П. Костюкович*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются актуальные проблемы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Анализируются некоторые спорные вопросы, возникающие при задержании лиц, совершивших преступление. Затрагиваются коллизии между уголовным законодательством и постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 12.

Важнейшей задачей любого государства является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Решается она комплексно системой государственных органов. Особое место среди них отводится органам внутренних дел, на которые возложены многочисленные обязанности по поддержанию правопорядка в стране. Предостав-

ление органам внутренних дел как подсистеме исполнительной власти права применять силу для достижения законных целей – главная отличительная особенность данной структуры в системе правоохранительных органов. Стоит отметить, что среди мер административного принуждения, применяемых сотрудниками органов внутренних дел для защиты личности, интересов общества и государства от противоправных посягательств, самыми жесткими являются право на применение огнестрельного оружия, так как последствия его применения обычно несоизмеримо тяжелее, нежели последствия иных мер принуждения.

Конституция Республики Беларусь провозглашает права и свободы человека высшей ценностью государства, а также предусматривает и необходимые условия их осуществления (ст. 2). Вместе с тем она признает возможность ограничения прав и свобод, но не иначе как законом и только в той мере, в какой это необходимо.

Оружие – это не просто одно из средств наиболее эффективного достижения отдельных задач сотрудника органов внутренних дел в его служебной деятельности. Оно является источником повышенной опасности, который может представлять угрозу для жизни и здоровья граждан при неумелом обращении с ним.

В некоторых зарубежных государствах законодатель более осторожно относится к вопросу о предоставлении правоохранительным органам права на применение и использование огнестрельного оружия. В полиции Венгрии запрещается применять оружие, если цели можно достичь более гуманными средствами, а законодательство ФРГ устанавливает конкретные ситуации, в которых сотрудники полиции имеют право применять те или иные средства или оружие. Полиция Великобритании осуществляет полицейскую деятельность без повседневного ношения оружия. В случае же вступления полицейского в противоборство с вооруженным преступником он должен вызвать команду вооруженной поддержки.

Осложнение криминогенной обстановки повышает степень ответственности и личного риска при исполнении сотрудниками милиции своих обязанностей.

В зависимости от условий, обстановки и иных факторов при равных правовых основаниях применение оружия сотрудником ОВД должно осуществляться различными способами. Применяя огнестрельное оружие, сотрудник милиции не должен руководствоваться только идеей пресечения преступления и обезвреживания преступника. Он обязан обеспечивать безопасность граждан, не допускать повреждения или уничтожения имущества граждан, юридических лиц, государственных органов, избегать провоцирования крайне негативных социальных и техногенных реакций и др.

Иногда работники правоохранительных органов в процессе выполнения должностных обязанностей сталкиваются с различными формами активного противодействия со стороны правонарушителей либо лиц, подозреваемых в совершении преступления. В этом случае практика признает возможным применение к ним адекватных мер силового воздействия, которые урегулированы Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД). Проблема правового регулирования применения и использования огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей всегда занимала одно из центральных мест в деятельности органов внутренних дел. Можно сказать, что, с одной стороны, применение огнестрельного оружия объективно ставит под угрозу здоровье и нередко – жизнь правонарушителя, но, с другой стороны, является иногда единственным средством защиты лиц, подвергнутых преступному посягательству, а также важнейших интересов общества и государства. Поэтому принципиально, чтобы применение огнестрельного оружия уполномоченными на то должностными лицами осуществлялось на основе четкой правовой регламентации и в строгом соответствии с законом.

Сотрудник милиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены законами. Превышение сотрудником органов внутренних дел полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия влечет ответственность, установленную законодательством Республики Беларусь.

В теории и в правоприменительной практике сложилось ошибочное мнение о том, что в случаях нарушений сотрудниками милиции и других служб правоохранительных органов правил применения оружия всегда наступает правовая ответственность. Между тем такая ответственность в силу ст. 39 УК может и не наступать, если сотрудник действует в состоянии крайней необходимости, когда причиняемый им вред является менее значительным по сравнению с предотвращаемым вредом и не нарушены другие условия правомерности. Данный вопрос неоднократно вызывал полемику среди правоприменителей, так как нередко нормы, предусмотренные гл. 6 УК, в практической деятельности толкуются неоднозначно.

Также возможны случаи, когда сотрудник милиции правомерно защищается от преступного посягательства на его жизнь и здоровье

(ст. 37 УК), т. е. действует в состоянии необходимой обороны, но нарушает при этом правила применения оружия (например, в нарушение Закона об ОВД применяет оружие в многолюдном общественном месте, когда от этого могут пострадать посторонние лица). В ряде таких случаев нарушение правил применения оружия может быть оправданно состоянием крайней необходимости (ст. 39 УК), поскольку для предотвращения более тяжкого вреда причиняется вред иным правоохраняемым интересам, причем вред, как правило, меньший по сравнению с предотвращаемым вредом.

Актуальной проблемой для правоприменительной практики является определение пределов криминализации превышения власти или служебных полномочий. Правильное толкование понятий, содержащихся в ст. 426 УК, в частности что понимается под применением оружия, влияет на отграничение этого преступления против интересов службы от иных правонарушений – административных и дисциплинарных.

Статья 29 Закона об ОВД гласит, что сотрудник имеет право привести оружие в готовность к стрельбе, если считает, что в создавшейся обстановке не исключена возможность его применения и использования. Неоднократно в практической деятельности возникали случаи, когда данное деяние расценивалось как превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с применением оружия (ч. 3 ст. 426 УК). Как отмечает А.В. Галахова, «оружие может служить средством психического насилия. Психическим насилием, в частности, является угроза применением оружия. Подкрепленная действиями угроза является формой применения оружия и одновременно может рассматриваться как психическое насилие» [1].

В ч. 4 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда № 12 (далее – постановление № 12) указано, что при решении вопроса о наличии в действиях виновного квалифицирующего признака «применение оружия» (в соответствии с его поражающими свойствами) судам надо исходить из того, что такой вывод может быть сделан в случаях, когда по делу установлено фактическое применение оружия для причинения физического вреда потерпевшим, а также для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда.

На первый взгляд данное разъяснение не вызывает никаких сомнений, за исключением двух моментов. Во-первых, «применение оружия» в ч. 3 ст. 426 УК указывается не как обязательный, а как альтернативный признак. Во-вторых, вред может быть причинен и одному лицу, а не обязательно нескольким лицам.

Проанализировав такие нормативные правовые акты, как Закон об оружии, Закон об органах внутренних дел, постановление Пленума Верховного Суда № 12, мы видим, что нигде в действующих нормативных правовых актах, кроме постановления № 12, угроза оружием не признается его применением. Поэтому и в уголовном праве (ч. 3 ст. 426 УК) не следует признавать под применением оружия психическое воздействие путем угрозы причинить оружием вред без производства выстрелов в человека.

Очевидно, что разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в полном объеме не соответствует действующему законодательству, тем самым противореча принципам законности, поскольку применение уголовного закона по аналогии не допускается, а нормы, содержащиеся в УК, подлежат буквальному толкованию. Решить данную проблему можно только двумя способами: либо изменить постановление № 12, либо изменить текст ст. 426 УК.

Стоит обратить внимание на то, что при использовании табельного оружия наибольший процент приходится на случаи остановки транспортного средства путем его повреждения сотрудниками ГАИ. В Российской Федерации данный показатель достигает 50 %. Приблизительно в 28 % случаев сотрудники ОВД использовали оружие для подачи сигнала тревоги или вызова помощи. Для защиты граждан от нападения, опасного для жизни или здоровья, оружие применялось сотрудниками в среднем в 5 % случаев. Наиболее редко оружие применяется в целях освобождения заложников и для отражения группового или вооруженного нападения на жилища граждан, помещения государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений (около 1 %) [2].

Известно, что в обычных ситуациях сотрудник милиции не вправе использовать поражающие свойства оружия. В юридической литературе к числу дискуссионных принято относить вопрос о том, имеет ли право сотрудник милиции использовать оружие в целях остановки транспортного средства, водитель которого не выполнил требование остановиться? Преобладающая часть сотрудников судебных и следственных органов считают, что применение оружия в рассматриваемой ситуации допустимо лишь в экстренных случаях. Полагаем, что с этим мнением следует согласиться. Использование огнестрельного оружия допустимо лишь в исключительных ситуациях, когда требование об остановке транспортного средства прозвучало неоднократно, однако водитель, которому оно адресовано, не выполняет его и реально создает опасность для других участников дорожного движения. Однако стоит отметить, что даже при соблюдении вышеперечисленных условий использование оружия может квалифицироваться как неправомерное. В данном случае следует

уточнить, какие меры предпринял сотрудник, прежде чем использовать оружие. Ряд специалистов считают, что в данном случае необходимо ответить на вопрос, имелась ли возможность у сотрудника дорожно-патрульной службы остановить транспортное средство иным путем (прижатием к обочине, перекрытием дороги и др.)? Также в данном вопросе имеет ключевое место форма требования об остановке. В любом случае даже при соблюдении всех условий использование оружия в данной обстановке должно быть последним, крайним средством устранения реально существующей опасности.

Следует отметить, что несмотря на несомненный вклад в науку многих правоведов вопросам правового регулирования применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия, совершенствования методов уголовно-правовой оценки их действий уделяется недостаточное внимание.

Отдельные ученые считают, что зафиксированные в Законе об ОВД запреты имеют определенные неточности. Дело в том, что они вопреки требованиям УК ограничивают право сотрудника на необходимую оборону. Полагаем, что неслучайно УК не содержит каких-либо ограничений на причинение вреда посягающему в зависимости от его пола, возраста, состояния здоровья и прочих характеристик. Ведь главное не это, а степень общественной опасности совершаемого деяния. Та же женщина или несовершеннолетний (особенно 15–17-летнего возраста) могут обладать большой физической силой, знать боевые приемы борьбы, иметь неоднократные судимости, быть членами организованных преступных групп. То же можно сказать и про инвалидов, которые среди лиц, отбывающих наказания, составляют немалый процент. К тому же явная инвалидность в ряде случаев (отсутствие одного глаза, пальца на руке, глухота, немота и др.) не мешает виновному совершать тяжкие и особо тяжкие преступления. К тому же сотрудник органов внутренних дел в ходе сопротивления может быть серьезно травмирован и не способен оказать достаточное противодействие нападающему [3].

Сосредоточим теперь внимание на вопросах применения огнестрельного оружия при принятии мер к задержанию лица, совершившего преступление и пытающегося скрыться. Ситуация характеризуется тем, что посягательство в данном случае уже отсутствует, а обязанность принять меры к задержанию исходит от сотрудника правоохранительного органа.

Следует заметить, что в присутствии или на глазах сотрудника милиции тяжкие преступления совершаются достаточно редко, в большинстве случаев сотрудники милиции узнают о них от очевидцев или потерпевших, как правило, сразу же после их совершения (крики о помощи,

обращения очевидцев лично или по телефону, срабатывание сигнализации и т. п.). Поэтому важное значение имеет вопрос о применении огнестрельного оружия в тех случаях, когда лицо преследуется на основании показаний потерпевших и очевидцев преступления, которые прямо указали на конкретное лицо как на совершившее преступление.

Недостаточно полно регламентируется применение и использование оружия в случае стихийных бедствий, чрезвычайных положений и др. Мы полагаем, что данный вопрос заслуживает особого внимания. В первую очередь лицо, применяющее оружие, должно понимать, что поведение людей в подобных ситуациях принимает иную форму, нежели в повседневной жизни, и реакция таких лиц будет не всегда адекватной и предсказуемой. Велика вероятность того, что действия правонарушителя, пресекаемые сотрудником милиции, могут внутренне поощряться окружающими, нередко законопослушными гражданами. На фоне складывающихся событий у граждан формируется представление о безнаказанности их поступков и бессилии властей. Законодатель не дает четких инструкций относительно порядка действий сотрудника милиции, применяющего оружие в нестандартной обстановке. Да, с одной стороны мы можем говорить о том, что такие ситуации не являются широко распространенными на сегодняшний день, но все же право принятия решения и ответственность за последствия такого применения ложится на сотрудников органов внутренних дел. Тем не менее следует помнить, что применение оружия даже в такой ситуации – мера исключительная [4].

Таким образом, правомерность применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел законодатель связывает не только с соблюдением организационных и тактических основ, но и со строгим выполнением специальных норм. Применение и использование оружия – мера административно-правового пресечения, которая в определенных случаях является единственно возможным средством защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Это положение требует особо тщательного изучения, так как затрагивает вопросы не только эффективности правоприменительной деятельности милиции, но и прежде всего – прав и свобод человека и должно осуществляться в рамках неукоснительного соблюдения законности.

Закон об ОВД, безусловно, содержит в себе все общепринятые международные принципы и стандарты, связанные с применением и использованием огнестрельного оружия. Однако из изложенного следует, что в законе существует значительное количество проблемных положений, преодолеть которые можно лишь с помощью совершенствования действующего законодательства.

Полагаем, что внедрение в практику указанных предложений позволит прежде всего разрешить отдельные вопросы правового регулирования применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия и в конечном итоге окажет положительное влияние на решение проблем борьбы с преступностью и охраны прав и свобод человека и гражданина в условиях построения правового демократического государства.

1. Галахова, А.В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации / А.В. Галахова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 96 с.

2. Огневая подготовка в органах внутренних дел : учеб.-метод. пособие / А.И. Щипин [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Моск. ун-т МВД России : Щит-М, 2004. – 238 с.

3. Куинн, Ф. Права человека и ты. Основные документы ООН, документы ОБСЕ и документы Совета Европы о правах человека / Ф. Куинн. – Варшава, 1999. – 711 с.

4. Воронцова, О.В. Действия сотрудников органов внутренних дел, применяющих огнестрельное оружие в нестандартной обстановке / О.В. Воронцова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 232–235.

УДК 340.63

Д.И. Захарченко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент

С.Н. Чигирь

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мерезко*

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ – ПРОБЛЕМА XXI в.

Изучается интернет-зависимость как психическое расстройство, процесс его развития и влияние на личность индивида.

В соответствии с толковым словарем Ожегова под понятием «зависимость» означает подчиненность другим (другому) при отсутствии самостоятельности, свободы [1, с. 200]. В процессе развития человечества и формирования так называемого «общества потребления» данное явление получило широкое распространение. В силу своего негативно-го воздействия на психику индивида зависимость вскоре стала трактоваться как заболевание. Так, по мнению российского психотерапевта А.В. Смирнова, в психиатрии зависимость представляет собой группу расстройств, объединяемую по общему признаку наличия зависимо-

сти от чего-либо. В последнее время данная проблема привлекает все больше и больше внимания со стороны психотерапевтов. Это в первую очередь обусловлено тем, что в процессе развития общества наблюдается тенденция расширения спектра состояний, которые можно было бы отнести к категории зависимостей. Так, например, в наше время выделяют наркотическую, алкогольную, азартную, компьютерную, адреналиновую и другие зависимости.

В то же время, несмотря на всю множественность и разнообразность предметов зависимости, каждая из них имеет общие черты. Во-первых, данное состояние индивида носит систематический характер. Во-вторых, в случае прекращения какого-либо действия либо потребления какого-либо вещества субъект зависимости испытывает психический либо физический дискомфорт. В третьих, употребление либо действие не ведет к полному насыщению (удовлетворению), но требует повторения, при этом в нарастающих дозах.

Рассматривая причины возникновения зависимости и процесс ее формирования, необходимо отметить, что данное явление формируется вследствие сочетания множества факторов, к которым можно отнести: наследственность; социальное воздействие на индивида; семейно-бытовое воспитание; физиологические особенности индивида; ситуации, оказавшие травмирующее воздействие на психику человека.

Таким образом, необходимо отметить, что зависимость в любых ее формах может пониматься как психическое отклонение, оказывающее негативное воздействие на личность индивида.

В настоящее время в Республике Беларусь, как и по всему миру, наблюдается стремительный процесс внедрения современных информационных технологий во все сферы жизни людей. Революционным шагом на пути информатизации общества стало создание глобальной сети Интернет во второй половине XX в. С тех пор данный информационный ресурс прочно укоренился в жизни людей независимо от возраста и рода трудовой деятельности. Так, интернет активно используется учащимися различных учебных заведений в образовательных целях. Широкое распространение получило общение в социальных сетях, позволяющее обмениваться информацией сразу с несколькими собеседниками на больших расстояниях, а современные компьютерные технологии на данном этапе позволяют иметь доступ в сеть через средства мобильной связи. Кроме того, данный информационный ресурс располагает широким спектром развлечений, к которым можно отнести кино, интернет-игры и т. д. При этом освоение данной технологии идет такими быстрыми темпами, что пользование ей приводит к наступлению определенного рода социальных последствий.

Так, по данным Национального статистического комитета, на начало 2015 г. в Республике Беларусь количество абонентов сети Интернет (физических и юридических лиц) достигло 9,7 млн, что практически равнозначно населению страны (9 481 тыс. чел.). При этом официально установлено, что интернетом пользуются около 60 % граждан в возрасте от 6 лет и старше. Подобная тенденция внедрения информационных технологий во все сферы жизни людей наблюдается по всему миру. Так, по данным интернет-ресурса «Википедия», по состоянию на июнь 2015 г. число пользователей сети Интернет составило 3,3 млрд чел. Это означает, что практически каждый второй житель Земли имеет доступ к глобальную сеть.

В то же время важно отметить, что, несмотря на все блага, которые несет нам интернет, активное пользование данным ресурсом вызывает ряд психических отклонений, получивших название «интернет-зависимость». Можно выделить два основных типа данной зависимости: 1) от компьютерных игр в сети интернет; 2) от общения в социальных сетях.

Наиболее подверженной данному явлению возрастной категорией принято считать граждан в возрасте от 11 до 24 лет, когда общение в социальных сетях и виртуальные игры по сети являются наиболее популярным способом времяпрепровождения. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за 2015 г. доля активных пользователей социальных сетей названной возрастной категории составила 91,1 %, в то время как 76,4 % пользователей данного возраста выходили в сеть с целью поиграть в компьютерные игры.

Игровая зависимость признается одной из ключевых форм интернет-зависимости, хотя до настоящего времени не было высказано достаточно мнений относительно того, почему одни лица подросткового возраста становятся зависимыми от интернет-игр, а другие – нет. Скорее всего, особенности сети Интернет только создают условия для его чрезмерного использования, тогда как содержание деятельности ребенка в сети является основой для его развития.

Формирование чрезмерного пристрастия к так называемому «интернет-серфингу» развивается так же, как и другие виды зависимости, а доступность сети Интернет лишь способствует его развитию. По мнению ряда психотерапевтов, масштабы распространения данной патологии на текущий момент позволяют ставить интернет-зависимость в один ряд с такими заболеваниями, как наркомания и алкогольная зависимость. Проблема патологической зависимости начинается тогда, когда стремление уйти от реальности, связанное с изменением психического состо-

нения, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности. Происходит процесс, во время которого человек не только не решает важных для себя проблем (например, бытовых, социальных), но и останавливается в своем личностном развитии [2, с. 25].

Рассматривая причины развития и формирования интернет-зависимости, необходимо отметить, что этому способствуют следующие факторы:

доступность информационных ресурсов и виртуальных зон;
анонимность передаваемой информации.

Кроме того, активное пользование сетью Интернет оказывает негативное влияние и на интеллектуальную деятельность личности. Николас Карр, известный американский ученый-публицист, эксперт в области процессов управления и передачи информации, совместно с созданной им группой исследователей-психологов пришел к неутешительным выводам – быстрое и регулярное просматривание сайтов ведет к тому, что мозг человека утрачивает способность к углубленному аналитическому мышлению, превращая постоянных пользователей сети в импульсивных и не способных к интеллектуальной работе людей.

Сравнительный анализ российских и европейских данных показал, что признаки интернет-зависимости встречаются у российских школьников значительно чаще, чем у их европейских сверстников. Если к группе риска по склонности к интернет-зависимости в России можно отнести от 10 до 26 % всех опрошенных подростков в возрасте от 11 до 16 лет, то в Европе эти данные представлены в диапазоне от 5 до 16 %. Однако полученные результаты позволяют предположить, что речь идет скорее не о патологическом влечении к сети интернет и определенных личностных особенностях интернет-зависимых школьников, а об огромном дефиците внимания по отношению к юным пользователям со стороны российских педагогов, родителей и специалистов. При самом внимательном отношении к проблеме развития интернет-зависимости необходимо в первую очередь решать вопросы «внешней ситуации»: отсутствия контроля со стороны взрослых и «вседозволенности» в виртуальном пространстве. Это позволит не только сократить группу риска, по оценкам российских исследователей, как минимум в два раза, но и не допустить ее разрастания за счет вовлечения новых пользователей [3, с. 87].

Чрезмерное увлечение интернетом у подростков приводит к состоянию депривации, что отражается на психологическом развитии несовершеннолетних. Психосоциальной депривацией в результате виртуальных

взаимодействий можно назвать состояние индивида, при котором чрезмерное использование новых информационных технологий приводит к недостаточному удовлетворению информационно-коммуникативных и иных видов потребностей и, как следствие, к деформации или качественным изменениям личностных, социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей. Такое состояние депривации ведет к появлению и развитию психических отклонений у несовершеннолетних [4, с. 56].

Психические отклонения у индивидов, страдающих интернет-зависимостью, при отсутствии контроля со стороны близких и должностных лиц компетентных государственных органов могут выражаться в различных формах. В первую очередь, данные отклонения носят социальный характер. Следствием этого является низкий уровень дисциплинированности, низкая успеваемость в учебной и образовательной деятельности и даже склонность к совершению различного рода правонарушений. Так, постоянное увлечение компьютерными играми, в которой преобладают сцены насилия и жестокости, могут оказывать сильное травматическое воздействие на неокрепшую психику индивида. 3 декабря 2009 г. Межпарламентской ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств было принято постановление № 33-15 «О Модельном законе „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“», согласно которому было рекомендовано использовать данный Модельный закон в законодательстве государств-участников. В нем четко обозначены позиции, позволяющие существенно сократить влияние интернета на психику детей. В частности, там прописаны дополнительные требования к компьютерным играм, а именно: запрет распространения среди детей на территории государств игр, связанных с возможностью совершения игроком виртуальных убийств и нанесения виртуальных увечий персонажам игры, а также игр, которые сопряжены с натуралистическим изображением или моделированием бесчеловечного обращения, связанного с причинением физических или психических страданий кому-либо. Эти профилактические меры существенно повлияют на сокращение негативных последствий после компьютерной игры.

Таким образом, необходимо отметить, что под интернет-зависимостью понимается расстройство в психических процессах индивида, которое характеризуется возникновением поведенческих проблем и заключается в неспособности человека самостоятельно выйти из сети, а также навязчивым желанием туда зайти.

По мнению современных психотерапевтов, данный вид зависимости носит паталогический характер и по своей опасности ее стоит ставить в один ряд с алкоголизмом и наркоманией. Это обусловлено широкой доступностью сети интернет, а также отсутствием контроля родителей за увлечениями своих детей.

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.

2. Куличкова, Л.И. Профилактика негативного влияния интернета на несовершеннолетних / Л.И. Куличкова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 6. – 180 с.

3. Солдатова, Г.У. Чрезмерное использование Интернета: факторы и признаки / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Психол. журн. – 2013. – Т. 34, № 4. – 182 с.

4. Корытникова, Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий / Н.В. Корытникова // СОЦИС. Соц. исслед. – 2010. – № 6. – 137 с.

УДК 340.1

Н.С. Касперович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Григорьев*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Вениосов*

ТЕОРИЯ ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ (НЕКЛАССИЧЕСКИХ) ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Анализируется ряд нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права и их роль в познании и объяснении феномена применения права, обосновывается вывод о влиянии законности на понимание права.

Законность и проблемы ее соблюдения всегда были актуальными для белорусского государства. Особую важность они приобретают в условиях демократизации общественной жизни, становления в нашей стране гражданского общества и правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Республика Беларусь, следуя курсом демократических преобразований и признавая приоритет прав и свобод человека, возложила на государство обязанность соблюдать и защищать их.

В юридической науке проблема законности занимает особое место. Законность в конечном итоге означает отношение общества к праву в целом, характеризует состояние всей системы правовых отношений. А право представляет собой фактор социальной жизни. Однако его

реальность определяется не только тем, что оно находит выражение в нормативных правовых актах – законах, указах, постановлениях и т. д. Право «реально» прежде всего потому, что властная воля, выраженная в законодательстве, воплощается в поведении людей – граждан, исполняющих закон; лиц, вступающих в отношения путем заключения договоров; судей и иных должностных лиц, закон применяющих. Право по своей природе таково, что не может существовать вне воплощения в правовых отношениях.

Даже самый совершенный закон является действующим только тогда, когда, воздействуя на общественные отношения, сознание и поведение людей, он выполняется. Вот эта-то сторона права, связанная с работой закона, его действительностью, и характеризуется понятием «законность».

С тех пор как возникло право, проблемы его образования и функционирования, формы его организации и существования постоянно привлекали к себе повышенное внимание ученых, политиков, практикующих юристов. Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что вопросы правопонимания принадлежат к числу «вечных» уже потому, что человек на каждом из витков своего индивидуального и общественного развития открывает в праве новые качества, новые аспекты соотношения его с другими явлениями и сферами жизнедеятельности социума. Не вызывает сомнения положение о том, что для современной юриспруденции в целом и для общей теории права в частности характерен научный плюрализм. В качестве определения, удовлетворяющего этим требованиям, может служить точка зрения М.И. Байтина, который призывал к сближению позиций и взаимопониманию в целях выработки или хотя бы приближения к выработке единого универсального понятия. Он полагал, что существование нескольких подходов к пониманию права чревато размыванием самой теории права [1, с. 5]. Предложения такого рода отнюдь не являются чем-то новым, однако, с другой стороны, множественность подходов к пониманию права, а также обширность и многоплановость юридического наследия указывают на необходимость систематизации различных направлений правовой мысли. Очевидно, не трудно сделать вывод о том, что классификация взглядов поможет определить магистральную линию развития теории права и выявить существенные черты его природы. На наш взгляд, одним из наиболее перспективных и приоритетных направлений в исследовании нетрадиционных подходов к пониманию права является вопрос о месте принципа законности среди предоставленных подходов правопонимания.

Анализируя исторически сформировавшиеся подходы в отечественной юриспруденции (от естественно-правового до философского), М.И. Байтин считал, что в ней сложились два основных направления

понимания права – нормативное и широкое [1, с. 15]. С точки зрения В.С. Нерсисянца, классификация должна базироваться на трех типах понимания права: легистском (позитивистском), естественно-правовом (юснатуралистическом) и либертарно-юридическом [2, с. 10]. Такие ученые, как А.Ф. Вишне夫斯基, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский, признают сформировавшимися три основные концепции (школы) в теории права: нормативную, естественно-правовую и социологическую [3, с. 123]. Подобной точки зрения придерживается и В.А. Четвернин, выделяя при этом еще и либертарно-юридическую теорию права, как формальную (юридическую) меру свободы человека [4, с. 54]. В работах последних лет было убедительно доказано, что у каждого из этих теоретических направлений есть свое научное понимание законности и совокупность критических замечаний в адрес других трактовок.

Тот или иной тип правопонимания имеет исходное и определяющее значение в юридической науке, поскольку позволяет проникнуть в смысл закона и отражает способность сознания адекватно воссоздать его содержание. Сравнительные данные показывают, что в юридической литературе получила широкое распространение теория законности в рамках интегративного подхода к пониманию права.

Несомненно, сегодня существуют диаметрально противоположные оценки использования интегративного подхода в юридической науке. В этом плане весьма интересным представляется замечание В.В. Лапаевой, которая довольно категорично заявляет, что «данный подход к построению интегрального правопонимания представляется методологически единственно возможным и теоретически верным» [5, с. 9]. Следует признать, что в современной юридической литературе «интегральная юриспруденция» все более открывает широкие возможности и глубинные перспективы для развития теории законности.

Интегративный подход стремится найти законность через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении [6, с. 118]. Однако это не выдерживает критики. Их различие открывает новые перспективы в осмыслении юридической науки. Подчеркнем, что интегративная идея в своем соотношении абсолютного и относительного получает новое развитие в рамках неклассической рациональности, когда на смену классическому типу мышления приходит парадигма мышления, доминантой которой становится полицентризм. Это соотношение между «интегральной юриспруденцией» и «интегративной юриспруденцией» можно рассматривать как различие между классической и неклассической юридической наукой и их пониманием целостности.

В то же время необходимо отметить в высказываниях Р.А. Ромашова весьма рациональное звено, поскольку он рассматривает интегративность права как признак, связанный с регулятивной функцией права [7, с. 104].

Таким образом, в настоящее время интеграция юридических наук становится ведущей тенденцией развития научного познания. Поэтому важно учитывать, что в основании интеграции лежит ряд последующих операций, включая и интегративную парадигму, основываясь на которой можно шаг за шагом, поэтапно интегрировать юридическое знание. Все это обуславливает разработку интегративной модели, обеспечивающей единство теории законности, отвечающей потребностям современного глобализирующегося общества.

Не менее значимым подходом к пониманию права представляется положение о юридической герменевтике, которая в современной науке чаще всего воспринимается не как коммуникативная философия права, теория права или правопонимание, а как теория толкования права, наука постижения смысла права, прежде всего позитивного права. Напомним основной постулат герменевтики: понимание любого результата человеческой деятельности опирается на предположение, так как догадка, гипотеза о смысле поступка, фрагмента текста, статьи и т. п. необходимы для начала процесса постижения смысла.

В связи с тем что право является социальным феноменом, принадлежит социальной реальности, методология его исследования должна опираться на современные достижения методологии социальных наук. С позиции герменевтико-феноменологической концепции на справедливое рассмотрение способен каждый, поэтому в правовом государстве существует гарантия законности, любой профессиональный юрист может правильно предсказать правовое решение на основе действующих законов. Для того, чтобы вывести по данному случаю юридическое суждение, нужно, чтобы правопорядок был обязателен для каждого.

Обосновывается, что правопорядок укрепляется, становится эффективным при условии, если законы и иные акты принимаются и реализуются на основе принципов права, с учетом внутренней связи с регулирующими общественными отношениями, исторически сложившимся правосознанием народа. Ведь режим правопорядка, выступая в качестве элемента правовой системы, представляет собой единую динамическую подсистему создания, усвоения и применения правовых ценностей, оказывающих воздействие на психику, сознание и волю людей, на характер их поведения. Широкое понимание права открывает большие возможности для его анализа в совокупности факторов, которые обеспечивают его существование не в виде схемы законов, отражающей общественную

жизнь, а как саму эту жизнь, т. е. как право, взятое в его бытии. Важно также учитывать положение о том, что попытки рассматривать право шире его нормативности чреваты опасностью «разрушения» законности.

Наличие четкого, совершенного, отвечающего требованиям жизни законодательства – это принципиально важное и необходимое условие последовательного укрепления законности в деятельности всего государственного механизма. Еще в 1956 г. М.С. Строгович вполне обоснованно подчеркивал, что уровень развития законности зависит от состояния действующего законодательства: «Законы – это основа законности, поэтому совершенствование законов, т. е. укрепление основы законности, является важнейшим средством укрепления самой законности, ее охраны и обеспечения» [8, с. 23]. Однако даже наличие научно обоснованного законодательства, правильно отражающего объективные закономерности общественного развития, не в состоянии обеспечить осуществление целей, стоящих перед обществом, если нормы законодательства не проводятся в жизнь, если его предписания нарушаются. Все это ведет к пониманию огромной важности задачи укрепления законности в деятельности органов государства и должностных лиц.

Совершенно очевидно, что в рамках одной статьи невозможно подробно осветить не только все, но даже немногие направления развития, а следовательно, и проблемы принципа законности среди неклассических подходов к пониманию права. Изложенное, по нашему мнению, убедительно свидетельствует от том, что все подходы имеют не только теоретическое, но и практическое содержание, поскольку каждый субъект правоприменения определяет свои требования к законодательству и по-своему минимизирует возможные несовершенства создаваемых норм, выделяет приоритетные направления совершенствования национального законодательства, помогает нормотворческим органам устранять факторы, снижающие эффективность действия права.

1. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – 415 с.

2. Нерсесянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопр. философии. – 2002. – № 3. – С. 10–12.

3. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. – Минск : Академия МВД, 2013. – 479 с.

4. Четвернин, В.А. Нетрадиционные подходы к правопониманию / В.А. Четвернин // Рос. следователь. – 2013. – № 8. – С. 8–13.

5. Лапаева, В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность / В.В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5. – С. 5–13.

6. Наш трудный путь к праву : материалы Первых филос.-прав. чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца, Москва, 2 окт. 2006 г. / Ин-т государства и права РАН ; редкол.: И.М. Соколышк (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – 416 с.

7. Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: в поисках интегративно-го правопонимания / Р.А. Ромашов // Государство и право. – 2005. – № 10. – С. 102–104.

8. Строгович, М.С. Теоретические вопросы советской законности // М.С. Строгович // Совет. государство и право. – 1956. – № 4. – С. 22–25.

УДК 343.985.8

Е.А. Климович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматувский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

ОБЩАЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы существования профилактики на различных этапах развития общества; проводится сравнение понятий «профилактика», «предупреждение» и «предотвращение»; анализируются мероприятия общего характера, проводимые оперативными подразделениями в области профилактики правонарушений.

Цивилизованное общество на уровне конституционных норм признает человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью и целью общества и государства. На любом историческом этапе перед государством и обществом стоит задача профилактики преступлений.

Профилактика преступлений является самым важным средством обеспечения жизнедеятельности государства, способным во многом преодолеть его эффективное функционирование. С одной стороны, она связана с деятельностью государственных органов, общественных объединений и имеет целью защиту публичных интересов, а с другой – затрагивает взаимоотношения государства и личности, к которой применяются профилактические меры Концепций национальной безопасности Республики Беларусь. Снижение уровня преступности и криминализации общества определены в качестве одной из основных задач в социальной сфере, решение которой зависит от наличия эффективной

оперативно-розыскной профилактики (ОРП) органов внутренних дел (ОВД) Республики Беларусь, позволяющей влиять на оперативную обстановку в целом, обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства.

Последствия преступности, изменение социально-экономической обстановки в стране, криминализация самых разнообразных областей социального пространства, появление новых свойств современной преступности, проявление ранее неизвестных способов и действий преступников, средств противодействия деятельности оперативных подразделений, конспиративность, устойчивость и пространственность различных преступлений обуславливают необходимость дальнейшего осмысления и усовершенствования традиционных и развития новых подходов в ОРП ОВД.

Профилактика преступлений в своем нынешнем состоянии является продуктом многовекового формирования общественно-научных взглядов на природу преступного поведения и ее преодоления. Кроме того, на формирование теоретических концепций воздействия на преступность оказали свое неравнозначное влияние уголовное право и социология, что характерно не только для отечественной, но и для зарубежной криминологии.

Идея о профилактике преступлений берет свое начало еще на ранних этапах развития человечества и говорит нам о том, что профилактика должна выступать в большем приоритете, чем карательная функция государства. Понимание того, что с преступностью нельзя бороться, используя меры карательного характера, легло в основу писаний античных авторов.

Впервые на территории Беларуси законодательно меры по борьбе с преступлениями были закреплены в статусах ВКЛ (1529 г., 1566 г., 1588 г.). Так, в частности, профилактике преступлений был посвящен арт. 10 разд. 1 Статута 1588 г. В нем устанавливались ограничения оборота холодного оружия как источника повышенной угрозы для жизни и здоровья людей с целью недопущения совершения преступлений с его использованием. Отметим, что в рассматриваемый период обязанность предупреждения преступлений возлагалась на государственные органы, выполняющих ее без соответствующей специализации, что негативно отражалось на эффективности соответствующей деятельности [1, с. 8–9].

Уже в более современный период в Академии МВД СССР был разработан проект Кодекса о профилактике правонарушений. Однако в связи с распадом СССР это направление противодействия преступности было приостановлено, что привело к ее резкому росту. В Республике Беларусь искали возможность сохранить это направление деятельности, изыскивали наиболее эффективные профилактические формы и методы, также пытались вовлечь в данную сферу деятельности трудовые коллективы

и граждан, но данное направление не получило широкого развития так как отсутствовала эффективная правовая база.

Нужно отметить, что процесс предупреждения преступности в Республике Беларусь в настоящее время не имеет самостоятельной единой правовой базы. Он представляет собой конгломерат разных законов и иных нормативных актов, в том числе ведомственных, в которых, наряду с определением правомочий соответствующих субъектов правоохранительной сферы, закреплены и соответствующие профилактические функции.

Представляется целесообразным разобраться в наиболее общих положениях, сложившихся в отношении понятия «профилактика».

В юридической литературе помимо термина «профилактика» употребляются понятия «предупреждение», «предотвращение», которыми часто определяют одно и то же явление. В научной литературе до настоящего времени не решен вопрос о терминологическом и содержательном соотношении данных определений.

Ряд авторов выделяют самостоятельные составляющие в рамках предупреждения. Например, В.Д. Малков считает, что предотвращение преступлений составляет лишь часть индивидуального предупреждения и представляет собой деятельность по выявлению, устранению или нейтрализации причин и условий, способствующих их совершению; оказанию профилактического воздействия на конкретных лиц с противоправным поведением. Согласно мнению названного автора, профилактика является одной из опосредованных мер общесоциального предупреждения, средством позитивного воздействия на лиц с отклоняющимся предпреступным поведением. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые, отмечая, что профилактика заключается в воздействии на лиц, склонных к совершению преступлений, когда же появляется замысел совершить преступление, возникает необходимость в предотвращении [2, с. 77].

В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский указывают, что понятия «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» могут использоваться как взаимозаменяющие. Близкой по смыслу позиции придерживаются и ряд других ученых, отмечая возможность отождествления упомянутых терминов, поскольку их толкование имеет много общих позиций. Анализ рассматриваемых понятий позволил О.В. Филимонову констатировать, что термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» совпадают по своему назначению, и изменение смысла сложившихся понятий русского языка не входит в задачи правовой науки. Употребление слов-синонимов в разных смыслах не способствует упорядочению, а в практической деятельности может привести к путанице о терминологии [3, с. 39].

В свою очередь в ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предупреждение преступлений определено в качестве одной из задач ОРД, и этот термин широко употребляется в рассматриваемом законе. Понятия предотвращение преступлений в названном документе законодателем не употребляются.

В Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 10 ноября 2008 г. одновременно употреблялись термины «предупреждение», «профилактика» и «предотвращение», при этом понятие профилактики правонарушений определялось через термины «предупреждение» и «предотвращение».

Другими словами, законодатель одновременно употребляет в отдельных случаях анализируемые термины как синонимы, а в других – как разные по смыслу. Что не вносит ясности в их понимание.

Изменение указанной ситуации наметилось с принятием Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», в котором при определении понятия «профилактика правонарушений» термин «предупреждение» уже не употребляется. Профилактика правонарушений определяется как «деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений». В свою очередь, в рассматриваемом законе термин «предотвращение» вообще не употребляется. Вместе с тем законодатель не ушел от употребления термина «предупреждение» в том же смысле, что и «профилактика», однако в ст. 26 также использует его в названии одной из мер индивидуальной профилактики («официальное предупреждение»).

В рамках теории ОРД следует говорить об ОРП, под которой понимается комплексное осуществление мер предупредительного воздействия и контроля в отношении лиц, состоящих на учетах ОВД с целью недопущения совершения с их стороны преступлений, а также по изучению и принятию мер по нейтрализации факторов, влияющих на их криминальную активность. Данное понятие также трактуется как «деятельность оперативных подразделений ОВД, заключающаяся в оперативно-розыском обеспечении выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений и их устранению, а также выявления лиц, склонных к совершению преступлений, и оказании на них профилактического воздействия».

Специальные меры по объему следует разделять на меры общей и индивидуальной профилактики. В настоящей статье мы рассмотрим меры, касающиеся общей ОРП.

Согласно Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» мерами общей

профилактики правонарушений являются профилактические мероприятия, направленные на предупреждение отдельных преступлений, правовое просвещение граждан, представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, иные меры, предусмотренные законодательными актами Республики Беларусь. К иным основным мерам общей профилактики правонарушений относятся: проведение криминологической экспертизы актов в случаях и порядке, установленном Президентом Республики Беларусь, организация местными исполнительными и распорядительными органами проведения опросов общественного мнения о деятельности субъектов профилактики правонарушений и освещения их результатов в средствах массовой информации, обеспечение ОВД во взаимодействии с местными и распорядительными органами стимулирования граждан за предоставление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных преступлениях. Приведенные выше мероприятия характерны для всех субъектов профилактики. Возникает необходимость разграничивать мероприятия для оперативных подразделений ОВД, которым характерно осуществление негласной деятельности.

Общая ОРП, проводимая в ОВД, позволяет выделять ряд этапов, рассмотрение которых дает возможность детально изучить ее и более эффективно проводить:

- анализ данных о совершенных на обслуживаемой территории преступлениях и правонарушениях с группировкой их по видам, месту, способу, времени совершения;

- выявление характеристики личности правонарушителей и потерпевших;

- изучение соответствующих материалов оперативно-розыскной деятельности;

- обнаружение типичных мест сбыта похищенного имущества.

На основе статистических данных, сгруппированных по указанным ранее признакам, можно сделать вывод о том, какие преступления, где, когда и какими способами совершаются наиболее часто. Сопоставление полученных сведений с данными за аналогичные периоды прошлого года позволяет установить эпизодичность изучаемого явления или его повторяемость и принять правильное решение для проведения соответствующих мероприятий.

Оперативные подразделения осуществляют сбор информации об условиях, способствующих совершению преступлений, поступающей в различные службы и подразделения ОВД, в ходе повседневной работы по предупреждению и раскрытию преступлений.

Такая информация добывается при анализе имеющихся сведений о складывающейся оперативной обстановке на обслуживаемой терри-

тории. Сотрудники при планировании своей работы должны обращать внимание на такие признаки оперативной обстановки, как распространение тех или иных видов преступлений, характерные время и места совершения; характеристика личности правонарушителей и потерпевших; типичные места сбыта похищенного имущества и др. Проведенный на основе этой информации анализ позволяет определить условия, которые способствуют совершению преступлений. По своему содержанию они различны. Одни из них способствуют формированию преступного умысла, другие облегчают совершение преступных действий, третьи затрудняют быстрое раскрытие преступлений. Исходя из результатов анализа оперативной обстановки планируются мероприятия по устранению выявленных условий, проводимые с обязательным участием заинтересованных подразделений и служб ОВД, а также иных правоохранительных органов. Так, в мероприятиях по предупреждению краж и угонов автотранспорта принимают активное участие сотрудники ГАИ. Предупреждение преступлений со стороны подростков организуется с участием инспекций, комиссий по делам несовершеннолетних [4, с. 8].

Необходимо отметить, что роль оперативных подразделений в общей профилактике преступлений заключается в первую очередь в выявлении соответствующих условий. Принятие мер по устранению этих условий производится, как правило, другими службами ОВД, а также организациями, учреждениями и предприятиями. Для этого оперативные работники готовят и направляют от имени ОВД соответствующим руководителям представления об устранении условий, способствующих совершению преступлений, а также следят за выполнением соответствующих рекомендаций. В другие службы и подразделения ОВД эта информация передается рапортом оперативного сотрудника.

Приводя пример общих профилактических мероприятий, необходимо отметить, что при применении уголовного законодательства в отношении гражданина другие лица, непосредственно или опосредованно знакомые с ним, отказываются от совершения преступных действий, тем самым проявляются черты общей профилактики, так как данные действия не направлены на определенный круг лиц и не рассматриваются конкретные преступления. Общая профилактика иногда сводится к устранению объективных, внешних причин, порождающих преступления и условия, способствующие их совершению, а также обстоятельств, облегчающих достижение преступного результата. С этим можно лишь отчасти согласиться. Криминогенные факторы объективного характера – это основной, но не единственный вид объектов общей профилак-

тики. Типичным примером устранения в ходе общей профилактической работы причин и условий преступности является правовое просвещение и воспитание.

В настоящее время активно используются информационные технологии, которые позволяют оказывать влияние на граждан, осуществляя профилактику преступлений, в том числе правовую пропаганду и просвещение. Соответствующим образом организованное и тактически грамотное использование информационных технологий позволит активизировать факторы, стимулирующие законопослушное поведение граждан.

Такие ресурсы, как электронная почта, социальные сети, интернет-форумы, блоги и т. п., выступающие средствами коммуникации, позволяют осуществлять информационное воздействие с целью недопущения совершения преступлений. Уникальные возможности имеются у веб-технологий, которые оказывают влияние посредством интернет-сайтов, путем размещения информации на отдельных страницах, организации новостных групп, комментариев специалистов, обмена мнениями и т. д.

Таким образом, профилактика преступлений в своем нынешнем состоянии является продуктом многовекового формирования общественно-научных взглядов на природу преступного поведения и ее преодоление. До настоящего времени на протяжении нескольких столетий профилактическое направление остается главным в борьбе с преступностью, а профилактика преступлений – неотъемлемой функцией правоохранительных органов большинства цивилизованных стран мира независимо от экономических и социально-политических преобразований. При этом профилактика преступлений в процессе своего развития стала неотъемлемой функцией и для ряда других государственных органов и общественных формирований.

ОРП сама по себе невозможна без достаточного информационного обеспечения. С этой целью оперативные подразделения используют как гласные, так и негласные источники получения информации. Негласные силы, средства и методы могут использоваться изолированно или в сочетании с гласными.

Меры общей профилактики применяются в случаях, когда причины, условия, иные детерминанты преступлений проявляются обезличено, безотносительно антиобщественного поведения конкретных лиц, которые могут совершить условно наказуемые деяния, а именно в различных сферах социальной жизни.

Роль оперативных подразделений в общей профилактике преступлений заключается в первую очередь в выявлении соответствующих

условий. Принятие мер по устранению этих условий производится, как правило, другими службами ОВД, а также организациями, учреждениями и предприятиями.

1. Коляго, В.В. Административно-правовое регулирование профилактической деятельности милиции общественной безопасности : монография / В.В. Коляго ; под ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Академия МВД, 2011. – 203 с.

2. Борико, С.В. О некоторых вопросах профилактики правонарушений / С.В. Борико // Проблемы упр. – 2009. – № 2. – С. 140.

3. Городецкая, М.А. К вопросу о содержании понятий «предупреждение» и «профилактика» правонарушений (преступлений) / М.А. Городецкая // Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности в области противодействия преступности и коррупции : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 дек. 2011 г. – Минск, 2012. – С. 39.

4. Колченогова, О.П. Профилактика преступлений : курс лекций / О.П. Колченогова, Н.А. Легенченко. – Минск : Академия МВД, 2014. – 106 с.

УДК 342.95

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Л. Федчук*

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются понятие и цели административной ответственности. Проводится сравнительный анализ принципов административной ответственности в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации. Вносятся аргументированные предложения по изменению и дополнению законодательства.

В юридической литературе существует множество различных подходов относительно содержания дефиниции «административная ответственность». Так, по мнению Л.М. Рябцева, административная ответственность – это форма реагирования государства на правонарушения, которая проявляется в применении полномочными органами (должностными лицами) конкретных административно-правовых санкций (административных взысканий) в пределах и порядке, установленных

государством, по отношению к виновным лицам, совершившим правонарушения [1, с. 213]. Данный подход коррелирует со ст. 4.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, согласно которой административная ответственность выражается в применении административного взыскания к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с данным Кодексом. Согласно ст. 1.2 КоАП данный законодательный акт направлен на предупреждение административных правонарушений.

Одним из важнейших элементов административной ответственности является административное взыскание. Понятие и цели административного взыскания излагаются в ст. 6.1 КоАП, где указывается следующее:

административное взыскание является мерой административной ответственности;

административное взыскание, налагаемое на физическое лицо, применяется в целях воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим физическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими лицами;

административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо, применяется в целях предупреждения совершения новых административных правонарушений.

Как отмечает В.А. Круглов, административная ответственность может быть реализована, если имеются три взаимосвязанные составляющие:

- 1) совершение деяния, нарушающего установленный КоАП запрет;
- 2) возбуждение, расследование, рассмотрение и принятие решения о применении к лицу, совершившему противоправное деяние, санкции, предусмотренной КоАП, либо освобождение от нее;
- 3) исполнение принятого решения [2, с. 40].

Дискуссионным в научной литературе остается вопрос о целях административной ответственности. По мнению О.И. Чуприс и Л.И. Гасана, административная ответственность имеет целью воспитание лица, совершившего правонарушение, и предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими лицами; она призвана способствовать восстановлению социальной справедливости [3, с. 17]. В Республике Беларусь действует множество различных юридически обязательных правил, цель которых – обеспечить правопорядок и должную дисциплину во всех сферах жизнедеятельности общества. К ним относятся правила дорожного движения, техники безопасности, противопожарные, охраны окружающей среды и др. [2, с. 40]. Все эти правила

защищаются административной санкцией, т. е. влекут за собой административную ответственность. Однако следует сразу же разъяснить, что административная ответственность и административная санкция относятся к разным категориям, хотя и тесно связаны между собой. Данная связь проявляется в следующем: юридическим выражением административной ответственности выступает административное взыскание, а санкция, в свою очередь, представляет собой юридико-техническое отражение допустимого вида и размера административного взыскания [3, с. 15].

Представляет также интерес точка зрения Д.А. Плетнева и Е.Ю. Стахановой, по мнению которых возложение ответственности на лицо, допустившее нарушение, преследует цель разрушить социально-негативную ценностную установку этого лица, либо восполнить недостаток социально-полезной ориентации, приведший к посягательству на общественные отношения. Осуждение (порицание) социально-негативного поступка создает социально-полезный прецедент недопустимости подобной деятельности, способный оказать влияние на лицо, допустившее нарушение, а также на иных лиц. Непосредственная связь юридической ответственности с социальной природой деятельности, детерминированность человеческого поведения, создает возможность воздействовать на субъектов общественных отношений в желательном для общества направлении [4]. Без четко продуманной, непротиворечивой системы мер административной ответственности регулятивные нормы административного права становятся бессильным и ненадежным правом, не оправдывающим возлагаемых на него социальных ожиданий.

Следует разграничивать цели административной ответственности со средствами их достижения, для чего необходимо уяснить этимологию указанных терминов.

Под целью понимается идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует человеческую деятельность [5].

Под средством понимается прием, способ действий для достижения чего-нибудь; предмет, приспособление (или совокупность их), необходимое для осуществления какой-нибудь деятельности [6].

Думается, что целью административной ответственности является воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как самим физическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими лицами. Средством достижения данной цели является применение к вышеуказанным лицам различных видов административных взысканий.

Осуществление всякой правовой деятельности, в том числе и по применению мер административного принуждения, представляется немислимой без соблюдения определенных законом принципов, признаваемых в качестве основополагающих идей, отражающих смысл и содержание этой деятельности. И это неслучайно, так как само понятие «принцип» (от лат. *principium* – начало, основа) означает первоначало, руководящую идею и выступает центральным понятием [7, с. 30–31]. Под принципами в теории права понимаются исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения развития и функционирования права. Необходимость специального рассмотрения процессуальных проблем института административной ответственности диктуется прежде всего соображениями методологического порядка. Всесторонний анализ административной ответственности не может быть полным без исследования ее процессуальных особенностей. Это обусловлено тем, что административная, как, впрочем, и иная правовая ответственность, в реальной действительности представляет собой результат применения и взаимодействия двоякого круга норм – материальных и процессуальных и соответствующих им правоотношений. Обращение к процессуальным проблемам административной ответственности представляет поэтому важную теоретическую задачу [8, с. 3]. В принципах административной ответственности отражаются глубинные, устойчивые закономерные связи, благодаря которым институт административной ответственности является самостоятельным компонентом права. Изучение принципов административной ответственности позволяет не только охарактеризовать социальную, правовую и нравственную сторону административной ответственности, но и понять ее фактическое содержание, смысл отдельных норм и институтов административного права. Все это крайне необходимо для правильного решения практических вопросов [9].

В соответствии с ч. 1 ст. 4.2 КоАП административная ответственность основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма.

Принцип законности означает, что все должностные лица, граждане обязаны и соблюдать предписания КоАП и что всякое отступление от требований Кодекса, какими бы мотивами оно не было вызвано, является недопустимым. Привлечение и освобождение от административной ответственности осуществляются не иначе, как по постановлению (решению) компетентного органа (должностного лица) и на основании КоАП [3, с. 45].

Принцип равенства перед законом означает, что физические лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом

и подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Юридические лица, привлекаемые к административной ответственности, равны перед законом и подлежат административной ответственности независимо от формы собственности, места нахождения, организационно-правовой формы и подчиненности, а также других обстоятельств. Этот принцип отражен в ст. 22 Конституции Республики Беларусь и в ч. 3, 4 ст. 4.2 КоАП.

Принцип неотвратимости ответственности отражается в ч. 5 ст. 4.2 КоАП, где указано, что каждое физическое лицо, признанное виновным в совершении административного правонарушения, а также юридическое лицо, вина которого по отношению к совершенному административному правонарушению установлена, подлежат привлечению к административной ответственности.

Принцип виновной ответственности, в соответствии с ч. 6 ст. 4.2 КоАП заключается в том, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Также в данном контексте следует упомянуть, что в силу ст. 26 Конституции Республики Беларусь предусмотрена презумпция невиновности, заключающаяся в том, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Принцип справедливости и гуманизма закреплен в ч. 7–9 ст. 4.2 КоАП, где указано, что административная ответственность должна быть справедливой и гуманной, т. е. административное взыскание должно назначаться с учетом характера и вредных последствий совершенного административного правонарушения, обстоятельств его совершения, личности физического лица, совершившего административное правонарушение; физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно быть назначено административное взыскание, необходимое и достаточное для его воспитания. Административное взыскание не имеет своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий. Административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет целью причинение вреда их деловой репутации.

Следует принять во внимание точку зрения И.А. Галагана, который считает, что административная ответственность сопровождается се-

рьезными правоограничениями личности. В связи с этим применение ее мер должно быть поставлено в условия более четкого и совершенно процессуального режима за счет использования в административно-процессуальном законодательстве приемлемых элементов уголовного и гражданского процесса, не противоречащих оперативной и мобильной сущности государственного управления [8, с. 199].

Для предмета исследования также представляет интерес практика законодательного закрепления принципов административной ответственности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Основными принципами административной ответственности, нашедшими свое отражение в данном кодексе, являются:

принцип законности (ст. 1.6 КоАП РФ);

принцип охраны чести и достоинства личности, заключается в том, что при применении мер административного принуждения не допускаются решения и действия (бездействие), унижающие человеческое достоинство (ст. 1.6 КоАП РФ);

принцип равенства перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ);

принцип ведения производства на государственном языке Российской Федерации либо на государственном языке республики, на территории которой находится субъект, рассматривающий дело (ст. 24.2 КоАП РФ);

принцип оперативности производства, заключается в том, что в КоАП РФ установлены сравнительно краткие сроки давности привлечения к административной ответственности и давности исполнения постановления о назначении наказания (ст. 4.5, 31.9 КоАП РФ);

принцип экономичности производства, проявляется прежде всего в том, что наиболее многочисленную группу субъектов, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, составляют различные категории должностных лиц, сочетающих указанную деятельность с иными функциональными обязанностями [10].

Таким образом, с учетом международного опыта считаем оправданным закрепить в законодательстве Республики Беларусь такие принципы административной ответственности, как принцип оперативности и принцип экономичности.

Необходимо отметить, что имплементация норм, закрепляющих вышеуказанные принципы, в законодательство Республики Беларусь будет способствовать повышению эффективности административной ответственности и, соответственно, совершенствованию административно-правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

1. Рябцев, Л.М. Административное право / Л.М. Рябцев. – Минск : Книж. Дом, 2007. – 320 с.

2. Круглов, В.А. Комментарий к КоАП Республики Беларусь / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 1072 с.
3. Чуприс, О.И. Теория меры административного взыскания и ее нормативно-правовая реализация / О.И. Чуприс, Л.И. Гасан. – Минск : Изд-во БГУ, 2014. – 99 с.
4. Плетнев, Д.А. Вина как субъективное основание конституционно-правовой ответственности / Д.А. Плетнев, Е.Ю. Стаханова // Основы экономики, упр. и права. – 2013. – № 4. – С. 117–122.
5. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319910>. – Дата доступа: 18.04.2016.
6. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1040150>. – Дата доступа: 18.04.2016.
7. Уваров, В.Н. Трудовое право Республики Казахстан : учебник / В.Н. Уваров. – Алматы : КазГЮА, 2000. – 518 с.
8. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР / И.А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – 199 с.
9. Байсалова, Г.Т. Понятие конституционно-правовых принципов административной ответственности / Г.Т. Байсалова // Вестн. КазНУ. – Алматы, 2009. – 84–87 с.
10. Принципы административной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://life-prog.ru/1_15493_printsipi-administrativnoy-otvetstvennosti.html. – Дата доступа: 20.04.2016.

УДК 343.985

М.В. Колупанович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Тукало

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются проблемы планирования в оперативных подразделениях органов внутренних дел. Определяются принципы планирования. Предлагаются рекомендации к составлению планов деятельности оперативных сотрудников.

Искусно продуманный, детально подготовленный, отвечающий всем необходимым требованиям план – это один из элементов организации работы оперативных подразделений органов внутренних дел (ОВД) как в повседневной деятельности, так и в конкретно складывающейся оперативной

обстановке. Также это показатель профессиональной грамотности оперативных сотрудников ОВД, который свидетельствует об их умении распределять свое служебное время и успешно заниматься своей деятельностью.

Между тем вопросы планирования еще недостаточно полно исследованы в научной литературе, трудах ученых, отсутствуют качественные практические наработки, систематизирующие правовую основу планирования, объясняющие методику оценки рабочего времени, методику анализа (самоанализа) эффективности планирования и в целом служебной деятельности в течение различных промежутков времени (рабочего дня, недели, месяца, квартала, полугода, года). Отсутствие современных научно обоснованных рекомендаций по организации деятельности оперативных подразделений в части планирования их деятельности приводит к бессистемности в работе. Из-за отсутствия четкого плана, наполненного конкретными заданиями, отсутствует объективная оценка собственного труда сотрудника, а у руководителя нет возможности объективно оценить работу своих подчиненных.

С психологической точки зрения сложившаяся ситуация связана с рядом отрицательных последствий. Ведь «отсутствие точных заданий, частое и притом необоснованное их изменение... неправильная оценка труда служащих – все это отрицательно сказывается на психике человека, вызывает раздражение и утомляемость, потерю интереса к работе» [1, с. 58].

Следует отметить, что надлежит не просто формально соблюдать плановость в работе, а достичь особой согласованности и взаимосвязи всех планов, по которым реализуется повседневная деятельность ОВД, всех его подразделений и отдельных исполнителей. Правильное, а значит, и качественное планирование является основным условием организованной и равномерной работы коллектива подразделения ОВД.

В научной литературе нашли отражение вопросы, связанные с планированием деятельности сотрудников правоохранительных органов (в основном уделяется внимание планированию работы следователя при расследовании преступлений). Однако вопросы планирования деятельности сотрудника оперативного подразделения при выявлении и раскрытии преступления освещены недостаточно.

Существуют различные определения планирования.

Планирование – оптимальное распределение ресурсов для достижения поставленных целей, деятельность (совокупность процессов), связанная с постановкой целей (задач) и действий в будущем.

Планирование – это исследование и определение путей достижения целей. Оно предполагает постепенное продвижение вперед, разложение общей задачи на частные, с тем чтобы различные действия можно было распределить во времени. Это сильнейший инструмент управления, и

его совершенствование является основой совершенствования управления в целом [2, с. 201–204].

Планирование – это процесс принятия конкретных решений, которые позволяют обеспечить эффективное функционирование и развитие организации в будущем [3, с. 201].

Планирование – это процесс подготовки управленческого решения, основанный на обработке исходной информации и включающий в себя выбор целей, определение средств и путей их достижения посредством сравнительной оценки альтернативных вариантов и принятия наиболее реального из них в ожидаемых условиях развития [4, с. 6].

В криминалистике под планированием расследования понимается творческий (сложный), мыслительный процесс, заключающийся в определении следователем направленности и задач расследования, а также способов и путей их разрешения в рамках закона [5, с. 258].

План расследования – это итог процесса планирования, программа деятельности следователя (перспективная модель), которая в письменной форме должна предусматривать оптимальный порядок, сроки, способы, средства, конкретных исполнителей следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, тактические приемы [6, с. 121].

С учетом вышеизложенного и названных положений сформулируем понятия планирование и план работы оперативного сотрудника ОВД.

Планирование – это процесс по определению путей, способов, сил, средств, методов и сроков успешного достижения поставленных целей, который обеспечивает принятие рационального решения, расстановку, эффективность использования сил, средств и времени в повседневной деятельности, а также при проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий, и служит средством самоконтроля оперативника за своей работой. Результатом этого сложного процесса являются различные планы, используемые в деятельности сотрудника (ежедневные, недельные, месячные, квартальные, полугодовые, годовые, пятилетние, а также планы по материалам проверки, по делам оперативного учета, оперативно-розыскным мероприятиям и т. д.), которые представляют собой перспективную модель будущих действий и мероприятий, детальную программу дальнейших действий для выполнения своих задач.

Таким образом, всевозможные планы оперативного сотрудника можно определить как комплекс информационных, тактических, организационных и процессуальных решений, итог (внешнее выражение) процесса планирования, предусматривающий оптимальный порядок, сроки, способы, средства и конкретных исполнителей оперативно-розыскных

и иных мероприятий, тактические приемы их осуществления, а также собственных дальнейших действий и мероприятий.

Планирование деятельности оперативных сотрудников может быть эффективным только в том случае, если оно будет осуществляться в соответствии с определенными принципами. По мнению Л.И. Фишмана, Н.В. Рогожкиной, В.Н. Чупина, В.В. Дудникова, важными являются следующие принципы планирования:

отбор и конкретизация мероприятий в соответствии с достигнутым уровнем работы;

конкретность сроков и ответственных исполнителей;

разумный баланс в обеспечении функционирования системы в соответствии с потребностями, которые диктуются временем [7, с. 24].

По мнению О.М. Виноградской, Н.С. Виноградской, В.С. Шевченко, планирование должно базироваться на таких принципах, как:

участие максимального числа сотрудников организации в работе над планом уже на самых ранних этапах его составления, потому что люди скорее будут выполнять те задачи, которые они сами поставили;

непрерывность, в соответствии с которой планирование должно быть не единичным актом, а постоянным процессом. В его рамках все текущие планы разрабатываются с учетом выполнения прошлых и служат основой для составления будущих;

гибкость, которая допускает возможность корректировки или пересмотра в любой момент ранее принятых плановых решений в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Для обеспечения гибкости в планы вставляют так называемые «подушки безопасности», которые облегчают свободу маневра (дополнительные ресурсы, завышенные сроки и др.);

согласование планов в форме координации (между подразделениями одного уровня) и интеграции (между разными), необходимость которого обусловлена взаимосвязью всех элементов организации;

экономичность, которая требует, чтобы расходы на планирование были меньше получаемого эффекта;

создание необходимых материальных и организационных условий для выполнения плана [3, с. 68].

В свою очередь, А. Файлем было сформировано пять принципов планирования, которые в современной науке называют классическими:

1. Необходимость. Программа предстоящих действий, безусловно, необходима, так как прежде чем действовать, нужно знать свои желания и возможности, а отсутствие плана сопровождается, как правило, колебаниями в принятии решения, ошибочными маневрами, переменной ориентации.

2. Единство. Принцип предполагает взаимоувязку всех видов планов, наличие сводного плана по определенным разделам и показателям.

3. Непрерывность. В процессе какой-либо деятельности на смену одному плану приходит другой. Может наблюдаться переход от стратегического плана к тактическому, а затем к оперативному, т. е. осуществляется взаимодействие долгосрочных и краткосрочных планов.

4. Гибкость. Этот принцип предполагает возможность необходимых корректировок и уточнений показателей, а также координации действий в связи с постоянными изменениями в технике, технологии, организации производства, которые приводят к снижению расхода ресурсов и повышению эффективности как производственной, так и экономической деятельности.

В рамках рассматриваемой тематики, связанной с деятельностью оперативных подразделений, данный принцип можно изложить как «возможность необходимых корректировок и уточнений мероприятий, а также координации действий в связи со спецификой работы ОВД (необходимо учитывать, что в любой момент времени оперативный сотрудник может быть задействован на выполнение какого-либо указания, поручения, задания начальника, а также сотрудник может выехать на место происшествия в связи с совершением преступления и т. п.), постоянными изменениями оперативной обстановки».

5. Точность. Соблюдение данного принципа зависит от систем и методов, применяемых при планировании. Они могут быть любыми, но при условии обеспечения допустимой эффективности деятельности [4, с. 7].

Согласно криминалистическому обоснованию планирования Г.Н. Мухин выделяет следующие принципы планирования: индивидуальности, конкретности, полноты, динамичности, реальности, оптимальности, законности, научности, нравственности.

Опираясь на положения криминалистики, раскроем данные принципы применительно к деятельности оперативных подразделений ОВД.

Принцип индивидуальности означает необходимость учета особенностей каждого конкретного материала проверки, дела оперативного учета, оперативно-розыскного мероприятия при осуществлении планирования. Также необходимо учитывать и специфику своей деятельности (например, будут различны планы деятельности сотрудника уголовного розыска и сотрудника отдела по борьбе с экономическими преступлениями или же сотрудника районного ОВД и сотрудника УВД области и т. д.).

Необходимо отметить, что механическое, бездумное перенесение на конкретную индивидуальную ситуацию выработанных наукой и практикой алгоритмов действий неизбежно приводит сотрудников оператив-

ных подразделений к просчетам в планировании, несоответствию характера их действий в реально сложившейся оперативной обстановке.

Данный принцип также находит выражение и в персональной ответственности сотрудника за выполненную работу. Реализация этого принципа предполагает творческий подход к планированию, лишенный упрощенчества, примитивных стереотипов, шаблонов и штампов.

Вместе с тем этот принцип ни в какой мере не отвергает и не умаляет значения использования в процессе планирования общих положений, типовых форм и приемов, научно обоснованных рекомендаций относительно решений в сходных ситуациях.

Принцип конкретности планирования предусматривает составление детальных планов, в которых все мероприятия сформулированы ясно, четко и понятно. Цели, задачи, средства, методы, исполнители, сроки осуществления мероприятий должны быть сформулированы в плане конкретно и лаконично. Детализация плана должна быть рациональной, разумной. Не имеет смысла отражать в планах все подробности трудовых операций, которые будут осуществлять исполнители и которые во многом обусловлены их индивидуальными способностями, знаниями, умениями и навыками.

Принцип полноты планирования обязывает учитывать в планах по делам оперативного учета все реально возможные версии по делу, предусматривать установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, и проведение всех наиболее целесообразных оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Принцип динамичности планирования обязывает оперативного сотрудника учитывать неизбежно происходящие изменения в оперативной обстановке и вносить соответствующие коррективы в свои планы.

Динамичность, гибкость планирования не означают игнорирование тех исходных данных, которые положены в основу плана. Этот принцип обязывает оперативника творчески подходить к запланированным мероприятиям и той информации, которая легла в основу планирования.

Принцип реальности имеет двоякое проявление. Во-первых, он означает необходимость тщательного обоснования выдвигаемых версий и планируемых мероприятий по их проверке имеющимися фактическими данными. Во-вторых, он означает необходимость всестороннего учета при планировании действительных возможностей оперативного сотрудника, имеющихся на данный момент в распоряжении сил и средств для эффективного осуществления намеченных целей.

Принцип оптимальности означает необходимость на основе анализа сложившейся оперативной обстановки, имеющихся в наличии сил и

средств планировать те мероприятия, в таком порядке и с такими особенностями, которые могут принести наибольший эффект при минимальном риске и издержках (затратах рабочего времени, материально-финансовых средств и т. п.).

Принцип законности проявляется в том, что планирование деятельности опирается на положения Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуального и уголовного законодательства, а также подзаконных нормативных актов (ведомственные приказы, инструкции и т. п.).

Принцип научности предполагает, что при планировании деятельности должны учитываться положения и рекомендации различных наук, занимающихся исследованием проблематики планирования.

Принцип нравственности предполагает, что при проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий оперативный сотрудник не должен своими действиями унижать честь и достоинство других лиц, обязан соблюдать общепринятые нормы нравственности [8, с. 49–52].

Как видим, некоторые из приведенных принципов сходны с принципами планирования, разработанными наукой менеджмента.

Также изучение юридической литературы позволило выяснить и предложить для практического использования рекомендации по составлению планов. Во-первых, каждый сотрудник планирует свою деятельность посредством отражения в плане примерного списка своих заданий, задач (краткое описание задания, задачи + планируемое время на выполнение + ответственные за исполнение сотрудники).

В план включаются следующие задачи, задания:

планируемые в рамках ежедневной оперативно-служебной деятельности;

полученные ранее в виде индивидуальных заданий, распоряжений, указаний руководителя (устно, письменно);

поручения, указания, полученные от должностных лиц других ОВД и правоохранительных органов (Следственного комитета, прокуратуры, суда и т. д.);

планируемые оперативным сотрудником к реализации по собственной инициативе.

В плане у каждого задания, задачи необходимо указать:

1. Название задания, задачи. Должно отражать, какие действия и с каким объектом их необходимо выполнить. Желательно при этом использовать для существительных именительный падеж и повелительное наклонение глагола. Это очень сильно облегчает последующий поиск среди всех задач. Пример: «Посетить предприятие ОАО „Керамин“»

(посетить – повелительное наклонение; предприятие ОАО «Керамин» – именительный падеж).

2. Планируемое время на выполнение. Пример: «Подготовить документы на проведение ОРМ: 1 час 30 минут».

3. Дедлайн (крайний срок, к которому задача должна быть выполнена). Если невозможно определить дедлайн задачи, то необходимо обратиться к своему непосредственному начальнику или к инициатору поручения.

4. Краткий план по выполнению данного задания, задачи. Добавить ссылки на алгоритмы, по которым вы планируете действовать и/или краткий план действий. Отсутствие краткого плана в структуре задания, задачи порождает кучу вопросов при обсуждении плана работ и риск, что задание, задача будут сделаны неэффективным/неоптимальным способом или сделаны не полностью и/или потребуются их переделывание.

5. Приоритет. Исполнитель определяет его самостоятельно с учетом сроков выполнения задания, задачи. Если невозможно определить, то необходимо обратиться к непосредственному начальнику или инициатору поручения.

Если сотрудник видит, что ему недостаточно своих сил, возможностей и ресурсов для выполнения поставленной задачи, он обязан незамедлительно сообщить об этом своему непосредственному начальнику и инициатору поручения.

Таким образом, для успешного планирования своей деятельности необходимо руководствоваться законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами, а также принципами и рекомендациями, выработанными различными науками (менеджмент, криминалистика и пр.). Кроме того, необходимо учитывать опыт практической деятельности сотрудников оперативных подразделений.

План отражает реальный объем работы, сроки выполнения, направления по выполнению конкретного задания или задачи и при творческом подходе способствует эффективному выполнению оперативным сотрудником своих служебных обязанностей.

1. Озолин, В.А. Основы научной организации управления органами внутренних дел / В.А. Озолин. – Волгоград, 1973. – 344 с.

2. Конаржевский, Ю.А. Менеджмент и внутришкольное управление / Ю.А. Конаржевский. – М. : Центр «Педагогический поиск», 2000. – 220 с.

3. Виноградская, О.М. Менеджмент : нач. пособие для студентов всех форм обучения специальности 0501 «Экономика и предпринимательство» / О.М. Виноградская, Н.С. Виноградская, В.С. Шевченко. – Харьков : ХНАМГ, 2008. – 240 с.

4. Лущикова, А.П. Планирование на предприятии : учеб. пособие / А.П. Лущикова. – Прокопьевск, 2008. – 102 с.

5. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : НОРМА, 2008. – С. 462.

6. Криминалистика : учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.]. – М. : Высш. шк., 1994. – 230 с.

7. Сам себе инспектор: самооценка качества управления школой / Л.И. Фишман [и др.]. – М. : Сентябрь, 2005. – 144 с.

8. Криминалистика : учебник : в 3 ч. / под ред. Г.Н. Мухина. – 2-е изд., испр. – Ч. 2. Криминалистическая тактика. – Минск : Академия МВД, 2010. – 243 с.

УДК 343.985.8

Е.В. Кучинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ФИНАНСОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

На основе содержания правовых норм законодательства Республики Беларусь и научной литературы Российской Федерации анализируется взаимодействие оперативных подразделений органов финансового расследования (ОФР) с иными субъектами правоохранительной деятельности при решении задач борьбы с преступностью.

Обострившаяся социально-экономическая обстановка, деградация общества, правовая безграмотность и неспособность многих людей привыкнуть к реалиям новой жизни обуславливает непрекращающийся, идущий быстрыми темпами рост преступности в Республике Беларусь. Данный факт ставит перед правоохранительными органами сложный и на первый взгляд неразрешимый вопрос о поиске новых методов в борьбе с криминализацией общества. Одним из методов решения данных проблем стало взаимодействие правоохранительных органов.

Успешное решение задач, возложенных законом на органы Департамента финансовых расследований, невозможно без их делового сотрудничества с Министерством по налогам и сборам, Министерством внутренних дел, Комитетом государственной безопасности, Прокура-

турой Республики Беларусь, их подразделениями на местах и другими государственными органами. Необходимость координации деятельности данных ведомств обусловлена наличием у них ряда общих задач по защите экономических интересов государства. Каждое ведомство в пределах своей компетенции соответствующими средствами и методами осуществляет сбор необходимой информации о криминогенной ситуации в экономике, анализирует ее, так или иначе реагирует на выявленные правонарушения. Налоговые преступления, причиняющие значительный ущерб государству, нередко связаны с совершением других посягательств на его экономические интересы. Выявление и документирование уклонения юридических и физических лиц от уплаты налогов, сборов и иных платежей, фактов коррупции требуют не только активности и профессионализма работников Департамента финансовых расследований, но и содействия других государственных органов. Объединение усилий упомянутых служб в борьбе с налоговыми преступлениями позволяет сконцентрировать их силы, средства и технические возможности, охватить поисковой работой большее число объектов, лучше использовать возможности каждого из этих органов для выявления и разоблачения преступников.

По мнению профессора М.И. Мазурина, взаимодействие применительно к данному вопросу можно рассматривать в двух аспектах. В широком смысле это деловое сотрудничество нескольких государственных органов в обеспечении экономической безопасности в пределах конкретной территории путем разработки и принятия совместных документов (приказов, инструкций, комплексных и целевых программ, договоров, соглашений, планов), которыми определяются приоритетные направления, формы, методы, сроки совместных действий; проведения межведомственных совещаний, семинаров, совместных рейдов, проверок; осуществления согласованных мер по повышению деловой квалификации сотрудников; обмена положительным опытом работы и т. д. [1, с. 24–27].

Под взаимодействием в узком смысле понимается координация действий Департамента финансовых расследований с инспекциями Министерства по налогам и сборам, подразделениями органов внутренних дел, Комитетом государственной безопасности, Государственным таможенным комитетом, следователем, прокурором в конкретных эпизодах борьбы с преступлениями в сфере экономики, в раскрытии налоговых преступлений и коррупции. Правовую основу совместной деятельности составляют Закон «Об органах финансовых расследований», Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, а также

другие законы, ведомственные (межведомственные) приказы и инструкции, договоры и соглашения. Так, в ст. 10 вышеназванного Закона указано, что органы финансовых расследований осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями, гражданами Республики Беларусь.

В процессе взаимодействия стороны должны исходить из ряда общих положений (принципов), важнейшими из которых являются:

соответствие совместной деятельности требованиям закона и подзаконных актов (стороны не могут решать задачи, запрещенные соответствующими нормативными актами, выходить за пределы своей компетенции, использовать формы, средства и методы, не предусмотренные законом);

самостоятельность каждой из сторон в выборе средств и методов деятельности, в частности оперативно-розыскных, и полная ответственность за их результаты (взаимодействие не должно приводить к командованию, а тем более подмене одного органа другим);

взаимное доверие сторон при строгом соблюдении каждой из них государственной и служебной тайн, неразглашении иных сведений, охраняемых законом (стороны должны обеспечивать необходимую конфиденциальность о совместных мероприятиях, используемых силах и средствах, сохранять и использовать в установленном порядке полученную информацию и материалы; любые данные, затрагивающие интересы другой стороны, передавать иным организациям только по согласованию с ней). Одной из форм такого взаимодействия является проведение плановых совместных проверок юридических и физических лиц на предмет соблюдения ими налогового законодательства, осуществляемых на основе согласованных квартальных планов контрольной работы. Однако органы финансовых расследований могут в любое время обратиться в инспекции Министерства по налогам и сборам на местах с мотивированным письменным запросом о выделении необходимых специалистов для проведения совместных проверок. В те же сроки в случае необходимости органы финансовых расследований по мотивированному запросу Министерства по налогам и сборам и его инспекций должны выделять своих сотрудников для проверки фактов налоговых правонарушений. Это может иметь место, в частности, когда налоговые органы обнаруживают в действиях должностных лиц предприятий, учреждений, организаций и граждан признаки преступления, требующего предварительного следствия или дознания, а также при наличии

обстоятельств, угрожающих безопасности сотрудников налоговых органов. По итогам проверок юридических и физических лиц составляются единые акты, которые подписываются, с одной стороны, работниками инспекции Министерства по налогам и сборам и органа финансовых расследований, а с другой – руководителем и главным бухгалтером проверяемого предприятия, учреждения, организации либо гражданином, занимающимся предпринимательской деятельностью.

Решение по результатам совместной проверки принимается руководителем налогового органа по согласованию с руководством органа финансовых расследований. Если налогоплательщики не согласны с результатами проверки и подали иски в суд, то при их рассмотрении органы Департамента финансовых расследований и Министерства по налогам и сборам обеспечивают участие своих представителей в судебных заседаниях.

В ходе взаимодействия руководители обоих ведомств должны обмениваться информацией по вопросам, касающимся форм и методов уклонения налогоплательщиков от налогообложения, фактов коррупции и других правонарушений, а также информацией по результатам проверок и методическими рекомендациями по общим проблемам деятельности. В случае необходимости они проводят совместные служебные расследования по фактам чрезвычайных происшествий, конфликтных и экстремальных ситуаций в сфере налогообложения.

Также важным и необходимым видом взаимодействия правоохранительных органов для решения задач борьбы с преступностью является взаимодействие следователя и органа дознания.

Оставаясь в рамках науки ОРД, можно сделать вывод, что взаимодействие органов дознания и предварительного следствия – это основанная на законе, согласованная по целям, месту и времени деятельность данных субъектов, осуществляемая в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также розыска преступников.

Взаимодействие следователя с органами дознания предполагает взаимную информацию о ходе и результатах проводимых ими мероприятий, взаимную помощь на всем протяжении предварительного следствия по конкретному делу. Двусторонний характер помощи при взаимодействии состоит в том, что рабочий контакт следователя и оперативных работников органа дознания, обмен информацией, полученной при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивают эффективность тех и других. Однако, как показывает практика, только этого далеко не достаточно.

Важнейшим условием успеха является согласованность действий следователя и органа дознания при взаимодействии, которая заключается в одновременном или последовательном проведении оперативно-розыскных и следственных действий, относящихся к различным сторонам одного факта или к обстоятельствам, связанным между собой или же вытекающим друг из друга.

Во взаимодействии инициатива принадлежит следователю. Исходя из имеющихся доказательств и других данных, он дает задания органу дознания, сообщая необходимые для выполнения исходные сведения. Поэтому именно следователь организует взаимодействие, несет за его эффективность всю полноту ответственности. С точки зрения организации взаимодействие в период раскрытия преступления должно быть четким, гибким и оперативным: необходимо обеспечить постановку оперативным работникам конкретных задач, быстрое переключение с одного задания на другое, мгновенную реализацию полученных при проведении следственных и оперативно-розыскных действий данных, требующих оперативной проверки или закрепления процессуальными средствами. Немаловажное значение для организации эффективного взаимодействия между службами имеют, конечно же, и субъективные качества взаимодействующих сторон, т. е. их профессионализм, опыт, культура общения, коммуникабельность и др. Справедливо мнение по этому поводу М.С. Гурева: «Чем выше интеллектуальный уровень участников взаимодействия, чем большим опытом следственной и оперативной работы они располагают, тем глубже проводимый ими анализ информации по делу, тем более гибка и мобильна система версий и продуктивнее результаты их проверки» [2, с. 209–210].

Успешное раскрытие преступлений в достаточно большой степени зависит и от быстроты реагирования на сигнал о совершенном преступлении.

Правильно решить эту задачу можно только тогда, когда следственные действия будут постоянно сочетаться с оперативно-розыскными мероприятиями. Это позволит не только успешно решить упомянутые выше задачи, но и решить их более оптимально, используя специфику деятельности следователей и органов дознания.

1. Мазурин, М.И. Отдельные вопросы взаимодействия органов финансовых расследований с другими государственными органами в борьбе с налоговыми преступлениями / М.И. Мазурин // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. – Минск, 2003. – 150 с.

2. Гурев, М.С. Убийства на «разборках»: методика расследования / М.С. Гурев. – СПб. : Питер, 2001. – 220 с.

УДК 343.985.8.

В.И. Москалюк, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«КОНТРОЛЬ В СЕТЯХ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ»**

Рассматриваются правовые предписания и пределы проведения оперативно-розыскного мероприятия «контроль в сетях электросвязи». Выделяются виды данного оперативно-розыскного мероприятия. Проанализированы нормативные правовые акты, касающиеся данной проблемы.

Контроль в сетях электросвязи – это одно из оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), закрепленных в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Оно относится к техническим мероприятиям в связи с тем, что при его проведении используются оперативно-технические средства, а результаты фиксируются на материальных носителях информации (магнитных, лазерных дисках, цифровых носителях информации и др.). Согласно ст. 31 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» контроль в сетях электросвязи представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи, прерывание соединений в сетях электросвязи с одновременным установлением абонентских номеров и (или) уникальных кодов идентификации абонентов (пользователей услуг электросвязи) и (или) их местонахождения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Данное ОРМ проводится с подключением к сетям (средствам) электросвязи граждан или организаций, предоставляющих услуги электросвязи, с использованием сил и средств ОВД, ОГБ и ОАЦ [1]. Именно эти подразделения имеют все необходимые возможности для полноценного, профессионального проведения данного ОРМ. Другие органы, уполномоченные на осуществление ОРД, проводят данное ОРМ на основании межведомственных соглашений с МВД, КГБ и ОАЦ.

Данное ОРМ проводится при взаимодействии с операторами электросвязи, которое регламентируется соответствующим нормативно-правовыми актами. Так, согласно ст. 43 Закона «Об электросвязи»

операторы электросвязи и поставщики услуг электросвязи при взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обязаны:

предоставлять в случаях и порядке, установленных законодательными актами, информацию о пользователях услуг электросвязи и об оказанных им услугах электросвязи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач;

в случаях и порядке, установленных законодательными актами, оказывать содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и предоставлять возможность их проведения на сетях электросвязи, принимать меры по защите сведений об организационных и тактических приемах проведения указанных мероприятий;

обеспечивать в случаях и порядке, определенных законодательными актами, доступ к базам данных, автоматизированным системам;

обеспечивать выполнение обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации, а также иных требований, установленных законодательством, к сетям и средствам электросвязи при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии со ст. 15 Указа Президента Республики Беларусь «Об утверждении положения о порядке взаимодействия операторов электросвязи с органами, осуществляющими ОРД» оператор обязан предоставлять по требованию:

уполномоченных органов – безвозмездный круглосуточный удаленный доступ к базам данных об абонентах с использованием технических средств этих органов;

уполномоченных подразделений – безвозмездный круглосуточный удаленный доступ к базам данных об абонентах с использованием технических средств уполномоченных органов, к базам данных об оказанных абонентам услугах электросвязи, автоматизированным системам операторов, а также передавать уполномоченным подразделениям в режиме реального времени информацию, в том числе техническую, обо всех оказанных абонентам услугах электросвязи.

Доступ к базам данных об оказанных абонентам услугах электросвязи, автоматизированным системам операторов осуществляется уполномоченными органами только через технические средства одного из уполномоченных подразделений. Обращения к базам данных об оказанных абонентам услугах электросвязи, автоматизированным системам операторов регистрируются техническими средствами уполномоченных подразделений, информация о таких обращениях хранится в течение

5 лет. Срок хранения информации об оказанных услугах электросвязи, передачи данных, телематических, сотовой подвижной электросвязи и оплаченных счетах также составляет 5 лет.

При отсутствии технической возможности организации круглосуточного удаленного доступа к базам данных об абонентах по письменному обращению Председателя КГБ, Министра внутренних дел или начальника ОАЦ оператор обязан безвозмездно передать достоверную и полную версию указанных баз данных в КГБ, МВД или ОАЦ на материальных носителях информации в электронном виде.

Передача баз данных об абонентах осуществляется по акту с указанием состава передаваемой информации и носителей, на которых она записана. Акт подписывается представителями оператора, передающего эти базы, и представителями подразделения получающего их, один экземпляр акта передается вместе с данными базами, второй остается у оператора.

Оператор электросвязи создает базы данных об абонентах и оказываемых им услугах электросвязи. В базах данных оператора электросвязи об абонентах должна содержаться следующая информация:

- о физических лицах – абонентский номер, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется), адрес абонента или адрес установки оконечного абонентского устройства (терминала), абонентские номера, данные, позволяющие определить (идентифицировать) абонента или его оконечное абонентское устройство (терминал), а в отношении абонентов сети сотовой подвижной электросвязи – также реквизиты документа, удостоверяющего личность (его название, серия, номер, дата выдачи и наименование государственного органа, выдавшего документ);

- о юридических лицах – наименование (фирменное наименование) юридического лица, его юридический адрес, адрес установки оконечного абонентского устройства (терминала), абонентские номера, данные, позволяющие определить (идентифицировать) абонента или его оконечное устройство (терминал);

- перечень услуг, активированных абонентом.

Обеспечение уполномоченными подразделениями ОРМ на сетях электросвязи, а также получение и использование уполномоченными органами информации, содержащейся в базах данных об абонентах и оказанных им услугах электросвязи и автоматизированных системах операторов, осуществляются при наличии оснований и условий для проведения оперативно-розыскных мероприятий, установленных Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

В теории ОРД контроль в сетях электросвязи относится к группе мероприятий, ограничивающих конституционные права, свободы и за-

конные интересы граждан, права и законные интересы организаций. В соответствии со ст. 18 Закона «Об информации, информатизации и защите информации» никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, а также сведения, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь. В связи с этим проведение данного ОРМ согласно ч. 5 ст. 19 Закона об ОРД проводится по постановлению о проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя.

Однако в случае возникновения угрозы жизни, здоровью и сохранности имущества гражданина по его заявлению или с его согласия в письменной форме, а также при поступлении сообщения гражданина, оказавшегося в ситуации, связанной с возникновением угрозы его жизни, здоровью и сохранности имущества, либо по заявлению его близкого, опекуна или попечителя о том, что гражданин оказался в ситуации, связанной с возникновением угрозы его жизни, здоровью и сохранности имущества, в соответствии с ч. 1 ст. 38 Закона об ОРД контроль в сетях электросвязи проводится без санкции прокурора или его заместителя на основании постановления о проведении ОРМ, но с обязательным письменным уведомлением прокурора или его заместителя в течение 48 ч.

Контроль в сетях электросвязи в отсутствие санкции прокурора или его заместителя также допускается в случаях, требующих незамедлительного принятия мер по обеспечению безопасности общества и государства и не терпящих отлагательства, для предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления, розыска и задержания гражданина, его совершившего, а также при наличии сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, но для этого Министр внутренних дел выносит постановление о проведении ОРМ, копия постановления о проведении ОРМ в течение 24 ч направляется Генеральному прокурору или лицу, исполняющему его обязанности.

Контроль в сетях электросвязи в отсутствие санкции прокурора или его заместителя также допускается в случаях, не терпящих отлагательства, для предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления, розыска и задержания гражданина, его совершившего, для предупреждения действий, которые могут привести к уничтожению предметов и документов, являющихся веществен-

ными доказательствами, а также при наличии сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. В этом случае должностное лицо в течение 24 ч письменно уведомляет о проведении ОРМ прокурора или его заместителя.

Ограничение в проведении ОРМ «контроль в сетях электросвязи» имеется в отношении гражданина, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, если только он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу. В данном случае ОРМ проводится с согласия Президента Республики Беларусь и санкции Генерального прокурора или лица, исполняющего его обязанности, или с согласия Президента Республики Беларусь на основании постановления Министра внутренних дел, без санкции Генерального прокурора или лица, исполняющего его обязанности. Только с санкции Генерального прокурора или лица, исполняющего его обязанности, или на основании постановления Министра внутренних дел, без санкции Генерального прокурора или лица, исполняющего его обязанности, ОРМ «контроль в сетях электросвязи» может проводиться в отношении депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, судьи, прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, и, если эти лица не включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, то согласия Президента Республики Беларусь уже не требуется.

Законодатель предусмотрел четкую процедуру проведения ОРМ. В Законе об ОРД закреплено, что «государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД». Эта гарантия обеспечивается посредством установления обязанностей органов, осуществляющих ОРД, определения порядка проведения ОРМ, надзора и контроля за ОРД. При этом ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД допустимо только в интересах национальной безопасности Республики Беларусь, обеспечения общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав, свобод и законных интересов других граждан, прав и законных интересов других организаций и только в соответствии с Законом об ОРД и иными законодательными актами [1].

Нередко контроль в сетях электросвязи проводится в комплексе с иными ОРМ, например такими, как наблюдение, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений и др.

Контроль в сетях электросвязи – ОРМ, заключающееся в контроле и перехвате с помощью специальных технических средств текстовой,

графической и иной информации, передаваемой проверяемыми лицами по всем видам электрической связи [1]. Также можно выделить ряд разновидностей ОРМ «контроль в сетях электросвязи»:

выявление и контроль сообщений, передаваемых по каналам проводной и радиосвязи;

прослушивание и звукозапись переговоров, осуществляемых по сети проводной и радиотелефонной связи;

контроль телеграфных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи;

контроль факсимильной информации, передаваемой по телефонным каналам связи;

контроль других видов сообщений (например, космический канал).

ОРМ «контроль в сетях электросвязи» состоит из двух самостоятельных направлений.

1. Получение, преобразование и фиксация с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи.

2. Прерывание соединений в сетях электросвязи с одновременным установлением абонентских номеров и (или) уникальных кодов идентификации абонентов (пользователей услуг электросвязи) и (или) их местонахождения.

При этом прерывание соединений в сетях электросвязи допускается только в случае возникновения непосредственной угрозы жизни или здоровью гражданина или национальной безопасности. О прерывании соединения в сетях электросвязи должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, проводившее контроль в сетях электросвязи, в течение 24 ч письменно уведомляет прокурора или его заместителя.

Для качественного проведения данного ОРМ необходимо наличие ряда условий. Это, во-первых, подготовленные (опытные) оперативные сотрудники, во-вторых, соответствующие технические средства, в-третьих, достаточное количество указанных и иных сил и средств.

В ходе проведения ОРМ «контроль в сетях электросвязи» сотрудники, осуществляющие ОРД, могут совершать действия, активизирующие лицо, в отношении которого осуществляется данное мероприятие. Это дает возможность установить иных участников преступления, другие факты преступной деятельности и т. п.

Проведением ОРМ «контроль в сетях электросвязи» обеспечивают конспиративное получение и фиксация информации, передаваемой проверяемым лицом, подозреваемым, обвиняемым по любым техническим коммуникациям (телефон, компьютерные сети, электронная почта

и т. п.), а также возможность ее использования для решения задач ОРД в борьбе с преступностью.

В свою очередь, нарушение тайны телефонных переговоров влечет уголовную ответственность по ст. 203 УК Республики Беларусь, но ее наступление возможно только в тех случаях, когда оно совершается в отношении переписки (сообщений) между частными лицами, а также в отношении переписки или сообщений между гражданином и государственными учреждениями или иными юридическими лицами, т. е. виновный сознает, что он знакомится с чужой корреспонденцией, прослушивает чужие переговоры без законных оснований. При этом ответственность по ч. 1 ст. 203 УК Республики Беларусь наступает даже при использовании для прослушивания переговоров аппаратуры бытового назначения, а не только специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, незаконное использование которых для этих целей влечет ответственность по ч. 2 ст. 203 УК Республики Беларусь. В определенных случаях в законодательных актах установлены законные основания для ознакомления с перепиской граждан: когда корреспонденция изымается в связи с расследованием уголовного дела в целях раскрытия совершенного преступления, для обнаружения или задержания преступника. Такое изъятие (выемка) корреспонденции производится только с санкции прокурора либо на основании судебного решения [2].

Контроль в сетях электросвязи при отсутствии сведений о персональных данных гражданина, в отношении которого предполагается проведение оперативно-розыскного мероприятия, согласно ч. 2 ст. 31 Закона об ОРД проводится до их установления по имеющимся в наличии сведениям об используемых гражданином абонентском номере, адресе электронной почты, уникальном коде идентификации, абонентском устройстве либо сведениям об адресе места жительства или места пребывания абонента (пользователя услуг электросвязи) или адресе (месте установки) оконечного абонентского устройства (терминала), которые указываются в постановлении о проведении оперативно-розыскного мероприятия.

При снятии информации с каналов электросвязи, например с компьютерных сетей, с жесткого диска компьютера, необходимо соблюдать предельную осторожность, поэтому эти действия должны производиться специалистами, имеющими опыт работы с такими системами, поскольку программы, содержащие интересующую правоохранительные органы информацию, нередко настроены на самоуничтожение в случае несанкционированного доступа. Самостоятельно же преодолеть дей-

ствующую систему защиты оперативный сотрудник, как правило, не в состоянии [1].

Контроль в сетях электросвязи в основном используется для проверки оперативной информации о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлениях, о которых отсутствует официальная информация, т. е. для выявления и пресечения латентных преступлений, а также для выявления и установления лиц, совершивших преступления, сведениями о которых ОВД располагают. В связи с этим необходимо не только четкое соблюдение правовой процедуры проведения данного ОРМ, но и соответствующее его организационное и тематическое обеспечение.

1. Бранчель, И.И. Постатейный комментарий к закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] / И.И. Бранчель, А.В. Солтанович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2016. – 1200 с.

УДК 343.985.8 + 343.1

Д.И. Никифоров, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *О.В. Бондаренко*

Рецензент – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КОНФИДЕНТОВ И ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

Рассматривается перечень мер по обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, проблемные аспекты, связанные с реализацией этих мер на практике, а также механизм защиты конфидентов и свидетелей в США и ряде других государств, проводится сравнительный анализ с механизмом защиты, выработанным в Республике Беларусь.

Современные национальные правовые доктрины рассматривают личность как высшую социальную ценность, а правовое обеспечение ее основных прав и свобод во всех сферах деятельности общества – в качестве одной из важнейших государственных задач. На достижение данных целей и направлены, в частности, процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Как показывает практика, большинство лиц, располагающих сведениями о совершенных преступлениях и лицах их совершивших, отказы-

ваются от сотрудничества с правоохранительными органами, опасаясь за свою жизнь и безопасность своих родных и близких. В значительной мере это обусловлено отсутствием реального механизма обеспечения их безопасности [1, с. 260].

Следует отметить, что открытый характер уголовного процесса всегда вступал в противоречие с зашифрованными методами получения информации в ОРД. Системность данных противоречий накладывает отпечаток на использование в уголовном процессе результатов ОРД, легализацию последних посредством проведения соответствующих следственных и иных процессуальных действий.

Особенно ярко эта проблема проявляется при необходимости использования на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства показаний очевидцев, не желающих раскрывать свои установочные данные и факт своего конфиденциального содействия с оперативными подразделениями. Само по себе привлечение таких лиц к участию в производстве следственных и судебных действий есть не что иное, как осуществление ими процессуальной деятельности, т. е. обладание соответствующим уголовно-процессуальным статусом (свидетель, потерпевший и т. д.) [2, с. 320–321].

Перейдем непосредственно к механизму обеспечения безопасности участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких. Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц закреплены в ст. 66 УПК.

Так, орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества (ч. 1 ст. 65 УПК). В соответствии с данной статьей меры безопасности применяются при наличии достаточных данных, которые и становятся основанием для их принятия. Достаточность данных – это оценочная категория, поэтому вывод о наличии оснований для принятия мер безопасности делается исходя из конкретной ситуации по делу. В то же время следует учитывать, что посткриминальное воздействие часто носит скрытый характер.

В свою очередь, под применением мер безопасности следует понимать деятельность, включающую два основных элемента (этапа): при-

нятие решения об избрании и осуществлении конкретных мер безопасности и собственно осуществление (реализацию) этих мер. Их применение, по общему правилу, должно обеспечивать предупреждение противоправного воздействия на лиц, содействующих правосудию, и, в качестве исключения, пресечение такого воздействия. Это требует установления в качестве оснований применения защитных мер достоверных или устанавливаемых с той или иной степенью вероятности фактических данных о возможном противоправном воздействии, получаемых в результате уголовно-процессуального доказывания или оперативно-розыскных мероприятий [1, с. 260].

Согласно ч. 8 ст. 193 УПК при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, членов семей, близких родственников и иных лиц, которых они обоснованно считают близкими, в протоколах следственных действий вместо подлинных сведений о них указываются вымышленные данные об их личности. Это подразумевает изменение фамилии, имени, отчества, сведений о месте жительства и работы (учебы) и других анкетных данных. Данная норма не содержит требований о том, что в вынесенном в этом случае постановлении необходимо указывать подлинные данные, а значит их участие в досудебном производстве возможно с измененными данными о личности и без выполнения условий, установленных в ч. 1 (государственная тайна, к которой относятся также сведения о конфидентах, подлежит рассекречиванию только на основаниях и в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь) и ч. 2 (придание гласности сведений о конфидентах допускается лишь с их письменного согласия и в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь) ст. 17 закона «Об оперативно-розыскной деятельности», т. е. требования не нарушаются [2, с. 321].

В отношении защищаемых лиц могут применяться следующие меры безопасности. К процессуальным мерам безопасности относятся: неразглашение сведений о личности, освобождение от явки в судебное заседание, закрытое судебное заседание.

К иным мерам безопасности относятся: использование технических средств контроля, прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров; личная охрана, охрана жилища и имущества; изменение паспортных данных и замена документов; запрет на выдачу сведений.

В соответствии с ч. 3 ст. 66 УПК с учетом характера и степени опасности для жизни, здоровья, имущественных и иных прав защищаемых лиц могут быть приняты и другие меры обеспечения безопасности, не

противоречащие УПК и иным законам Республики Беларусь. Представляется, что к таким мерам обеспечения безопасности можно отнести меры безопасности, применяемые в отношении лиц, оказывающих (оказывавших) содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близких, закрепленные в ст. 56 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» с учетом конкретных обстоятельств для обеспечения защиты жизни, здоровья, сохранности имущества лиц, оказывающих (оказывавших) содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близких органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, могут применяться следующие меры безопасности: обеспечение конфиденциальности сведений; личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; переселение на другое место жительства; изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов; перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Рассмотрим отдельные меры безопасности.

Личная охрана, охрана жилища и имущества – одна из наиболее эффективных, относительно простых в организационном плане и, соответственно, наиболее часто применяемых мер безопасности.

Достоинством и преимуществом личной охраны является то, что защищаемое лицо находится под непосредственным контролем со стороны сотрудников специализированных подразделений.

Следующая часто применяемая государственная мера защиты – выдача специальных средств индивидуальной защиты (связи) и оповещения об опасности. При применении указанной меры необходимо учитывать морально-психологическое и психическое состояние защищаемого лица, так как постоянное нахождение человека в стрессовой ситуации сопряжено с нарушением психической устойчивости, что в определенной ситуации может привести к искажению действительности и неправильному восприятию окружающей ситуации. Поэтому в ходе осуществления данной меры защищаемому лицу необходимо обеспечить психологическую поддержку.

Временное помещение в безопасное место – весьма эффективная (при наличии в распоряжении ОВД соответствующих помещений либо возможности воспользоваться подходящими помещениями иных орга-

низаций) мера безопасности, позволяющая укрыть защищаемое лицо на необходимое для выявления и нейтрализации источника угроз.

Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах – довольно доступная как в организационном, так и материальном плане мера защиты, широко распространенная в практике.

Закрытие информационных источников, содержащих установочные и иные данные о защищаемом лице, позволяет пресечь возможность их получения и использования в противоправных целях преступниками. Помимо этого в ходе оперативно-розыскного обеспечения осуществления данной меры защиты оперативным подразделениям предоставляется возможность отследить и зафиксировать факты обращения за получением подобной закрытой информации, а также выявить круг лиц, являющихся угрозоносителями, и принять необходимые меры по их нейтрализации.

Замена документов – мера безопасности, которая редко применяется на практике, однако эффективность ее использования подтверждается продолжительным международным опытом. В то же время в ходе ее практической реализации могут возникнуть проблемы, связанные с тем, что новые документы не позволяют их обладателю (защищаемому лицу) в полной мере быть участником гражданско-правовых отношений. Поэтому при реализации данной меры защиты сотрудники, ее обеспечивающие, должны заранее учитывать возможность возникновения проблем гражданско-правового характера и рассматривать пути их наиболее вероятного разрешения.

Несомненно, наиболее эффективным является комплексное, комбинированное применение рассмотренных мер безопасности с учетом особенностей конкретной оперативной ситуации. С учетом анализа складывающейся обстановки, первоначально избранные меры безопасности могут дополняться другими [3, с. 770–771].

В целом перечень мер безопасности в отношении защищаемого лица (неразглашение сведений о нем; закрытое судебное заседание; личная охрана, охрана жилища и имущества; прослушивание телефонных переговоров; выдача оружия и спецсредств; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение места работы, службы, учебы; временное помещение в безопасное место) может формироваться с учетом национальных традиций, практики деятельности правоохранительных органов и местных особенностей зоны действия национального законодательства. Для Республики Беларусь (как, впрочем, и для других стран – участниц СНГ) наиболее трудновыполнимыми являются

такие меры безопасности защищаемых, которые требуют материальных затрат, а также значительных денежных средств. Поэтому на затратах мерах не следует акцентировать внимание, поскольку в условиях небольшого государства перемена места работы, жительства, службы и т. п. могут оказаться малоэффективными (особенно если учесть высокую подвижность, миграционные процессы в криминальном мире).

Система обеспечения мер безопасности личности не может ограничиваться исключительно уголовно-процессуальными средствами и рассматриваться только в пределах уголовного процесса. Система должна носить комплексный характер, включающий совокупность разноотраслевых мер безопасности, сочетанием которых обеспечивается безопасное участие любого лица в уголовном процессе и содействие ему.

Так, можно оказать противодействие противоправному посягательству путем применения норм действующего законодательства: универсальных, оперативно-розыскных; уголовно-правовых и уголовно-исполнительных; административно-правовых; иных (социально-правовые, информационные и пр.) [1, с. 261–262].

Говоря о оперативно-розыскных нормах, следует отметить значимость лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам.

Помещение конфидентов в преступную среду вызвано конспиративностью преступных элементов, предпринимаемых с их стороны мер по сокрытию следов преступления. Находясь в окружении преступников, конфидент в большинстве случаев является свидетелем их противоправной деятельности, информация о которой, в свою очередь, может не только способствовать ее пресечению, но и стать надежным доказательством по уголовному делу.

Перейдем к рассмотрению механизма обеспечения безопасности зарубежных стран.

В США помощь конфидентов помимо полицейских органов различного уровня широко используется и другими федеральными органами, среди которых ФБР, ЦРУ, Агентство по борьбе с распространением наркотиков, Бюро по контролю за алкоголем, табачными изделиями и оружием, Служба миграции и натурализации, Служба внутренних доходов Береговая охрана, Таможенная служба, Секретная служба Министерства финансов Служба маршаллов, Налоговое ведомство, Антикоррупционный альянс и др. Конкретные количественные характеристики негласной деятельности полиции и спецслужб всегда считались строго конфиденциальными сведениями, поэтому реально оценить масштабы такой деятельности почти невозможно [2, с. 86].

Нередко конфидент в своей деятельности сталкивается с возможностью мести со стороны лиц, о преступной деятельности которых он предоставляет информацию в правоохранительные органы. В этой связи в США создана надежная правовая и организационная система по защите данной категории лиц. Впервые в 1912 г. в США был принят Закон Ллойд-Лафоллета, гарантирующий право федеральных служащих негласно предоставлять информацию о правонарушениях в конгресс. В дальнейшем принимались и другие законы, регулирующие защиту информаторов, среди которых Закон о чистой воде 1972 г., Закон Сорбейнса-Окли 2002 г., а также принятый 21 июля 2010 г. Закон Дод-Франка, который содержит более 500 разделов, затрагивающих большинство аспектов американской индустрии. Среди прочего указанный Закон регулирует отношения информирования Антикоррупционного альянса (АСА) о коррупционных правонарушениях организаций. За предоставленную информацию сообщивший может получить вознаграждение, при этом данные о его личности являются строго конфиденциальными во избежание негативных последствий со стороны правонарушителей. В большинстве случаев лицо, конфиденциально оказывающее содействие правоохранительным органам, может являться свидетелем при рассмотрении дел о выявленных правонарушениях. Ввиду этого законодательством США предусматривается их надежная защита со стороны государства [2, с. 87].

До 1970 г. за защиту свидетелей в США отвечали правоприменительные органы, возбуждавшие уголовные дела, однако они не имели ни навыков, ни возможностей для выполнения этой задачи, а если и были в состоянии обеспечить безопасность, то на непродолжительное время (на время дачи свидетелем показаний в суде). Проблемой обеспечения безопасности свидетелей заинтересовались в 1966 г., когда Комиссия по проблемам преступности возложила эту обязанность на Службу маршалов США, в обязанность которой входило обеспечение безопасности судов и судей.

В 1970 г. конгрессом США был принят закон «О контроле за организованной преступностью». В соответствии с титулом V данного закона Генеральный прокурор США имел право выделять средства на защиту свидетелей, подвергающихся опасности, однако этот закон предоставлял защиту лишь тем свидетелям, которые проходили по делам, связанным с организованной преступностью. Закон «О контроле за организованной преступностью» действовал вплоть до 1984 г., пока не был принят Закон о реформе в области обеспечения безопасности свидетеля, который отменил вышеуказанный титул V и внес принципиальные изменения в Федеральную программу защиты свидетелей в США (далее – Про-

грамма). Закон был посвящен вопросам, которые до сих пор считаются ключевыми для любой программы защиты свидетелей: а) применение строгих критериев отбора участников, включая оценку опасности, которую бывшие преступники могут представлять для общества в местах их переселения; б) создание фонда для выплаты компенсации жертвам преступлений, совершенных лицами, которые были включены в Программу; в) подписание меморандума о договоренности, определяющего обязанности свидетеля, при его включении в Программу; г) разработка процедур на случай нарушения участником положений меморандума; д) установление процедур раскрытия информации об участниках Программы и санкций за непропорциональное разглашение такой информации; е) защита прав третьих сторон, в частности погашение долговых обязательств свидетелей, а при наличии родственников, не переселившихся на новое место, соблюдение их прав на опеку или посещение.

Часть «Е» принятого закона предоставила право Генеральному прокурору переселять и обеспечивать безопасность свидетеля (потенциального свидетеля, к которому можно отнести конфиденнта) обвинения и его семьи в случаях, когда дело, по которому проходит данный свидетель, слушающееся в федеральном суде или суде штата, касается организованной преступной деятельности или иных тяжких преступлений (переселение может включать предоставление нового жилого помещения, документов, необходимых для выдачи нового удостоверения личности, выделение денежных средств на покрытие основных расходов и (или) содействие в трудоустройстве, при этом применяемые меры безопасности должны сочетаться с понятиями «психологическая комфортность», «социальная адаптация» и применяться до тех пор, пока свидетелю или его близким не будет грозить опасность). Перечень преступлений, свидетели по делам о которых вправе воспользоваться программой защиты в соответствии с новым законом, был составлен Генеральным прокурором. Так, согласно Программе свидетель может рассчитывать на защиту в случае, если является важным свидетелем по уголовным делам по факту совершения вымогательства, торговли наркотиками и любых иных тяжких преступлений, если дача свидетельских показаний по таким категориям дел может обернуться для свидетеля расправой или угрозой расправы.

С 1971 по 1988 г. с помощью Программы удалось обеспечить защиту более чем пяти тысячам ключевых свидетелей. К 1993 г. число таких свидетелей выросло до 14 300, в 1994 г. было дано разрешение на включение в Программу еще 200 новых ключевых свидетелей. Служба маршалов США установила, что по 89 % дел, свидетелями по которым выступали участники Программы, были вынесены обвинительные при-

говору. Это весьма значительное достижение с учетом того обстоятельства, что 97 % таких свидетелей оказывали содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что законодательство, регулирующие вопросы защиты конфиденентов и свидетелей, в США является одним из самых действенных в мире [2, с. 87–88].

На фоне недостаточности уголовно-правовых гарантий безопасности граждан, ставших жертвами преступлений или сотрудничающих с правоохранительными органами, данную проблему в той или иной степени решают законодательства ряда государств.

Так, в 1990 г. Правительство Великобритании приняло «Хартию жертв преступлений», где описываются произошедшие изменения в законодательстве и судебной практике, касающиеся вопросов обеспечения безопасности и социальной помощи лицам, пострадавшим от преступных посягательств. С тех пор этот день во всем мире отмечается как Международный день поддержки жертв преступлений. В целях обеспечения безопасности потерпевших в Великобритании создана специальная Служба безопасности жертв преступлений. В государстве существуют две формы компенсации лицам, пострадавшим от противоправных действий. Во-первых, это выплата виновным лицом денежной компенсации по приговору суда, во-вторых, компенсация, выплачиваемая из государственных фондов. При этом даже в том случае, если никто не будет признан виновным по приговору суда, потерпевший имеет право на возмещение вреда за счет государственных средств.

В Германии действует специальный закон о защите и помощи жертвам преступлений. Число частных служб помощи жертвам преступлений за десять лет (с 1977 г.) возросло с 17 до 27 тыс.

Аналогичное специальное законодательство по защите лиц, участвующих и уголовном судопроизводстве, существует, например, в Канаде, ЮАР. В законодательстве ряда зарубежных стран имеются нормы, гарантирующие анонимность лица, сообщающего сотрудникам полиции сведения о преступлении. Если соответствующая информация оказывается полезной, то в некоторых странах предусмотрена выплата денежного вознаграждения указанным лицам. В австрийском уголовном процессе допускается временное задержание подозреваемого, если он препятствует установлению истины по делу путем оказания влияния на свидетелей, экспертов или соучастников (подкуп, угроза, насилие, иные подобные действия) [4, с. 54–55].

В Латвии в протоколах следственных действий вместо фамилии свидетелей можно указывать псевдоним, в Литве – изменять их анкетные

данные, производить опознание вне визуального наблюдения опознаваемым опознающего [4, с. 55].

Важным шагом в становлении института защиты лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, стало принятие 23 декабря 1993 г. Закона Украины «О обеспечении безопасности лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве». Указанным законом впервые на законодательном уровне обеспечена реализация прав лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, к которым также отнесены свидетели и потерпевшие [5, с. 139].

К сожалению, в Республике Беларусь правовая база по защите конфидентов и свидетелей требует совершенствования. Представляется, что в УПК и законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно закрепить идентичные меры обеспечения безопасности. Также в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» следует расширить круг лиц, к которым могут применяться установленные ст. 56 меры безопасности, путем закрепления наряду с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близкими и участниками уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, а также иных участников уголовного процесса, членов их семей и близких в связи с их участием в уголовном процессе.

Представляется, что появление специального подразделения, осуществляющего функции по защите участников уголовного процесса и конфидентов, повысит эффективность обеспечения безопасности таких лиц и существенно снимет нагрузку со следственных подразделений и оперативных подразделений органов внутренних дел.

1. Черепович, С.И. Свидетель в уголовном процессе Республики Беларусь: обеспечение его безопасности / С.И. Черепович // Проблемы упр. – 2009. – № 3. – С. 260–264.

2. Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, май 2011 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2011. – 390 с.

3. Филимонов, И.А. Практика применения отдельных мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите / И.А. Филимонов // Право и политика. – 2014. – № 6. – С. 770–771.

4. Коваленко, Д. Защита жертв преступной деятельности / Д. Коваленко // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 3. – С. 54–55.

5. Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки (Минск, 24 янв. 2007 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 266 с.

С.В. Петлицкий, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Войтоль*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» И «БАНКРОТСТВО»

Исследуются два правовых термина: «экономическая несостоятельность» и «банкротство». На основе анализа законодательства и мнения ученых-цивилистов вносятся предложения о необходимости разграничения понятий «экономическая несостоятельность» и «банкротство».

Институт экономической несостоятельности (банкротства) является важнейшим правовым инструментом регулирования гражданского оборота. Его цель заключается в защите различных интересов кредиторов в том случае, когда должник не способен исполнить свои хозяйственные обязательства или выполнить обязанности по уплате обязательных платежей (налоги, сборы, пошлины и др.). Также данный институт предусматривает процедуры санации, которые направлены на восстановление платежеспособности должника и выполнения им своих хозяйственных обязательств. В случае невозможности восстановления платежеспособности правовой институт несостоятельности предусматривает ликвидацию должника. В институт несостоятельности входят два важнейших понятия: «экономическая несостоятельность» и «банкротство».

Эти понятия можно рассматривать с двух позиций: с позиции законодателя и с позиции ученых-цивилистов (доктринальная).

Долгое время данные понятия считались синонимами. Так, в ранее действовавшем Законе Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. № 423-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» не было разграничения данных понятий, а давалось их общее определение: «экономическая несостоятельность (банкротство) – неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная хозяйственным судом в соответствии с настоящим Законом или правомерно объявленная должником в соответствии с требованиями настоящего Закона». В последующем законодатель разграничил правовые категории «экономическая несостоятельность» и «банкротство». Впервые правовое соотношение данных понятий было отражено в Указе Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах

экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ № 508). Так, в соответствии с данным Указом под экономической несостоятельностью понималась неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника (решение о санации); а под банкротством понималась неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя (решение об открытии ликвидационного производства). Когда Указ № 508 утратил свою силу в связи с изданием нового Указа Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)», то разграничение понятий «экономическая несостоятельность» и «банкротство» было закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 415-3). На наш взгляд, следует согласиться с тем, что вышеназванные понятия имеют разное значение. Однако стоит определить правовые признаки данных понятий, так как они являются существенными для разрешения рассматриваемого вопроса. Закрепленные в законодательстве дефиниции содержат признаки, которые присущи как понятию «экономическая несостоятельность», так и понятию «банкротство». Но есть и признаки, ввиду наличия которых данные понятия разграничиваются, а также предполагают наступление различных правовых последствий.

К сходным правовым признакам можно отнести следующие:

1) неплатежеспособность. Исходя из приведенных дефиниций экономическая несостоятельность и банкротство представляют собой неплатежеспособность субъекта хозяйствования. Согласно ст. 1 Закона № 415-3 под неплатежеспособностью понимается неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредитора по платежным обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений. Действительно, помимо гражданско-правовых обязательств перед кредиторами у должника появляются обязательства перед работниками, и часто должники не могут выплатить им заработную плату за выполненный труд;

2) устойчивый характер. Неплатежеспособность имеет или приобретает устойчивый характер, т. е. сохраняется в течение определенного промежутка времени. На наш взгляд, если должник в течение трех месяцев не способен рассчитаться с кредиторами, а также осуществлять выплаты работникам, вытекающие из трудовых и связанных с ними

отношений, то речь идет о неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер. Если же должник не может повысить показатели рентабельности своей организации более трех месяцев, не может выполнить обязательства перед кредиторами, работниками и иными лицами, используя для данных целей кредитно-заемные денежные средства, то речь идет о неплатежеспособности, которая носит устойчивый характер;

3) признание субъекта хозяйствования экономически несостоятельным или банкротом только по решению суда. Признать юридическое лицо (индивидуального предпринимателя) экономически несостоятельным или банкротом может только суд. Исходя из положений действующего законодательства, а именно Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» данное решение принимают территориальные экономические суды. Ликвидация субъекта хозяйствования является достаточно сложным процессом, что требует участия высококвалифицированного специалиста, обладающего специальными познаниями в данной области. Таковым выступает судья экономического суда, который разрешает возникшие споры на основании законодательства Республики Беларусь. Указанный принцип закреплен в ст. 21 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.

Основным признаком, разграничивающим рассматриваемые понятия, является неплатежеспособность, которая в одном случае признается судом в связи с осуществлением должником мероприятий по финансовому оздоровлению (проявление признаков экономической несостоятельности), а в другом случае – в связи с ликвидацией должника (проявление признаков банкротства). Существенное отличие заключается в том, что при экономической несостоятельности субъект хозяйствования имеет возможность восстановления показателей рентабельности, платежеспособности и выполнения обязательств перед кредиторами, а при банкротстве должник предпринял все меры по погашению задолженности и восстановлению платежеспособности, но они оказались безрезультатными. Стоит заметить и тот факт, что данный разграничивающий признак тесно взаимосвязан с правовыми последствиями, которые будут различны по своему содержанию. Как при экономической несостоятельности, так и при банкротстве судом назначается антикризисный управляющий. Если же управляющий после истребования дебиторской задолженности и принятия иных мер придет к выводу, что платежеспособность не восстановлена, то он начинает осуществлять конкурсное производство по реализации имущества. Кроме того, при

банкротстве субъект хозяйствования будет зарегистрирован в Едином реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как банкрот. В случае экономической несостоятельности данная отметка не проставляется.

В целом рассматриваемый вопрос представляется достаточно дискуссионным, так как ученые трактуют данные понятия по-разному. Одни считают, что понятия «экономическая несостоятельность» и «банкротство» являются тождественными, другие придерживаются мнения, что данные понятия различны и требуют четкого разграничения. Например, М.И. Кулагин полагает, что «институт несостоятельности нередко в экономической и юридической литературе смешивают с банкротством. В строгом юридическом значении банкротство есть лишь одно из возможных последствий, проявлений несостоятельности. Банкротом считается тот должник, который, уже будучи не в состоянии погасить свои долговые обязательства, действует во вред своим кредиторам, а должник признанный экономически несостоятельным не действует во вред кредиторам, а пытается восстановить „здоровую“ деятельность» [1, с. 172].

В.В. Зайцева считает, что «необходимо разграничивать понятия «несостоятельность» и «банкротство». Термин «несостоятельность» должен применяться не только для признания субъекта хозяйствования несостоятельным судом с согласия должника, но и в процессе конкурсного производства, а термин «банкротство» – только при наличии обстоятельств, доказывающих что причиняется имущественный вред кредиторам, а в случае лжебанкротства – при наличии уголовно наказуемого деяния, связанного с целенаправленным причинением вреда» [2, с. 4].

Как отмечает П.Д. Баренбойм, «в законодательстве ряда стран используется термин несостоятельность. Термин же банкротство не употребляется. В других странах, например в США, Российской Федерации, напротив, широко используется понятие «банкротство». Если же анализировать данные определения, то их нечеткость все-таки очевидна. При несостоятельности определяющим признаком выступает неспособность оплатить товары, работы или услуги. При банкротстве субъект хозяйствования вообще не может воспроизвести часть денежных средств, вложенных в производство, в себестоимость товаров, услуг, при этом он использует дополнительные источники финансирования» [3, с. 23].

А.Г. Лордкипанидзе полагает, что необходимо отталкиваться от экономических показателей, с помощью которых можно разрешить вопрос о разграничении определений. По его мнению, при несостоятельности происходит незначительное превышение пассива над активом. Как

правило, это происходит в соотношении 70 % пассива к 30 % актива. При этом, если должник успешно осуществил реорганизацию или санацию, то данные показатели выравниваются, а с течением времени актив начинает превышать пассив. При банкротстве происходит все наоборот. Показатели пассива резко возрастают и практически равны 100 %, а стратегия должника, направленная на финансовое оздоровление, провалилась. Поэтому данные понятия ни в коем случае нельзя соотносить друг с другом [4, с. 32–33].

По мнению С.Г. Беляева, В.И. Кошкина, Э.С. Минаева, В.П. Панагушина, вышеназванные определения стоит рассматривать как тождественные, взаимосвязанные, не имеющие каких-либо разграничений [5, 6].

С.Г. Беляев и В.И. Кошкин в своей работе «Теория и практика антикризисного управления» указывают на то, что банкротство в строго юридическом смысле – это юридический факт, после которого наступает стадия признания данного факта судом. Также банкротство может наступить после официального объявления должника о своем банкротстве при его добровольной ликвидации. При экономической несостоятельности происходят тождественные действия. Должник при этом объявляется добровольно или же по решению суда несостоятельным, а дальнейшие его действия зависят от его волеизъявления. Он может досрочно ликвидировать свою организацию, если будет достаточно оснований полагать, что дальнейшие действия бессмысленны. И в одном и в другом случае, по мнению ученых, наличие юридического факта, как правило, признается судом или же самим субъектом хозяйствования, а также у должника всегда сохраняется право на добровольную ликвидацию [5, с. 10].

Э.С. Минаев и В.П. Панагушин предлагают рассматривать понятия «банкротство» и «экономическая несостоятельность» по содержанию. По их мнению, более емким понятием является «банкротство». Однако банкротство вытекает из экономической несостоятельности, так как первоначально у субъекта хозяйствования появляется неплатежеспособность, которая и вызывает в последующем банкротство. В свою очередь, неплатежеспособность присуща только экономической несостоятельности. Банкротство не может возникнуть раньше, чем экономическая несостоятельность. Поэтому эти два определения взаимосвязаны, они являются единым целым, и их не стоит отделять. По мнению ученых, банкротство – это экономический механизм защиты здоровых хозяйствующих субъектов от безнадежно больных, а экономическая несостоятельность – это защита самого субъекта от дальнейшего его заболевания [6, с. 13].

Таким образом, мы видим, что мнения ученых разделились. Каждая авторская позиция имеет право на существование. На наш взгляд, с на-

учной точки зрения стоит рассматривать данную проблематику в экономическом и юридическом аспектах.

Понятия «несостоятельность» и «банкротство» в экономическом аспекте являются разнородными, не тождественными, так как должник, будучи несостоятельным, не является официально признанным банкротом до тех пор, пока его пассив не будет равен практически 100 % (стадия роста пассива). И наоборот, должник, будучи объявленным банкротом, после открытия конкурсного права не может считаться экономически несостоятельным, так как начался ликвидационный процесс (стадия ликвидации). Таким образом, мы видим, что вышеназванные понятия предусматривают чередование различных стадий. При этом есть такие стадии, которые исключительно присущи понятию «банкротство» или понятию «экономическая несостоятельность». Например, экономической несостоятельности присущи стадии кредитования, реорганизации и санации; банкротству – стадии роста пассива, конкурсного производства и ликвидации субъекта.

Если же рассматривать данные понятия в юридическом аспекте, то изначально наблюдается их сходность. Первоначально имеет место юридический факт (неплатежеспособность), который присущ как банкротству, так и экономической несостоятельности. При этом стоит отметить, что несостоятельность перетекает в банкротство и у должника на любой из перечисленных стадий сохраняется право на добровольную ликвидацию. Все это в очередной раз подтверждает тесную взаимосвязь данных понятий. Но если в первом случае деятельность должника носит восстановительный характер, и он способен восстановить платежеспособность, то во втором случае такой возможности нет, и происходит ликвидация субъекта хозяйствования.

Таким образом, подводя итогу вышесказанному, можно сделать вывод, что главными дифференцирующими признаками вышеназванных дефиниций являются наступившие правовые последствия.

1. Кулагин, М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин. – М. : Статут, 1997. – 330 с.
2. Зайцева, В.В. Правовые проблемы конкурсного производства в процессе банкротства банков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Зайцева ; Моск. гос. юрид. акад., Ин-т законодат. и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 1999. – 26 с.
3. Баренбойм, П.Д. Правовые основы банкротства : учеб. пособие / П.Д. Баренбойм. – М. : Белые альвы, 1995. – 200 с.
4. Лордкипанидзе, А.Г. Гарантии неплатежеспособности по законодательству Англии и Франции / А.Г. Лордкипанидзе // Законодательство зарубежных стран: обзорная информация. – Вып. 162. – М. : ВНИИСЗ, 1979. – 472 с.

5. Беляев, С.Г. Теория и практика антикризисного управления / под ред. С.Г. Беляева, В.И. Кошкина. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1996. – 112 с.

6. Минаев, Э.С. Антикризисное управление / под ред. Э.С. Минаева, В.П. Папагушина. – М. : ПРИОР, 1998. – 456 с.

УДК 343.985.8

А.А. Самак, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматувский*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

На основе содержания правовых норм законодательства Беларуси, России и Казахстана, а также практической деятельности сотрудников оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, анализируются проблемы, образующие основу содержания оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, ориентированных на решение конкретных задач. В ОРД оперативно-розыскные мероприятия – это важнейший компонент, сущность которого состоит в собирании информации об обстоятельствах подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. На сегодняшний день существенное количество преступлений являются латентными и в связи с этим их выявление и раскрытие – сложная задача, требующая грамотного использования процессуальных и оперативно-розыскных средств. Это обстоятельство предопределяет необходимость эффективного регулирования данного вида правоохранительной деятельности для установления четких границ в работе сотрудников оперативных подразделений.

В Республике Беларусь понятие «оперативно-розыскные мероприятия» впервые было введено Законом от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако определение данного понятия в Законе закреплено не было. В настоящее время Закон от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит термин «оперативно-розыскное мероприятие» и определяет его как «способ действия, применяемый органом, осуществляющим

оперативно-розыскную деятельность, при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности в целях получения сведений в соответствии с настоящим Законом».

В Законе Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия разделены на общие и специальные [1, с. 84]. Так, в п. 3 и п. 11 ст. 1 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» раскрывается содержание понятий общего и специального оперативно-розыскных мероприятий. Определение «общее оперативно-розыскное мероприятие» истолковывается как «совокупность связанных единым тактическим, стратегическим замыслом действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на решение задач данной деятельности». Понятие «специальное оперативно-розыскное мероприятие» определяется как «оперативно-розыскное мероприятие, непосредственно затрагивающее охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища». Разграничивая оперативно-розыскные мероприятия таким образом, законодатель акцентирует внимание на специфике их проведения в конкретных случаях.

В Федеральном Законе Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» также присутствует термин «оперативно-розыскное мероприятие», однако, в отличие от Беларуси и Казахстана, в российском законодательстве его содержание не раскрывается [2, с. 7].

В ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» приводится перечень оперативно-розыскных мероприятий: оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр, наблюдение, проверочная закупка, контролируемая поставка, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений, оперативное внедрение, оперативный эксперимент.

В п. 1 ст. 6 Федерального Закона Российской Федерации от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» также закреплена классификация оперативно-розыскных мероприятий, однако их определения представляются без раскрытия содержания. Органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, проводятся указанные оперативно-розыскные мероприятия: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествле-

ние личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации.

В законодательстве Беларуси и Казахстана, в отличие от Российской Федерации, помимо перечисления оперативно-розыскных мероприятий, также представлено толкование каждого из них.

Согласно содержанию и порядку проведения оперативно-розыскные мероприятия можно классифицировать по различным основаниям:

1. В зависимости от ограничения конституционных прав граждан: ограничивающие конституционные права (на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений и др.);

не ограничивающие конституционные права.

2. В зависимости от гласности проведения:

оперативно-розыскные мероприятия, проводимые только гласно;

оперативно-розыскные мероприятия, проводимые только негласно;

оперативно-розыскные мероприятия, проводимые как гласно, так и негласно.

3. В зависимости от применения специальных технических средств:

оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых могут использоваться специальные технические средства;

оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых специальные технические средства не используются [4, с. 234].

Указанная классификация весьма условна и законодательно не закреплена ни в России, ни в Беларуси. В свою очередь, законодатель Республики Казахстан предусмотрел в Законе Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» классификацию оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечалось ранее, в Казахстане оперативно-розыскные мероприятия подразделяются на общие и специальные. Общими оперативно-розыскными мероприятиями являются:

опрос лиц;

установление гласных и негласных отношений с гражданами, использование их в оперативно-розыскной деятельности;

внедрение;

применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность;

создание конспиративных предприятий и организаций;

контролируемая поставка;

применение технических средств для получения сведений, не затрагивающих охраняемых законом неприкосновенности частной жизни, жилища, личной и семейной тайны, а также тайны личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

наведение справок;

получение образцов;

оперативный закуп;

применение служебно-розыскных собак;

поиск и отождествление личности по приметам;

поиск устройств незаконного снятия информации;

обнаружение, негласная фиксация и изъятие следов противоправных деяний, их предварительное исследование;

преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание;

осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц, осмотра и изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотра жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотра транспортных средств;

проведение операций по захвату вооруженных преступников;

наблюдение.

Специальными оперативно-розыскными мероприятиями являются:

контроль почтово-телеграфных отправок;

оперативный поиск на сетях связи;

негласное прослушивание и запись разговоров с использованием видео, аудиотехники или иных специальных технических средств, прослушивание и запись переговоров, производящихся по телефонам и другим переговорным устройствам, а также получение сведений о произведенных телефонных переговорах;

снятие информации с технических каналов связи, компьютерных систем и иных технических средств;

оперативное проникновение.

Таким образом, наиболее подробно проведение оперативно-розыскных мероприятий определено в законодательстве Казахстана и Беларуси, где раскрыто содержание определения «оперативно-розыскное мероприятие», закреплена перечень оперативно-розыскных мероприятий, а также дано определение каждого из них. Кроме того,

в Казахстане законодательно закреплена классификация оперативно-розыскных мероприятий.

Практика Республики Казахстан в сфере оперативно-розыскной деятельности, опыт исследования различных точек зрения на проблему формулировки определения и дефиниции ОРМ показывают допустимость рассмотреть на законодательном уровне целесообразность объединения двух оперативно-розыскных мероприятий – «сбор образцов» и «исследование предметов и документов» – в одно, а также внести некоторые изменения в содержание данного ОРМ.

В настоящее время в ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» раскрывают содержание двух вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий следующим образом:

сбор образцов – копирование, изъятие предметов и документов в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности;

исследование предметов и документов – изучение предметов и документов, полученных при осуществлении ОРД, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД.

Проблема объединения двух вышеназванных оперативно-розыскных мероприятий в одно неоднократно отмечалась в юридической литературе. Свои точки зрения высказывали различные ученые, такие как С.И. Захарцев, В.Б. Шабанов, Д.Л. Харевич, А.Е. Чечетин. В своей монографии А.Е. Чечетин, аргументируя необоснованность законодательного объединения ОРМ «сбор образцов» и «исследование предметов и документов», отмечает, что у этих двух ОРМ различны субъекты: если сбор, как правило, осуществляет оперативный работник, то исследования чаще всего проводят специалисты, не являющиеся сотрудниками оперативно-розыскных подразделений [5, с. 135]. Действительно, в значительной мере проведение исследований относится к компетенции специалистов экспертно-криминалистических подразделений и научно-исследовательских учреждений, однако в определенных случаях оперативные сотрудники также являются субъектами исследований, например при использовании стандартизированных методик. Таким образом, субъектное разграничение оперативно-розыскных мероприятий «сбор образцов» и «исследование предметов и документов» не является достаточным для аргументации необоснованности законодательного объединения вышеназванных ОРМ.

Обосновывая допустимость объединения данных ОРМ, необходимо отметить, что такие оперативно-розыскные мероприятия, как «сбор об-

разцов» и «исследование предметов и документов», тесно взаимосвязаны между собой. Более того, как отмечает С.И. Захарцев, они взаимобусловливают друг друга: сбор образцов проводится для исследования полученных материалов, исследование предметов и документов не может быть осуществлено без их сбора и представления [6, с. 109].

Таким образом, сбор и исследование являются составными частями одного мероприятия. Исследование объектов не может быть проведено без их изъятия, которое может осуществляться лишь путем проведения оперативно-розыскного мероприятия «сбор образцов». Думается, законодатель поступит верно, если в дальнейшем объединит эти мероприятия в одно.

Одним из элементов любого оперативно-розыскного мероприятия является его объект. Объектом является то, на что направлено то или иное ОРМ. Традиционно среди них указываются объекты-носители доказательственной информации, а также иные объекты [7, с. 11]. В.Б. Шабанов и Д.Л. Харевич отмечают, что в практической деятельности оперативно-розыскное мероприятие «исследование предметов и документов» проводится в отношении значительно более широкого круга различных объектов, чем указано в Законе, например:

вещества, исследуемые с целью определения их природы происхождения или принадлежности к определенному виду, например к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам или аналогам;

растения, которые исследуются на предмет принадлежности к наркосодержащим культурам;

электронные файлы, изучаемые для отнесения их содержания к порнографическим материалам, а также для изучения зафиксированной в них информации, которая может представлять оперативный интерес (списки контактов в памяти сотовых телефонов, электронные билеты на проезд различными видами транспорта и т. д.) [8, с. 55].

Очевидно, что данные категории объектов не могут быть отнесены к определенным законодателем группам, таким, например, как предметы или документы. Так, представляется ярко выраженной необходимость корректировки наименования оперативно-розыскного мероприятия. Для решения указанной задачи предлагается дополнение определения и содержания оперативно-розыскного мероприятия словосочетанием «иных материальных объектов».

Таким образом, предложенные нами изменения в Законе от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» относитель-

но перечня и сущности оперативно-розыскных мероприятий можно представить следующим образом:

сбор и исследование образцов, предметов, документов и иных материальных объектов – это копирование, изъятие предметов, документов и иных материальных объектов, их изучение и сравнительное исследование в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Хотелось бы отметить, что в дальнейшем развитие технических средств, изобретения в области психологии, химии, криминалистики и других наук будут способствовать появлению новых ОРМ. Это требует от ученых тщательного изучения практической деятельности для разработки правового регулирования появляющихся или трансформирующихся оперативно-розыскных мероприятий для своевременного законодательного реагирования на данные процессы и расширения перечня ОРМ, предусмотренного законодательством.

Таким образом, можно рассчитывать, что в перспективе белорусское законодательство возьмет на вооружение самые актуальные результаты исследований передовых ученых и, проецируя положительный опыт других стран, сможет совершенствовать национальную систему для надлежащего регулирования деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

1. Сысалов, М.П. Оперативно-розыскная деятельность в Республике Казахстан : учеб. пособие / М.П. Сысалов. – Алматы : Данекер, 2002. – 338 с.

2. Чететин, А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура / А.Е. Чететин. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 469 с.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : Норма, 2005. – 456 с.

5. Чететин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография / А.Е. Чететин. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.

6. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскные мероприятия : монография / С.И. Захарцев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 259 с.

7. Бобров, В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция / В.Г. Бобров. – М. : Акад. упр. МВД России, 2003. – 64 с.

8. Шабанов, В.Б. / К вопросу о сущности и наименовании оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов» / В.Б. Шабанов, Д.Л. Харевич // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. – 2015. – № 2. С. 52–57.

В.А. Скурат – курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Тукало

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИИ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ОПЕРАТИВНЫЙ ИНТЕРЕС**

На примере информационного ресурса «Электронно-методический комплекс анализа информации» рассматриваются вопросы о получении сведений о лице, представляющем оперативный интерес, его местонахождении и связях.

Установить круг общения и логику местонахождения лица, представляющего оперативный интерес, позволяет системный анализ информации, полученной путем использования раздела «Анализ телефонных соединений и информации о геоположении лица, представляющего оперативный интерес» информационного ресурса «Электронно-методический комплекс анализа информации» (ЭМКАИ), заключающийся в детальном анализе всех телефонных соединений данного лица с помощью программного инструментария.

XXI в. стал веком информационного общества. Сегодня информация – это единственный известный человеку ресурс, который со временем только увеличивается. Использование информационного ресурса открывает перед обществом новые возможности, о которых даже и не подозревали футурологи и фантасты.

В настоящее время человек приспосабливается к постоянно меняющимся условиям. Сделать это в короткие сроки и с наименьшими потерями помогает грамотно поставленная работа с информацией.

Органы внутренних дел идут по пути накопления, систематизации и хранения огромного массива информации в виде электронных баз и банков данных, которые содержат в себе оперативно-значимую информацию. Таким образом, применение современных технологий информационно-аналитической работы способно минимизировать затраты рабочего времени сотрудников оперативных подразделений и значительно повысить качество информационно-аналитического сбора сведений о лицах, событиях и сопутствующих фактах.

В 2014 г. в Республике Беларусь в сфере экономики было совершено 6 652 преступления, в 2015 – 6 445. Данная статистика показывает, что число преступлений, совершаемых в данной сфере, растет.

Стоит отметить, что преступления, совершаемые по принципу «пришел, увидел и украл», становятся менее распространенными. Вышеизложенный принцип эволюционировал в сложные многоуровневые преступные схемы, осуществляемые во всем мире, и если цель у преступников осталась одна, то подходы становятся более сложными для правоохранительных органов.

Доктор юридических наук, профессор И.И. Басецкий в своей монографии «Преступность: опыт координации противодействия» отметил тот факт, что основной криминологической тенденцией в начале нового тысячелетия остается продолжающийся рост преступности в мире, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мигрирующей криминализации общественных отношений [2, с. 4]. Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что основным рычагом, воздействующим на развитие органов внутренних дел как в интеллектуальном, так и в материально-техническом аспектах, является преступность. Если прибегнуть к способу визуализации, то данный процесс развития можно представить в виде двух прямых, одна из которых (уровень развития органов внутренних дел) постоянно стремится настигнуть вторую (уровень преступности).

С учетом роста интеллектуального уровня лиц, совершающих преступления, необходимо развивать и совершенствовать методику раскрытия преступлений, применяемую практическими сотрудниками, создавать информационные ресурсы, упрощающие обработку первичной информации, постоянно обновлять имеющиеся в наличии вневедомственные электронные банки и базы данных.

Научный прогресс предоставил человеку возможность использовать информационные технологии во всех сферах, в том числе и в правоохранительной. Осталась в прошлом эра картотек, заполненных сотнями тысяч бумажных карточек. Правоохранительные органы давно перешли на электронные базы и банки данных и теперь успешно ведут сбор данных, представляющих оперативный интерес. В настоящее время перед органами внутренних дел стоит задача минимизировать временные затраты на проведение информационно-аналитической работы, которая является фундаментальной работой каждого оперативного сотрудника. Когда речь заходит о применении информационных технологий в органах внутренних дел, вспоминается высказывание основателя всемир-

вестной корпорации Apple Стива Джобса: «Работать нужно не 12 часов, а головой!» [3]. С данным высказыванием нельзя не согласиться, ведь именно с помощью специализированного программного обеспечения у практического сотрудника появляется возможность быстро и качественно проанализировать огромный массив информации. В решении оперативно-розыскных задач время является важным ресурсом. От скорости обработки первичной информации зависит скорость принятия решения, которая, в свою очередь, определяет общий результат работы оперативного сотрудника.

Не стоит забывать о том, что специализированное программное обеспечение не призвано заменить сотрудника в решении оперативно-розыскных задач, оно призвано стать незаменимым помощником, созданным для того, чтобы минимизировать временные затраты на обработку информации и повысить эффективность труда сотрудников. Невозможно раскрывать преступления не выходя из кабинета, но возможно быстро и качественно проанализировать первичную информацию о лицах и событиях, представляющих оперативный интерес, и уже отталкиваясь от полученного результата, разрабатывать и реализовывать оперативные планы.

Примером специализированного программного обеспечения, разработанного для нужд правоохранительных органов, может служить ранее упоминавшийся ЭМКАИ. Целью данного программного обеспечения является минимизация временных затрат на анализ первичных сведений, а также максимизация степени аналитического разбора данных сведений.

ЭМКАИ включает в себя четыре функциональных раздела:

- 1) «Анализ телефонных соединений и информации о геоположении лица, представляющего оперативный интерес»;
- 2) «Анализ информации о финансово-хозяйственной деятельности предприятия»;
- 3) «Анализ движения средств на карт-счете лица, представляющего оперативный интерес»;
- 4) «Прочее».

Раздел «Прочее» включает в себя несколько подразделов:

- 1) «Сборник электронных шаблонов заполнения типичных документов, используемых в органах внутренних дел». Использование данного сборника защищает сотрудника от технических и логических ошибок, типичных при составлении служебных документов. В подраздел встроены «личный консультант» сотрудника, который в режиме реального времени сможет оказывать методическое сопровождение составления служебного документа, что повысит качество подготовки документации;

2) «База данных сторонних информационных ресурсов». В данном подразделе реализована библиотека ссылок на электронные ресурсы в сети Интернет, которые в той или иной мере могут быть полезными для оперативного сотрудника. Также данный подраздел включает в себя детальное методическое сопровождение каждого информационного ресурса;

3) «Запросы». Данный подраздел содержит шаблоны запросов в компетентные организации для получения необходимых сведений, обработка которых реализована в функциональных возможностях программного обеспечения ЭМКАИ.

Основные свойства ЭМКАИ:

1) наглядность (результат анализа данных предоставляется в удобном для восприятия текстовом и графическом видах);

2) функциональность (оперативный сотрудник имеет возможность устанавливать большой спектр фильтров на всю анализируемую информацию);

3) практичность (данное программное обеспечение имеет простейший интерфейс, который освоит абсолютно любой практический сотрудник вне зависимости от уровня владения информационными ресурсами);

4) методическое сопровождение.

Функциональные возможности ЭМКАИ базируются на модульном принципе, что позволяет постоянно увеличивать аналитические возможности данного программного обеспечения в зависимости от требований оперативных подразделений. Данный продукт может использоваться всеми подразделениями правоохранительных органов, имеющими разную специфику служебной деятельности.

Никого не удивит наличием мобильного телефона. На сегодняшний день телефон настолько прочно вошел в нашу жизнь, что без него нормальное существование не представляется возможным. За время своего существования телефон претерпел массу изменений касательно как способа связи, так и аппаратных характеристик.

В настоящее время телефон – это огромный массив информации о владельце данного устройства. Современные телефоны способны хранить в себе не только контакты, но и фото, видео, голосовые сообщения, а некоторые устройства позволяют даже сохранять геопривязку всех связанных с телефоном событий.

При раскрытии и расследовании преступлений абсолютное большинство практических сотрудников прибегают к изучению массива информации, касающегося телефонных соединений лица, для определения его местонахождения и круга общения.

В ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплен перечень опера-

тивно-розыскных мероприятий (ОРМ), проведение которых возложено на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в том числе органы внутренних дел. При проведении ОРМ «наведение справок» практический сотрудник имеет возможность обратиться с запросом к компетентным организациям, которые, в свою очередь, согласно законодательству Республики Беларусь обязаны предоставить подробную информацию, хранящуюся в биллинговой системе, интересующую оперативного сотрудника.

Предоставленная компетентной организацией информация, представляет собой электронный файл, содержащий большой массив структурированных данных в табличном виде. Электронный файл содержит только те данные, которые были закреплены в перечне запрашиваемой оперативным сотрудником информации. Именно поэтому очень важно в запросе указывать полный перечень необходимой информации, а также не забывать запрашивать номер базовой станции, где было зарегистрировано соединение.

В настоящее время практические сотрудники органов внутренних дел для анализа информации, полученной от компетентных организаций о телефонных соединениях интересующего лица, активно используют такие информационные ресурсы, как Microsoft Excel, GeoCloud и TelSvLite. Последние информационные ресурсы являются взаимодополняющими, так как GeoCloud представляет собой ресурс, с помощью которого оперативный сотрудник имеет возможность перенести всю историю телефонных соединений на географическую карту в виде маркеров, что увеличивает степень наглядности информации, а ресурс TelSvLite позволяет сотруднику с помощью большого многообразия фильтров, осуществить ступенчатый анализ первичной информации о телефонных соединениях интересующего лица.

Синтезом графической платформы GeoCloud и аналитических возможностей TelSvLite является раздел «Анализ телефонных соединений и информации о геоположении лица, представляющего оперативный интерес» информационного ресурса ЭМКАИ, который способен анализировать не только сведения, полученные от компетентных организаций о телефонных соединениях лиц, перенося их на карту, но и сведения из специализированных баз данных органов внутренних дел. Данный информационный ресурс является практико-ориентированным рабочим инструментом сотрудников органов внутренних дел без ограничения по направлениям служебной деятельности.

Системный анализ полученной информации путем использования раздела «Анализ телефонных соединений и информации о геоположении лица, представляющего оперативный интерес» информационного

ресурса ЭМКАИ, заключающийся в детальном анализе всех телефонных соединений данного лица с помощью программного инструментария, позволяет установить круг общения и логику местонахождения лица, представляющего оперативный интерес.

1. Информационно-справочные материалы об отдельных направлениях служебной деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2015 году. – Минск, 2016.

2. Басецкий, И.И. Преступность: опыт координации противодействия : монография / И.И. Басецкий, И.В. Капелько, Ю.Л. Сиваков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 827 с.

3. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 07.10.2016.

УДК 343.98

А.М. Сушко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *В.Н. Смоленчук*

Рецензент – кандидат юридических наук *Р.М. Ронот*

**ПРИМЕНЕНИЕ МИКРОСКОПИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА
О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ
НАНЕСЕНИЯ ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ШТРИХОВ**

Рассматриваются возможности применения микроскопических методов исследования для решения вопроса о хронологической последовательности нанесения пересекающихся штрихов. Данные методы позволяют наиболее эффективно и качественно решать задачи экспертных исследований. Также они являются неразрушающими, что дает им преимущество перед другими разработанными методами.

Документы занимают важное место в различных сферах деятельности человека: в органах управления, на государственных и частных предприятиях, в банковских структурах, организациях здравоохранения и т. д. В связи с этим они всегда притягивают внимание криминальных элементов и являются объектом посягательства при совершении многих преступлений.

Анализ экспертной практики показывает, что при изготовлении различных документов (в частности, при изготовлении поддельных доку-

ментов или при внесении изменений в подлинный документ) нарушается порядок их заполнения. Поэтому нередко перед экспертами ставятся вопросы, связанные с установлением очередности заполнения в документе отдельных его реквизитов (текста, подписей, оттисков печатей и штампов, т. е. пересекающихся штрихов).

Установление хронологической последовательности выполнения пересекающихся штрихов является одной из сложных задач технико-криминалистической экспертизы документов, и нередко эксперты по результатам исследования формулируют вывод в форме «не представляется возможным» (НПВ) или в вероятностной форме, что обусловлено целым рядом объективных факторов.

До недавнего времени, когда количество рецептур традиционных материалов письма, используемых при изготовлении документов, было сравнительно небольшим, для установления последовательности нанесения пересекающихся штрихов можно было воспользоваться разработанными ранее методиками.

Однако с развитием технических средств и появлением на рынке огромного ассортимента зарубежной продукции (в том числе материалов письма нового поколения) решение подобных задач значительно усложнилось. При этом нельзя рассчитывать на разработку единой методики, так как это связано с постоянным расширением ассортимента материалов письма и, соответственно, увеличением количества возможных пар комбинаций в пересекающихся штрихах. Поэтому в своей практике эксперты вынуждены использовать ранее разработанные методики, адаптируя их под современные материалы, что, как показывает практика, иногда может привести к ошибочным выводам [1, с. 1].

В литературе описаны различные методы исследования пересекающихся штрихов с целью установления последовательности их нанесения: влажное копирование, адсорбционно-люминесцентный анализ (копирование с последующим изучением люминесценции штрихов на участках пересечений полученных оттисков), механическое удаление (соскабливание), профилирование и др. [2, с. 6].

Однако в последнее время наиболее широкое и повсеместное применение при проведении данных исследований получили микроскопические методы. По мнению Р.С. Белкина, микроскопические методы исследования представляют собой методы исследования микрообъектов с помощью микроскопа [3, с. 42]. Данные методы включают в себя совокупность приемов оптической (световой) и электронной микроскопии, делающих возможным изучение объектов с различным увеличением.

При исследовании документов эксперты используют стереоскопические микроскопы с косонаправленным освещением, что позволяет суще-

ственно повышать степень различимости деталей объекта и определять род материалов письма, изучать микроструктуру штрихов, их цвет, распределение красящего вещества в штрихах, интенсивность окраски штрихов, выявлять следы давления, оставленные на бумаге пишущим прибором либо печатающим устройством, и участки, пригодные либо непригодные для исследования (в частности, участки пересечений) [4, с. 6].

Оптическая микроскопия при решении задачи по установлению хронологической последовательности выполнения штрихов применялась до настоящего времени в основном как метод предварительного исследования. Считалось, что микроскопическим методом по взаимному расположению на участках пересечения можно определять последовательность выполнения только узкой группы штрихов, а именно: карандашных штрихов с карандашными, со штрихами, выполненными через копировальную бумагу, со штрихами, выполненными перьевыми ручками, а также штрихами, выполненными шариковыми ручками. При этом изучается характер уноса частиц красящего вещества карандашных штрихов на участках пересечения с другими штрихами [2, с. 10].

Например, непрерывность трасс, оставляемых твердыми частицами карандашной массы, четкость границ карандашного штриха и прерывистость границ штриха пасты в местах пересечения, однородность участка пересечения с карандашным штрихом в целом по цвету, микроструктура, отражательная способность, унос частиц пасты – это признаки, указывающие на то, что карандашный штрих был нанесен на штрих пасты.

Такие признаки, как прерывистость трасс, оставленных твердыми частицами карандашной массы, четкость границ пасты и прерывистость границ карандашного штриха в местах пересечения, различия в микроструктуре, цвете и отражательных свойствах участков пересечения штрихов от карандашного штриха, свидетельствуют о расположении штриха пасты поверх карандашного штриха. Наиболее полно они проявляются, если один из штрихов выполнен мягким графитным карандашом. Если краситель верхнего штриха отлагается слабо, и те и другие признаки отображаются недостаточно четко. При этом картина последовательности нанесения штрихов может быть неясной, а иногда и ложной.

С помощью микроскопического исследования также представляется возможным установить последовательность нанесения штрихов пасты шариковой ручки и чернил, но, как правило, лишь в том случае, если второй штрих наносится сразу же после выполнения первого. Унос частиц чернил по направлению движения штриха пасты, нарушение границ чернильного штриха и четкость границ штриха пасты – признаки, указывающие на то, что вторым был нанесен штрих пасты [5, с. 287–288].

Однако в отношении вышеназванных объектов задача по установлению последовательности нанесения ставится крайне редко.

В последние десятилетия наиболее распространенным при выполнении печатных текстов в документах является электрофотографический способ с использованием порошковых тонеров. Печать осуществляется на лазерных или светодиодных принтерах, копировальных аппаратах. Поэтому электрофотографические печатные тексты (штрихи тонера) на бумаге наиболее часто являются объектами технико-криминалистической экспертизы документов при решении задачи по установлению последовательности их нанесения по отношению к другим реквизитам документа.

То, что на поверхности штрихов тонера после пересечения их рукописными штрихами паст шариковых ручек появляется «цветной блеск пасты», уже отмечал ранее М. Planty. J.R. Daniels предложил способ определения последовательности выполнения текста, отпечатанного на принтере электрофотографического типа или пишущей машине, и рукописных штрихов паст шариковых ручек или гелевых чернил, который заключается в использовании поляризационных фильтров. Располагая их под определенным углом, эксперт может обнаружить сияние пленки, образующейся при высыхании на бумаге чернил (пасты) на участках пересечения штрихов, и фиксирует наблюдаемую картину с помощью цифровой камеры при увеличении до 20 крат. Однако использование малых увеличений существенно ограничивает возможности метода. В частности, слабое сияние чернил, обычно наблюдаемое на участках пересечения рукописных штрихов со слабоинтенсивными штрихами тонера или на участках пересечения штрихов тонера и оттисков печатей, может быть не зафиксировано. Кроме того, поляризованный свет усиливает свечение не всех материалов письма, что также сужает возможности метода [2, с. 11].

В последнее время возможности оптической микроскопии существенно расширились, чему способствовали переход на новые мощные светодиодные и лазерные источники света, а также внедрение систем визуализации и цифровой регистрации наблюдаемой под микроскопом картины.

В лаборатории судебно-технической экспертизы документов РФЦСЭ при Минюсте России с 2006 г. проводилась научно-исследовательская работа по изучению возможностей применения современных микроскопов различного типа, оснащенных цифровыми камерами и специализированными программами обработки изображения, для установления последовательности выполнения в документах различных реквизитов. Основным направлением проводимой работы является изучение опти-

ческих эффектов, возникающих на участках пересечения штрихов, выполненных различными материалами письма, при облучении светом различной интенсивности и направленности [6, с. 180].

Результатом данной работы стала разработка методики определения последовательности выполнения ряда реквизитов, основанной на использовании современных возможностей оптических микроскопов и систем регистрации. К достоинствам методики следует отнести простоту в применении, наглядность, а также то, что она не изменяет первоначального состояния изучаемых объектов.

Данная методика позволяет определить последовательность выполнения:

текстов, выполненных на электрофотографических печатающих устройствах с использованием тонера черного цвета, и записей, выполненных пастами шариковых ручек, чернилами гелевых ручек (гелевыми чернилами), на участках их пересечения;

текстов, выполненных электрофотографическим способом, и оттисков печатей (штампов, факсимиле), нанесенных штемпельными красками, на участках их пересечения;

записей, выполненных пигментированными чернилами для гелевых ручек черного цвета, и записей, выполненных пастами шариковых ручек, цветными гелевыми чернилами на участках их пересечения;

текстов, отпечатанных на электронных пишущих машинах через угольную ленту, и записей, выполненных пастами шариковых ручек, цветными гелевыми чернилами, на участках их пересечения.

В отдельных случаях метод позволяет решать задачу установления последовательности выполнения текстов, выполненных на печатающих устройствах струйного типа, и записей, выполненных пастами шариковых ручек, гелевыми чернилами, на участках их пересечения [2, с. 11–12].

В рамках данной работы также была доказана возможность установления последовательности выполнения в документах рукописных реквизитов (пастами, гелевыми чернилами) и реквизитов, выполненных электрофотографическим способом, при отсутствии участков их взаимного пересечения. Методика такого исследования основана на изучении в месте расположения рукописных штрихов «фоновых» микрочастиц тонера, остающихся на листе документа после электрофотографической печати. Следует отметить, что, как и на участках пересечения, микрочастицы тонера независимо от того, находятся они на рукописном штрихе или под ним, воспринимаются лежащими сверху. Однако в случае если «фон» был нанесен на лист до выполнения рукописных реквизитов, на поверхности микрочастиц тонера можно наблюдать радужное окраши-

вание от желто-оранжевого до красного цветов. Микрочастицы тонера при этом выглядят как пятна с черным ореолом и цветным переливом по всей поверхности или на отдельных участках поверхности. Если же «фон» был нанесен на лист после выполнения на нем рукописных реквизитов, микрочастицы тонера сохраняют свой первоначальный вид – либо выпуклых объемных зерен разной формы черного цвета с глянцевым блеском, либо приплюснутых объемных частиц разной формы серо-черного цвета с блеском [6, с. 183–184].

За рубежом с конца 1980-х гг. использование возможностей сканирующей электронной микроскопии являлось основным направлением научно-исследовательской работы экспертов, разрабатывающих методы установления последовательности выполнения штрихов на участках их пересечения. Были получены хорошие результаты в определении последовательности выполнения штрихов на гетерогенных участках пересечений текстов, отпечатанных на пишущих машинках, матричных принтерах, электрофотографических печатающих устройствах, и рукописных штрихов, выполненных различными материалами письма (пастами шариковых ручек, карандашами, чернилами). В зарубежных экспертных лабораториях этот метод широко применяется и успешно совершенствуется, особенно с появлением электронных микроскопов высокого разрешения, с полевой эмиссией, позволяющей при низких напряжениях получить стереоизображение высокого качества. Ограничением данного метода является то, что в большинстве случаев он не дает однозначных результатов при изучении гомогенных участков пересечения [2, с. 8–9].

Таким образом, говоря о применении микроскопических методов для решения вопроса о хронологической последовательности нанесения пересекающихся штрихов, необходимо отметить, что в настоящее время их применение позволяет наиболее эффективно и качественно решить стоящие перед экспертами задачи. Кроме того, данные методы исследования являются научно обоснованными апробированными неразрушающими методами, что дает им преимущество перед другими разработанными методами.

1. Гаркович, Н.В. Особенности установления хронологической последовательности пересечений текстов, выполненных на лазерном принтере, с другими реквизитами документов: информационный листок № 4/06-10 / Н.В. Гаркович. – Минск : ГЭКЦ МВД Респ. Беларусь, 2010. – 5 с.

2. Торопова, М.В. Установление последовательности нанесения в документах реквизитов, выполненных электрофотографическим способом, и рукописных реквизитов, оттисков печатей : метод. рекомендации / М.В. Торопова. – М. : ЭКОНОМ Паблишерз, 2011. – 35 с.

3. Белкин, Р.С. Криминалистика : крат. энцикл. / Р.С. Белкин. – М. : Большая Рос. энцикл., 1993. – 111 с.

4. Данилович, В.Б. Исследование пересекающихся штрихов. Общая схема, методы и частные методики исследования : метод. рекомендации / В.Б. Данилович, А.А. Онищенко ; под ред. Т.Б. Черткова. – М. : РФЦСЭ, 2002. – 64 с.

5. Ефременко, Н.В. Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учеб. пособие / Н.В. Ефременко [и др.] ; под ред. Н.В. Ефременко. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 343 с.

6. Торопова, М.В. Новый подход к решению задачи по установлению последовательности выполнения реквизитов в документах / М.В. Торопова // Теория и практика судеб. экспертизы. – 2008. – № 3. – С. 180–185.

УДК 343.985.8

С.С. Сягло, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ

На основе содержания правовых норм законодательства Республики Беларусь, а также практической деятельности сотрудников оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, анализируются проблемы современного состояния борьбы с коррупцией в таможенных органах.

В научной литературе коррупция чаще всего рассматривается как негативное социальное явление, при котором государственные служащие и иные должностные лица, уполномоченные на выполнение управленческих, властно-распорядительных, производственных, финансово-хозяйственных и иных функций, используют свои служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. В широком смысле слова коррупция рассматривается как «явление, поразившее государственный и общественный аппараты управления, выражающееся в разложении власти, умышленном незаконном использовании должностными лицами своего служебного положения в корыстных целях для личного обогащения» [1, с. 567].

Российские и белорусские ученые современную коррупцию рассматривают не как элементарный уголовно-правовой феномен, который мож-

но было бы квалифицировать конкретной нормой Уголовного кодекса как отдельный состав преступления, а как явление криминологическое и социально-экономическое, отличающееся многоструктурным и многоуровневым содержанием, в логический объем которого входит комплекс однородных видов общественно опасных деяний. В содержание коррупционных деяний они включают: взяточничество, криминальный лоббизм, покровительство на основе личных связей, незаконное участие в предпринимательской деятельности лично или же через близких либо доверенных лиц, предоставление исключительных прав на что-либо в целях корыстного использования, приобретение или отвлечение государственных средств и собственности для своей корпоративной группы, любое использование или манипулирование служебной информацией в личных или групповых интересах, прямые или косвенные взносы в период избирательных компаний в пользу определенных партий или лиц, а также на иные политические цели, незаконное распределение кредитов, дотаций и инвестиций, проведение приватизации путем организации незаконных конкурсов, аукционов, фактического захвата пакетов акций, находящихся в федеральной собственности, полное или частичное освобождение от таможенных платежей и налогов, незаконное применение системы преференций в отношении различных промышленных, финансовых, торговых и иных корпоративных групп и некоторые другие подобные деяния.

Коррупция – одна из трудноразрешимых проблем современности. Интерес к ней резко возрос как в обществе, так и на страницах научных изданий. В средствах массовой информации это явление справедливо рассматривается как серьезный барьер на пути развития здорового общества, социальное зло, требующее вмешательства государства. Коррупция всегда была и остается серьезной угрозой для экономической и национальной безопасности государства. Во всех своих проявлениях коррупция оказывает дестабилизирующее влияние на все сферы жизнедеятельности общества, из-за нее значительно замедляется социально-экономическое развитие стран [1, с. 568].

Коррупция подрывает доверие народа к власти, дискредитирует рыночные механизмы конкуренции и борьбы с монополизмом в экономике, способствует лоббированию законодательных и нормативных актов, потворствующих масштабным злоупотреблениям и преступности.

Исследования, проведенные в России и Беларуси, свидетельствуют о том, что в современный период значительная часть кадров государственной службы сформировалась еще в условиях административно-командной системы государственного управления и представляет собой тип административной ориентации, который воспроизводится нынешней практикой этого управления и является особенно уязвимым для коррупции.

Поскольку таможенные органы играют важную роль в пополнении государственного бюджета, а также в обеспечении национальной безопасности, контролируя перемещаемые через границу товары и транспортные средства, проявление коррупции в таможенных органах может нанести серьезный ущерб экономической и политической стабильности в стране.

Доказывание факта подготовки или совершения преступления коррупционной направленности в сфере деятельности таможенных органов всегда весьма затруднительно, что обусловлено объективными и субъективными причинами. Прежде всего сложности связаны с дефицитом информации, которой располагают правоохранительные органы, и ограниченными временными рамками, в которых должно быть принято решение о том, каким путем получить и закрепить доказательства преступной деятельности. При этом существенно осложняют ситуацию характерные особенности личности коррумпированного сотрудника таможенных органов (наличие юридических знаний, профессиональный опыт, служебное положение, личные связи в ОВД). Будучи осведомленными относительно средств и методов раскрытия и расследования преступлений, сотрудники таможенных органов предпринимают меры по тщательной подготовке, планированию, изощренной маскировке и сокрытию следов своей преступной деятельности. Обозначенные факторы существенно осложняют проведение оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий в отношении данной категории преступников [2, с. 429].

В этой связи важным фактором при расследовании дел данной категории является сбор достаточного первоначального материала, его тщательный анализ и проверка. Как показывает анализ судебно-следственной практики, именно на этапе проверки информации о подготавливаемом или совершенном сотрудником таможенных органов преступлении коррупционной направленности, проводимой преимущественно в условиях строгой конспирации и заключающейся в документировании деятельности подозреваемого лица, происходит сбор базовой доказательственной информации, определяющей судебную перспективу уголовного дела. В результате проведенного исследования установлено, что одной из причин частого прекращения уголовных дел данного вида является крайне низкое качество первоначального материала.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, раскрытие преступлений данной категории происходит в одной из следующих ситуаций: 1) информация о готовящемся или совершенном преступлении была получена оперативным путем; 2) информация о коррупционной деятельности сотрудника таможенных органов получена от лица, в отношении которого планируется или совершено преступление коррупционной направленности и которое готово оказать помощь правоохранительным органам в изобличении коррумпированного сотрудника таможенных органов.

Проанализируем более подробно особенности первой из обозначенных ситуаций. В основе оперативного поиска в данной ситуации лежит установление следующих обстоятельств, косвенно свидетельствующих о коррумпированности отдельных сотрудников таможенных органов:

1) расходы на проживание, несоразмерные доходам сотрудника (приобретение недвижимости; строительство домов, дач; покупка дорогостоящих предметов (автомобили класса люкс, предметы антиквариата); частые поездки сотрудника либо членов его семьи за границу; посещение увеселительных заведений; приобретение крупных партий акций предприятий и компаний; обучение близких родственников в престижных учреждениях образования, в том числе за границей, и др.);

2) связи с лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью;

3) связи с представителями организованной преступности (встречи с криминальными авторитетами и членами их группировок, посещения увеселительных заведений, в которых проводят время указанные лица, и др.);

4) характеристика со стороны коллег, подчиненных и иных лиц как человека, склонного к решению служебных вопросов в обход установленного действующим законодательством порядка.

В ходе оперативно-розыскной деятельности могут быть выявлены и другие факты, оценка и проверка которых позволит и выявить коррумпированных сотрудников таможенных органов.

Согласно опросу оперативных сотрудников ОВД в целях документирования факта коррупционной деятельности сотрудника ОВД наиболее часто проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: наведение справок, наблюдение, опрос, прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент, контроль почтовых отправлений, оперативный осмотр.

Одним из способов снизить вероятность коррупции в таможенных органах является автоматизация документооборота. Стоит отметить, что в данном направлении таможенные органы Республики Беларусь значительно продвинулись. В стране разработана и действует Национальная автоматизированная информационная система электронного декларирования (НАСЭД) – система, осуществляющая информационную поддержку и автоматизацию таможенных операций, совершаемых должностными лицами таможенных органов и заинтересованными лицами (декларантами), с использованием письменных и электронных документов, а также обеспечивающая информационное взаимодействие таможенных органов Республики Беларусь с заинтересованными лицами и таможенными службами иных государств. НАСЭД является самостоятельной системой, входящей в состав единой автоматизированной информационной системы таможенных органов Республики Беларусь [3, с. 11].

НАСЭД позволяет снизить до минимума необходимость контакта должностного лица таможенного органа и участников внешнеэкономической деятельности и, как следствие, значительно уменьшить вероятность коррупции. Также эта система минимизирует влияние субъективного фактора, ошибок или злоупотреблений при проведении таможенных операций.

В Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2013–2015 годы Государственному таможенному комитету (как одному из органов, осуществляющих борьбу с коррупцией в соответствии с Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией») поставлена задача осуществить ряд мероприятий, призванных снизить уровень преступности посредством совершенствования системы борьбы с преступностью и коррупцией в Республике Беларусь. Касательно вопроса борьбы с коррупцией можно привести в пример следующие меры:

- 1) анализ причин и условий бесхозяйственности, недостачи, хищения и других потерь товарно-материальных ценностей и денежных средств с последующим принятием конкретных мер по обеспечению сохранности товарно-материальных ценностей и денежных средств и привлечению к ответственности виновных должностных лиц;

- 2) организация и проведение оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, в том числе межведомственного характера, направленных на предупреждение и пресечение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, криминальных схем ввоза на территорию Республики Беларусь с территории государств – членов Таможенного союза товаров, ранее ввезенных на единую таможенную территорию Таможенного союза без уплаты таможенных платежей.

В Программе также затронут вопрос международного сотрудничества. Правоохранительные органы должны принимать участие в международных конференциях, посвященных проблемам борьбы с преступностью и применению антикоррупционного законодательства. Помимо этого должно быть обеспечено взаимодействие с компетентными органами государств – участников СНГ и других государств в области подготовки кадров и повышения квалификации должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, судей, в том числе путем консультаций и стажировок [4, с. 103].

Проведенные исследования говорят о том, что на практике для снижения уровня коррупции надо учитывать все указанные факторы, изменяя их в нужном направлении. Но эти проблемы нельзя решить в краткосрочной перспективе. Именно поэтому большинство исследований не могут предложить какие-либо определенные практические рекомендации. Как показывает судебно-следственная практика, грамотное и тща-

тельно спланированное проведение проанализированных мероприятий позволяет получить обширные сведения о противоправной деятельности коррумпированного сотрудника ОВД, которые впоследствии могут быть использованы при формировании базы по уголовному делу.

1. Басецкий, И.И. Коррупция: теория и практика противодействия / И.И. Басецкий. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.

2. Ануфриева, Е.А. Проблемы раскрытия коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел / Е.А. Ануфриева // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н.И. Порубова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 дек. 2015 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – Ч. 2. – С. 429–436.

3. Боброва, В.В. Методика расследования контрабанды должностными лицами таможенных органов [Электронный ресурс] : [по состоянию на 25.07.2011 г.] / В.В. Боброва // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Зубкова, Е.П. Роль таможенных органов в борьбе с коррупцией / Е.П. Зубкова // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 20 марта 2015 г.) : в 2 ч. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2015. – Ч. 1. – С. 101–104.

УДК 342.92

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

А.С. Кривонощенко

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ

Рассматриваются понятие и сущность мер административного пресечения. Проводится сравнительный анализ данной группы мер и мер обеспечения административного процесса. Выделяются характерные признаки мер административного пресечения. На основе проведенного анализа автором сформулированы некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования применения меры административного пресечения в виде административного задержания.

Правовая природа мер административного пресечения тесно связана с их упорядочивающим воздействием на поведение участников общественных отношений в сфере управления. Наиболее ярко управление проявляется в сложных социальных системах, которые связаны с обороной, безопасностью, обеспечением общественного порядка и т. д. В управлении вышеуказанными, а также аналогичными системами основополагающая роль принадлежит органам исполнительной ветви власти. Они осуществляют свою деятельность путем воздействия на общественные отношения в определенной для них сфере деятельности посредством принятия общеобязательных для исполнения решений и издания распоряжений, иными словами – осуществляют администрирование.

Деятельность субъектов, которые осуществляют администрирование, носит двойственный характер: они осуществляют контроль за соблюдением правил, установленных законами и подзаконными нормативными актами, а также пресекают их нарушение. Защита прав и свобод граждан, собственности от противоправных посягательств выражается в регулировании отношений, которые складываются по поводу устранения реальных и потенциальных угроз для людей и их сообществ, создаваемых общественно опасными, вредными деяниями, предусмотренными соответствующими статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Одним из существенных правовых средств, позволяющих успешно противодействовать проявлению указанных противоправных посягательств, являются меры административного пресечения.

Отличительной особенностью мер пресечения является их четко выраженная дуалистическая функциональная направленность: с одной стороны, они выступают как правовое средство, которое позволяет прекращать противоправное поведение участников общественных отношений в сфере управления, с другой – обеспечивают условия для привлечения виновного в совершении правонарушения к ответственности и назначения соответствующего наказания.

Меры пресечения наряду с мерами превенции (административно-предупредительными мерами), мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (мерами обеспечения административного процесса), а также мерами административной ответственности в совокупности составляют систему мер административного принуждения. Иногда в качестве самостоятельных выделяют и восстановительные меры. Они представляют собой реализацию управомоченными субъектами власти содержащихся в нормах административного права ряда принудительных мер в связи с неправомерными действиями субъектов общественных отношений.

Целесообразно отметить, что ряд белорусских и российских ученых-административистов отождествляют меры пресечения с мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Например, Ю.Н. Мильшин, рассматривая меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, указывает, что они направлены на пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении, а также обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении. Назначение этих мер носит также и пресекательный характер (например, запрет на эксплуатацию транспортного средства, не отвечающего техническим требованиям) [1, с. 35]. Некоторые авторы, проводя анализ установленной КоАП системы мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, утверждают, что одни из них, выступая в качестве мер пресечения, в то же время служат и мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении, цель же других – исключительно обеспечение производства (например, изъятие документов, личный досмотр и осмотр и др.).

Так, в большей части учебной литературы отмечается, что административное задержание одновременно используется как для пресечения административного правонарушения, так и для обеспечения административного производства. На основании вышеизложенного целесообразно сделать вывод о том, что вся классификация мер административного принуждения не содержит единого критерия, благодаря которому можно было бы четко отграничить меры пресечения от мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В связи с этим представляется обоснованным провести анализ системы мер пресечения в целом.

Как известно, принято выделять общие и специальные меры пресечения. К общим единогласно относят административное задержание лица, принудительное лечение, изъятие незаконно хранящихся предметов и др. Отметим, что в настоящее время запрещение эксплуатации охватывается понятием временного запрета деятельности, которое в соответствии с Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях относится к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. К специальным мерам пресечения (мерам непосредственного принуждения) относят средства физического воздействия, в том числе использование специальных средств, огнестрельного оружия, а также специальной техники. Такие меры применимы исключительно к физическим лицам. В юридической литературе отмечается определенная взаимосвязь между общими и специальными мерами административно-правового пресече-

ния. Развернутое представление об их соотношении можно получить исключительно путем проведения анализа содержания и структуры норм, которые закрепляют основания их применения.

Общепризнанным является деление нормы права на три элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Между всеми элементами правовой нормы существует четкая логическая связь, которая может быть выражена формулировкой: «если..., то..., иначе...». Особенность структуры правовой нормы, содержащей основания применения мер пресечения, состоит в том, что логические элементы (диспозиция, гипотеза и санкция) расположены в ней в обратном порядке, но это не свидетельствует о неправильном ее построении. Гипотеза нормы указывает правоприменительно на условия, при наступлении которых она может применяться. Она содержит объемный перечень условий применения мер административного воздействия, например таких, как задержание.

Диспозиция нормы права содержит правила должного поведения для субъекта, наделенного государственно-властными полномочиями, и указание на конкретную принудительную меру, которая может быть применена и реально проявляется в должном поведении этого субъекта. В административном праве меры административного принуждения в виде задержания, изъятия и т. п. осуществляются сугубо на законных основаниях, но они не являются санкциями правовых норм. Они содержатся не в санкции, а в диспозиции нормы права. В теории права санкцию описывают как способ защиты правового правила от возможных его нарушений. Данная часть нормы содержит указания на меры государственного принуждения, т. е. невыгодные (неблагоприятные) последствия, которые будут наступать при применении нормы права для лиц, которые не выполняют предписания закона. В свою очередь, санкция – это мера воздействия по отношению к правонарушителю. Вместе с тем представляет интерес мнение Д.Н. Бахраха, который, группируя санкции административно-правовых норм по целям и характеру воздействия, выделяет среди них санкции пресечения [2, с. 262]. Данные санкции применяются в целях прекращения правонарушения, а также содержатся в нормах, которые регулируют деятельность правоохранительных органов. Санкции пресечения обеспечивают запрещение, отстранение, изъятие, пресечение, предотвращение опасных последствий.

На основании изложенного целесообразно сделать вывод об устойчивой, логичной связи между общими и специальными мерами пресечения. Так, применение задержания как меры пресечения обусловлено потенциальной возможностью использования специальных мер принуждения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия). Отметим, что в производстве по делам об административных

правонарушениях под административным задержанием понимается фактическое кратковременное ограничение свободы физического лица, которое может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении (ст. 8.2 ПИКоАП). Следовательно, для обозначения задержания как меры пресечения необходимо избрать иной, более точный термин, например «физическое задержание». Он употребляется в науке уголовного процесса в качестве синонима «захвата» лица на месте совершения преступления. Использование в науке административного права понятия «физическое задержание» позволит отграничить задержание как меру пресечения от административного задержания – меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Кроме того, в данном словосочетании прилагательное «физическое» ассоциируется с физической силой, что отражает сущность рассматриваемого правового явления как меры пресечения. Физическое задержание представляет собой особое правовое средство, которое позволяет осуществлять управляющее воздействие на поведение субъекта, а также пресекать его противоправные действия. Необходимо отметить, что такие действия должны иметь активный, сугубо противоправный характер. Если правонарушение связано с неисполнением возложенной на лицо обязанности (например, уклонение от обязанности уплаты алиментов, невыполнение обязанности по надлежащему воспитанию детей), то будет иметь место не пресечение, а выявление правонарушения. При физическом задержании воздействие на лицо осуществляется в два этапа. На первом этапе происходит управленческое воздействие на поведение субъекта путем установления запрета на совершение определенных действий. Самый простой пример – команда: «Стой!». Если она не выполнена и лицо продолжает совершать противоправные действия, то может быть применена сила. Способы применения физической силы возможны самые разные. Наиболее простой заключается в физическом удержании (либо сдерживании) лица в течение сугубо необходимого времени в пределах, которые не унижают достоинство человека. Кроме того, при помощи силы существует возможность решить несколько задач: пресечь общественно опасные деяния, не допустить причинения ущерба своей жизни или здоровью, устранить иную опасность, непосредственно угрожающую охраняемым законом интересам других лиц, общества или государства. При выявлении у задерживаемого лица намерения сотрудничать с представителем власти применение силы должно быть прекращено. На втором этапе на

лицо возлагается обязанность исполнить законные требования должностного лица, которое осуществляет физическое задержание. В противном случае к лицу может быть повторно применена физическая сила. Обязательность исполнения требования гарантируется возможностью применения физической силы, но, отметим, что это крайняя, наиболее жесткая мера непосредственного пресечения, которая должна быть применена только в регламентированных законом случаях.

Таким образом, меры административного пресечения отличаются от мер обеспечения производства не только по нормативным основаниям, целям, фактическим основаниям применения, срокам, правовым последствиям, кругу задерживаемых лиц, но и по возможности (либо невозможности) силового обеспечения их применения. Тем самым меры административного пресечения не являются наказанием за совершенное деяние, они применяются в качестве средства для пресечения активного уклонения от соблюдения административно-правовых запретов. Основания и порядок применения силовых мер пресечения должны быть тщательно регламентированы законодателем. Это вызвано повышенной опасностью применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, специальной техники, которые в отличие от карательных санкций могут повлечь негативные последствия для здоровья человека.

1. Мильшин, Ю.Н. О мерах административно-процессуального обеспечения производства по делу об административном правонарушении / Ю.Н. Мильшин // Адм. право и процесс. – 2007. – № 5. – С. 35–36.

2. Бахра, Д.Н. Административное право : учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах. – М. : Москва, 1996. – 355 с.

УДК 343.985

А.Ю. Теслёнок, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.А. Гарбуз*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.И. Левицук*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ

Рассматривается этимологическое значение слова «миграция», обозначаются причины появления мигрантов, а также внешние и внутренние угрозы, содействующие росту количества мигрантов. Отдельное внимание уделяется правовым основам борьбы с незаконной миграцией в Республике Беларусь.

Понятие «миграция» по словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона формулируется как перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства [1]. Незаконная миграция – это совершенные с нарушением законодательства Республики Беларусь въезд в страну, пребывание на ее территории или выезд за пределы республики (например, въезд иностранного гражданина на территорию Республики Беларусь по недействительным документам, при отсутствии иммиграционной визы, незаконный транзит через территорию республики).

Можно выделить несколько видов незаконной миграции:

по степени организованности: организованная и неорганизованная;

по количеству перемещаемых незаконных мигрантов: индивидуальная и групповая;

по способу въезда в страну: осуществляемая путем незаконного пересечения границы по поддельным документам, через неохраняемые границы либо вне пунктов пропуска через государственную границу, а также легального въезда и невыезда по истечении разрешенного срока пребывания [2, с. 14].

Миграция – неотъемлемая составная часть современного общества. Огромные потоки дешевой рабочей силы перемещаются из одного региона в другой. По информации отделения народонаселения ООН, в миграционный оборот втянуто 218 стран мирового сообщества. Согласно прогнозу Международной организации по миграции (МОМ), к 2030 г. показатель миграционной активности населения земного шара составит 300 млн человек.

Появление незаконной миграции связано с действием выталкивающих факторов в странах происхождения мигрантов (бедность, безработица, кризисы и т. д.) и притягивающих – в странах назначения (более высокий уровень оплаты труда, возможности трудоустройства, безопасность и т. д.). Кроме того, существующие рамки и механизмы законной миграции не позволяют решить проблемы дефицита трудовых ресурсов в странах с развитой и растущей экономикой. Во многих странах, куда стремятся попасть мигранты, рынки труда способны поглотить большое число незаконных трудовых мигрантов. Поэтому наличие возможностей трудоустройства и готовность работодателей нанимать незаконных мигрантов – важнейшие факторы, способствующие росту такой миграции. Кроме того, нельзя не учитывать деятельность преступных группировок, занимающихся незаконным ввозом мигрантов и получающих огромные доходы [2, с. 14].

В соответствии с ч. 1 ст. 23.55 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях иностранный гражданин или лицо без гражданства, нарушивший правила пребывания в Республике Беларусь, т. е. пребывающий в Республике Беларусь без визы Республики

Беларусь, миграционной карты, паспорта или иного документа, его заменяющего, предназначенного для выезда за границу и выданного соответствующим органом государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства иностранного гражданина или лица без гражданства или международной организацией, либо пребывающий в Республике Беларусь по недействительным документам, нарушивший установленный порядок регистрации либо передвижения и выбора места жительства, уклонившийся от выезда по истечении определенного им срока пребывания, а также нарушивший правила транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь либо порядок занятия трудовой, предпринимательской или иной деятельностью, привлекается к административной ответственности.

Согласно ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь под организацией незаконной миграции понимается организация либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (организация незаконной миграции).

Наибольшая угроза исходит не от мигранта, ставшего объектом незаконного ввоза, а от укрепления организованных преступных синдикатов, получения ими сверхприбылей незаконным способом. Незаконный ввоз мигрантов является международным организованным криминальным явлением с высокой прибылью и малым риском. Так, нелегальная переправка из Китая в США морским путем обходится мигрантам в 25–30 тыс. дол. [3, с. 162].

Структуры, занимающиеся незаконным ввозом мигрантов, умело осуществляют обучение и подготовку клиентуры. Мигрантов инструктируют, как одеваться, как отвечать на те или иные вопросы должностных лиц пограничных или миграционных служб, обучают различным способам получения разрешения на пребывание в стране назначения, в том числе с использованием процедур предоставления убежища. Имеются также многочисленные случаи мошенничества, когда, получая доход за организацию незаконного въезда мигрантов в страны назначения, преступные группировки не заботятся о выполнении своих обязательств перед мигрантами [4, с. 17].

Сами мигранты, ставшие объектами незаконного ввоза, не являются преступниками: они несут ответственность за нарушение миграционного законодательства данной страны.

Состояние миграционных процессов в Республике Беларусь обусловлено рядом внутренних и внешних факторов, содействующих росту количества мигрантов.

К внутренним можно отнести: отсутствие охраняемой границы на восточном направлении; слабый контроль на южном в сравнении с режимом охраны на западном направлении, режим свободного передвижения со странами СНГ, относительная дешевизна транспортных и других услуг, формирование на территории Беларуси многочисленных национальных диаспор иностранцев, благоприятные экономические и социальные условия.

Внешними факторами являются: нестабильность социально-политической обстановки в государствах исхода нелегальных мигрантов; последствия войн и вооруженных конфликтов; внутривосточная борьба в странах Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Меры, направленные на борьбу с незаконной миграцией, представляют собой сочетание эффективного миграционного законодательства, профилактических и правоприменительных мероприятий. Данные меры осуществляются как в отдельных государствах, так и на общемировом уровне. Международно-правовой основой борьбы с незаконной миграцией являются Конвенция против транснациональной организованной преступности и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, море и воздуху.

Для противодействия незаконной миграции применяются различные меры, основными из которых являются:

- усиление мер ответственности за организацию незаконного ввоза мигрантов;

  - совершенствование работы пограничных служб;

  - ограничение случаев незаконного трудоустройства путем осуществления контроля за рынком труда, применения административных, уголовных и гражданско-правовых санкций против работодателей;

  - применение санкций к перевозчикам, т. е. транспортным компаниям, которые ввезли нелегального мигранта по суше, воде или воздуху;

  - усиление ответственности иностранных граждан за незаконное пребывание в стране;

  - контролирование численности лиц с незаконным статусом посредством высылки либо миграционных амнистий;

  - более широкое использование каналов законной миграции;

  - усиление международного взаимодействия;

  - оказание финансово-экономической помощи странам происхождения незаконных мигрантов [2, с. 15].

Проблема незаконной миграции актуальна и для Беларуси. В целях противодействия незаконной миграции в Республике Беларусь проделана значительная законодательная и правоприменительная работа: сформировано миграционное законодательство, подписано Соглашение

о сотрудничестве стран СНГ по борьбе с незаконной миграцией, установлена уголовная ответственность за ее организацию.

Для Республики Беларусь, как для транзитного государства, степень негативных последствий незаконной миграции значительно ниже, чем для государств Европейского союза. Республика Беларусь, как и прежде, рассматривается самими незаконными мигрантами и организаторами данной противоправной деятельности исключительно в качестве транзитной территории.

подавляющее большинство незаконных мигрантов, задержанных на территории Беларуси, прибыло в нашу страну железнодорожным или автомобильным транспортом из Российской Федерации, что подтверждается наличием в паспортах задержанных иностранцев виз Российской Федерации, миграционных карт с отметками органов пограничной службы о пересечении Государственной границы Российской Федерации, а при отсутствии документов, удостоверяющих личность, – объяснениями нелегалов, содержащими информацию о порядке и маршруте их въезда на территорию Российской Федерации, показаниями перевозчиков.

В Республике Беларусь проводится определенная работа по совершенствованию деятельности компетентных органов по списку лиц, въезд которых в государства – участники Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г. (далее – Соглашение) запрещен или нежелателен.

Компетентными органами государств – участников Соглашения в общих интересах создан и действует общий Список лиц, въезд которых в государства – участники Соглашения запрещен или нежелателен. В названном Списке более 200 тысяч учетных записей, большинство из которых внесено уполномоченными органами Российской Федерации.

Ответственными за ведение Списка и его передачу соответствующим органам являются специальные службы стран Содружества. Между данными органами имеется соглашение, регламентирующее механизмы обмена информацией. Вместе с тем возникает проблема правовой регламентации работы со Списком в отношении незаконных мигрантов, которые также включены в Список.

По мнению белорусской стороны, в настоящее время нет соответствующих положений международных договоров, которые бы однозначно трактовались как обязательность решений одних органов, которые включили иностранца в Список, для других органов, которые рассматривают ходатайства о выдаче виз или осуществляют пропуск через государственную границу.

Для разрешения указанной ситуации требуется подготовить проект соглашения по данному вопросу, который может быть разработан с уча-

ствием заинтересованных служб государств – участников СНГ, а также изучить опыт Европейского союза по этой проблематике и Шенгенской информационной системы.

Проблема идентификации личности иностранных граждан и лиц без гражданства является весьма актуальной для стран, на территориях которых пребывает значительное количество незаконных мигрантов, или стран, проводящих соответствующие мероприятия по противодействию незаконной миграции.

Впервые методические материалы в области идентификации личности иностранных граждан и лиц без гражданства разработаны в МВД Республики Беларусь в 2001 г.

В последующем был также изучен опыт работы Европейского союза при идентификации личности лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца, некоторых других стран, а также имеющиеся наработки по данному вопросу в государствах – участниках СНГ.

С учетом сформированного опыта работы были подготовлены основные положения Методики проведения идентификации личности иностранных граждан и лиц без гражданства, задержанных компетентными органами без документов, удостоверяющих личность, которые нашли свое широкое применение в деятельности различных служб и подразделений правоохранительных органов Республики Беларусь.

В настоящее время указанная методика используется для идентификации личности иностранцев:

Пограничной службой Республики Беларусь при задержании их без документов;

сотрудниками следственных подразделений и органов дознания при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении иностранных граждан;

органами внутренних дел при проведении процедуры депортации или высылки лиц, нарушающих законодательство;

подразделениями по гражданству и миграции при урегулировании правового статуса лиц, утративших документы, удостоверяющие личность;

учреждениями исполнения наказаний при нахождении там иностранцев и подготовке для них документов, необходимых для выезда из Беларуси.

В настоящее время большинство незаконных мигрантов, задержанных в Республике Беларусь, являются гражданами стран Африки и Азии (Афганистан, Вьетнам, Индия, Шри-Ланка, Гана, Египет, Ирак, Пакистан, Китай и др.), а Республика Беларусь рассматривается ими в основном как транзитное государство. По данным Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, большинство незаконных мигран-

тов, задержанных на территории Беларуси, въезжают сначала на вполне законных основаниях либо, пользуясь безвизовым порядком въезда в Российскую Федерацию, затем прибывают в Республику Беларусь ввиду отсутствия пограничного контроля на восточных границах страны.

Незаконная миграция остается актуальной проблемой в Республике Беларусь. Стоит обратить внимание на совершенствование законодательства, регламентирующего правовое положение иностранных граждан и определяющего миграционную политику с учетом нарабатываемой практики, опыта других государств, норм международного права, рассмотреть вопросы сотрудничества с другими государствами для осуществления миграционного контроля (в первую очередь со странами-соседями), акцентировать внимание на использовании информационных технологий для получения и хранения информации в сфере миграции.

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского. – СПб. : Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1900. – Т. 31 (61). – 459 с.

2. Федорако, А.И. Причины и тенденции незаконной миграции. Противодействие незаконной миграции / А.И. Федорако // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2009. – № 4. – С. 14–18.

3. Ивахнюк, И.В. Международная трудовая миграция : учеб. пособие / И.В. Ивахнюк. – М. : Экон. фак. МГУ : ТЕИС, 2005.

4. Основы управления миграцией: пособие для руководящих должностных лиц и практиков. – Женева : МОМ, 2006.

УДК 347.5

М.Л. Чистовский, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

УСЛОВИЯ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматриваются проблемы оснований или условий наступления гражданско-правовой ответственности, в частности проблема определения таких понятий, как вина, противоправность действия, причинно-следственная связь и вред.

Условием наступления гражданско-правовой ответственности всегда является гражданское правонарушение, которое может выражаться

в нарушении требований либо закона, либо договора. Любое гражданское правонарушение обладает определенным набором условий (состав гражданского правонарушения), влекущих наступление гражданско-правовой ответственности. Условия гражданско-правовой ответственности можно определить как те юридические факты, при наличии которых наступает данный вид ответственности.

Представляется, что состав гражданского правонарушения – это совокупность наиболее общих, типичных признаков (условий), которые характеризуют правонарушение с объективной и субъективной сторон и в различных сочетаниях встречаются при любых его разновидностях. Полный состав гражданского правонарушения включает такие элементы, как противоправность поведения, наличие ущерба (убытков), причинная связь между противоправным поведением и ущербом (убытками), вина правонарушителя [1, с. 19–20].

Состав правонарушения зависит от формы ответственности. В частности, состав гражданского правонарушения, по общему правилу, включает: противоправность поведения, вред (убытки), причинную связь между противоправным поведением и вредом (вредным, отрицательным результатом), вину.

Например, применительно к ответственности в виде уплаты неустойки требуется наличие лишь двух условий (усеченный состав гражданского правонарушения): противоправное поведение и вина должника.

Из изложенного следует, что состав правонарушения – это совокупность структурированных и находящихся во взаимосвязи элементов, которые, в свою очередь, являются основаниями гражданско-правовой ответственности. Этими элементами являются: противоправность, вред, наличие причинно-следственной связи, вина.

Первые три условия (основания) являются объективными, а вот четвертое (вина) – субъективным. Следует более полно раскрыть каждое из перечисленных условий. Под противоправностью в научной и учебной литературе обычно понимают нарушение норм объективного права. Следует отметить, что в этом случае противоправность (исходя из этимологии слова) должна совпадать с понятием «правонарушение». Множество цивилистов подчеркивают, что противоправность означает нарушение не только объективного права, но и субъективного [2, с. 9]. Вред традиционно определяется как умаление, уничтожение субъективного права или блага [3, с. 7]. В таком виде понятие «вред» и «нарушение права» следует признать если не равнозначными, то очень близкими по смыслу. Отрицать близость понятий вреда и противоправности в гражданском праве достаточно сложно, однако между ними су-

ществует определенное различие. Прежде всего необходимо провести четкое различие между материальным и нематериальным вредом. Предположим, у лица украдена вещь. С одной стороны, можно говорить о нарушении права (права собственности). С другой стороны, лицу нанесен вполне определенный материальный вред – он не может владеть, пользоваться и распоряжаться вещью. Таким образом, термином «материальный вред» характеризуются последствия нарушения права, состоящие в определенных препятствиях к осуществлению тех или иных правомочий, входящих в содержание права. Специфика гражданского права заключается в том, что материальный вред, наносимый лицу, может быть всегда переведен в денежный эквивалент, т. е. принять форму убытка. Потерпевшему лицу предпочтительнее, чтобы его интерес был удовлетворен тем действием, которое наиболее точно соответствует характеру нарушенного интереса (если отобрано имущество, то необходимо его вернуть, если не выполнена работа, то ее следует выполнить). Однако это не всегда возможно. Примером могут быть случаи, когда индивидуально-определенная вещь погибла. В конечном счете благодаря возможности оценить вред в денежном выражении интерес лица может быть удовлетворен.

В свою очередь, нематериальный вред, представляя собой переживания и страдания лица, не может быть выражен в стоимостном эквиваленте (не принимая форму убытков). Поэтому защита соответствующих интересов потерпевшего достигается не восполнением потерь в его имущественной сфере, а предоставлением ему иного блага, направленного на улучшение его морального состояния [4, с. 7–8]. Определив понятия «противоправность» и «вред», необходимо установить, что понимается под причинной связью и виной. Вопрос о содержании данных понятий и их соотношении широко освещен в советской цивилистической литературе применительно к проблеме ответственности за внедоговорной вред. Признается, что причинно-следственная связь носит объективный характер (не зависит от знаний лица-правонарушителя о сути происходящего и его представлений о взаимосвязи явлений), а вина – субъективная категория, отражающая отношение лица к своим действиям и последствиям, предопределенное его индивидуальными представлениями (не исключено, что и неправильными в том или ином конкретном случае) о взаимосвязи его действий с их последствиями [5, с. 193].

При внешней ясности сути данных понятий их не всегда легко разграничить на практике. Широко известен следующий пример: один гражданин в шутку ударил другого по лбу, а тот скончался через некоторое время от кровоизлияния в мозг, спровоцированного, с одной стороны,

этим ударом, а с другой – необыкновенной врожденной тонкостью его лобной кости, о которой не знал даже сам потерпевший, не говоря уже о гражданине, который в шутку нанес удар. Будет ли последний привлечен к ответственности за вред, причиненный семье умершего в связи с потерей кормильца, и если нет, то почему? В данном случае следует установить наличие причинно-следственных связей между деянием и последствиями, а также определить наличие либо отсутствие вины причинителя. С одной стороны, можно говорить, что между действием (ударом) причинителя вреда и наступившими последствиями (смерть кормильца) отсутствует причинная связь (как правило, в обычных ситуациях легкие, шуточные хлопки-удары не становятся причиной смерти), однако, с другой стороны, причинную связь возможно признать наличествующей. Иными словами, не представляется возможным точно установить, что в приведенном примере причинная связь точно отсутствует. Исходя из представления о причинной связи как явлении объективном, стоит избрать второй вариант решения – если и обсуждать вопрос об освобождении лица, нанесшего этот удар, от ответственности, так только по мотиву отсутствия вины. Если причинная связь объективна, то ее наличие или отсутствие никак не зависит от представлений причинителя вреда о характере ситуации и взаимосвязи явлений, важно не то, что обычно шуточные щелчки по лбу не влекут смерти, а то, что в данных конкретных условиях такие действия не становятся причиной смерти. Вопросы «Знал или не знал?», «Предвидел или не предвидел?», «Мог или не мог?» относятся уже к области субъективного, т. е. к области вины.

Чтобы нагляднее проиллюстрировать различие между понятиями причинной связи и вины, приведем еще один пример. Дворник скалывает с крыши дома сосульки и сбрасывает с нее снег. Осколки льда и комья снега падают на стоящий возле дома автомобиль, причиняя ему повреждение. Между действиями дворника и повреждением машины существует причинно-следственная связь, носящая объективный и необходимый характер: сброшенные с крыши предметы, включая снег и лед, упадут вниз и при попадании в автомобиль непременно его повредят. Причинная связь никак не зависит от того, должен ли был дворник убедиться в отсутствии припаркованных автомобилей, мог ли он предвидеть возможность повреждения и предвидел ли. Все эти вопросы должны рассматриваться при определении вины дворника, но не причинной связи между его действием и наступившим вредом. Несмотря на очевидную взаимосвязь между действием и вредом в последнем примере, нетрудно заметить, что повреждение наступает в силу целого ряда обстоятельств. Вот лишь некоторые из них: строительство дома, с которого сбрасывался

снег (если бы не было дома, не было бы и повреждения), изготовление данного автомобиля, выпадение снега, нахождение автомобиля возле дома и т. д. Все эти обстоятельства находятся в определенной причинно-следственной связи с наступившим результатом – если бы их не было, то не наступило бы повреждение. На вопрос о пределах учета всех вышперечисленных и вообще всех тех условий, которые находятся в еще более далекой связи с наступившим эффектом, давались различные ответы в рамках различных теорий причинной связи. Рассмотрение различных теорий удобно начинать с теории общей причинной связи. В соответствии с этой теорией все причины, каким-либо образом связанные с наступившим результатом, признаются равно способствовавшими его наступлению. Всякое действие лица, которое является одним из условий последствия, есть в то же время его причина [6, с. 127]. Данная концепция была решительно отвергнута советской наукой, поскольку ее рассматривали в ряду субъективных теорий: «за известными фактами всегда следуют и будут следовать некоторые другие факты» [5, с. 160]. Заметим, что субъективизм теории необходимого условия может быть без труда устранен: за известными фактами объективно и необходимо следуют другие факты. Но в таком виде неприемлемость этой теории для науки права очевидна – ее использование не позволит ответить на вопрос, причинен ли вред действиями данного лица или нет.

Поэтому в советское время юристы, стремясь обособить в числе прочих фактов определенную группу обстоятельств, предшествовавших наступлению определенного результата, создают теорию адекватного причинения, руководствуясь различными критериями (степень вероятности наступления результата, предвидимость последствий и т. д.) [5, с. 161]. Данная теория также была отвергнута отечественной цивилистической наукой по мотивам ее субъективизма.

Третья теория, не получившая собственного наименования, предлагает различать, с одной стороны, причины результата, а с другой – условия или поводы. Согласно этой теории причина производит, а условие дает возможным наступление результата. В дореволюционной литературе к этой теории присоединился Н.С. Таганцев. По его мнению, необходимо различать, с одной стороны, случаи, при которых действие лица: вызвало определенные силы; придало им такое направление, при котором они привели к необходимому результату; устранило препятствия для наступления результата, а с другой стороны – случаи, при которых действие сил никак не зависело от поступка лица [6, с. 131].

Позднее аналогичное направление мысли можно встретить у Б.С. Антимонова: «Гражданское право говорит о случаях ответственности за

вред, причиненный кому-либо. Оно, следовательно, рассматривает сферу потерпевшего, сферу кредитора как данное, а действие другого лица как фактор, вторгающийся и причиняющий изменения в этой сфере» [5, с. 194].

Таким образом, в необходимой причинной связи могут находиться лишь действия потенциального должника, но не кредитора. Применяя эту логику рассуждений к нашему примеру, можно сказать, что в необходимой причинно-следственной связи находятся действия дворника, но не собственника автомобиля, поставившего транспортное средство возле дома. Думается, исключение действия потерпевшего из причинного ряда не совсем обоснованно. При таком подходе сложно обосновать учет вины потерпевшего в обязательствах из причинения вреда.

Отечественная гражданско-правовая наука предложила несколько отличную теорию причинно-следственной связи. Так, М.М. Агарков полагал, что перед гражданским правом и гражданским судом стоит задача не определить, является ли виновное действие единственной причиной вреда, а установить, является ли действие достаточной причиной вреда [7, с. 70]. Представляется, что ученый прав в своем стремлении выделить определенное действие из всего причинного ряда, но определить его достаточность, основываясь исключительно на объективных предпосылках, невозможно. Изолированное действие никогда не будет достаточным для наступления вреда. Необходимы и дополнительные условия. В нашем примере с повреждением автомобиля такими дополнительными условиями выступают выпадение снега, наличие дома, автомобиля и их взаимное расположение и т. д.

Рассмотрев основные теории причинно-следственной связи, можно согласиться с Я.А. Конторовичем в том, что «несмотря на все усилия философов и юристов, разрешение проблемы следует признать до сих пор не достигнутым» [6, с. 127].

В противоположность причинной связи, рассматриваемой в качестве объективного явления, под виной обычно понимают субъективное психическое отношение нарушителя к самому действию и к его последствиям. В зависимости от формы вины есть умысел и неосторожность. Учение о формах вины имеет наибольшее развитие в уголовном праве, где умысел характеризуется тем, что лицо понимает значение собственных действий и предполагает последствия, которые возникнут в результате их совершения, желая их наступления (прямой умысел) или относясь к ним безразлично (косвенный умысел). О неосторожной вине говорят в том случае, когда лицо не желает наступления последствий и при этом не предвидит их наступления, хотя может и должно предви-

деть (небрежность), или предвидит их наступление, но надеется своими силами их предотвратить (легкомыслие).

В гражданском праве формы умысла обычно не разделяют, а неосторожность распадается на грубую и простую (или легкую).

Таким образом, вина в гражданском и уголовном праве связывается с волевыми (желание) и интеллектуальными (осознание) моментами психики нарушителя. В действительности для определения вины в гражданском правонарушении нет никакой необходимости устанавливать действительные интеллектуальные и волевые моменты психики субъекта в момент совершения преступления. Для защиты субъективного гражданского права вполне достаточно установить определенные масштабы поведения лица, соизмерить его поступки с тем, как должно было бы действовать любое другое лицо, окажись оно на месте правонарушителя [8, с. 328–329]. Разумеется, данный подход вовсе не исключает определенной дифференциации. При определении среднего типа поведения можно учитывать определенные особенности субъекта (возраст, уровень образования и т. д.) [9, с. 36]. Однако критерий определения виновности не перестает быть объективным, что, кстати, и позволило О.С. Иоффе определять неосторожность как «не неопределенное психическое отношение правонарушителя к своему неправомерному поведению и вызванным им последствиям, а сам факт правонарушения» [10, с. 147]. Объективная вина предполагает не отношение к собственным действиям и их последствиям, а соответствие действий определенным требованиям. Такое соответствие установить легче, чем выяснить, каковы были действительно намерения субъекта, что он должен был полагать, совершая тот или иной поступок. Создание такой «средней мерки» призвано обеспечить определенную стабильность имущественного оборота и, кроме того, способствует скорейшему возмещению вреда. В то же время использование объективного критерия не означает смешения вины и противоправности. Законодатель не может установить конкретные требования к поведению лица в различных ситуациях. Эти требования устанавливаются самим общежитием [9, с. 34].

В науке гражданского права существует множество подходов к определению вины. Например, М.М. Агарков, конструируя определение вины, перечисляет лишь отдельные элементы этого понятия, а в качестве вывода приводит понятие виновного деяния: умышленное или неосторожное действие или бездействие, нарушающее закон или правила социалистического общежития [7, с. 58–59]. Более определенно на этот счет высказывается Б.И. Пугинский, подчеркивая, что вина должна пониматься не как акт сознания, а как характеристика деятельности нарушителя в конкрет-

ных условиях ее осуществления [11, с. 150]. Прежде всего необходимо отличать виновное поведение от невиновного, т. е. обозначить границы вины. Верхней границей является умысел – сознательное поведение, сопровождающееся предвидением собственных последствий. Нижней границей становится граница неосторожности, т. е. непредвидение последствий, хотя лицо могло и должно было их предвидеть, а то, что находится за рамками вины, обозначается термином «случай».

В то же время гражданское право устанавливает определенную границу неосторожной вины: последняя разделяется на грубую и простую. Граница между этими понятиями весьма условна. Так, Э.Э. Пирвиц, основываясь на современных ему иностранных правовых порядках, указывает, что простая неосторожность заключается в отсутствии той заботливости, которую обыкновенно прилагает рачительный и внимательный хозяин, а грубая неосторожность проявляется в отсутствии той заботливости, которую обыкновенно прилагает и менее рачительный и внимательный хозяин [12, с. 5–6]. В сущности, аналогичного мнения придерживается М.М. Агарков, предлагая определить степень неосторожности в зависимости от того, какую меру осмотрительности может требовать при данных обстоятельствах от гражданина государства хозяин.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что несмотря на большое количество научных публикаций, посвященных условиям наступления гражданско-правовой ответственности, до настоящего времени наиболее спорными аспектами являются причинно-следственная связь и вина. Установив содержание таких понятий, как противоправность действия, вред, причинно-следственная связь и вина, мы можем изучить влияние каждого из них на возникновение охранительного гражданского правоотношения, а также определить наличие ответственности у причинителя вреда.

1. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 230 с.

2. Матвеев, Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г.К. Матвеев. – М. : Юрид. лит., 1970. – 312 с.

3. Малейн, Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности / Н.С. Малейн. – М. : Юрид. лит., 1965. – 13 с.

4. Эрдлевский, А.М. Компенсация морального вреда : Анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А.М. Эрдлевский. – М. : Юристъ, 2000. – 320 с.

5. Антимонов, Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении / Б.С. Антимонов. – М. : Госюриздат, 1950. – 253 с.

6. Канторович, Я.А. Основные идеи гражданского права / Я.А. Канторович. – Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. – 111 с.

7. Агарков, М.М. Обязательства из причинения вреда / М.М. Агарков // Проблемы соц. права. – 1939. – № 1. – С. 70.

8. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий. – М. : Юрид. лит., 1950. – 412 с.

9. Шварц, Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда / Х.Б. Шварц. – М. : Юрид. изд-во Наркоюста СССР, 1939. – 64 с.

10. Иоффе, О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 310 с.

11. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.

12. Пирвиц, Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве / Э.Э. Привец. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1895. – 270 с.

УДК 343.9

А.Г. Школьник, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

На основе содержания правовых норм, а также теоретических знаний ученых Республики Беларусь и практической деятельности сотрудников оперативно-розыскных подразделений анализируются актуальные вопросы и проблемы предупреждения экономических преступлений.

Экономическая безопасность является одной из самых актуальных проблем любого современного государства, в том числе и Республики Беларусь. Вопрос о предотвращении экономических преступлений привлекает внимание специалистов различного профиля.

Прежде всего стоит пояснить, что хотя дефиниция слова «преступность» известна уже очень давно, экономическая преступность является сравнительно новым понятием. Экономическая преступность представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных, причиняющих существенный материальный ущерб, корыстных посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами, экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений.

В современной научной литературе выделяются основные подходы к определению понятия «экономическая преступность», базирующиеся на следующих классификационных признаках: причинение ущерба общественному имуществу или экономическим интересам; объект посягательства; корыстная мотивация; профессиональная деятельность субъектов.

Вопросы борьбы с экономической преступностью активно исследуются в Республике Беларусь. В.В. Пузиков и А.И. Громович, рассматривая экономическую преступность как негативный процесс, нарушающий установленный порядок осуществления экономических связей и отношений, создающий сложности в реализации экономических интересов субъектов хозяйствования, действующих в рамках законодательства, подчеркивают, что прямой мотив такой преступной деятельности – это экономическая выгода за счет ущемления интересов других субъектов хозяйствования, систематически и длительно осуществляемой в рамках легальной хозяйственной практики, которая составляет саму основу преступных деяний [1, с. 62]. При этом указывается, что криминализация экономики – серьезная угроза экономической и национальной безопасности Республики Беларусь.

Е.А. Авраменко указывает, что одной из важнейших причин экономической преступности в Республике Беларусь явилось нормативно правовое отставание государства от изменений, наступавших в социальной, экономической, политической и духовной жизни общества. Состояние уголовного, административного и хозяйственного законодательства не вполне соответствовало требованиям правоохранительной практики, современное же законодательство в лице Гражданского, Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях вступило в силу лишь в 1999, 2001 и 2007 гг. соответственно, до момента их принятия некоторые экономические процессы проводились практически бесконтрольно, что давало свободу действия криминальному контингенту [2, с. 10].

Принятие новых правовых норм кроме положительного результата принесло также и несколько отрицательных моментов в законодательство, например, за урегулированность отдельных отношений нормами права, что негативно сказывается на обществе в целом и блокирует развитие этих отношений.

Таким образом вышеуказанные проблемы, как и другие факторы, подтолкнули законодателя на развитие нормативно-правовой базы и создание Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В Концепции закреплены национальные интересы Республики Беларусь, в том числе и экономического характера. К ним относятся: экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской

экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортоемкости и материалоемкости производимой продукции; сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем; обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов; достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей; поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности; трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов.

Экономическая безопасность – это состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. Экономическая безопасность принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов, так как является гарантией независимости страны, условием стабильности и эффективной жизнедеятельности общества.

В сфере экономических отношений совершаются преступные деяния, которые и формируют экономическую преступность, дестабилизирующую развитие производственных отношений, подхлестывающую инфляцию, отвлекающую финансовые средства и противодействующую социально-экономическим преобразованиям в государстве.

Следует отметить, что целью совершения экономических преступлений является получение выгоды в результате присвоения экономических ресурсов, преступления могут быть совершены в целях получения личной выгоды, интересах третьих лиц или организации. Многие из них совершаются в процессе профессиональной деятельности и связаны с договорами и обязательствами по производству, переработке, приобретению, распределению и обмену материальных благ и услуг. Нередко экономические преступления носят длительный, систематический характер. Другими словами, экономические преступления представляют собой совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства. В экономической сфере чаще всего совершаются такие преступления экономической направленности, как: мошенничество, кражи, присвоения или растраты, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребле-

ния доверием, незаконное предпринимательство, уклонение от налогов и (или) сборов и т. д.

Практика выявления противоправных деяний в рассматриваемой сфере свидетельствует о том, что многие экономические преступления совершаются высокообразованными и компетентными преступниками, сочетающими экономические, юридические, технические знания в целях как получения незаконного дохода или иных противоправных предпочтений, так и уклонения от ответственности. С.В. Ананич отмечает, что несмотря на то, что рост образовательного уровня специалистов, государственных служащих должен выступать антикриминогенным фактором, удельный вес лиц с высшим и средним специальным образованием в числе участников экономических преступлений возрос и составляет около 60–65 %. Одной из причин роста криминальной активности служащих в сфере экономики является их недостаточная правовая и криминологическая подготовка в образовательных учреждениях [1, с. 63]. Следовательно, при обучении специалистов для ключевых сфер жизни общества, включая управленческую и техническую, целесообразно преподавание дисциплин, обеспечивающих общую правовую подготовку, в том числе и криминологии.

Способы совершения преступлений весьма разнообразны, а противоречия и пробелы в законодательстве, постоянная корректировка подзаконных нормативных актов способствуют возникновению новых. Данные преступления детально продумываются на всех стадиях их подготовки и совершения, в результате чего часть противоправных деяний в экономической сфере остаются невыявленными. Руководители хозяйствующих субъектов в экономической сфере, как правило, знакомы друг с другом и взаимодействуют по принципу «круговой поруки». Практика показывает, что раскрываемость преступлений в сфере экономики еще низка, поскольку они совершаются продуманно, а не спонтанно, тщательно подготавливаются в условиях глубокой конспирации (нередко с участием специалистов в области юриспруденции, экономики, производства и т. д.). Раскрытие экономических преступлений в первую очередь зависит от совместных усилий оперативных подразделений органов внутренних дел, подразделений Государственного комитета судебных экспертиз, а также подразделений Следственного комитета.

В целях предупреждения преступлений в сфере предпринимательской деятельности предлагаются разнообразные меры, среди которых выделены и раскрываются: духовно-нравственные и культурно-воспитательные; пропаганда правовых знаний и формирование правосознания населения; информирование граждан и юридических лиц о

потенциальных возможностях совершения преступлений; правовые средства регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере; меры, осуществляемые органами прокуратуры, а также контролирующими органами.

Следует отметить, что решающим фактором, оказывающим существенное влияние на эффективность выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в экономической сфере, является сбор данных из гласных и негласных источников оперативно-розыскной и иной информации, осуществляемый в процессе оперативного обслуживания объектов подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел.

Проблема роста экономической преступности стоит перед всеми членами мирового сообщества, поскольку данный вид преступности не ограничивает себя рамками одной страны. Сегодня экономическая преступность вышла далеко за рамки общеуголовной и превратилась в фактор, создающий реальную угрозу национальной безопасности, основам государственного устройства, содержащий организованные формы с коррумпированными связями.

Что касается оперативно-розыскных возможностей предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности, то оно включает в себя комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий, связанных с недопущением совершения преступлений при осуществлении внешнеэкономических операций посредством выявления и устранения причин и условий, благоприятствующих совершению подобных преступлений, выявлению лиц, от которых можно ожидать их совершения, и оказания на них профилактического воздействия, предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений.

Среди важных направлений профилактики в сфере экономической деятельности также следует отметить анализ существующих противоречий и пробелов законодательства, основанных на недостатках в работе государственных органов, контролирующих сферу экономической деятельности.

В настоящее время в Беларуси реализуется модель реагирования на экономические преступления, где ключевую роль играют жесткий социально-правовой контроль за хозяйственной деятельностью юридических лиц, антикриминогенные факторы, противостоящие криминализации сферы экономики, система борьбы с преступностью, включая уголовно-правовые средства. Основой данной модели являются усилия государства по решению фундаментальных социально-экономических проблем общества, усилению социальной защиты граждан, предоставлению всем гражданам равных возможностей в сфере экономической деятельности.

Решение указанной проблемы видится в повышении квалификации и специализации оперативных сотрудников органов внутренних дел и работников Следственного комитета. Существенное значение для эффективного предупреждения экономических преступлений имеет также информирование населения о криминогенной обстановке в городе, районе, на предприятии. Конкретные меры по предупреждению экономических преступлений стоит предусматривать в программах по усилению борьбы с преступностью как на самом высоком уровне, так и на уровне города, района.

1. Ананич, С.В. Предупреждение экономической преступности: криминологический и уголовно-правовой аспекты / С.В. Ананич, С.М. Казакевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 2. – С. 61–65.

2. Авраменко, Е.А. Некоторые вопросы предупреждения экономической преступности / Е.А. Авраменко // Теория и практика обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 14 дек. 2012 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. А.В. Яскевича. – Минск, 2013. – С. 9.

УДК 343.985

Р.С. Яновский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Тукало*

СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Рассматривается оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент», его понятие, признаки, сущность и содержание, а также отличие от такого следственного мероприятия, как следственный эксперимент; при этом осуществляется анализ его новой трактовки в законодательстве.

Оперативно-розыскная деятельность имеет важное значение при предупреждении, выявлении, пресечении преступлений, а также выявлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и осуществляется государственными органами с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскными мероприятиями гласно и негласно.

Одним из эффективных оперативно-розыскных мероприятий в выявлении и пресечении преступной деятельности является оперативный эксперимент.

25 января 2016 г. вступил в силу новый Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). В новой редакции закона также изменилась и трактовка понятия «оперативный эксперимент». В соответствии со ст. 34 Закона об ОРД оперативным экспериментом признается вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 под должностными лицами понимаются лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

В соответствии со ст. 12 Закона об ОРД к органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, относятся:

- органы внутренних дел Республики Беларусь;
- органы государственной безопасности Республики Беларусь;
- органы пограничной службы Республики Беларусь;
- Служба безопасности Президента Республики Беларусь;
- Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь;
- органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь;
- таможенные органы Республики Беларусь;
- разведывательные службы Вооруженных Сил Республики Беларусь.

При этом должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, должно контролировать ход данного оперативно-розыскного мероприятия, вплоть до его завершения.

Данное оперативно-розыскное мероприятие осуществляется на основе полученных оперативно-розыскных сведений от граждан, в том числе оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциаль-

ной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которые перед его проведением обязательно должны быть проверены. На основе данных сведений, должна быть создана органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина. Так как у данного лица не будет возникать сомнений в подлинности данной обстановки, перед ним будет стоять выбор: совершить данное преступление или же отказаться от него по своей воле. Дальнейшие действия гражданина, находящегося в обстановке, созданной органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, вызовут определенные события, а также послужат для получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, оперативный эксперимент необходим для проверки поведения лица, в отношении которого имеется информация о его причастности к преступной деятельности, в условиях обстановки выбора, созданной сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В соответствии со ст. 19 Закона об ОРД оперативный эксперимент проводится по постановлению о проведении оперативно-розыскного мероприятия с санкции прокурора или его заместителя, в рамках дел оперативного учета, а также по специальному заданию. Специальное задание утверждается должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Специальное задание объявляется под роспись гражданину, привлекаемому к участию в оперативно-розыскном мероприятии, до начала его проведения. Требования к содержанию специального задания определяются актами законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

По мнению В.М. Хомича, для названия оперативного эксперимента более подошел бы термин «инсценировка», так как инсценировать – означает притворно изобразить что-нибудь, а значит, применительно к раскрытию посредством оперативно-розыскной деятельности преступлений в сфере взяточничества, притворно изобразить ситуацию, представляющую объект оперативной разработки на дачу или получение взятки. Автор указывает, что «под понятие инсценировки больше подходят сущность и задачи оперативного эксперимента, в процессе которого действительно притворно изображаются какие-то определенные события в целях подтверждения совершения проверяемым лицом противоправных действий. В связи с этим в Законе об ОРД термин «оперативный эксперимент» было бы более правильным заменить на термин

«оперативная инсценировка», так как он является более предпочтительным с учетом выполнения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, задач по выявлению, пресечению и раскрытию совершаемых в обществе преступных деяний» [1, с. 40].

В свою очередь, А.В. Башан предлагает определение оперативного эксперимента в следующей редакции: «Оперативный эксперимент – это вовлечение гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе имеющейся информации обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности вовлекаемого гражданина, в целях проверки имеющихся сведений путем предоставления вовлекаемому гражданину возможности свободного выбора характера своих деяний» [2, с. 49].

С.Л. Грошев отмечает, что «оперативный эксперимент – это проводимое оперативно-розыскным органом при наличии указанных в законе оснований и с соблюдением установленных процедур активное наблюдение за поведением изучаемого лица» [3, с. 114].

А.П. Исиченко и О.Г. Ковалев описывают оперативный эксперимент как «оперативно-розыскное мероприятие, состоящее в проведении специальных опытных действий или создании контролируемой ситуации в целях выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений и изобличения лиц, обнаруживших либо реализующих преступные замыслы» [4, с. 85].

А.Ю. Шумилов дает такое определение оперативному эксперименту, как «изучение поведения лица в искусственно созданных управляемых или контролируемых условиях либо проведение иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения информации, которой проверяют и (или) уточняют имеющиеся сведения о приготовлении, покушении или совершении умышленного преступления» [4, с. 54].

А.Е. Четин выделяет оперативный эксперимент как «оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в воспроизведении негласно контролируемых условий и объектов для проявлений противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений» [5, с. 156].

В русском языке слово «эксперимент» известно примерно с XVIII в. Чуть позже прилагательное «экспериментальный» стало применяться по отношению к физике – экспериментальная физика. Слово было заимствовано из западноевропейских языков, в частности из немецкого – Experiment (опыт), голландского – experiment (опыт, испытание), французского – experimental (опыт), английского – experiment (опыт,

испытание). В свою очередь, в эти языки оно пришло из латинского – *experimentum* (проба, опыт, испытание) [6, с. 639].

В юридической литературе также выделяют признаки оперативного эксперимента. Так, И.Н. Бобровнический обозначает следующие:

наличие предварительно выдвинутых, четко сформулированных предположений относительно действий проверяемого лица и других обстоятельств предполагаемого преступного деяния;

воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств противоправного деяния;

совершение необходимых опытных действий по созданию обстановки, которая воспринималась бы проверяемым лицом как вполне естественная;

негласный контроль и сопровождение действий проверяемого лица сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в целях пресечения его преступных деяний, а также установления причастных к ним лиц [7, с. 18].

Проанализировав различные мнения по содержанию оперативно-го эксперимента, следует отметить, что данное оперативно-розыскное мероприятие проводится в целях выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений, а также установления лиц, их подготавливающих, совершающих либо совершивших, в полностью контролируемых и управляемых условиях, на основе полученной оперативно-розыскной информации от граждан, в том числе оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Относительно сущности оперативного эксперимента необходимо отметить следующее: существует следственное действие «следственный эксперимент», под которым в соответствии со ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь подразумевается воспроизведение действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность произошедшего события и механизм образования следов.

В сущности, оперативный эксперимент гораздо шире следственного эксперимента по своей целевой направленности и по значению: общее между ними лишь то, что они используются в целях изучения восприя-

тия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события посредством действий лица, находящегося под наблюдением у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, фиксации и контролем за состоянием наблюдаемого лица.

Различия же заключаются в том, что вариантов применения оперативного эксперимента значительно больше, чем следственного. Одно из наиболее важных отличий следственного эксперимента от оперативного состоит в том, что последний проводится на принципах конспирации, т. е. с сохранением в тайне сведений.

Также оперативный и следственный эксперимент различаются по кругу лиц, известному об их проведении. Так, об оперативном эксперименте в отличие от следственного известно узкому кругу лиц, в частности сотрудникам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также гражданам, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе вышеуказанным органам. В свою очередь, следственный эксперимент проводится с участием подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, их защитников, законных представителей, а также свидетелей, эксперта, специалиста и переводчика, если будет в том необходимость.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оперативному эксперименту отводится немалая роль в борьбе с преступностью, в том числе организованной и коррупционной. Проведение оперативного эксперимента (в комплексе с другими оперативно-розыскными и иными мероприятиями) является эффективным в выявлении и пресечении вышеуказанных преступлений, а также лиц, причастных к ним, хотя при этом и является сложным оперативно-розыскным мероприятием, требующим соответствующего организационного и тактического обеспечения.

Для успешного его проведения оперативный сотрудник должен в совершенстве владеть правовой базой, касающейся осуществления оперативного эксперимента, обладать соответствующими навыками по организации его проведения, владеть эффективными тактическими подходами при решении возникающих задач при выявлении вышеперечисленных преступлений.

1. Хомич, В.М. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества : монография / В.М. Хомич, И.И. Бранчель ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2009. – 240 с.

2. Башан, А.В. Оперативный эксперимент: законодательное решение актуальных прикладных проблем / Алексей Башан, Андрей Дедковский // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 45–50.

3. Грошев, С.Л. Некоторые аспекты правовой характеристики оперативно-го эксперимента / С.Л. Грошев // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под ред. К.К. Горяинова, И.А. Климова. – М. : ВНИИ МВД России, 2002. – Вып. 21. – С. 112–117.

4. Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В.Ф. Луговик. – Омск : Ом. юрид. ин-т, 2006. – 91 с.

5. Чечетин, А.Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. А.Е. Чечетина. – 8-е изд., перераб. и доп. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2003. – 178 с.

6. Семенов, А.В. Этимологический словарь русского языка : Русский язык от А до Я / А.В. Семенов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.

7. Бобровничай, И.Н. Некоторые проблемы оперативного эксперимента при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / И.Н. Бобровничай // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Барнаул, 2012. – Ч. 1. – С. 17–20.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

У курсантские чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(11 декабря 2015 г.)

УДК 340.122

И.Г. Блинков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент *В.И. Павлов*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО

В данном докладе речь пойдет о политико-правовых взглядах первого русского митрополита – Илариона Киевского и, в частности, о его работе – «Слове о Законе и Благодати». По кругу затронутых проблем и по способам их разрешения «Слово» во многом определило дальнейшее направление в развитии основных категорий политической и правовой теории. К сожалению, сегодня нам гораздо лучше известны произведения средневековых мыслителей Запада, нежели представителей русской политико-правовой мысли. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского, жившего и творившего во время княжения Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.), давно привлекало внимание ученых различных профилей. Исследователи безоговорочно признавали, что «Слово» по своему содержанию представляет собой первый многопрофильный политический трактат, значение которого исключительно велико для истории политической и правовой мысли.

Наличие письменности на Руси еще до принятия христианства (о чем свидетельствуют письменные договоры между русскими князьями и Византией в начале X в.), несомненно, подготовило в значительной мере быстрое усвоение русскими людьми не только христианской, но и всей богатой греческой литературы. Поэтому после крещения Руси началась рецепция византийской культуры, политико-правовой мысли, религии.

Основная идея «Слова о Законе и Благодати» – равноправие всех христианских народов, независимо от времени их крещения. Эта идея развита в «Слове» с предельной выразительностью и художественным мастерством.

Это сочинение, как видно из самого текста, было прочитано автором в Софийском соборе в Киеве в присутствии князя Ярослава, его жены Ирины и всей верхушки древнерусской феодальной знати, поскольку автор обращал свое «Слово» «не к неведущим... но презлиханасыщемся сладости книжная», т. е. к людям высокообразованным по тому времени.

«Слово о Законе и Благодати» имеет четкое деление на три части. Его композиция поражает своей продуманностью. Первая часть выясняет отношение Закона к Благодати, т. е. Ветхого Завета к Новому Завету. Закон (Ветхий Завет) национально ограничен, выражает мысль о богоизбранности одного народа. Благодать (Новый Завет) имеет всеобщий характер, выражает идею равноправия всех народов, добровольно принявших христианство. Поэтому Ветхий Завет ведет к рабству, а Новый Завет – к свободе. Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на «богоизбранничество» только одного народа. Символические схемы этой части традиционны. Ряд образов заимствован в ней из византийской богословской литературы. Однако сам подбор этих традиционных символических противопоставлений оригинален. Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Эта концепция по своему замечательна и дает ему возможность осмыслить историческую миссию Русской земли. Он нигде не упускает из виду основной своей цели: перейти затем к прославлению Русской земли и ее «просветителя» Владимира. Иларион настойчиво выдвигает вселенский, универсальный характер христианства Нового Завета (Благодати) сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого Завета (Закона). Подзаконное состояние при Ветхом Завете сопровождалось рабством, а Благодать (Новый Завет) – свободой. Закон сопоставляется с тенью, светом луны, ночным холодом, Благодать – с солнечным сиянием, теплотой. Время Ветхого Завета символизирует образ рабыни Агари, время Нового Завета – свободной Сарры. Особое значение в этом противопоставлении Нового Завета Ветхому Иларион придает моменту национальному. Ветхий Завет имел временное и ограниченное значение. Новый же Завет вводит всех людей в вечность.

Эта первая, догматическая часть «Слова» подготавливает к восприятию центральной идеи произведения (второй части): князь Владимир по собственному побуждению (а не по совету или настоянию греческого духовенства) совершил «великое и дивное» дело – крестил Русь. Владимир – «учитель и наставник» Русской земли, благодаря которому «благодатная вера» и «до нашего языка русского доиде». Роль Владими-

ра как крестителя Руси вырастает до вселенского масштаба: Владимир «равноумен», «равнохристолюбец» самому Константину Великому, императору «двух Римов» – Восточного и Западного, провозгласившему, согласно церковной традиции, христианство государственной религией и чрезвычайно почитавшемуся в империи. Равные дела и равные достоинства дают право и на одинаковое почитание. Иларион подводит к мысли о необходимости признать Владимира святым, ставит его в один ряд с апостолами Иоанном, Фомой, Марком, которым принадлежит заслуга обращения в христианскую веру других стран и земель. При этом Иларион не упускает возможности прославить могущество и подчеркнуть авторитет Русской земли. Фразеологию церковной проповеди порой сменяет фразеология летописной похвалы: предки Владимира – Игорь и Святослав – на весь мир прославились мужеством и храбростью, «победами и крепостью», и правили они не в «неведоме земли», а на Руси, которая «ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли». И сам Владимир не только благоверный христианин, но и могучий «единодержец земли своей», сумевший покорить соседние страны «овы миром, а непокоривыа мечем».

Третья, заключительная часть «Слова» посвящена Ярославу Мудрому. Он предстает под пером Илариона не только как продолжатель духовных заветов Владимира, не только как рачительный строитель новых церквей, но и как достойный «наместник... владычества» своего отца. Даже в молитве Иларион не забывает о сугубо мирских, политических нуждах Руси: он молит бога «прогнать» врагов, утвердить мир, «укротить» соседние страны, «умудрить бояр», укрепить города. Эта гражданственность церковной проповеди хорошо объяснима обстановкой 30–40-х гг. XI в., когда Ярослав всеми средствами добивается независимости русской церкви и русской государственной политики, когда идея равенства в отношениях с Византией (а не подчинения ей) принимала самые неожиданные формы выражения: так, видимо, неслучайно на Руси строились храмы, одноименные знаменитым константинопольским соборам, – Софийские соборы в Киеве и Новгороде, церкви святой Ирины и святого Георгия в Киеве, одноименные с константинопольскими киевские «Золотые врата».

Подводя итог, можно сказать, что «Слово о Законе и Благодати» изменило русскую историю. Митрополит Иларион Киевский своим произведением равняет только христианизированную русскую землю с Византийской империей, тем самым показывая и преемственность духовных ценностей, и в то же время политическую независимость Руси.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Сегодня положение женщины в политико-правовой сфере жизни общества хорошо известно практически каждому человеку, гендерная политика подавляющего большинства современных государств ведется открыто. Поэтому в обществе возникает вопрос: с чего же начиналось развитие равноправия? Что позволялось женщинам в далекой древности? В каком они находились положении и какой имели статус, когда о равенстве полов не могло быть и речи?

Первым по времени памятником права, помогающим найти ответы на эти вопросы, являются Законы Хаммурапи, царя Древнего Вавилона. Женщина в Вавилоне могла заключать договоры, а также занимать некоторые должности в общественном управлении. Речь идет прежде всего о функциях жриц в храмовой службе. В семейной же жизни женщина была в значительной мере подчинена мужчине. У незамужней женщины в Вавилоне хозяином являлся отец, и только после заключения договора о браке муж становился хозяином своей жены. Женщина в Вавилоне всегда была материально обеспечена отцом или мужем. В тексте рассматриваемого свода законов отсутствуют положения о возрасте и наличии согласия женщины для вступления в брак, однако исследователи отмечают, что в силу раннего возраста невесты (7–8 лет) брачный договор заключался родителями брачующихся, т. е. мнение самих брачующихся не учитывалось (ст. 155, 156). Важно отметить, что при вступлении в брак женщина могла потребовать особого договора с будущим мужем, лишившего его права закладывать ее за долги (ст. 151). Также свободная женщина могла вступить в брак с рабом (ст. 175). Известно, что закон защищал права на честь и достоинство женщин. Так, если кто-либо изнасиловал чужую жену или девушку, проживающую в доме отца, и был захвачен на месте преступления, то за совершенное изнасилование полагалась смертная казнь, женщина же освобождалась от ответственности (ст. 130). Если же мужу указали (протянули палец) на неверность жены, то даже если жена не была застигнута с другим мужчиной, она должна была броситься в реку ради своего мужа (так называемая ордалия, т. е. божий суд). Если же муж оставил дом и жену без

средств существования, жена могла выйти замуж за человека, «который ей понравился» (ст. 134). Итак, мы видим, что женщина хоть и зависела в значительной степени от мужчины, все-таки не являлась полностью бесправной, не воспринималась как вещь.

Второй по времени, не менее интересный, памятник права – Законы Ману, который показывает, каково было правовое положение женщины в Древней Индии. В Законах Ману провозглашалась зависимость женщины от отца – в детстве, от мужа – в молодости, от сына – в старости и непригодность женщины для самостоятельной жизни (гл. IX, ст. 2, 3). Вступление в брак с несовершеннолетней невестой не только не запрещалось, но даже, можно сказать, поощрялось (гл. IX ст. 94). Главным назначением женщины считалось рождение и воспитание детей, прежде всего сыновей (гл. IX, ст. 8). Потомство признавалось основным видом богатства. Женщина же приравнивалась к домашним животным, рабыням, потомство которых принадлежало хозяину (гл. IX, ст. 52–55). Считалось, что жена, являясь собственностью мужа, составляла часть его самого, поэтому даже после продажи она не освобождалась от мужа (гл. IX, ст. 46), а право на нее сохранялось и за умершим мужем. Более того, положение вдовы в Индии было весьма незавидным: она была обязана непременно скорбеть о муже, даже если она его и не любила, а в некоторых местностях верная вдова следовала за мужем на смертный костер (так называемый обряд сутти, т. е. сожжение «доброй жены»). Обязанностями жены были послушание и уважение мужа. По Законам Ману, если жена не рождала детей, могла быть взята другая на восьмом году, если рождала детей мертвыми – на десятом, если рождала только девочек – на одиннадцатом, но если строптивая – немедленно (гл. IX, ст. 81). Однако несмотря на приниженное положение женщины в семье, за ней были признаны в определенных случаях некоторые права. Так, жена, муж которой уехал и не обеспечил ее средствами существования, имела право заниматься «непредосудительным ремеслом» (гл. IX, ст. 75). За женой признавалось право с согласия мужа распоряжаться своим имуществом [1, с. 191]. Также закон предписывал, что дочери не имели права наследовать отцовскую собственность, и только незамужние дочери могли претендовать на имущество матери. Интересно, что ст. 68 гл. IX устанавливает дачу показаний женщинами лишь «за» или «против» женщин. Женщина в Древней Индии имела пусть и незначительное, но определенное правовое положение. Возможно, это – только отголоски матриархата, по версиям ученых, существовавшего тысячи лет назад.

Особое место имеет право Древнего Рима. Поскольку текст основного свода законов – XII таблиц – был восстановлен частично, мы можем

судить о правовом положении женщины в Древнем Риме, исходя из научных трудов древнеримских юристов. В республиканском римском праве женщины находились под опекой домовладыки, мужа или ближайшего родственника. Опекунство над женщинами устанавливалось постоянное и не зависело от наступления совершеннолетия. Гай о V таблице Закона XII таблиц писал, что даже совершеннолетние женщины вследствие присущего им легкомыслия должны состоять под опекою. Исключение допускалось только для дев-весталок, которых древние римляне в уважение к их жреческому сану освобождали от опеки. Вследствие этого женщина всю жизнь свою должна была находиться под опекой своего ближайшего агната или того лица, которое назначено ей завещанием отца или мужа. При этом опекун обязан был быть и при замужней, и при незамужней женщине, но его назначение осуществлялось во втором случае по личному пожеланию последней [2, с. 23]. Это свидетельствует о неполном ограничении прав: незамужняя женщина имела пусть и небольшое, но все-таки право на выбор. Женщины Древнего Рима не имели права занимать общественные должности, не могли назначаться ни опекунами, ни попечителями. Тем не менее, они пользовались рядом традиционных правовых привилегий. По причине «неразумности пола» они могли ссылаться на неведение законов, могли приносить жалобы на лиц, не внушающих доверие, им запрещалось нести ответственность за чужие долги. В Риме начала империи женщина уже могла сама вести свои дела и отвечать по ним, и лишь по преимуществу старого гражданского права для совершения некоторых действий она нуждалась во влиянии своего опекуна (ведение судебных дел, отчуждение имущества и т. д.). Отсюда видно, что опекун постепенно теряет свой авторитет и часть полномочий. Также в период империи равноправный брак *sine manu* выросший из сожительства, инициатором развода в котором могла быть любая сторона, вытесняет брак с властью мужа *cum manu*, в котором жена всецело подчинялась власти мужа и юридически находилась в положении его дочери. Но вскоре и сам *sine manu*, заменяется простым сожительством. Таким образом, если раньше жены не могли развестись со своими мужьями ни на каких основаниях, то сейчас они могли дать мужу развод практически без оснований.

Рассмотренные памятники права, в которых регламентировалось положение женщин, показывают, что уже в те времена, в большей мере – в Древнем Риме, начала зарождаться правовая самостоятельность женщин. Все те, на первый взгляд незначительные, права и свободы, которые имели женщины Древнего мира, оказали заметное влияние на развитие равноправия полов.

1. Вениосов, А.В. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие : в 2 ч. / А.В. Вениосов, В.А. Шелкопляс. – Ч. 1. История государства и права древних и средних веков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 576 с.

2. Романовская, В.Б. Основы римского частного права / В.Б. Романовская, Э.Б. Курзенин. – Н. Новгород : Вектор, 2000. – 67 с.

УДК 340.111

Д.С. Воробьёва, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Григорьев*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Исследование проблемы правовой культуры является актуальным направлением современной юридической науки. В силу событий конца XX в. юридическая наука продолжает ощущать процесс модернизации правовой доктрины белорусского государства, который был вызван смелой общественно-политической парадигмы. Процесс переосмысления правовых основ предопределяет изменение общественно-правовых отношений, правового сознания общества, правового порядка, правовой деятельности. Именно эти категории являются объективным проявлением, показателем правовой культуры.

Понятие правовой культуры относится к числу дефиниций, широко используемых в современном научном и общественно-политическом дискурсе, но не имеющих однозначного определения. По мнению некоторых исследователей, в юридической науке существует около 250 трактовок категории «правовая культура». Но все же большинство исследователей опираются на определение, предложенное В.И. Каминской и А.Р. Рагиновым, которые понимают под правовой культурой систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражения в сознании и поведении людей [1, с. 362].

Не вызывает сомнения факт, что правовая культура немислима без человека. Так, согласно деятельному подходу, правовая культура представляет собой специфический способ человеческого бытия в сфере права. Общество меняет правовую систему, вносит в нее ряд новых черт, свойств, а уровень правовой информированности общества является показателем уровня правовой культуры.

Знание права – неотъемлемый элемент нашей жизни, который представляет собой систему правовых ценностей, необходимых каждому человеку и всему обществу в целом. Какую же роль играет правовая культура в процессе правовой социализации человека?

Согласно общепризнанному пониманию, правовая культура является атрибутом ценностей, накопленных человечеством, определяющим уровень правового развития общества. Социологический подход определяет уровень правовой культуры степенью признания обществом значимости правовых норм, от которых зависит модель правового поведения личности, и наделяет правовую культуру интегративной функцией, поскольку она обеспечивает включенность субъектов в единую систему социальной организации и обуславливает координацию действий индивидов и групп, мотивированных соображениями значимости правовых предписаний [2, с. 284–296]. Являясь качественным состоянием правовой жизни общества, правовая культура напрямую связана с таким понятием, как социализация личности.

Таким образом, правовая культура влияет на социализацию общества, стимулирует ее и на совершенно новом уровне направляет данный процесс в сторону совершенствования государственности и становления наивысшего типа общества, определяет состояние правовой жизни общества. Она отражает достигнутый уровень развития юридических актов и иных текстов правового характера, степень гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом [3, с. 31].

Правовая социализация – важный общественный процесс. Это «приобщение» человека к правовой среде, усвоение им и поддержание правовых норм, образцов и стандартов. В то же время правовая социализация представляет собой двусторонний процесс взаимодействия личности и социально-правовой среды, вследствие которого человек воспринимает социально-правовой опыт, приобретает глубокие знания права, понимает требования правомерного поведения, формирует правовые ценности и ориентиры, ведущие к выработке свойств и качеств, позволяющих адаптироваться к этой среде. В то же время процесс правовой социализации отражает процесс воспроизводства личностью социальных связей, осуществления правовой деятельности за счет активного включения в социально-правовую среду. Посредством правовой социализации обеспечиваются передача от поколения к поколению и сохранение социально-правового опыта. В ходе правовой социализации формируются внутренний правовой мир человека, его правовая психи-

ка, складываются базовые правовые ценности, правовые ориентиры, а в последующем происходит накопление нового правового знания, переоцениваются и корректируются правовые установки. В результате подобных интеграционных процессов правовая культура конкретного человека трансформируется в своем положительном содержании в новый тип ментальности – правовую личность [4, с. 425].

В процессе социализации правовая культура представляет собой стержень, основу для формирования правовой активности и законопослушной личности, поведение которой попадает под влияние правил, решений, распоряжений, обладающих юридической властью [5, с. 53], и выступает как свойство человека, которое характеризуется уважительным отношением к праву, достаточным объемом правовой информированности о содержании правовых норм, обеспечивающих правомерный характер его действий во всех жизненных ситуациях. В этот момент немаловажно учитывать полноту информированности граждан о законе. Было бы бессмысленно говорить о правомерном поведении при низкой правовой осведомленности или вовсе ее отсутствии. Высокий уровень правовой культуры предполагает позитивное и реалистическое отношение к праву и правовым явлениям, осознание социальной значимости права и правопорядка, уважение к правам другого человека, привычку к правомерному поведению и гражданско-правовой активности.

Таким образом, проведя всесторонний анализ правовой культуры в процессе правовой социализации личности, можно не только показать особенности механизма правовой активности и социально полезного поведения самой личности, но и раскрыть сущность и содержание процесса перевода идей, представлений, норм и ценностей в реальный правовой опыт, что особенно необходимо сейчас молодому поколению как будущему белорусского общества. Необходимо понимать, что такие социально-правовые феномены, как правовая культура и правовая социализация, находятся в диалектической взаимозависимости и друг без друга существовать не могут.

1. Комаров, С.А. Общая теория государства и права / С.А. Комаров. – 7-е изд., испр. и доп. – СПб. : Питер, 2008. – 512 с.

2. Тощенко, Ж.Т. Социология труда / Ж.Т. Тощенко. – М. : УМЦ «Проф. учеб.», 2008. – 423 с.

3. Каршатов, В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н. Каршатов ; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : Изд.-во Саратов. ун-та, 1989. – 218 с.

4. Лебединская, В.П. Правовая культура как системообразующий признак базовой культуры человека / В.П. Лебединская, В.А. Лебединская // Молодой учен. – 2014. – № 19. – С. 425–426.

5. Евдокимов, А.С. Роль правовой культуры в процессе правовой социализации личности / А.С. Евдокимов // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2006. – № 39. – С. 53–54.

УДК 34(09)

М.А. Германова, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.В. Вениосов

НАКАЗАНИЯ НА РУСИ В IX–XVII вв.

Цели и виды наказаний в русском праве имеют богатую историю. Наказание как мера государственного принуждения, применяемая государством в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и состоящая в определенном сужении его правового статуса, наделении его особыми правами и обязанностями, применялось на протяжении всей истории Русского государства.

В первом крупном памятнике права, Русской Правде, система наказания была проста и преследовала целью отомстить преступнику и извлечь фискальную пользу. Отсутствовали членовредительские, мучительные наказания и лишение свободы. Смертная казнь законом не предусматривалась (хотя и упоминается в летописях). Допускалось убийство вора на месте преступления [ст. 38 К.П., ст. 40 П.П.].

Что касается уголовных санкций, то княжеские штрафы и частные вознаграждения в Русской Правде исчислялись в гривнах, кунах, гривнах кун и других денежных единицах. Русская Правда называет перечень видов наказаний. Вира – штраф за убийство свободного мужчины. За простого свободного человека платилась вира в 40 гривен [ст. 89 Р.П.], за княжеского мужа, тиуна огнищного и конюшего платилась двойная вира в 80 гривен. Полувирье – штраф за убийство женщины и тяжкие увечья свободному человеку [ст. 27 П.П.]. Продажа – штраф за другие уголовные преступления – нанесение менее тяжелых телесных повреждений, кражу и др. (приблизительно 12 гривен).

Также предусматривалась плата пострадавшим. Головничество – плата в пользу родственников убитого [ст. 5 П.П.]. Плата за «обиду» – как правило, плата потерпевшему. Урок – плата хозяину за украденную или испорченную вещь или за убитого холопа. Наиболее тяжкими преступле-

ниями считались разбой, поджог и конокрадство. Преступник подвергался потоку и разграблению. Первоначально это была высылка преступника и конфискация имущества, позднее преступника обращали в рабство, а его имущество подвергалось разграблению [ст. 7, 35, 83 П.П.].

Анализ Русской Правды показывает, что развитие феодализма приводит к формированию в праве системы мер наказания в зависимости от социального положения и сословной принадлежности потерпевшего и преступника, неодинакового подхода к защите интересов феодалов и феодально-зависимого населения.

Еще одним памятником права является Судебник 1497 г. Уголовные наказания в нем были значительно мягче, нежели в законодательстве стран Западной Европы. В частности, отсутствует свойственная Западу идея превентивного террора. Смертная казнь в Судебнике 1497 г. предусматривалась примерно в десяти случаях. Действовало правило, согласно которому государь мог помиловать приговоренного. В литературе имеются указания, что в германской Каролине (532 г.) смертная казнь предусматривалась гораздо чаще – в 44 случаях. Изуверские способы казни в Русском государстве не были распространены. Наиболее приемлемым считалось отсечение головы, разбойников вешали, фальшивомонетчикам (как и в Европе) заливали горло металлом. Телесные наказания в Судебнике представлены довольно широко. Однако русскому праву было чуждо изуверство ради устрашения. На Руси не выкалывали преступнику глаза, не отрубали части тела. Конечно, в этом сказывался прагматический подход: инвалид не был нужен обществу, обремененному войнами и тяжким трудом. В основе применения телесных кар лежали болевые наказания (особенно кнут), чтобы посредством боли и страданий заставить преступника следовать государственным предписаниям. Судебник 1497 г. предусматривал применение кнута (торговая казнь) к феодалам, замешанным в антигосударственных заговорах, за посягательства на собственность (кражу), за порчу межевых знаков (ст. 62). К этому времени сложилась ситуация, когда палки и плети стали одним из методов «наведения должного порядка» в работе государственных учреждений и в быту. Тюремное заключение в Судебнике 1497 г. не было развито: преступники могли помещаться в монастырском подвале или башне на срок «сколько государь укажет». В Судебнике 1497 г. в отличие от Русской Правды есть прорыв в системе наказания. В основном использовались телесные наказания, денежных штрафов взималось меньше. Также уже начало появляться тюремное заключение, что говорит о более высоком уровне развития уголовного права.

Судебник 1550 г. ввел телесные наказания за должностные преступления: фальсификацию протоколов суда, подделку документов, корыстные злоупотребления, необоснованные обвинения во взяточничестве [ст. 5, 28, 47, 53, 54, 99]. Одновременно он предусматривал применение кнута по «лихим делам» как пыточного средства. В середине XVI в. стали практиковаться так называемые «правежи» – битье толстыми прутьями с целью принудить к уплате долгов. В 50-е гг. они были законодательно урегулированы. После месячного правежа неплательщик выдавался «головою до искупа». Наказания такого рода свидетельствуют о проникновении «палочной» дисциплины в народный быт. Судебник 1550 г. упоминает тюремное заключение уже в 21 случае (для служащих, «ликих людей», лжесвидетелей). Тюремное заключение стало самостоятельным видом наказания, осознавалось его влияние на преступников и встал вопрос о сроках заключения, который начал разрабатываться уже после Судебника 1550 г.

Еще один памятник – Судебное Уложение 1649 г. Смертная казнь в Уложении оценивалась учеными по-разному, указывалось, что она имела место в промежутке от 36 до 63 случаев. Она предусматривалась за наиболее опасные преступления (богохульство, сдача города неприятелю, подделка денег, изнасилование, поджог, третья татьба и т. д.). Некоторые из них караются лишением жизни и в современном уголовном праве. Наказание кнутом не преследовало целью убить человека, и смерть от этого могла быть лишь результатом случайности. Способы казни представлены в Уложении весьма ограниченно: сожжение за богохульство, заливание горла металлом за подделку денег, закапывание в землю по горло женщин за убийство мужей. Помимо этого применялось отсечение головы и повешение за разбой. Телесные наказания назначались Уложением в 40 случаях. Очень редко упоминается о членовредительстве (всего в нескольких статьях), сохраняется приоритет болевых наказаний. Урезание ноздрей (для «табачников») и ушей (для татей) было способом символического указания на характер преступной деятельности. Тюремное заключение в Уложении предусмотрено более чем 40 раз. Различают виды заключений: до «порук», до указа, на определенный срок, до смерти. В это время стали практиковаться принудительные работы заключенных. Практиковалась в России и ссылка на окраины государства.

Таким образом, рассмотрев виды наказаний в разных памятниках права Руси, можно сказать, что русское право развивалось довольно стремительно. Наказания, применяемые на Руси, были более гуманны, нежели наказания в Европе. Несмотря на все это, наказание на то и наказание...

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В современной юридической науке актуальным является вопрос изучения правовой доктрины как источника права. Познание природы и назначения правовой доктрины необходимо юристам-практикам, правоприменительным органам, а также субъектам права, являющимся участниками правоотношений.

Правовая доктрина – положения из работ известных ученых, используемые в некоторых странах при наличии пробела в законодательстве, отсутствии соответствующего прецедента для юридического решения возникшего спора, имеющего правовое значение.

Еще в Древнем Риме правовая доктрина использовалась как полноценный источник права. Так, в 426 г. в Риме был принят специальный закон, согласно которому положения работ наиболее известных юристов – Папиниана, Гая, Ульпиана и Модестина признавались обязательными для судей. Уже во времена правления римского императора Августа работам указанных юристов придавалось значение *jus respondendi* (ответы юристов). Это означало, что судья мог не только выносить решение по делу на основании действовавших в то время законов, но и ссылаться на высказывания указанных юристов [1, с. 117].

Правовая доктрина считалась и считается характерным источником права для англосаксонской правовой семьи. Например, в Великобритании к мнениям наиболее известных ученых-юристов (главным образом прошлого) обращаются в случае, когда пробел в праве не может быть заполнен статутом или судебным прецедентом. Такими доктринами являются, например, «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона (1765), «Правовые институты Англии» Э. Коука (1628), «Решения королевских судов» М. Фостера (1763), а также различные труды Дж. Локка, Дж.С. Милля, Э. Берка, А.В. Дайси и др. [2, с. 605].

По мнению французского теоретика права Ж.-Л. Бержеля, в истории есть случаи непосредственного влияния на законодателя и правоприменителя со стороны авторитетных правоведов. «В отдельные эпохи влияние толкования на законодателя было заметным, – пишет Ж.-Л. Бержель. – Потье оказал самое непосредственное влияние на Кодекс На-

полеона. Современная реформа в сфере семейного права и в вопросах поражения в правах во многом обязана Карбонье... Влияние теории на судебную практику еще более очевидно...» [3, с. 48].

Французский компаративист Р. Давид справедливо замечает: «В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье; именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII–XIX веков основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идеей демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона... Можно установить подлинное значение доктрины вопреки часто встречающимся упрощенческим формулам, согласно которым она не является источником права» [4, с. 74]. Таким образом, в романо-германской системе права правовая доктрина пользуется меньшей популярностью и носит рекомендательный характер, что обусловлено верховенством нормативно-правовых актов.

Такая позиция действует до сих пор. Например, В.В. Лазарев считает, что если доктрина и законодательство признают в качестве полноценных источников права лишь акты, исходящие от компетентных правотворческих органов власти и управления, то только эти органы и пользуются прерогативой восполнения пробелов [5, с. 131].

Некоторые правоведы утверждают, что правовой доктрине уделено недостаточно внимания как источнику формирования романо-германской системы права. Так, А.А. Васильев утверждает, что в юридической науке до сих пор мало изучены сущность и значение доктринальных, научных представлений о праве в рамках правосознания общества. Вместе с тем правовая доктрина как система господствующих в обществе представлений о праве способна не только отражать юридическую действительность, но и творчески преобразовывать все части правовой системы общества – правосознание, правотворчество, правореализацию и позитивное право [6, с. 38]. В то же время есть примеры влияния правовой доктрины на формирование законодательства нынешней романо-германской правовой семьи. Так, правовая доктрина имеет место в международной системе права. Примером может служить ст. 38 Статута Международного Суда ООН, которая к источникам права, применяемым Международным Судом ООН, относит доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву [7, с. 345].

По сути, любая правовая доктрина выполняет роль интерпретатора в той или иной правовой культуре и правовой традиции. В результате

подобного правового осмысления формулируются правовые аксиомы и правовые положения. В частности, необходимость делает разрешенным запретное, ущерб должен быть компенсирован, из двух зол выбирают менее тяжкое, никто не вправе распоряжаться собственностью другого лица без его разрешения, обычай имеет значение нормы, никто не может быть судьей в собственном деле и др. Без этих норм невозможно осуществлять юридическую практику. В результате судебная практика, основанная на правовой доктрине, становится смысловой сердцевинной любого официального права – и права власти, и права юристов [8, с. 107].

Подводя итоги, нельзя не вспомнить слова уже упомянутого Р. Давида: «Соотношение законодательных и доктринальных источников права в нашу эпоху, по сравнению со старым правом, может показаться иным, но современное право по-прежнему является правом юристов, как этого требует традиция» [4, с. 104]. Таким образом, в современный период роль правовой доктрины важна для правотворчества: она способствует совершенствованию нормативных правовых актов, созданию новых правовых понятий и категорий, развитию методологии толкования законов. Однако в романо-германской системе права правовая доктрина доминирующей юридической силы не несет, занимая второстепенную роль в правотворчестве.

1. Гойман-Калинский, Г.В. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / Г.В. Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк ; под общ. ред. В.И. Червонюка. – М. : Право и закон : КолосС, 2003. – 544 с.

2. Марченко, М.Н. Источники права : учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М. : Велби : Проспект, 2006. – 740 с.

3. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель ; под общ. ред. В.И. Даниленко. – М. : Nota Bene, 2000. – 596 с.

4. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

5. Лазарев, В.В. Пробелы в праве и пути их устранения / В.В. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1974. – 184 с.

6. Васильев, А.А. Правовая доктрина как источник права / А.А. Васильев // Публ.-прав. исслед. (электрон. журн.). – 2012. – № 2. – С. 38–75.

7. Международное публичное право. Сборник документов : в 2 т. / К.А. Бякшев, А.Г. Кондаков. – Т. 1. – М. : БЕК, 1996. – 570 с.

8. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира / А.Х. Саидов. – М. : РАН, Ин-т государства и права, 1993. – 148 с.

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

С.Ф. Лапанович

СТОГЛАВЫЙ СОБОР 1551 г.

Стоглавый собор, или Стоглав, 1551 г. является памятником церковного права. Он регулирует как религиозно-церковные, так и государственно-экономические вопросы, позволяя разрешить ожесточенные споры о церковном землевладении. Стоглав содержит разъяснения о соотношении норм государственного, судебного, уголовного права с церковным правом. Кроме того, в его создании участвовал царь Иван IV Грозный, что подчеркивает важность памятника права. Стоглав был призван решить вопросы укрепления церковной дисциплины среди духовенства, унификации церковных обрядов и служб, полномочий церковного суда, принятия мер против пережитков язычества среди населения, проведения жесткой регламентации порядка переписи церковных книг, писания икон и т. д.

Стоглав представляет собой сборник постановлений церковного собора 1551 г. В подражание Судебнику 1550 г. книга разделена на 100 глав. Этим и обусловлено его название. В самом тексте памятника и современных ему документах он называется Соборным уложением. Как можно заключить из вступительной части Стоглава, инициатива созыва собора принадлежала Ивану IV. Состоял он в основном из духовных иерархов во главе с митрополитом Макарием, хотя некоторые выражения памятника права позволяют предположить, что боярская дума также участвовала в заседаниях [1].

Работа собора проходила в следующем порядке. Царь задавал присутствующим вопросы, касавшиеся церковного устройства и некоторых важных мирских дел. Собор давал обстоятельные ответы на царские вопросы, а потом принимал постановления. Таким образом, в гл. 1–4 Стоглава сообщаются сведения об открытии собора, о его членах, о причинах и целях, для которых он был созван. Царские вопросы разделены на 2 части: первые 37 вопросов помещены в гл. 5, остальные 32 – в гл. 41; ответы на них помещены в гл. 6–40 и 42–98 соответственно; в гл. 99 говорится о посольстве в Троицкий монастырь к жившему здесь на покое бывшему митрополиту Иоасафу, а гл. 100 содержит ответ Иоасафа, сделавшего ряд замечаний и дополнений к определениям собора. В некоторых рукописях имеется еще и гл. 101 – соборный приговор 11 мая 1551 г.

об архиерейских и монастырских вотчинах. Стоит обратить внимание на гл. 41 Стоглава. Если ответы на первую часть вопросов, которые размещены в гл. 5, даются в гл. 6–40 и 42–98, то за каждым вопросом второй части ответ следует сразу, так что вопросы и ответы сосредоточились в гл. 41. Можно предположить, что гл. 41 была вставлена в памятник на заключительном этапе работы над ним [2, с. 196].

Неясным остается и то, разбирались ли на соборе 1551 г. так называемые дополнительные царские вопросы, которые не вошли в Стоглав, но были обнаружены И.Н. Ждановым в сборнике Евфимия Туркова, где они следуют за первыми царскими вопросами. В дополнительных вопросах речь идет о государственных преобразованиях, поэтому они не вошли в Стоглав, в котором разбираются преимущественно царские дела.

Исследование источников, произведенное Д. Стефановичем, показало, что при составлении Стоглава был использован целый ряд богослужебных книг, Кормчая, Мерило Праведное, сборник Измарагд и др. Особенно интересно обращение Стоглава к современным ему русским полемическим сочинениям. Это в первую очередь послание Ивану IV Грозному, автором которого считают Сильвестра, челобитная иноков царю Ивану Васильевичу, опубликованная Г.З. Кунцевичем, и др. Есть основания предполагать, что в Стоглаве отразились также мысли Артемия, который перед самым собором отправил царю послание и в том же году стал Троицким игуменом [3, с. 20].

В постановлениях Стоглава остается много неясного. Требуют уточнения употребляемые в тексте термины. На Большом Московском церковном соборе 1667 г. положения Стоглавого собора были признаны написанными «неразумно, простотою и невежеством». Однако есть основания полагать, что Стоглав в течение долгого времени наравне с Судебником являлся тем источником права, на основе которого осуществлялось судопроизводство в XVI–XVII вв. Его актуальность подтверждается тем, что только списков полной редакции сохранилось около 180, а также существовало большое количество списков глав, посвященных святительскому суду, в то время как списков Судебника насчитывалось около 40. Поэтому Стоглав остается значительным памятником права.

1. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. – М., 2006. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>. – Дата доступа: 08.11.2015.

2. Стоглав. – Казань : Православ. собеседник, 1862. – 438 с.

3. Емченко, Е.Б. Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. / Е.Б. Емченко // Ист. вестн. – 2002. – № 1. – С. 16–22.

Навуковы кіраўнік – кандыдат юрыдычных навук *А.У. Грыгор’еў*

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ПРЫРОДА ПРАВА

З таго часу, як узнікла права, праблемы яго ўзнікнення і функцыянавання, формаў яго арганізацыі і існавання пастаянна прыцягвалі да сябе павышаную ўвагу навукоўцаў, палітыкаў, і практыкуючых юрыстаў. Для сучаснай юрыспрудэнцыі ў цэлым і для агульнай тэорыі права ў прыватнасці характэрны навуковы плюралізм. Сёння досыць мірна суіснуюць і паспяхова развіваюцца розныя па сваёй метадалогіі навуковыя тэорыі, адной з якіх з’яўляецца інструментальная тэорыя права. Сутнасць яе заключаецца ў тым, што яна дазваляе разгледзець прававую форму як сукупнасць механізмаў і рэжымаў, што забяспечваюць эфектыўнае рашэнне сацыяльна-эканамічных, палітычных, культурных і іншых задач.

Інструментальнае разуменне права як самастойны тэарэтычны кірунак паўстаў у рамках сацыялагічнай юрыспрудэнцыі ў ЗША ў канцы XIX – пач. XX ст. Яркім прадстаўніком дадзенай тэорыі з’яўляецца Р. Паўнд. Інструментальная тэорыя права адлюстроўвала ўзнікшы ў той час прагматычны падыход да фарміравання прававых прадпісанняў і прыняцця рашэнняў судамі. Аднак такое разуменне не было чужым і для айчыннай прававой навукі. Інструментальнае разуменне права характарызуецца тым, што суддзі, як і заканадаўцы, выступаюць творцамі права, з чаго вынікае, што заканадаўцы ў вызначэнні сапраўдных інтарэсаў і намераў пры іх выразе абавязкова павінны абапірацца на першапачатковыя і канчатковыя рашэнні суда. У сучаснай беларускай і расійскай юрыспрудэнцыі дастаткова шмат увагі надаецца асобным праблемам удасканалення заканадаўства зыходзячы з разумення самога права як сродкі (інструмента) рэгулявання грамадскіх адносін, якія выкарыстоўваюцца дзяржавай з мэтай задавальнення сацыяльных, дзяржаўных і індывідуальных інтарэсаў. Такім чынам, дадзены метадалагічны падыход цалкам выкарыстоўваецца не толькі ва ўмовах прэцэдэнтнай сістэмы права пры прыняцці рашэнняў суддзямі, але і ў рамана-германскай прававой сістэме, асабліва ў частцы падрыхтоўкі і прыняцця нарматыўных прававых актаў.

Паколькі права незалежна ад яго зместу з’яўляецца эфектыўным сацыяльным рэгулятарам, то тэорыяй і практыкай нарматворчасці

ў Беларусі ўсё больш увагі надаецца ўдасканаленню дзеючага заканадаўства. Адною з асноўных мэт права з'яўляецца ўстанаўленне справядлівасці, узгадненне грамадскіх, дзяржаўных і індыўідуальных інтарэсаў, але ніяк не задавальненне эгаістычных інтарэсаў канкрэтнага індывіда або дасягненне мэт нейкай адной сацыяльнай групы, палітычнай партыі і г. д. Менавіта таму інструментальныя ідэі можна ўжыць у дачыненні да ўдасканалення сістэмы права і заканадаўства, у тым ліку і ў Рэспубліцы Беларусь.

Мы мяркуем, што пасляховае вырашэнне надзённых праблем, якія стаяць перад беларускай дзяржавай і грамадствам, з дапамогай удасканалення і развіцця заканадаўства магчыма за кошт комплекснага выкарыстання розных інструментаў, якія ўжываюцца ў нарматворчасці (планаванне нарматворчай дзейнасці, прагназаванне развіцця заканадаўства і наступстваў яго змены, сістэматызацыя нарматыўных прававых актаў). Інструментальны падыход у прававой тэорыі прадугледжвае разгляд розных сродкаў ўдасканалення заканадаўства ў якасці інструментаў для дасягнення канкрэтных мэт, якія стаяць перад заканадаўчымі органамі. Дадзены падыход выкарыстоўваецца, не называючыся інструментальным, у нарматворчым працэсе. Напрыклад, у Рэспубліцы Беларусь нарматыўна ўстаноўлена, што пры падрыхтоўцы акту варта зразумець ступень паўнаты, неабходнасці і прыярытэтнасці прававога рэгулявання адпаведных грамадскіх адносін, мэты прыняцця акта; вызначыць магчымыя наступствы прыняцця акта (прававыя, фінансавыя, палітычныя экалагічныя і інш.). Асноўны пастулат інструментальнай канцэпцыі сведчыць аб тым, што эфектыўнасць закона вызначаецца канчатковымі мэтамі: калі намечаныя наступствы наступілі, прымяненне закона з'яўляецца дзейсным.

Удасканаленне заканадаўства пры дапамозе інструментальнага падыходу дазволіць ліквідаваць такія недахопы сістэмы нарматыўных прававых актаў, як іх няўзгодненасць, няўнасць прабелаў і калізій у прававым рэгуляванні.

Інструментальны падыход завастрае ўвагу на эфектыўнасці права, магчымасці і ступені дасягнення пастаўленых у ім мэт, асаблівасцях рэалізацыі прававых сродкаў. У той жа час права з'яўляецца мнагазначным феноменам, які можна разглядаць і ў якасці інструмента ўздзеяння на соцыум. Інструментальная характарыстыка права грунтуецца на найважнейшай якасці права – пэўнасці, здольнасці надаваць такую ўсёй сацыяльнай галіне жыцця і абараняць грамадства ад анархіі, гвалту і самавольства. На думку Р.А. Рамашова, інструментальнасць права ёсць прыкмета, звязаная з рэгулятыўнай функцыяй права [4, с. 104].

У інструментальнай трактоўцы права – сацыяльная з’ява, менавіта ў грамадстве варта шукаць крыніцу права, у ім жа права рэалізуе свае функцыі. Як паказвае К.В. Шундзікаў, інструментальная тэорыя права ў перспектыве можа стаць асновай і для афармлення шэрагу самастойных кірункаў навуковых даследаванняў, многія з якіх сёння ўжо пазначаны. Гаворка ідзе, у прыватнасці, аб паглыбленні навуковага аналізу такіх агульнатэарэтычных праблем, як мэтазгоднасць ў праве, механізм прававога рэгулявання, механізм рэалізацыі права, эфектыўнасць права, перашкоды ў праве. Такім чынам, далейшае развіццё інструментальнай тэорыі, як аднаго з метадалагічных падыходаў правазнаўства, заклікана спрыяць інтэграцыі і спецыялізацыі навуковых даследаванняў аб праве, а таксама ўмацаванню актыўнай практычнай ролі прававой навукі, распрацоўцы неабходных рэкамендацый, накіраваных на павышэнне эфектыўнасці прававой палітыкі дзяржавы.

Права з’яўляецца інструментам сацыяльнага кантролю, які забяспечвае сацыяльную гармонію ва ўмовах індывідуалізму і стварае парадак з бязладзіцы [1, с. 20]. У той час як традыцыяналісты надаюць асаблівае значэнне прэцэдэнту, прагматыкі надаюць вялікую ўвагу даследаванню патэнцыйных наступстваў рашэнняў і магчымасям выкарыстаннага прававога інструмента. У гэтай сувязі інструментальны падыход арыентуецца на будучыя вынікі, якія пацягнуць канкрэтныя рашэнні, што збліжае яго з тэндэнцыямі сучаснай нарматворчасці. Але інструменталісты не адзіныя, хто адзначае дадзеную характарыстыку права ў рамках сацыялагічнага падыходу. Марксісты сцвярджалі, што права ёсць сродак дасягнення мэт кіруючай эліты або задавальнення прыватных інтарэсаў. У той жа час неабходна мець на ўвазе, што занадта літаральнае разуменне права як інструмента дасягнення мэт можа прывесці да негатыўных сацыяльных і палітычных наступстваў у сучасным грамадстве. З інструментальнага пункту гледжання права ёсць рэгулятар, накіраваны на гарманізацыю інтарэсаў, усталяванне сацыяльнага парадку.

На наш погляд, інструментальны падыход мае велізарнае практычнае ўтрыманне, паколькі ён вызначае патрабаванні да заканадаўства і мінімізуе магчымыя недасканаласці ствараемых нормаў, вылучае прыярытэтныя напрамкі ўдасканалення нацыянальнага заканадаўства, дапамагае нарматворчым органам ўстараняць фактары, якія зніжаюць эфектыўнасць дзеяння права.

1. Адыгезалова, Г.Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века (Роско Паунд, Толкотт Парсонс и Гарри Бредемейер) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г.Э. Адыгезалова ; Куб. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2004. – 26 с.

2. Алексеев, С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 710 с.

3. Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: в поисках интегративного правовопонимания / Р.А. Ромашов // Государство и право. – 2005. – № 10. – С. 102–104.

УДК 340.130

А.А. Михеенко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.А. Горбаток

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Государство, государственные органы не могут спокойно смотреть на нарушение установленных ими законов, попытки отдельных лиц подменить общеобязательные нормы права своим «правом» и удовлетворять свои потребности за счет нарушения прав и законных интересов других лиц. В таких ситуациях государство вынуждено принимать адекватные меры с тем, чтобы пресечь совершаемые правонарушения, восстановить нарушенные права и заставить правонарушителя действовать в рамках закона. Эффективным способом воздействия государства на правонарушителя выступает юридическая ответственность.

Проблема юридической ответственности в теории права является весьма актуальной. Понятие «юридическая ответственность» было введено в общую теорию права и получило широкое признание в советской теоретико-правовой литературе в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. В литературе наиболее распространенными являются два подхода к пониманию юридической ответственности. В одном из них она трактуется как особая субъективная обязанность правонарушителя претерпевать предусмотренные нормами права неблагоприятные для него карающие меры. В другом она понимается как определенная мера государственного принуждения, выражающаяся в претерпевании правонарушителем предусмотренных законодательством лишений за свое противоправное деяние.

В последнее время приобрело популярность мнение о том, что можно сформировать единое понятие юридической ответственности, охватывающее не только то, что содержится и в юриспруденции, и в обычном словоупотреблении, и в политических документах, и в социологической, философской литературе. Однако многие ученые-правоведы

считают подобный подход сомнительным, так как юридическая ответственность обладает присущими только ей признаками: связь с государством и правом, возможность применять меры государственного принуждения, наличие негативного воздействия, осуждение противоправных деяний и др. Именно совокупностью этих признаков юридическая ответственность кардинально отличается от других видов социальной ответственности. Тем не менее, во всех отраслях права вопросы понимания правовой ответственности имеют сходные общетеоретические аспекты, следовательно, возможно сформулировать определение юридической ответственности, которое будет охватывать базовые характеристики всех ее отраслевых видов.

В настоящее время в теории юридической ответственности имеет место терминологическая перенасыщенность, отсутствует четкость в понимании юридической ответственности. Под ней понимают реализацию наказания, наступление негативных последствий, возложение санкции, претерпевание лишений, осуществление субъективной обязанности, правоотношение и многое другое. Так как юридическая ответственность – явление многогранное, которое распространено во всех сферах, регулируемых правом, большое количество определений вполне оправданно, поскольку они раскрывают отдельные стороны юридической ответственности [1, с. 39]. Но бóльшую путаницу вызывает дуалистическая трактовка юридической ответственности. В соответствии с ней юридическая ответственность делится на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную). Надо сказать, что большинство ученых указанное деление (и не без оснований) не поддержали. Не была воспринята эта позиция и практикой.

Идея существования позитивной юридической ответственности свое распространение получила с 60-х гг. прошлого столетия. На начальном этапе она рассматривалась как признак социалистических общественных отношений. Приверженцы позитивной юридической ответственности считают, что ответственность не только предотвращает нарушение правовых норм, но и стимулирует правомерное поведение субъекта. М.Н. Марченко определяет суть перспективной юридической ответственности как соблюдение юридических обязанностей и ненарушение запретов, т. е. правомерное поведение. Б.Л. Назаров, в свою очередь, писал: «Реализация юридической ответственности по существу всегда есть исполнение юридических обязанностей» [2, с. 29].

В сущности эта конструкция искусственно выводилась из неоднозначности смыслового содержания самого понятия «ответственность», его отождествления с обязанностью, с правомерным поведением и др.

Нравственно-социальному смыслу такого понятия, как «ответственное поведение», приписывалось юридическое значение.

Что касается перспективных аспектов юридической ответственности, большинство ученых придерживаются мнения о невозможности нести юридическую ответственность за будущее поведение.

Представляется также, что применение в отношении юридической ответственности понятий «ретроспективная» и тем более «негативная» некорректно. Ретроспективным является само противоправное деяние, а не юридическая ответственность. На наш взгляд, именовать юридическую ответственность негативной неверно еще и потому, что в этом случае отрицательные характеристики правонарушения как негативно-социального явления переносятся на меру социальной защиты, т. е. на юридическую ответственность.

Подводя итог сказанному, мы полагаем, что под юридической ответственностью следует понимать важную меру защиты интересов личности, общества и государства. Она наступает в случае нарушения правовых норм и проявляется в форме применения к правонарушителю мер государственного принуждения. Важнейшим признаком юридической ответственности является то, что она определяется государством и применяется его компетентными субъектами. Оценив основные положения теории позитивной правовой ответственности, мы приходим к выводу о ее несостоятельности для правовой науки, так как субъективное отражение перспективной правовой ответственности невозможно установить или проверить при помощи правовых средств, а мораль, осознание долга, свобода, честность и добросовестность как обязательные составляющие ответственности за будущие действия не являются юридическими фактами.

По нашему мнению, наиболее полно отражается суть данного правового явления в следующем определении: юридическая ответственность – это конкретный вид и мера государственно-правового принуждения, применяемого в соответствии с санкциями правовых норм в публичной форме компетентными государственными органами в отношении лица, совершившего правонарушение, и выражающегося в общественном порицании виновного и претерпевании им за содеянное определенных лишений личного, имущественного, организационного или иного характера [3, с. 157].

1. Хачатуров, Р.Л. Понятие системы юридической ответственности / Р.Л. Хачатуров // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. Тольятти. Сер. «Юриспруденция». – 1989. – № 1. – С. 39.

2. Назаров, Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности / Б.Л. Назаров // Совет. государство и право. – 1981. – № 10. – С. 120.

3. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права : практ. пособие / Н.А. Горбатов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 208 с.

УДК 34(09)

Я.В. Саврук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

С.Ф. Лапанович

AGENTES IN REBUS – ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Город Рим, согласно историческим источникам, основан в 753 г. до н. э. братьями Ромулом и Ремом в центральной части Апеннинского полуострова. Само понятие «Древний Рим» с течением времени изменялось. Первоначально Рим представлял собой город-государство, оформившееся в VI в. до н. э., в III в. до н. э. это было сильное рабовладельческое государство Западного Средиземноморья, а в I–II вв. н. э. – гигантская империя, раскинувшаяся по всем берегам Средиземного моря, включающая значительные области Западной и Юго-Восточной Европы, Северной Африки и Переднего Востока [1, с. 67].

Любое государство заинтересовано в полноте и надежности своей власти, независимости от внешних факторов, других государств. Для достижения этих целей оно создает специальные службы, которые отвечают за внутреннюю и внешнюю безопасность. В Римском государстве III–IV в. н. э. появилась структура под названием *agentes des rebus*, признанная защищать Римскую империю от угроз.

Жители Рима всегда находились под контролем государства. Тарквиний (7-й царь Древнего Рима) пользовался услугами согладатаев, которые скрытно следили за тем, что происходит внутри общины. Начиная с периода республики такие должностные лица, как эдилы и цензоры, контролировали образ жизни каждого гражданина. Эдилы начали выполнять полицейские функции с 463 г. н. э., до этого момента они были помощниками трибунов, исполнителями их предписаний в судебной-коэрциционной деятельности и вместе с тем хранителями плебейского архива. Цензоры использовали право порицания за недостойное по-

ведение. При первых принцепсах (императорах) к эдилам и цензорам присоединились *delatores* – частные обвинители. В период правления римского императора Адриана (117–138 гг.) сыскную деятельность осуществляли подразделения фрументариев. Они часто злоупотребляли своей властью, из-за чего император Диоклетиан (284–305 гг.) упразднил их, и народ был очень этому рад [2, с. 12].

Delatores, эдилы и цензоры были слабо организованы, поэтому возникла специальная служба – *agentes in rebus* (тайная полиция). Первоначальная задача заключалась в том, чтобы доставлять письма по империи. При правлении императора Констанция II (337–361 гг.) курьеры рассылались по провинциям и контролировали переписку. Со временем их функции расширились: имея огромное количество информации, они чуть позже начали выслеживать и арестовывать неблагонадежных лиц. Однако византийский император Юстиниан I (527–565 гг.) упразднил почту от Халкидона до Дакивизы (сейчас территория Турции) и отдал приказ о новом маршруте для *agentes in rebus* – плыть морем от Византии до Еленополя (территория Малой Азии). Данный путь был трудный и опасный. Получив приказ, нужно было без промедления отправляться в путь невзирая на плохую погоду, поэтому множество попыток доплыть до цели были неудачными. По сухопутному пути система сообщений была более надежной. На расстоянии в один день пути (для человека, шедшего налегке) были расположены специальные места, на каждом из которых находилось до 40 лошадей и столько же конюхов. Таких мест на всем пути следования было около восьми, что позволяло не так сильно уставать лошадям и достаточно быстро доставлять информацию до места назначения. Благодаря этому казна постоянно пополнялась за счет взимания налогов. На Востоке вплоть до Египта император приказал на дорогах держать не коней, а ослов. В результате сообщения доставлялись с трудом и гораздо медленнее, чем раньше, поэтому множество известий о грядущей опасности приходили слишком поздно [3, с. 101].

Служба *agentes in rebus* была высокопоставленным, можно сказать, элитным корпусом, имевшим большое число командиров высших званий. Представители тайной полиции были освобождены от некоторых налогов и повинностей, при обращении к ним использовали выражение «*viri perfectissima*» (совершенный человек). С 396 г. они приравнивались к *consulares provinciae*, могли получать проконсульскую степень, входить в сенаторское сословие. Они были крайне влиятельной службой, однако эта влиятельность сопровождалась рядом обязанностей: переда-

ча посланий и рескриптов императора в провинции и обратно, контроль за функционированием почтовой системы, заключение в тюрьмы подозрительных лиц, слежка за чиновниками различных ведомств, дипломатическое представительство, регулирование торговли в портах, проверка функционирования оружейных мастерских.

Как только появилась служба *agentes des rebus*, туда брали всех желающих с рекомендацией от магистра оффиций, однако со временем накопилось большое количество неспособных выполнять должностные обязанности, тех, кто пользовался своими должностными полномочиями в личных целях. Доверие среди населения к данной службе падало. Для решения этих проблем император Юлиан (361–363) сократил количество агентов, однако после его смерти их количество снова начало увеличиваться. В 382 г. был введен строгий отбор кандидатов в агенты. Тем, кто сумел пройти отбор, назначался пятилетний испытательный срок. С 396 г. служба в тайной полиции стала наследственной, позже для поступления было необходимо разрешение самого императора: выносилось соответствующее постановление (*probatoria*). В 430 г. в восточной части империи служили 1 174 агента, а в самой службе имелось пять ступеней: *ducenarii*, *centenarii*, *biarchi*, *circitores*, *equites*. Число агентов варьировалось, так как за императором оставалось право ежегодно назначать двух агентов для каждой ступени [4, с. 12].

Agentes in rebus принимали активное участие в осуществлении правительственных инструкций относительно церкви. Во второй половине IV в. самым заметным явлением в области религиозной жизни было разделение христианского мира на два враждебных лагеря: исповедников никейского учения и приверженцев учения Ария. Когда ортодоксальное христианство при Феодосии Великом стало господствующей религией, *curiosi* должны были сообщать обо всех случаях проявления ереси. Они служили посыльными между имперскими властями и официальными представителями церкви.

1. История государства и права зарубежных стран : учебник / А.В. Венисов [и др.] ; под ред. А.В. Венисова. – 2-е изд. – Минск : Тетра-Системс, 2012. – 544 с.

2. Данилов, Е.С. Контрразведывательные функции *agentes in rebus* / Е.С. Данилов // Актуальные проблемы исторической науки : междунар. сб. науч. тр. молодых ученых / под общ. ред. О.В. Ягова. – Пенза, 2009. – Вып. 6. – С. 11–15.

3. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопий Кесарийский ; пер., ст., ком. А.А. Чекаловой ; отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М. : Наука, 1993. – 576 с.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ АНДРЕЯ ВОЛЯНА
К РАЗРЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО,
РУССКОГО И ЖЕМАЙТСКОГО В 70-х гг. XVI в.**

Незавершенность судебной реформы, проведенной в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском (далее – ВКЛ) в 1564–1570 гг., осознавали и великий князь, и лидеры шляхты ВКЛ, стремившиеся к более широкому участию в отправлении правосудия [1, с. 7–8; 2, с. 658–660]. Первые после заключения Люблинской унии 1569 г. вальные сеймы Речи Посполитой Королевства Польского и ВКЛ в 1570 и 1572 гг. должны были обсудить проблему повышения эффективности судопроизводства, однако решение так и не было принято до смерти Жигимонта (Сигизмунда) Августа [1, с. 8–9].

В данной публикации мы ставим цель раскрыть сущность концептуальных подходов лидера кальвинистов ВКЛ и одного из выдающихся мыслителей эпохи Ренессанса и Реформации, королевского секретаря Андрея Воляна (Волана) разрешению проблемы реформирования высших судебных органов ВКЛ, которые были изложены в XV разделе его труда «О гражданской, или политической свободе» (Краков, 1572). Данный труд Волян посвятил своему патрону и меценату – виленскому воеводе Николаю Радзивиллу Рыжему 5 января 1572 г. [1, с. 9–10; 3; 4].

Несмотря на ряд проведенных в 40–50-х гг. XVI в. реформ [5], апелляционное судопроизводство в ВКЛ в конце 60-х – начале 70-х гг. XVI в. оставалось малоэффективным, ибо монарх не успевал рассматривать все дела, поступавшие на его рассмотрение [1; 2, с. 658; 4, с. 238–239; 6].

Крылатая фраза «столетняя отсрочка правового судебного решения» так и не стала достоянием истории, несмотря на успешную реформу местных судов [3, с. 98, 100; 4, с. 235–236]. Причину затягивания рассмотрения большинства судебных дел в великокняжеском суде Волян видел, однако, не в недоброжелательности и неспешности монарха, выполнявшего наряду с судебными функциями и ряд иных, не менее важных, а в народе, который желал, чтобы разбором апелляций занимался именно глава государства. Волян прекрасно осознавал, что монарх и так

не вершит правосудие единолично, поскольку в одиночку осуществление функций верховного судьи двух государств было физически невозможно, и должностные лица, назначаемые им для рассмотрения апелляций и нередко направляемые в качестве комиссаров на места, берут на себя часть обязанностей верховного судьи [1, с. 9–10; 3, 100–101; 5;].

В сложившейся ситуации пути решения проблемы реформирования апелляционного судопроизводства ВКЛ Волян предлагал искать, опираясь на опыт реформирования судебных систем иных «славных христианских обществ», которые дорожат гражданской свободой [3, с. 101; 4, с. 242–243]. Так, по мнению мыслителя, одним из образцов удачного решения проблемы повышения эффективности апелляционного судопроизводства была Парижская курия парламента Франции [1, с. 9–10; 3, с. 102–103; 4, с. 242–245]. Это был высший суд Франции, состоявший из назначенных судей (осуществлявших свою деятельность на постоянной основе и получавших как жалование, так и определенное вознаграждение от участников процесса), юрисдикция которого распространялась почти на половину территории королевства. Данный суд рассматривал дела в качестве суда первой (и последней) инстанции – как правило, с участием пэров Франции, высшего дворянства и духовенства, университетов, городов, отдельных капитулов. В нем разбирались дела по апелляциям на судебные решения других судебных инстанций, подчиненных парламенту, а также дела, затрагивавшие интересы короны, касавшиеся доменов, регалий и т. п. Как писал Волян, в Парижском парламенте судьи заседали в трех палатах в определенной последовательности. В первую палату монархом назначались 30 судей с четырьмя председателями, которые выслушивали споры сторон и направляли апелляции другим судьям, определяли даты судебного разбирательства дел, причем менее сложные разбирали и судили сами. Вторая и третья палаты насчитывали по 80 судей, имевших высокую квалификацию с четырьмя председателями в каждой [3, с. 102; 4, с. 242–243].

Arrestum, или окончательный вердикт парламента, не подлежал обжалованию. Тот, кого признавали виновным, был обязан выплатить судьям 60 туринских ливров. Если истец или ответчик полагал, что его дело поняли неправильно либо недостаточно проанализировали, он имел право вновь направить материалы в суд, но перед этим должен был заплатить судьям удвоенную денежную сумму [3, с. 102; 4, с. 242–243]. В четвертую палату входило шесть судей – «дворцовых министров», которые принимали к рассмотрению дела лиц, непосредственно подчиненных королю, или тех, кто имел особые привилегии, в силу которых на них не распространялась юрисдикция иных курий.

Дело передавалось в Сенат, если выяснялось, что оно затрагивало интересы всего государства или являлось очень сложным и важным и требовало скрупулезного анализа. Все постановления вышеназванных инстанций выполнялись неукоснительно.

Помощниками судей в Парижском парламенте являлись его почетные члены (*conseillers d'honneur*) – 12 ассессоров или пэров Франции, назначавшихся из числа высшей элиты французского общества (шесть – из числа духовенства (в том числе аббаты монастырей Клуни и Сен-Дени), шесть – из числа светских лиц, а именно из числа принцев королевского дома). Присутствуя на заседаниях парламента лишь в случае надобности (когда судился пэр), пэры занимали места сразу после председателей палат, с которыми они имели право обсуждать дела, подсудные пэрам и королю. Во главе всего парламента стоял президент, место которого никогда не продавалось.

Еще один образец эффективного апелляционного судопроизводства Волян усматривал в деятельности испанских судебных съездов (конвентов), особенно Вальядолидского и Гренадского, каждый из которых состоял из разделенных на четыре класса 16 аудиторов – избранных судей из числа знатоков права [3, с. 103; 4, с. 244–245].

Волян верил, что и в ВКЛ можно создать подобные судебные органы, которые бы учитывали традиции и обычаи народа, и предлагал в качестве возможных вариантов дальнейшего реформирования судебной системы и апелляционного судопроизводства либо создание в каждой административно-территориальной единице института судей, финансируемых из государственной казны (т. е. скарбов Короны и ВКЛ), либо создание в различных регионах Короны и ВКЛ коллегиальных судебных органов (консistorий) из равного числа юристов (в том числе докторов права) и избранных представителей шляхты под председательством президента (воеводы или каштеляна), которые бы после ознакомления с апелляцией и обсуждения могли вынести обоснованное решение по жалобе сторон, не удовлетворенных решением земского или гродского суда. Созданные судебные коллегии, по мнению Воляна, позволили бы сэкономить государственные средства, и способствовали бы трудоустройству специалистов, глубоко образованных в вопросах «божьего и человеческого права». В то же время создание эффективной апелляционной системы может повлечь появление людей, желающих избежать судебных санкций. Для того чтобы этого избежать, Волян предлагает не позволять подачу апелляций по делам, судебный вердикт по которым подтверждался бы достаточными доказательствами.

В качестве главного итога реформы местных судов ВКЛ Волян отмечает, что «шляхта нашего народа имеет право без чужой воли свободно выбирать по своему собственному желанию судей», и одновременно мягко указывает на недостатки процедуры избрания судей: «пожелать можно только более приличной слаженной организации выборов, чтобы избавить их от всякой неразберихи. Ибо пока что избрание осуществляется выкриками из толпы. Среди разногласных мнений и пожеланий невозможно выбрать что-то ясное и понятное. И часто кажется, что все решает шумное сборище, а не умные, образованные мужчины. Власть получают люди, которые этого не заслуживают. А тем временем достойных особ вниманием обычно обделяют». При организации выборов судей, как и при проведении съездов, сеймиков и сеймов Речи Посполитой, по мнению Воляна, следовало учитывать опыт Венецианской республики, в которой нобили получали право голоса и возможность участвовать в обсуждении государственных дел с помощью жеребьевки. При ее проведении использовалась урна с немногочисленными золотыми и преобладающими серебряными шариками, общее число которых соответствовало количеству нобилей. Каждый получал право вытянуть только один шарик. Участвовать в голосовании мог лишь тот, кому повезло вытянуть золотой шарик. Волян подчеркивал, что таким образом каждый имел право оказаться во власти, но непосредственно участвовать в государственных делах могли немногие. По мнению Воляна, если бы выборы должностных лиц и принятие законов в Речи Посполитой проходили по образцу Венецианского государства, то сеймы смогли бы более эффективно справляться с бесконечным потоком дел, поскольку для принятия решений потребовалось бы значительно меньше времени [1, с. 9–10; 2, с. 98–99, 103–105; 4, с. 236–237, 246–251]. Как патриот ВКЛ, в 1572 г. за несколько месяцев до начала первого бескоролья Волян акцентировал внимание современников на том, что «шляхта нашего народа заслуживает великой похвалы за свободолюбие», и был уверен, что, опираясь на закон и обычаи, народ ВКЛ может провести необходимые реформы, способствуя превращению Отечества в одно из лучших и счастливейших государств в мире [3, с. 98–99, 103–105; 4, с. 236–237, 246–251; 6, с. 9–10].

1. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696) : spis / pod red. A. Rachuby ; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba ; Inst. Historii PAN. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2007.

2. Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo sprendimai : Решения Главного Литовского Трибунала (1583–1655) / parengė V. Raudeliūnas, A. Baliulis ; redkol.: V. Raudeliūnas (ats. red.) [ir kt.]. – Vilnius : Mintis, 1988.

3. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск : З. Колас, 2009.

4. Wolan, A. De libertate politica sive civili : O wolności szlacheckiej Rzeczypospolitej albo ślacheckiej / A. Wolan ; tłumacz. S. Dubingowicz ; oprac. M. Eder, R. Mazurkiewicz ; red. W. Uruszczak. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2010.

5. Ясинский, М.Н. Очерки по истории судоустройства в Литовско-Русском государстве: Главный Литовский Трибунал, его происхождение, организация и компетенция / М.Н. Ясинский. – Киев : Типогр. Н.А. Гирич, 1901.

6. Kłodziński, A. Na drodze do powstania Trybunału koronnego / A. Kłodziński // Księga ku czci O. Balcera. T. II. – Lwów, 1925.

Круглый стол

*«Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права»
(17 марта 2016 г.)*

УДК 341.231

М.В. Ковальчук, курсант следственного-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *К.Д. Сазон*

О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В настоящее время многие страны мира столкнулись с процессами миграции населения. Это явление рассматривается как одно из следствий глобализации, представляющее собой мировой процесс, и, несомненно, требует международно-правового регулирования. Европейский союз (ЕС) ежегодно принимает большое количество мигрантов, въезжающих в страны – члены ЕС с различными целями и на различные сроки [1, с. 3]. Регулирование миграционных процессов создает необходимость учета позитивных факторов миграции, выражающихся в возможности улучшения социально-экономического и демографического развития страны, и негативных факторов, определяемых нелегальными потоками иммигрантов в страну, являющихся предпосылками нарушений прав человека в данной сфере отношений, социальной напряженности в обществе и т. д. Возросшая сложность и многогранность современных

миграционных потоков, специфика их нормативно-правового регулирования на международном уровне, потребность в анализе состояния и тенденций миграции в контексте глобального развития и вместе с тем правового положения мигрантов обуславливают необходимость и востребованность новых исследований в данной сфере отношений.

Актуальность данной темы обусловлена также состоянием миграционной обстановки в ЕС сегодня, характеризующейся несбалансированностью миграционных потоков на отдельных его территориях, высокой динамикой нелегальной иммиграции в страны, массовыми нарушениями прав человека в данной сфере отношений, определяемых несовершенством миграционного законодательства [2, с. 4].

Вынужденная миграция является одной из характерных черт современности: в настоящее время в мире насчитывается около 18 млн беженцев. Масштабность и острота проблемы вынужденной миграции преопределила ее превращение из национальной в интернациональную. Соответственно, участие в ее решении принимают не только национальные правительства, но и все мировое сообщество в лице международных и межправительственных, а также неправительственных организаций.

Вынужденная миграция – перемещения людей, происходящие по независящим от них причинам. При вынужденной миграции серьезно нарушается социальная интеграция человека: из одной среды он перемещается в другую, болезненно разрывая социальные связи и искусственно создавая такие связи на новом месте. Как отмечает М.И. Петровская, на сегодняшний день можно констатировать, что система управления вынужденной миграцией не вполне сформировалась [3].

Определение статуса и содержания юридического термина «беженец» впервые дано в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. (далее – Женевская конвенция 1951 г.), которая была подписана и ратифицирована всеми государствами – членами ЕС. Положения Женевской конвенции 1951 г. реализуются через национальное законодательство каждого государства – члена ЕС. Получение убежища является неотъемлемым правом лица, а его предоставление – международным обязательством государства, впервые прописанным в Женевской конвенции 1951 г. Для стран Европейского союза из-за открытых границ и свободы передвижения необходим комплексный подход, гарантирующий соблюдение требуемых стандартов защиты беженцев. Процедуры должны быть в то же время справедливыми и эффективными для всего Европейского союза и не допускающими злоупотребления. Имея в виду эти обстоятельства, государства – члены ЕС стремятся к установлению общей европейской системы предоставления убежища [4, с. 193].

А.В. Юрин считает, что основными из принимаемых мер по регулированию потоков мигрантов и беженцев являются: во-первых, стремление проводить политику «предотвращения въезда», направленную на то, чтобы не дать возможность не имеющим надлежащих документов иностранцам, а в их числе и потенциальным просителям убежища, попасть в Европу; во-вторых, разработка методов предотвращения въезда тем, кому все-таки удалось добраться до границы; в-третьих, ограничительное применение Конвенции 1951 г. путем исключения некоторых категорий заявителей из сферы охвата определения «беженец»; и, наконец, введением различных «сдерживающих» мер, включая получающее все большее распространение автоматическое помещение ищущих убежища лиц под стражу, отказ в предоставлении социальной помощи и ограничения в трудоустройстве [5, с. 15].

За последние десятилетия гармонизация миграционной политики государств – членов ЕС происходила на основании подписания Шенгенской конвенции и Маастрихтского договора. Шенгенская конвенция предусматривает свободное и неограниченное передвижение для граждан шенгенских государств (в настоящее время к таковым относятся 22 государства – члена Европейского союза, а также Исландия, Норвегия, Лихтенштейн и Швейцария), которые могут жить, учиться или работать везде, где они пожелают. В результате передвижений мигрантов и совместных подходов к этой проблеме в Европе между государствами – членами ЕС постоянно проводится общая политика в сфере миграции и предоставления убежища. Шенгенская система благодаря своему контролю на границах и положениям Дублинской конвенции, касающейся «регулирования в отношении безопасной третьей страны», позволяет легко контролировать и отсылать назад нежелательных мигрантов, въезжающих в одно из шенгенских государств-членов, что привело к сокращению количества лиц, ищущих убежища, и к увеличению количества незаконных мигрантов. Анализ законодательной базы иммиграционной политики ЕС также позволяет сделать вывод, что нормы, регулирующие процессы иммиграции на европейском пространстве, регламентируют ужесточение иммиграционной политики и направлены на уменьшение притока иммигрантов из третьих стран. Однако соглашения государств-членов в рамках ЕС создают только основу регулирования вопросов въезда (выезда) и приема иностранных граждан на территории союза, гармонизируя требования стран и облегчая перемещения внутри зоны. Миграционная политика ЕС носит пока скорее рамочный характер, оставляя большую долю вопросов для урегулирования на национальном уровне [6, с. 19].

По мнению европейских законодателей, рассмотрение вопросов предоставления убежища в рамках ЕС следует обосновывать необходимостью солидарных действий государств – членов ЕС в сфере, где отдельные страны не могут эффективно решать вопросы предоставления убежища в Европейском союзе без внутренних границ [7]. Поэтому для создания единой системы убежища ЕС кроме ранее упоминавшихся ратифицированных конвенций принял ряд следующих документов: Regulation (EC) № 2725/2000 of 11 December 2000, Council Regulation (EC) № 2725/2000 of 11 December 2000, Council Regulation (EC) № 343/2003 of 18 February 2003, или протокол «Дублин II», Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011, Council Directive 2004/83/EC of 29 April 2004, Council Directive 2005/85/EC of 1 December 2005.

Кроме вышеперечисленных резолюций огромное значение имеет Лиссабонский договор 2007 г., который предусматривает принятие дальнейших мер по формированию общей иммиграционной политики и политики предоставления убежища. Их результатами должно было стать, с одной стороны, обеспечение эффективного управления миграционными потоками, справедливое обращение с гражданами третьих стран, законно проживающими в государствах-членах, а также предотвращение нелегальной иммиграции, торговли людьми и, с другой стороны, завершение формирования общей европейской системы предоставления убежища (ст. 78–79 Лиссабонского договора) [9].

Но уже в декабре 2011 г. была опубликована новая Директива о минимальных стандартах для квалификации беженцев. Она направлена на улучшение качества принятия решений и обеспечение справедливого отношения к людям, спасающимся от преследования, войны и репрессий. Директива уточняет основания для предоставления международной защиты и дает более точные определения, тем самым улучшая эффективность процесса предоставления убежища [4].

Однако несмотря на все вышеперечисленные директивы, конвенции, резолюции, договоры, в настоящее время в Европе не обеспечивается полная защита права на поиск и получение убежища. Несмотря на снижение в ряде стран количества подаваемых заявлений на предоставление убежища, политика государств в этой сфере по-прежнему является ограничительной. Обеспокоенность в связи с нелегальной миграцией и угрозами со стороны международных террористических организаций препятствует конструктивному обсуждению вопросов предоставления убежища и защиты беженцев и приводит к нарушениям прав человека [10].

Подводя итог, следует отметить, что регулирование миграционных процессов в XXI в. постепенно становится все более значимым направ-

лением деятельности Европейского союза, приоритетным пунктом экономической и политической повестки дня современной Европы. На фоне кризиса и медленного восстановления экономики, подъема евроскептицизма и жарких дебатов в обществе о границах и масштабах притока мигрантов в Европу Европейский союз переходит к новой стадии иммиграционной политики и политики убежища. Однако несмотря на все усилия проблема иммиграции не поддается решению и остается одной из самых злободневных для политиков и населения европейских стран.

1. Шумакова, О.И. Международно-правовое регулирование миграции в Европейский союз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / О.И. Шумакова. – М., 2006. – 26 с.

2. Галиахметова, К.Д. Конституционно-правовое регулирование положения мигрантов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / К.Д. Галиахметова. – М., 2006. – 28 с.

3. Петровская, М.И. Направления совершенствования правового регулирования государственного управления в сфере вынужденной миграции / М.И. Петровская // Закон и право. – 2015. – № 10. – С. 90.

4. Гончарова, Ю.Н. Реализация права на убежище в Европейском союзе / Ю.Н. Гончарова // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Право». – 2015. – № 3. – С. 191–199.

5. Юрин, А.В. Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 08.00.05 / А.В. Юрин. – М., 2010. – 26 с.

6. Агеев, К.В. Миграционные проблемы и их меняющаяся роль в современном политическом процессе Французской Республики : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / К.В. Агеев. – Н. Новгород, 2011. – 34 с.

7. Астапенко, В. Европейский союз и политика предоставления убежища [Электронный ресурс] / В. Астапенко // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1165/188/>. – Дата доступа: 06.05.2016.

8. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>. – Дата доступа: 11.05.2016.

9. Права человека в Европе: работа продолжается. Позиция комиссара Совета Европы по правам человека Томаса Хаммарберга [Электронный ресурс] // Council of Europe. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>. – Дата доступа: 17.05.2016.

10. Потемкина, О.Ю. Иммиграционная политика Европейского союза: итоги и новые вызовы / О.Ю. Потемкина // Миграционные проблемы и пути их решения : сб. ст. / Ин-т Европы Рос. Акад. наук ; сост.: Н.Б. Кондратьева, О.Ю. Потемкина. – Москва, 2015. – С. 11–15.

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *О.В. Кононенко*

МЕСТО И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Сегодня ни одно государство мира не застраховано от различных природных катаклизмов и техногенных катастроф. При возникновении данных негативных явлений каждое государство стремится стабилизировать ситуацию и не допустить негативного воздействия и влияния на общество и государство. Для противодействия этим явлениям в Республике Беларусь существует особый правовой режим, именуемый «режим чрезвычайного положения».

Чрезвычайное положение – это вводимый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на всей территории Республики Беларусь или в ее отдельных местностях особый временный правовой режим деятельности государственных органов, иных организаций, их должностных лиц, допускающий ограничения (приостановление) прав и свобод граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Такое определение дает Закон Республики Беларусь «О чрезвычайном положении». Для обеспечения данного правового режима может привлекаться большой круг государственных органов, одно из ведущих мест среди которых занимают органы внутренних дел. Согласно Закону Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» органы внутренних дел представляют собой «государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность».

Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь характеризует Министерство как «республиканский орган государственного управления, возглавляющий систему органов внутренних дел и внутренние войска, осуществляющий в пределах своих полномочий регулирование и управление в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и координацию деятельности в этой сфере других республиканских органов государственного управления», а разработка и принятие мер по защите прав и свобод граждан указываются первыми в перечне основных задач Министерства внутренних дел.

Анализ задач и функций, выполняемых органами внутренних дел при обеспечении правового режима чрезвычайного положения, показывает, что практически все подразделения участвуют в обеспечении указанного правового режима. Ведь деятельность органов внутренних дел в подобных условиях весьма широка и многообразна. Это административная, оперативно-розыскная, уголовно-процессуальная, профилактическая, пенитенциарная деятельность и др. Каждая служба МВД, будь то милиция общественного порядка или криминальная милиция, с помощью разнообразных методов участвует в решении возложенных на нее задач непосредственно на своем участке работы. Поэтому говорить о реальном обеспечении прав и свобод граждан и интересов можно лишь рассматривая в комплексе все виды деятельности органов внутренних дел.

В рамках данной статьи представляется целесообразным рассмотреть формы и методы работы органов внутренних дел по защите прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения в рамках административной деятельности. Этот вид деятельности является основным для органов внутренних дел при осуществлении режима чрезвычайного положения. Во-первых, эта деятельность носит государственно-правовой характер, т. е. осуществляется органами внутренних дел от имени государства. Во-вторых, органы внутренних дел имеют право применения мер государственного принуждения для исполнения своих распоряжений, заданных в рамках своей компетенции, на основании и в порядке, установленных законом. Данное полномочие является необходимым в условиях чрезвычайного положения, особенно вводимого по причинам криминогенного характера, и следующих непосредственно из правовой природы режима чрезвычайного положения. В-третьих, вышеописанная деятельность является подзаконной, т. е. осуществление ее происходит на основании законов и во их исполнение, а также других правовых актов и строится в строгом соответствии с целями и в пределах, определяемых в данном случае Законом Республики Беларусь «О чрезвычайном положении». В-четвертых, в отличие от других видов государственно-властной деятельности административная деятельность органов внутренних дел в условиях чрезвычайного положения носит исполнительно-распорядительный характер. Для успешного осуществления своих исполнительных функций по обеспечению этого режима, охране прав и свобод граждан они наделяются распорядительными полномочиями, предусматривающими возможность принятия мер административного воздействия к нарушителям правового режима чрезвычайного положения.

Деятельность органов внутренних дел в условиях чрезвычайного положения характеризуется рядом специфических черт. Во-первых, они являются специальными органами государства, деятельность которых

направлена прежде всего на поддержание должного общественного порядка и необходимой безопасности граждан. Во-вторых, органы внутренних дел для организации и практического осуществления мер, обеспечивающих общественный порядок и безопасность граждан в условиях чрезвычайного положения, имеют в своей структуре все необходимые элементы (подразделения) для выполнения и пресечения противоправных действий. В-третьих, осуществляя борьбу с противоправными явлениями в условиях чрезвычайного положения, органы внутренних дел распространяют свои властные полномочия на существующую социальную среду, поэтому их деятельность непосредственно касается значительного количества граждан, проживающих в зоне чрезвычайного положения. В-четвертых, органы внутренних дел, предупреждая и пресекая правонарушения и преступления в условиях режима чрезвычайного положения, тем самым способствуют обеспечению и защите основных прав и свобод граждан в условиях этого режима [1, с. 50].

Кроме того, деятельность подразделений органов внутренних дел осуществляется в особой форме, которая является чрезвычайной, поскольку применяется в условиях введения такого режима, когда повседневные формы организации работы органов внутренних дел не в состоянии обеспечить эффективное решение задач по восстановлению общественного правопорядка, охране прав и свобод граждан. В чрезвычайных ситуациях эта деятельность подчинена одной цели – устранению негативных последствий чрезвычайных ситуаций криминогенного или природно-технического характера [2, с. 7].

Содержание этой деятельности составляет обширный комплекс разнопорядковых по формам и способам реализации мероприятий (правовых, организационных, материально-технических, психологических и др.), которые лишь в совокупности могут обеспечить решение возникающих задач в условиях чрезвычайного положения. Деятельность органов внутренних дел происходит в определенных пространственных и территориальных границах, размер которых зависит от вида и масштабов чрезвычайных ситуаций, размера причиненных ими негативных последствий [2, с. 7].

Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод граждан, охране общественного порядка в условиях чрезвычайного положения организуется и осуществляется в соответствии с законом и подзаконными актами, регламентирующими их деятельность в условиях введения указанного режима. В частности, в ст. 16 Закона Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» говорится, что для «обеспечения режима чрезвычайного положения используются силы и средства органов внутренних дел».

Подводя итог, резонно было бы отметить, что органы внутренних дел при введении режима чрезвычайного положения являются одним из первостепенных субъектов, который обеспечивает стабильное функционирование данного правового режима. Его четкая организация и проведение невозможны без контрольно-надзорных функций органов внутренних дел. Именно действиями сотрудников правоохранительных органов возможно обеспечить стабильность и безопасность на территории чрезвычайного положения, сохранность важных промышленных и природных объектов, историко-культурного наследия и, конечно же, права и свободы лиц, находящихся на указанной территории.

1. Вежновец, В.Н. Органы внутренних дел как субъект управления в условиях чрезвычайной ситуации / В.Н. Вежновец, И.И. Мах. – Минск, 1991.

2. Баранов, В.А. Сравнительно-правовой анализ содержания некоторых видов особых правовых режимов / В.А. Баранов, В.В. Гуцин, Г.К. Москвин. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1996.

*Круглый стол
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(28 апреля 2016 г.)*

УДК 343.47

А.С. Быков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Ялович*

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
СОСТАВА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Проблема борьбы с легализацией преступных доходов для законодательства Республики Беларусь и правоприменительной практики стала актуальной в начале 90-х гг. XX в.

С точки зрения криминологии легализация преступных доходов представляет собой явление, выступающее лишь звеном в цепи дли-

тельной и устойчивой противоправной деятельности. Вместе с тем рассмотрение легализации как самостоятельного деяния является предпосылкой успешной борьбы не только с данной формой криминальной активности, но и с экономической, коррупционной и иной корыстной преступностью в целом [1].

Эффективность и полнота расследования легализации преступных доходов во многом зависит от правильности ее квалификации. Однако правоохранительные органы Республики Беларусь и Российской Федерации сталкиваются с трудностями при применении статей, предусматривающих уголовную ответственность за легализацию преступных доходов, что связано с неверной оценкой как предикатного преступления, так и составов легализации преступных доходов. Ошибки в квалификации – одна из основных причин исключения из обвинения легализации денежных средств и иного имущества и оправдания судом обвиняемых по этим составам.

Квалифицировать преступление – значит дать уголовно-правовую оценку содеянному, определить, под действие какой статьи УК подпадает совершенное преступление. Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за легализацию преступных доходов, нашли свое отражение в ст. 235 УК Республики Беларусь и ст. 174, 174¹ УК Российской Федерации соответственно.

Одним из основных признаков преступлений, связанных с легализацией преступных доходов, является их общественная опасность. Так, санкция ст. 174 УК РФ за совершение такого деяния предусматривает наказание в виде штрафа в размере до ста двадцати тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, т. е. преступление относится к категории небольшой тяжести. Такой подход представляется необоснованным, так как несопоставим с общественной опасностью данного деяния.

В настоящее время не выработан единый подход в следственно-судебной практике по применению ст. 174, 174¹ УК РФ, в связи с чем на стадии предварительного следствия постоянно возникают определенные проблемы. Суть данных проблем в том, что в современной нормативно-правовой базе отсутствует четкое толкование понятия «придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, приобретенным преступным путем» [2, с. 152].

Обязательным признаком субъективной стороны состава легализации преступных доходов по уголовному законодательству обоих государств является цель, установление которой имеет существенное значение при квалификации. Однако на практике возникают вопросы, связанные с определением истинной цели при квалификации легализации преступных доходов.

Следующим, одним из наиболее важных и проблемных элементов с точки зрения квалификации легализации преступных доходов по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации выступает заведомость. При анализе диспозиций статей, предусматривающих уголовную ответственность за легализацию преступных доходов, возникает вопрос: возможно ли привлечение лица к уголовной ответственности за легализацию преступных доходов или иного имущества, добытого преступным путем, если отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор суда по делу о первичном (основном) преступлении? Исходя из содержания диспозиций за легализацию преступных доходов может быть привлечено только то лицо, которое осуществляет финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения деяния, признанного преступлением вступившим в законную силу приговором суда. При этом преступность происхождения денежных средств также должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда (за исключением преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198–199² УК РФ).

Еще одной проблемой при квалификации легализации преступных доходов по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации является то, что в диспозициях ст. 235 УК Республики Беларусь, а также ст. 174 и 174¹ УК РФ отсутствует какой-либо стоимостной порог отмываемого имущества, начиная с которого возможно привлечение лица к уголовной ответственности. Отрицательный эффект, который оказывает данное отсутствие, сказывается на правоприменительной практике при квалификации легализации преступных доходов. Проблемным вопросом является также момент окончания преступления. В процессе легализации преступных доходов сделки совершаются, как правило, неоднократно. Возникает вопрос, что считать моментом окончания преступления – совершение всей совокупности сделок или хотя бы одной сделки по легализации преступных доходов?

Белорусские и российские правоприменители сталкиваются с трудностями при определении дохода от предикатного криминального деяния. Например, доходом от совершения хищения являются похищенные денежные средства или иное имущество. В то же время доходом от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) признается выручка от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с ее осуществлением [3, с. 25–26]. Таким образом, доход от предикатного преступления необходимо определять в каждом конкретном случае вменения отмывания.

Существует большой дисбаланс между размером полученных преступных доходов в ст. 174 и 174¹ УК РФ. Практика показывает, что чаще всего лица, отмывающие преступные доходы, совершая операции с ними, разбивают их на несколько частей, что дает им возможность уйти от более сурового наказания либо вовсе уйти от ответственности.

Проблемным для Республики Беларусь и для Российской Федерации является вопрос о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность за легализацию преступных доходов. Легализация преступных доходов является преступлением производным от первоначального, поэтому уголовная ответственность за нее должна наступать с того же возраста, с которого наступает ответственность за первоначальное преступление. Если лицо, достигшее 14 лет, может нести уголовную ответственность, например, за кражу, грабеж и т. п., т. е. присвоение денежных средств или иного имущества, то почему с этого возраста оно не может подлежать уголовной ответственности за легализацию присвоенных средств?

Существенной проблемой при квалификации преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за легализацию преступных доходов, является то, что лица, совершающие подобные преступления, активно используют так называемые фирмы-однодневки, зарегистрированные на недействительные либо подложные паспорта и созданные, как правило, для проведения конкретной сделки и на непродолжительный период времени.

На наш взгляд, тот факт, что в Республике Беларусь до сих пор не выработано постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросу, касающемуся противодействия легализации преступных доходов, является упущением. Видится правильным и юридически обоснованным закрепить в едином нормативном правовом акте всех проблемных моментов, касающихся квалификации легализации преступных доходов, с учетом судебной практики Республики Беларусь.

Изменения и дополнения уголовного закона и практики его применения требуют своего осмысления и научного анализа, который позволит разрешить возникающие при квалификации преступлений проблемы, а также послужит совершенствованию содержания ряда уголовно-правовых норм как Республики Беларусь, так и Российской Федерации.

1. Мицкевич, В. Проблемные вопросы применения мер уголовной ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путем, и совершенствование правового регулирования в данной сфере [Электронный ресурс] / В. Мицкевич // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=151533>. – Дата доступа: 28.03.2015.

2. Фролов, И.В. Легализация (отмывание) преступных доходов как результат современной стратегической концепции публичного макроэкономического управления: проблемы юридической идентификации / И.В. Фролов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 6. – С. 150–154.

3. Жубрин, Р. Квалификация легализации преступных доходов / Р. Жубрин // Законность. – 2009. – № 1. – С. 23–26.

УДК 343.24

Н.С. Касперович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *С.М. Свило*

АРЕСТ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Система мер, направленных на предупреждение преступности в нашем государстве, строится на основе оценки и объема использования традиционного института уголовной ответственности. Так, согласно ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Следует отметить, что как бы некоторые ученые не стремились снизить роль наказания по сравнению с иными мерами уголовной ответственности, а также институтом освобождения от нее [1, 2], наказание занимает и, вероятно, будет занимать преобладающее место в системе всех применяемых мер уголовной ответственности. Об этом свидетельствует тот факт, что к различным видам наказания ежегодно осуждается около 90 % обвиняемых. При этом достаточно широко используется такое наказание, как арест, и обусловлено это тем, что оно предусмотрено за достаточно широкий круг преступлений: 40 % общего количества санкций. В последние годы арест входит в тройку наиболее часто применяемых видов наказаний в Республике Беларусь.

Арест как вид наказания известен законодательству достаточно давно. Так, личный арест упоминается в Своде законов уголовных 1832 г. Суть его состояла в содержании под стражей под надзором полиции. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. он был разновидностью лишения свободы и применялся за малозначительные преступления. В законодательстве советского государства арест как вид наказания отсутствовал.

В УК Республики Беларусь арест был введен в декабре 1997 г. и назначался в качестве основного наказания на срок в пределах от одного до шести месяцев. Позднее, в 2003 г., законодатель расширил перечень лиц, которым может быть назначен данный вид наказания, за счет исключения п. 1 ч. 2 ст. 54 УК. В 2010 г. в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения была поставлена задача рассмотреть целесообразность снижения максимального срока и исключения возможности условно-досрочного освобождения от его отбывания. Так, по инициативе Генерального прокурора Республики Беларусь А. Конюка и предложению Верховного Суда в январе 2015 г. максимальный срок наказания в виде ареста был снижен до трех месяцев для совершеннолетних и двух месяцев для несовершеннолетних, а также внесены соответствующие изменения в ст. 90 УК.

Местом отбывания ареста является арестный дом, расположенный в районе, наиболее приближенном к постоянному месту жительства осужденного. Включение ареста в систему наказаний обусловлено стремлением законодателя найти альтернативу краткосрочному лишению свободы, которое является малоэффективным в борьбе с преступностью и не способно обеспечить достижение целей наказания, о чем свидетельствует рост рецидива и др. Статистика показывает, что количество осужденных к аресту в Республике Беларусь резко возросло с 0,1 % в 1998 г. до 16,4 % в 2015 г. Это говорит о том, что судебная практика идет по пути расширения применения данного вида наказания. Мы полагаем, что к данной тенденции следует относиться осторожно, потому что отбывание ареста весьма негативно влияет на психику осужденных, прежде всего несовершеннолетних. Так, Конвенция о правах ребенка 1989 г. гласит, что арест, задержание, тюремное заключение ребенка должны осуществляться согласно закону и использоваться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода. Неслучайно в большинстве стран, где применяется арест к несовершеннолетним, допускается такая форма его отбытия, как арест в конце недели, когда подросток отбывает его по выходным дням. Такой режим будет обеспечивать получение осужденным образования, его активное участие в жизни семьи.

Как уже отмечалось, в 2003 г. был исключен запрет на применение ареста к лицам, не достигшим 16-летнего возраста. Соответственно, в настоящее время такой вид наказания может быть применен к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, что выглядит очевидным контрастом по сравнению с Кодексом об административных правонару-

шениях Республики Беларусь, которым применение административного ареста к несовершеннолетним не предусмотрено (ч. 2 ст. 4.6 КоАП).

Арест как вид наказания в настоящее время применяется только в двадцати странах мира. При этом уголовное законодательство Франции полностью отрицает целесообразность его применения; законодатель Германии, признавая необходимость существования краткосрочного лишения свободы, отрицает возможность назначения ареста. Опыт других государств подтвердил, что введение этого наказания является малоэффективным, поскольку установленный порядок отбывания ареста исключает возможность проведения воспитательной работы. Это связано с тем, что осужденные не привлекаются к труду, за исключением выполнения работ по хозяйственному обслуживанию арестного дома, не получают общее и профессиональное образование. Можно сказать, что в арестных домах к осужденным не применяется никаких иных средств исправления, кроме режима. Тогда не понятно, какими же средствами предполагается достижение целей наказания, ведь наукой уголовно-исполнительного права доказано, что исправление осужденного и становление его на путь уважительного отношения к закону возможно только при сочетании соблюдения условий режима отбывания наказания, воспитательной работы, общественно полезного труда и т. д.

Возвращаясь к законодательным новеллам относительно снижения сроков пребывания в арестных домах, следует отметить и положительные моменты: это снижение приводит к сокращению денежных затрат. Содержание большого количества граждан в исправительных учреждениях тяжким бременем ложится на бюджет государства, сдерживает решение многих социальных задач. Так, сегодня нахождение одного осужденного к аресту обходится в 3 млн бел. р. в месяц. Всего в арестных домах в настоящее время отбывают наказание более 1 400 человек. И это отнюдь не самые негативные последствия высокой численности так называемого «тюремного населения».

Полагаем, снижение максимального срока ареста помимо очевидных экономических выгод позволит не только сохранить достаточный исправительный потенциал этого вида наказания, но и повысить его эффективность, поскольку рано или поздно осужденный к наказанию в виде лишения свободы (наиболее часто применяемый вид наказания) привыкает к условиям изоляции, что значительно снижает исправительное воздействие данного вида наказания. Однако рано или поздно осужденный выйдет на свободу и, как показывает практика, обычаи и традиции криминальной среды распространяются среди на-

селения, а недостаточно развитая система реабилитации и адаптации после освобождения также не способствует возвращению бывшего осужденного в общество.

Несмотря на то, что уровень рецидивной преступности в последние два года достиг своих максимальных показателей, количество лиц, совершивших повторное преступление после отбывания ареста, превышает 45 %.

В контексте достижения цели уголовной ответственности следует обратить внимание на качественную характеристику осужденных к наказанию в виде ареста. Так, в 2015 г. достаточно часто арест применялся к лицам, совершившим преступления в сфере семейно-бытовых отношений: практически к каждому второму виновному в угрозе убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК), каждому четвертому виновному в истязании (ст. 154 УК) и др. Полагаем, не достигает целей уголовной ответственности этот вид наказания и в случае, когда указан как альтернативный с лишением свободы. Например, за несоблюдение требований превентивного надзора (ст. 421 УК) арест был назначен в 47,7 % случаев. Вместе с тем с учетом категории лиц, которым назначается превентивный надзор, условия строгой изоляции даже на максимальный срок в три месяца являются неэффективными.

Таким образом, с учетом изложенного следует определить специфическую цель ареста как вида уголовного наказания следующим образом: оказание на осужденного положительного психологического воздействия в условиях кратковременной изоляции от общества. При этом введение данного вида наказания в Республике Беларусь является вполне оправданным. Вместе с тем действующая форма и сроки его применения не способны обеспечить реализацию целей наказания, в первую очередь исправление осужденного, так как пределы применения к осужденным средств исправления ограничены. Кроме того, является целесообразным и необходимым приведение в соответствие норм административного и уголовного законодательства относительно применения ареста к несовершеннолетним.

1. Саркисова, Э.А. Системы наказаний в уголовных кодексах Беларуси и России: к вопросу об унификации законодательных подходов / Э.А. Саркисова // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 марта 2013 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – С. 142–146.

2. Шидловский, А.В. Система наказаний в Уголовном кодексе Республики Беларусь / А.В. Шидловский // Юстыцыя Беларусі. – 2001. – № 3. – С. 40–43.

ЭВТАНАЗИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хорошая смерть – что это? Именно так переводится с греческого языка слово «эвтаназия». Как мы относимся к «хорошей смерти»? Что мы вкладываем в это понятие и есть ли точки соприкосновения между нашими представлениями о хорошей смерти и эвтаназии?

В настоящее время в уголовном праве не упоминается о такой категории, как «эвтаназия». Вместе с тем такое деяние все же квалифицируется по ст. 139 УК Республики Беларусь.

Вероятно, уголовное право Республики Беларусь исходит из того, что согласие потерпевшего на сокращение или прекращение жизни не должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Поэтому позиция законодателя относительно эвтаназии на сегодняшний день однозначна: это умышленное, противоправное лишение жизни другого человека, т. е. убийство.

Говоря об эвтаназии, необходимо учесть, что симптомом многих болезней является помутнение сознания и нельзя гарантировать, что легкую смерть человек выбрал, находясь в здравом уме.

В судебной практике эвтаназия рассматривается как убийство неизлечимо больного человека из милосердия, однако часто на скамье подсудимых оказываются отнюдь не медицинские работники. Узаконивание эвтаназии грозит возможными злоупотреблениями со стороны заинтересованных в исходе дела лиц. Также необходимо учитывать человеческий фактор: всегда возможна врачебная ошибка, установление ложного диагноза, введение пациентов в заблуждение с целью извлечения выгоды.

В основе же всех «за» лежит принцип права на самоуправление – люди имеют право принимать свои собственные решения о совершении действий, которые влияют на них самих (право выбора). Если придерживаться такой логики, то ни у кого нет морального права запрещать как самоубийство, так и помощь в его осуществлении. Жизнь – это высочайшая ценность любого человека, но если жизнь связана только с невыносимыми мучениями, у человека происходит переориентация ценностных установок, и смерть как избавление от страданий становится большим благом. Так вправе ли мы лишать человека этого блага? Оказа-

ние помощи кому-либо в улучшении его положения всегда нравственно допустимо. Если умерщвление улучшит чье-либо положение и человек сам хочет, чтобы его лишили жизни, то как подобное умерщвление может считаться причинением незаслуженного вреда человеку?

Зарубежный опыт показывает, что во многих странах эвтаназию поддерживает большинство населения (даже в тех странах, где эвтаназия запрещена).

На наш взгляд, активная эвтаназия на данном этапе развития общества имеет право на существование, потому что становится выходом для людей, состояние которых таково, что лучше умереть, чем продолжать жить.

Следует сделать вывод о том, что использование эвтаназии возможно при соблюдении ряда требований, а именно при наличии письменного заявления пациента, при невозможности облегчить страдания имеющимися средствами, более гуманным и безболезненным способом.

Однако во избежание злоупотреблений после легализации эвтаназии законодатель должен предусмотреть четкий перечень условий, при соблюдении которых допустима эвтаназия, и создать механизм контроля над неукоснительным исполнением требований закона. Целесообразно ввести соответствующую статью в УК, закрепляющую повышенную ответственность за совершение такого преступления по ст. 139 УК. Это обусловлено тем, что эвтаназия может превратиться в средство для прекращения жизни детей-инвалидов, пожилых людей, лиц, страдающих СПИДом, а также онкологическими заболеваниями, с целью завладения денежными средствами, которые расходятся на их содержание и лечение.

УДК 343.2

А.А. Михеенко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Соучастие в преступлении согласно ч. 1 ст. 16 УК Республики Беларусь – это умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Исходя из указанной нормы все случаи совместного совершения преступлений, обладающие названными признаками, должны признаваться соучастием. Вместе с тем такие случаи весьма разнообразны и отличаются между собой как по способу

взаимодействия соучастников, степени общественной опасности, так и по иным обстоятельствам. В этой ситуации весьма полезной является классификация соучастия. Она приобретает особую актуальность в связи с тем, что в уголовном законе предусмотрены различные виды преступных объединений, каждый из которых, обладая своими, характерными признаками, требует самостоятельного анализа и оценки.

В настоящее время в уголовно-правовой литературе нет единства в вопросе о классификации соучастия, хотя все ученые-криминалисты сходятся в том, что по определенным основаниям соучастие можно разделить на определенные типы. При этом одни исследователи выделяют лишь формы соучастия, другие ограничиваются классификацией соучастия на виды, третьи отстаивают необходимость деления соучастия на формы и виды. Последняя точка зрения в настоящее время наиболее распространена. Вместе с тем нередко те разновидности соучастия, которые одни исследователи относят к видам соучастия, другие называют формами, и наоборот.

Мы придерживаемся точки зрения о необходимости классификации соучастия на формы и виды. Деление соучастия на виды сопряжено с определением оснований ответственности соучастников, а также индивидуализацией их ответственности. Данная классификация имеет существенное юридическое значение, поскольку позволяет обосновать ответственность не только исполнителя, но и иных соучастников. Исходя из характера выполнения объективной стороны состава преступления, можно выделить соисполнительство и соучастие с разделением ролей. При соисполнительстве все соучастники принимают участие в выполнении объективной стороны состава преступления, а при соучастии с разделением ролей объективную сторону выполняет только исполнитель. Выделяется еще и так называемое смешанное соучастие, когда в преступлении помимо нескольких исполнителей принимает участие, например, еще и пособник, т. е. происходит сочетание соисполнительства и соучастия с распределением ролей. На основании вида соучастия ст. 16 УК Республики Беларусь предусмотрено описание функций исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника преступления.

В отличие от вида соучастия установление формы соучастия позволяет дать оценку характера и степени общественной опасности совместного преступления в целом, соизмерить опасность совершения преступления различными преступными объединениями. Кроме того, отдельные формы соучастия выступают в качестве конструктивных и

квалифицирующих признаков преступлений, а также обстоятельств, отягчающих ответственность.

Анализ юридической литературы показывает, что в настоящее время нет общепринятой классификации форм соучастия. Это во многом обусловлено использованием различных оснований классификации. Если попытаться обобщить имеющиеся теоретические разработки, то с определенной долей условности можно выделить следующие основные варианты деления форм соучастия:

сложное соучастие, соисполнительство, организованная группа, преступная организация (Е.В. Кичигина, С.Е. Данилюк);

группа лиц, действующая без предварительного сговора, группа лиц, действующая по предварительному сговору, организованная группа, преступная организация (В.С. Комиссаров, Э.А. Саркисова);

соучастие без предварительного соглашения и соучастие по предварительному соглашению. В понимании последней формы соучастия мнения расходятся: одни включают в нее организованную группу и преступную организацию (А.А. Пионтковский), другие считают эти разновидности самостоятельными формами соучастия (А.Н. Трайнин, Г.А. Кригер).

Недостаток первой классификации заключается в том, что она осуществляется на основании различных критериев и не исключает возможности взаимопересечения выделенных элементов. Две первые формы соучастия выделены по функциональному критерию (в зависимости от распределения ролей), а две последние – в зависимости от степени организованности соучастников. Вместе с тем в рамках организованной группы и преступной организации по существу возможно и соисполнительство, и распределение ролей, и смешанное соучастие.

Вторая классификация также осуществляется на основании различных критериев, что лишает ее логической стройности: наличие или отсутствие предварительного сговора и степень организованности. Кроме того, в контексте отечественного уголовного законодательства такая классификация имеет еще один недостаток. Одно из правил деления понятий заключается в том, что члены деления должны полностью исчерпывать объем делимого понятия (Логика / В.Ф. Берков [и др.]. – Минск : ТетраСистемс, 1997. – С. 100). Вместе с тем, поскольку согласно положениям ст. 17 УК Республики Беларусь понятие «группа лиц» означает наличие соисполнительства, из данной классификации выпадают случаи соучастия без предварительного сговора и по предварительному сговору с одним исполнителем.

Что касается признания организованной группы и преступной организации самостоятельными формами соучастия по сравнению с соучастием по предварительному соглашению, то основной недостаток данной классификации также заключается в нарушении правила о единстве основания деления. Первая и вторая формы соучастия выделяются исходя из времени сговора, а третья и четвертая – исходя из степени организованности. При этом деление на формы неразрывно связано с делением соучастия на виды. В конкретных случаях совместного совершения преступлений происходит сочетание различных форм и видов соучастия. Так, соучастие с простым сговором возможно как в виде соисполнительства, сложного соучастия, так и в виде смешанного соучастия.

Таким образом, наиболее обоснованной нам представляется двухуровневая классификация форм соучастия. Исходя из наличия или отсутствия предварительного соглашения, соучастие полагаем обоснованным разделить на соучастие без предварительного соглашения и соучастие с предварительным соглашением. Последняя форма соучастия, в свою очередь, исходя из степени организованности делится на соучастие с простым сговором, организованную группу и преступную организацию.

УДК 347.113

И.В. Мячин, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

**КОЛЛИЗИЯ, СВЯЗАННАЯ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ
МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 281 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В законодательстве могут иметь место коллизии, представляющие собой такие ситуации, когда происходит столкновение норм права, регулирующих одни и те же общественные отношения.

Причин существования юридических коллизий немало. Это и отставание права от более динамичных общественных отношений, и ситуации, когда одни нормы устаревают, а другие появляются, не всегда отменяя прежние, и низкое качество законов, и непоследовательная систематизация нормативных правовых актов. Примеров

можно приводить много. Причины правовых коллизий носят как объективный, так и субъективный характер. К объективным причинам, в частности, относятся противоречивость, изменчивость регулируемых правом общественных отношений, к субъективным – воля и сознание людей – политиков, законодателей, в результате действий которых возникают коллизии. Юридические коллизии создают неудобства в правоприменительной практике, затрудняют применение законодательства правоприменителем.

К сожалению, в уголовном праве также имеют место коллизии. Так, ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных. Вместе с тем вопрос момента окончания данного преступления на законодательном уровне не решен. Так, Указ Президента Республики Беларусь от 5 декабря 2013 г. № 551 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими» определяет добычу рыбы как изъятие рыбы из среды ее обитания. При этом постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды» закрепляет в п. 13 положение, согласно которому преступление, предусмотренное ст. 281 УК, считается оконченным с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение рыбой или водными животными независимо от того, были ли фактически добыты предметы охоты, рыба или водные животные.

Такая коллизия относительно определения момента окончания данного преступления не способствует нормальной слаженной работе правовой системы, сказывается на эффективности правового регулирования.

Обращаясь к общей теории права, не следует забывать о такой категории, как юридическая сила. Как известно, Указ Президента имеет высшую юридическую силу по сравнению с постановлением Пленума Верховного Суда. К тому же неустранимые сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого.

На наш взгляд, Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь следовало бы пересмотреть вопрос, связанный с определением момента окончания преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 281 УК, принимая во внимание вышеназванные нормы Указа Президента.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При квалификации преступлений, предусмотренных ст. 233 УК Республики Беларусь, возникает ряд проблем отграничения преступлений от иных противоправных действий. В настоящее время сформировались две принципиально различающиеся позиции относительно уголовно-правовой квалификации деяний лиц, причастных к совершению преступного деяния, предусмотренного ст. 234 УК.

Так, органами предварительного расследования в ряде случаев деятельность лиц, оказывающих субъектам хозяйствования услуги по обналичиванию денежных средств и (или) представляющих им необходимые документы о якобы совершенных с подконтрольными им субъектами хозяйствования финансово-хозяйственных операциях, квалифицируется по ст. 233 УК. В иных случаях такого рода незаконная деятельность следственными органами квалифицируется в форме соучастия, предусмотренного ст. 16 УК, в уклонении от уплаты налогов и сборов, совершенном должностным лицом субъекта хозяйствования реального сектора. Данная точка зрения следствия также находит поддержку на стадии судебного производства, и суды постановляют обвинительные приговоры по соответствующим частям ст. 16 и ст. 243 УК. В этой связи в феврале 2011 г. Департамент финансовых расследований Республики Беларусь ходатайствовал о внесении на рассмотрение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь предложения о даче судам разъяснений по вопросам единообразного применения законодательства при рассмотрении уголовных дел указанной категории.

До сих пор разъяснения по данному вопросу не давались, но разрабатывается проект закона о внесении изменений и дополнений в УК, в том числе и по вопросам, касающимся квалификации подобных преступлений.

По нашему мнению, различия в квалификации преступных действий лиц, причастных к деятельности лжепредпринимательских структур (ЛПС), связано с отсутствием специальной нормы в УК, определяющей преступность данных действий, в то время как преступная деятельность ЛПС осуществляется в различных формах, которые условно можно

разделить на так называемые «черные» ЛПС, в которых неуполномоченные лица осуществляют бестоварные операции и обналичивание денежных средств без участия их формальных руководителей (в этих случаях лица, организовавшие деятельность «черных» ЛПС, подлежат ответственности по ст. 233 УК), и «серые» ЛПС, в которых директор участвует в оформлении и подписании бестоварных накладных, посещает налоговые, банковские и другие учреждения для придания видимости добропорядочности фирмы.

Организаторы деятельности «серой» ЛПС могут быть официально оформленными работниками предприятия. Посредством «серой» фирмы могут частично производиться сделки купли-продажи с реальным товаром. При таких обстоятельствах квалифицировать действия директоров и организаторов деятельности таких фирм по ст. 233 и 234 УК затруднительно [1].

Для устранения противоречий при квалификации действий лиц, участвующих в деятельности ЛПС, необходимо не только предусмотреть уголовную ответственность за создание ЛПС, но и определить в УК преступные деяния, связанные с непосредственным функционированием ЛПС, за которые ввести специальную повышенную уголовную ответственность.

В определенных случаях причинение экологического вреда окружающей среде может произойти в рамках идеальной совокупности экологического преступления и незаконной предпринимательской деятельности.

Ч. 1 ст. 233 УК определяет следующие варианты незаконной предпринимательской деятельности: предпринимательская деятельность, осуществляемая без государственной регистрации, либо деятельность без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно. Такое определение не исключает наличия незаконной предпринимательской деятельности и в том случае, если определенная деятельность зарегистрирована в установленном порядке, но осуществляется без специального разрешения (лицензии).

Установление соответствующего варианта незаконной предпринимательской деятельности при посягательстве на природную среду может оказывать влияние на квалификацию преступлений.

Предпринимательская деятельность, осуществляемая без государственной регистрации, может образовывать идеальную совокупность с некоторыми преступлениями, ответственность за которые предусмотрена в нормах гл. 26 УК.

Так, если в заповедной зоне или на иной особо охраняемой природной территории лицо, например, распахивает землю и вовлекает ее в сельскохозяйственный оборот с целью систематического получения

прибыли от полученного урожая, содеянное должно квалифицироваться по ст. 233 УК, а также по ст. 264 УК при условии, что незаконная предпринимательская деятельность одновременно образует нарушение режима охраны и использования соответствующей особо охраняемой природной территории и экологический вред причинен природной среде в крупном размере.

При вменении в рамках идеальной совокупности ст. 233 УК важно помнить о двух моментах: фактически осуществляемая деятельность должна подпадать под юридические признаки предпринимательской деятельности, описанные в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь; должен быть хотя бы один криминообразующий признак, который указан в соответствующей части ст. 233 УК.

Исходя из этого, следует сделать вывод о необходимости усмотрения факта незаконной предпринимательской деятельности при совершении экологических преступлений.

Внимания достойно разграничение уголовной и административной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в части осуществления запрещенной предпринимательской деятельности.

В ч. 2 ст. 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлена административная ответственность не только за осуществление предпринимательской деятельности, когда в соответствии с законодательными актами такая деятельность запрещается, но и в тех случаях, когда она является незаконной. При этом между понятиями «является незаконной» и «запрещается» поставлены союзы «и (или)». Иными словами, законодатель предусмотрел, что предпринимательская деятельность может быть одновременно и незаконной, и запрещенной либо только незаконной или только запрещенной.

В связи с этим возникает вопрос: подлежит ли уголовной ответственности по ст. 233 УК предпринимательская деятельность, являющаяся одновременно и незаконной, и запрещенной, сопряженная с получением дохода как минимум в крупном размере? Например, такой вариант указания предпринимательской деятельности использован в п. 26 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Положение): «деятельность субъектов хозяйствования, государственная регистрация которых осуществлена на основании заведомо ложных сведений, представленных в регистрирующие органы, является незаконной и запрещается».

Используя грамматическое толкование, можно прийти к выводу о том, что в случаях, когда в законодательном акте между словами «является

незаконной» и «запрещается» стоит союз «и», такая предпринимательская деятельность вне зависимости от размера дохода, полученного от ее осуществления, может влечь только административную ответственность по ч. 2 ст. 12.7 КоАП. Если для обозначения предпринимательской деятельности используются только слова «является незаконной», то и в этом случае вне зависимости от размера дохода должна применяться ч. 2 ст. 12.7 КоАП, поскольку этот признак не указан в ст. 233 УК. И лишь в случае осуществления предпринимательской деятельности, которая обозначается с использованием признака «запрещается» законодательными актами и сопряжена с получением дохода как минимум в крупном размере, наступает уголовная ответственность по ст. 233 УК.

Конечно, возможно и иное логическое толкование словосочетания «является незаконной и запрещается». Если предпринимательская деятельность запрещается, то такой запрет делает ее незаконной. Если предпринимательская деятельность признается незаконной, то ее нельзя осуществлять.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что указание на запрещенность деятельности является одновременно и указанием на ее незаконность. При таком толковании вопрос об оценке осуществления предпринимательской деятельности, которая «является незаконной и запрещается» законодательными актами и сопряжена с получением дохода как минимум в крупном размере, должен решаться в пользу применения уголовной ответственности по ст. 233 УК. Однако ввиду того, что законодатель при принятии Закона от 15 января 2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» осознанно пошел на сохранение в ч. 2 ст. 12.7 КоАП формулы «является незаконной и (или) запрещается», а в ст. 233 УК выделил лишь признак «является запрещенной», то с позиций принципа строгого толкования норм уголовного закона (ч. 2 ст. 3 УК) надлежит применять вышеуказанное грамматическое толкование. Его применение позволяет соблюсти и другой общеправовой принцип – неухудшения положения лица в случае неоднозначного толкования закона.

Этот принцип нашел отражение в подп. 9.1 п. 9 Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», являющейся указом программного характера: «установить, что в случае неясности или нечеткости предписаний актов законода-

тельства суды, другие государственные органы и иные государственные организации, должностные лица принимают решения в пользу субъектов предпринимательской деятельности и граждан». Поэтому нарушение вышеуказанного запрета, установленного п. 26 Положения, с использованием словосочетания «является незаконной и запрещается» может влечь только административную ответственность по ч. 2 ст. 12.7 КоАП. Размер дохода (крупный или особо крупный) во внимание не принимается, не переводит это нарушение в разряд преступления, предусмотренного ст. 233 УК. Понятно, что в данном случае за такую деятельность административную ответственность по ч. 2 ст. 12.7 КоАП могут нести только лица, которым было достоверно известно о том, что государственная регистрация субъекта хозяйствования осуществлена на основании заведомо ложных сведений, представленных в регистрирующие органы. При этом не имеет значения, кто и когда представил такие заведомо ложные сведения. Главное, что данное обстоятельство было известно лицу, а оно, игнорируя его, осуществляло (продолжало осуществлять) такую незаконную и запрещенную предпринимательскую деятельность [2].

Исходя из анализа проблем квалификации незаконной предпринимательской деятельности необходимо сделать следующие выводы.

Для устранения противоречий при квалификации действий лиц, участвующих в деятельности ЛПС, необходимо не только предусмотреть уголовную ответственность за создание ЛПС, но и определить в УК преступные деяния, связанные с непосредственным функционированием ЛПС, за которые ввести специальную повышенную уголовную ответственность.

Необходимо обращать внимание на возможное наличие факта незаконной предпринимательской деятельности при совершении экологических преступлений, так как присутствуют факты идеальной совокупности.

Если для обозначения предпринимательской деятельности используются только слова «является незаконной», то и в этом случае вне зависимости от размера дохода должна применяться ч. 2 ст. 12.7 КоАП, поскольку этот признак не указан в ст. 233 УК. И лишь в случае осуществления предпринимательской деятельности, которая обозначается с использованием признака «запрещается» законодательными актами и сопряжена с получением дохода как минимум в крупном размере, наступает уголовная ответственность по ст. 233 УК.

1. Сапаров, Р.З. Правовые проблемы административной и уголовной квалификации деяний лиц, причастных к деятельности лжепредпринимательских структур [Электронный ресурс] / Р.З. Сапаров // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Лукашов, А.И. Административная и уголовная ответственность за запрещенную предпринимательскую деятельность [Электронный ресурс] / А.И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.542.1

А.Г. Рыбаков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Н.И. Ретнёва

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

В настоящее время при определении детской порнографии используется множество терминов: «педопорнография», «педофилия», «детская порнография», «подростковая порнография», «имитационная порнография», «виртуальная порнография», «онлайн-порнография и сексуальные надругательства», «детская эротика» и т. д.

В международном праве определение детской порнографии содержится в ряде нормативных документов. Рамочное решение Совета Европейского союза от 22 декабря 2003 г. «О борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией» (п. 1 ст. 1) указывает, что под детской порнографией понимается любой порнографический материал, воспроизводящий для визуального просмотра: реального ребенка, участвующего в откровенном сексуальном поведении или занимающегося им, включая похотливую демонстрацию половых органов или лобковой области ребенка, либо реального человека, который выглядит как ребенок, участвующий в вышеуказанном поведении, или как ребенок, занимающийся им, либо правдоподобные изображения несуществующего ребенка, участвующего в вышеуказанном поведении или занимающегося им.

Подобное определение признаков детской порнографии содержится также в Факультативном протоколе к Конвенции «О правах ребенка» (2000), касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. В нем мировое сообщество высказало крайнюю обеспокоенность растущими масштабами детской проституции и детской порнографии, а также растущей доступностью детской порнографии в рамках сети Интернет и других развивающихся технологий.

Признав детскую порнографию в сети Интернет проблемой глобального характера, Факультативный протокол обратил внимание законода-

теля на необходимость криминализации деяний, связанных с производством, распределением, распространением, импортом, экспортом, предложением, продажей или хранением детской порнографии, независимо от того, были ли эти преступления совершены на национальном или транснациональном уровне (Международные акты о правах человека : сб. док. / сост.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – 2-е изд., доп. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2002. – С. 339–346).

Запрет на использование информационных технологий для распространения детской порнопродукции содержался и в Конвенции Совета Европы о киберпреступности 2001 г., закрепившей исчерпывающий перечень правонарушений, связанных с детской порнографией в сети Интернет. Список криминализируемых деяний, согласно ст. 9 Конвенции, включает всю цепочку от производства детской порнографической продукции с целью распространения через компьютерную систему до приобретения и владения детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

Не менее важным международным документом, нацеленным на борьбу с детской сексуальной эксплуатацией, стала Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г., вступившая в силу 1 июля 2010 г. Конвенция признала в качестве преступления демонстрацию детям актов сексуального насилия или половых актов в целях сексуальной эксплуатации. Она потребовала от европейских законодателей продления сроков давности за преступления в отношении несовершеннолетних жертв сексуальных посягательств. Это связано с тем, что многие дети до достижения совершеннолетия не в состоянии заявить о надругательствах над ними. А к наступлению совершеннолетия часто уже истекают сроки давности для привлечения виновных к уголовной ответственности. Поэтому в Конвенции закреплено положение, позволяющее исчислять сроки исковой давности только с момента достижения ребенком совершеннолетия.

Уголовный кодекс Республики Беларусь в первоначальной редакции содержал лишь одну статью соответствующего содержания – ст. 343 «Распространение порнографических материалов или предметов». Она устанавливала ответственность за изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования, либо распространение или рекламирование порнографических материалов, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, либо публичную демонстрацию кино- и видеофильмов порнографического содержания. Более того, уголовная ответственность наступала только в случае, если деяние было совершено повторно, в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия.

С принятием Закона Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. № 15-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» ст. 343 УК претерпела трансформацию прежде всего в направлении повышения ответственности за данное преступление вообще и за детскую порнографию в частности. Согласно ч. 2 ст. 343 УК квалифицированным составом данного преступления стало признаваться изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение или рекламирование порнографических материалов, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, содержащих изображение несовершеннолетних, либо демонстрация кино- или видеofilмов порнографического содержания несовершеннолетним, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Обеспокоенность общественности, правоохранительных органов ростом преступлений, направленных против детей, привела к тому, что ст. 343 УК вновь стала предметом внимания в правотворческом процессе. В 2008 г. Законом Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» ответственность за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего была усилена посредством включения таких действий в отдельную уголовно-правовую норму.

Выполняя требования международных договоров, законодатель принял решение закрепить определение понятия детской порнографии в нормативных документах. В 2012 г. в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 октября 2008 г. № 1571 «Об экспертных комиссиях по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости» были внесены соответствующие дополнения. Так, к детской порнографии в соответствии с вышеуказанным постановлением относятся материалы или предметы, содержащие любое изображение или описание ребенка либо воспринимающиеся как изображение или описание ребенка либо совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающего реальные или смоделированные действия сексуального характера либо принимающего участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичное изображение, в том числе созданное с использованием анимации или электронной техники, образа ребенка, совершающего или участвующего в совершении действий сексуального характера, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях).

Таким образом, активные меры, принимаемые государством в целях предотвращения сексуального насилия над детьми, обеспечили создание механизма противодействия преступлениям, связанным с детской порнографией, который на данном этапе является более эффективным, чем когда-либо.

УДК 343.232

В.В. Шлапков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ

При разработке конкретных уголовно-правовых норм законодателю и научному сообществу необходимо четко провести грань между преступным поведением и не преступным. Это имеет важное юридическое и социальное значение. Исторический опыт показывает, что граница между преступным и не преступным поведением должна прежде всего устанавливаться законом, а не оставляться на усмотрение правоприменителя. Точность разграничения, несомненно, обеспечивается путем формулирования законодателем уголовно-правовых норм, в частности составов конкретных преступлений. Вместе с тем эта точность не может быть достигнута во всех без исключения случаях. Поэтому законодатель вынужден прибегать к оценочным категориям. Примером тому является категория «малозначительность деяния», закрепленная в ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая призвана разрешить вопрос определения границ преступного поведения. Толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой определяет понятие «малозначительный» как недостаточно большой по размерам, численности, силе; не имеющий большого значения, не оказывающий большого влияния на кого-либо, что-либо; малозначащий, маловажный; не имеющий важных последствий (Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный : в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. – 2000. – Т. 2. – 1084 с.).

Сегодня малозначительность деяния является одной из наиболее сложных для понимания категорий в доктрине уголовного права и правоприменительной деятельности. Назовем некоторые неразрешенные теоретические вопросы. Так, не ясна правовая природа анализируемой

уголовно-правовой категории; не определены четкие критерии признания деяния малозначительным; нет единства взглядов среди ученых-правоведов относительно места ч. 4 ст. 11 в системе Общей части УК; не определено, существует ли в настоящее время необходимость декриминализации данной уголовно-правовой нормы.

До настоящего времени на законодательном уровне не закреплены: определение оценочного понятия «общественная опасность»; количественные характеристики, позволяющие установить важнейший признак малозначительности – «существенный вред». Указанные обстоятельства усугубляются отсутствием соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь относительно рассматриваемого феномена.

Правоприменительные проблемы обусловлены тем, что правоохранительные органы не используют возможности ч. 4 ст. 11 УК; нередко допускают квалификационные ошибки и не всегда правильно воспринимают нормативные предписания анализируемой нормы.

Усугубляет ситуацию с применением ч. 4 ст. 11 УК и наличие законодательных проблем межотраслевого согласования, выражающихся в стертости границ между преступлениями и административными правонарушениями. Факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности свидетельствуют о том, что правоприменитель не всегда четко может оценить ситуацию, понять, присутствует ли в совершенном противоправном деянии лица общественная опасность, свойственная преступлению, либо нет. Все это влияет на оценку служебной деятельности правоохранительных органов, а также на престиж и доверие к ним со стороны граждан.

Анализ постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, постановлений о прекращении предварительного расследования и уголовного преследования показывает, что правоприменители не ссылаются в указанных постановлениях на ч. 4 ст. 11 УК, фактически послужившую основанием для прекращения уголовного преследования либо материалов проверок; не во всех ситуациях лицу, применяющему уголовный закон, ясно, какое уголовно-процессуальное решение по факту малозначительности деяния в смысле ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь необходимо применять при разрешении дела. Не способствует правильному применению ч. 4 ст. 11 УК и недостаточный высокий уровень правосознания правоприменителей.

Отсутствие единообразия в правоприменении нормы о малозначительности деяния свидетельствует о том, что практика, уголовное законодательство нуждаются в анализе и корректировке.

Таким образом, необходимость обращения к проблеме малозначительности деяния вызвана следующими соображениями.

Во-первых, категория малозначительности деяния еще не получила должного комплексного исследования в белорусском уголовном законодательстве во всем разнообразии ее аспектов.

Во-вторых, большинство вопросов, связанных с данной категорией, ее использованием в науке и правоприменительной практике, поныне решаются противоречиво и продолжают оставаться дискуссионными.

В-третьих, исследование сущности и содержания малозначительности деяния способно обнаружить новые аспекты, позволяющие разрешить проблему определения границ преступного поведения.

Поиск ответов на накопившиеся вопросы, потребности правоприменения требуют проведения комплексного ретроспективного, теоретического, прикладного и социологического исследования категории малозначительности деяния в уголовном праве Беларуси.

*Научно-теоретическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(5 мая 2016 г.)*

УДК 343.1

Я.Т. Бильдис, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

СУД ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: НУЖЕН ЛИ ОН В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ?

1 апреля 2014 г. состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь по вопросам об институте присяжных заседателей в судебной системе Республики Беларусь. По результатам состоявшегося обсуждения Совет признал введение института присяжных заседателей в судебную систему Республики Беларусь нецелесообразным, рекомендовав продолжить совершенствование действующего в Республике Беларусь института народных заседателей. Несмотря на это мы считаем, что будущее за многообразием форм судебной деятельности. Обсудим возможность введения в судебную систему Республики Беларусь института присяжных заседателей.

В соответствии с Концепцией положений модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ было предусмотрено участие представителей народа в постановлении приговора и выработаны рекомендации по созданию следующих судебных составов: судья и два равноправных с ним присяжных заседателя, разрешающих все вопросы совместно; судья и двенадцать присяжных заседателей, разрешающих только вопросы о виновности либо невиновности.

На постсоветском пространстве в настоящее время уголовные дела с участием присяжных заседателей рассматриваются в Российской Федерации (с 1 ноября 1993 г.), Азербайджанской Республике (с 10 июня 1997 г.), Республике Казахстан (с 1 января 2007 г.), Кыргызской Республике (с 25 июня 2007 г.), Грузии (с 1 октября 2010 г.), Украине (с 13 апреля 2012 г.).

В отличие от Беларуси в России, Казахстане, Украине и Кыргызстане право граждан на суд присяжных является конституционной гарантией.

В Республике Беларусь вопрос о необходимости введения суда присяжных впервые был поставлен в Концепции судебно-правовой реформы, принятой в 1992 г. В указанном нормативном правовом акте было отмечено, что, как показывает опыт современных развитых стран, с участием суда присяжных рассматривается сравнительно небольшое число уголовных дел (примерно 2–4 %). Как правило, это уголовные дела о преступлениях, по которым обвиняемому грозит суровая мера наказания и он не признает себя виновным.

Исходя из Концепции положений модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ и Концепции судебно-правовой реформы представляется целесообразным ввести в систему Республики Беларусь институт присяжных заседателей и предусмотреть порядок рассмотрения уголовных дел судом присяжных в УПК Республики Беларусь. Введение в судебную систему Республики Беларусь института присяжных заседателей может быть обеспечено внесением соответствующих изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

При внесении изменений и дополнений в УПК Республики Беларусь за основу может быть принята глава, содержащаяся в проекте этого кодекса до его принятия, в которой предусматривался порядок рассмотрения уголовных дел по первой инстанции судом присяжных.

Разбирательство уголовных дел судом присяжных должно осуществляться по узкому кругу уголовных дел о преступлениях, в санкции которых законом предусмотрено наказание в виде пожизненного заключе-

ния или смертной казни. При этом видится необходимым рассмотрение судом присяжных уголовных дел, когда обвиняемый не признает свою виновность в совершении преступления и ходатайствует о рассмотрении дела судом присяжных. При этом право обвиняемого ходатайствовать о рассмотрении дела судом присяжных должно быть ему предварительно разъяснено.

Суд присяжных рассматривает уголовные дела в составе профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей в количестве, определяемом законодательством. Присяжные заседатели разрешают только вопросы о виновности либо невиновности обвиняемого.

Несмотря на доводы противников данного института, введение в судебную систему Республики Беларусь института присяжных заседателей будет способствовать реализации в судостроительстве народовластия. К основным достоинствам данного института можно отнести: надежные гарантии защиты прав и законных интересов граждан; независимость суда присяжных от органов власти; истинную реализацию принципов состязательности, презумпции невиновности; способствование повышению профессионализма уголовной юстиции; содействие формированию гражданского общества, нравственно-правовому воспитанию населения, развитию и повышению его социальной активности. Суд присяжных – еще и гарантия прав человека, обвиняемого в совершении преступления, беспристрастный, независимый, коллегиальный суд сограждан, которым он доверяет решать свою судьбу. Это право в демократическом государстве должно быть гарантировано.

УДК 343.1

О.В. Володькин, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ДОПУСТИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЛИГРАФНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из задач уголовного судопроизводства является обеспечение полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к уголовной ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо – подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению. Проблемой этого является то, что дан-

ная задача не может быть осуществлена из-за недостатка доказательной базы и информации, что, в свою очередь, вынуждает искать дополнительные пути увеличения эффективности раскрытия преступлений и уменьшения числа судебных ошибок. Одним из таких путей при расследовании преступлений является применение новых видов экспертиз и исследований, связанных с использованием научных средств и технических возможностей. В правоохранительной системе Республики Беларусь есть опыт использования полиграфа, с помощью которого было раскрыто множество преступлений.

Исследования, полученные при помощи полиграфа, позволяют не только определить наиболее перспективные направления расследования преступления, но и помочь доказать свою невиновность тем лицам, которые не имеют к нему отношения, но, в свою очередь, являются подозреваемыми по уголовному делу. Результаты, полученные при помощи полиграфа, могут использоваться только как ориентирующая информация.

Д.В. Куценко считает, что информация, полученная при помощи полиграфа, является одной из самых точных и достоверных видов информации, а сам способ ее получения – наиболее перспективный и достоверный. Сегодня в обществе распространен миф о чрезвычайной эффективности полиграфа. Все оплошности списываются на недостаточную квалификацию отдельных специалистов. На страницах различных изданий нередко приводятся «авторитетные данные» о том, что достоверность проверок на полиграфе составляет 95–97 %, а то и выше. Однако реальная эффективность работы полиграфа все еще далека от таких показателей. Об этом свидетельствует большое количество ошибок и громких скандалов, когда результаты проверки на полиграфе ломали судьбы ни в чем не повинных людей. Даже в США, где традиция активного использования полиграфа насчитывает несколько десятилетий, накоплен колоссальный опыт, а уровень подготовки и квалификации персонала выше, чем у наших специалистов, достоверность оценок сегодня оценивается экспертами в лучшем случае как 70 %. Полиграф довольно просто могут обмануть социальные психопаты. У них нет адекватного восприятия социальных норм и общественной морали. Соответственно, вопросы о нарушении этих норм не вызывают физиологической реакции тревоги. Также существуют ограничения при тестировании на полиграфе несовершеннолетних и очень пожилых людей, которые в силу старческой деменции уже не в состоянии понять смысл и социальную значимость вопросов. Также обмануть полиграф могут патологические

лгуны, поскольку если человек искренне верит в свою ложь, то и для полиграфа она будет выглядеть правдой. Неслучайно в инструкциях полиграфологов указано, что тестирование психических больных во время обострения маниакального психоза или шизофрении невозможно, поскольку в данном случае сам проверяемый не может отличить иллюзию от реальности. Следует отметить высокопрофессиональных актеров, которые умеют отождествлять себя с вымышленным персонажем и до того сживаться с образом своего героя, что совершенно искренне начинают смеяться и плакать. Также необходимо упомянуть работников спецслужб, получивших специальную подготовку. Систематическая «дрессировка» с помощью полиграфа позволяет им довести нужные состояния и реакции до уровня бессознательных рефлексов, чтобы успешно обманывать полиграф.

Существует три основных способа обмануть полиграф. Первый заключается в том, чтобы снизить чувствительность собственных сенсорных анализаторов. Для этого будет достаточно накануне выпить некоторое количество спиртного. На следующий день после этого человек становится слабочувствительным, его реакции «заторможены» и на предъявляемые стимулы он не может объективно реагировать, что не позволит полиграфу сделать однозначные выводы. Второй способ – это подавление всех эмоций, чтобы ни один стимул не вызывал значимого отклика. Основной принцип в том, чтобы стараться отвечать на все вопросы автоматически, не обращая на них серьезного внимания. Для этого можно сосредоточиться на рисунке стены, которая находится рядом, или на каком-нибудь другом нейтральном предмете. Этот способ требует способности к саморегуляции, для его освоения нужны длительные тренировки, однако его эффективность тоже довольно высока. Третий способ можно сформулировать следующим образом: «Важно не отсутствие реакции как таковой, а умение выдавать нужную реакцию». Реакция должна выглядеть естественной. Эффективными оказываются притворные эмоциональные реакции на незначимые раздражители. Если нужно вызвать реакцию на нужный вопрос, можно попытаться умножить в уме несколько многозначных чисел или подумать о чем-то, что вызывает ярость или сексуальную эмоцию.

Таким образом, считать информацию, полученную с помощью полиграфа, полностью достоверной нельзя, так как человек, обладающий определенными навыками и знаниями, может обмануть полиграф. Использование полиграфа следует допускать в уголовном процессе, но полученную информацию нельзя считать истиной в последней инстанции.

М.В. Лезовский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, внедряемый в национальную правоприменительную практику, направлен на мотивацию подозреваемых (обвиняемых) к более активному взаимодействию с органами предварительного следствия в обмен на определенные послабления при назначении наказания в зависимости от категории и характера совершенного преступления, роли в нем виновного лица и вида рецидива.

Сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве заключается в процессуальном выражении договорных отношений, возникающих между органом уголовного преследования и подозреваемым (обвиняемым) на различных стадиях уголовного процесса, но преимущественно в ходе предварительного расследования по уголовному делу.

Природа данных отношений определяет стремление органа уголовного преследования установить все обстоятельства расследуемого преступления, выявить и привлечь к уголовной ответственности всех лиц, принимавших участие в совершении преступления. Заключение сделки обусловлено также желанием подозреваемого (обвиняемого) минимизировать размер предстоящего наказания.

Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, регламентировано в гл. 49¹ УПК Республики Беларусь. Право подозреваемого (обвиняемого) заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве закреплено в ст. 41 и 43 УПК Республики Беларусь. Порядок заявления такого ходатайства, его форма, содержание, а также процедура подачи регулируются положениями ст. 468⁶ УПК Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 1 ст. 468⁶ УПК Республики Беларусь ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора. Указанное ходатайство подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним – также его законным представителем.

Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь определяет, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. Досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а также по уголовным делам ускоренного производства и в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности.

В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, называет действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших (ч. 4 ст. 468⁶ УПК Республики Беларусь).

Практика применения института досудебного соглашения о сотрудничестве сопровождается вопросами относительно содержания обязательств, выдвигаемых перед подозреваемым (обвиняемым), и тех условий, которые должны выполняться обеими сторонами этих отношений.

В законе не решен вопрос относительно того, можно ли заключать соглашение о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми по одному и тому же уголовному делу. Не урегулирован вопрос о выражении потерпевшим своего мнения относительно возможности заключения такого соглашения, хотя уголовно-правовые отношения имеют публичный характер, а потому окончательное решение о целесообразности заключения соглашения о сотрудничестве будет приниматься государством в лице уполномоченных на то должностных лиц.

Уголовному процессу ряда зарубежных государств широко известен опыт регулирования сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительными органами по уголовным делам. Досудебное соглашение о сотрудничестве за рубежом именуется по-разному: «сделка с правосудием», «сделка с судом», «сделка о признании вины», «сделка о согласии с обвинением», «соглашение о наказании», «уголовно-

процессуальное соглашение» и т. п. Широко распространяется данный институт в США, Испании, Италии, России, Казахстане и т. д.

Таким образом, внедрение в уголовное судопроизводство досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на реализацию целей уголовной ответственности, заглаживание вреда, причиненного преступлением, возмещение вреда потерпевшему, а также на мотивацию подозреваемых (обвиняемых) к более активному взаимодействию с органами предварительного следствия в обмен на определенные послабления при назначении наказания.

УДК 343.1

Н.В. Момуз, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ И ОБВИНЯЕМЫЙ, ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Основу определения правового статуса (положения) таких субъектов права, как подозреваемые и обвиняемые, составляют:

права и правила обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащиеся в международных стандартах;

права человека и гражданина, закрепленные в Конституции, других конституционных и иных законах;

основания и пределы ограничения прав человека, находящегося в статусе подозреваемого и обвиняемого, содержащиеся в УПК Республики Беларусь.

Характерная особенность конституционных прав и свобод человека и гражданина заключается в том, что этими правами и свободами в равной степени обладают все физические лица, независимо от того, какими субъектами права они выступают. Однако следует заметить, что предусмотрены определенные ограничения прав и свобод, например права на свободу передвижения, которое может быть ограничено в связи с применением к гражданину меры пресечения в виде заключения под стражу. Очевидно, что вследствие применения мер пресечения перечнем личных прав человека не охватываются такие права, как право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилища, право на свободу передвижения и выбора места жительства и др. В то же время ограничение личных прав может быть результатом как право-

мерных, так и неправомерных действий со стороны представителей государственной власти. Но по закону такой градации быть не должно, так как законодатель, с одной стороны, не запрещает ограничения личных прав и свобод, а с другой – выводит из поля государственного ограничения такие права и свободы, которые для жизни человека являются существенными (право на жизнь, здоровье, достоинство). Поэтому перечень личных прав, которые не могут быть ограничены законом, не должен сужаться ни при каких обстоятельствах.

Ограничение прав и свобод подозреваемого или обвиняемого осуществляется вследствие применения мер принуждения. Поэтому ограничение неприкосновенности личности законом определяется как социально обусловленная деятельность лиц, наделенных специальной компетенцией, по применению мер принуждения, в результате которой страдает физическая, нравственная, психическая целостность, индивидуальная свобода, общая свобода действий или личная безопасность подозреваемого или обвиняемого, для достижения поставленной цели (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства). Исходя из этого, вряд ли можно сужать ту часть прав, которая остается неотъемлемой в силу естественной принадлежности лицу, поэтому важно защитить эти права от необоснованного ограничения. Однако, как показывает практика, в действительности имеет место такой субъект права, положение (статус) которого не прописано ни в одном процессуальном акте, как лицо, в отношении которого выдвинута версия о том, что оно могло совершить преступление, и проводится оперативно-розыскная деятельность.

Тот факт, что гражданин подозревается в совершении преступления, еще не означает, что ему будет предъявлено соответствующее обвинение. Ведь подозрения могут быть основаны на ошибочных или ложных сведениях или просто не найти подтверждения в процессе дознания или проведения предварительного следствия. Именно поэтому защитник требуется подозреваемому с того самого момента, как ему официально объявили о том, что он подозревается в совершении преступления, или его задержали в связи с имеющимися подозрениями. В процессе расследования преступления подозреваемый в уголовном процессе может перейти в категорию обвиняемых. Обвиняемым гражданин становится только с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу.

С точки зрения уголовно-процессуального закона такого субъекта права, как подозреваемый, т. е. лицо, в отношении которого выдвинута

версия, что оно могло совершить преступление, нет, однако в действительности права этого лица ограничиваются и нередко, как показывает практика, в отношении его допускаются значительные злоупотребления, например, в виде незаконного задержания или заключения под стражу (ст. 397 УК Республики Беларусь).

Орган уголовного преследования не вправе удерживать задержанного в положении подозреваемого свыше 72 ч, а в случаях совершения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 108 УПК, – не свыше десяти суток с момента фактического задержания. В случае применения в отношении задержанного меры пресечения обвинение ему должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента фактического задержания, а в отношении лиц, указанных в части четвертой настоящей статьи, – не позднее 20 суток с момента фактического задержания.

Орган уголовного преследования к моменту истечения указанных сроков обязан освободить подозреваемого из-под стражи и отменить примененную в отношении его меру пресечения либо вынести постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. В случае признания подозрения необоснованным орган уголовного преследования и суд обязаны освободить подозреваемого из-под стражи и отменить примененную в отношении его меру пресечения до истечения указанных сроков.

Решение о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь, прокурор принимают при наличии в деле достаточных, достоверных доказательств, изобличающих лицо в совершении деяния, предусмотренного уголовным законом. При этом следователь, лицо, производящее дознание, должны располагать всей полнотой доказательств, которые бы давали достаточные основания для категоричного, а не вероятностного вывода о наличии в деянии состава преступления. В судебном заседании такое лицо называется также обвиняемым, а после вступления в силу обвинительного или оправдательного приговора суда – осужденным или оправданным.

Обвиняемый в силу принципа презумпции невиновности в глазах государства и закона считается невиновным.

Презумпция невиновности – прогрессивный правовой принцип, который направлен на охрану прав личности, защиту от необоснованных обвинений. Поэтому в ст. 26 Конституции Республики Беларусь записано, что «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

Официальное признание лица обвиняемым имеет для него и для установления истины по делу большое значение. С этого момента дан-

ное лицо может защищаться от предъявленного ему обвинения всеми процессуальными средствами и способами, предоставленными ему законом, которые закреплены в ст. 43 и ряде других статей УПК. Объем процессуальных прав и процессуальный статус обвиняемого не остается неизменным. Он различен в зависимости от стадий уголовного процесса, на каждой из которых обвиняемый имеет соответствующий комплекс прав, позволяющих ему реализовывать свое право на защиту.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в соответствии с УПК обвиняемый и подозреваемый наделены рядом прав и обязанностей. Им предоставлены все необходимые права для защиты своих прав и законных интересов, в том числе право пользоваться помощью защитника.

УДК 343.1

В.П. Нестерович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Ю.С. Климович

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

В настоящее время является актуальным вопрос об уголовно-процессуальных функциях. Проблема определения их понятия и содержания остается на протяжении многих лет дискуссионной в науке уголовного процесса. Это связано с тем, что ученые, которые занимаются исследованием данной проблемы, не пришли к единому мнению по поводу определения понятия уголовно-процессуальных функций, их количества и классификации. Как отметил Л.Д. Кокорев, «видимо, нет в теории уголовного процесса иной проблемы, столь дискуссионной, как эта» [1, с. 50].

В уголовно-процессуальной теории существуют различные мнения по поводу определения понятия уголовно-процессуальных функций. Одни ученые, например М.С. Строгович и В.Г. Нажимов, склонны рассматривать процессуальные функции как отдельные направления, виды либо стороны уголовно-процессуальной деятельности, а другие, например М.М. Выдря, Р.Д. Рахунов и С.В. Романов, утверждают, что функции необходимо определять как деятельность конкретных участников процесса, их обязанность либо как их специальное назначение и роль, выраженные в определенных направлениях уголовно-процессуальной деятельности.

Однако правомерна ли позиция выделения конкретных функций для отдельных участников уголовного процесса? Считаем, что данный подход необоснован и ведет к смешению понятия «функция» с категориями «полномочия» и «права и обязанности участников процесса». Кроме того, в случае выполнения субъектами уголовно-процессуальной деятельности особых функций это приводит к отождествлению понятий «процессуальная функция» и «процессуальная деятельность» и фактически указывает на существование двух различных терминов, обозначающих одно и то же явление.

На наш взгляд, уголовно-процессуальные функции можно определить как основные направления процессуальной деятельности участников уголовного процесса, вытекающие из их прав и обязанностей и определяемые законом.

В уголовно-процессуальной науке существуют различные концепции, определяющие количество уголовно-процессуальных функций. Наиболее распространено суждение о трех функциях: обвинении (уголовном преследовании), защите и разрешении дела. Истоки этого подхода уходят в представление об уголовном процессе как о структуре, представляющей собой равнобедренный треугольник, в основании которого находятся равноправные и противоборствующие стороны обвинения и защиты, а вершиной является суд, разрешающий дело на основании объективной и беспристрастной оценки состязания сторон [2, с. 65]. Рассмотрим каждую из этих функций.

1. Обвинение как уголовно-процессуальная функция – это совокупность действий, направленных на то, чтобы изобличить лицо, совершившее преступление, и обеспечить применение к нему установленной законом ответственности. Обвинение как функция уголовного процесса также носит наименование уголовного преследования. В действующем УПК уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем, в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения.

2. Защита как уголовно-процессуальная функция – это совокупность осуществляемых в соответствии с законом процессуальных действий и принимаемых решений, направленных на полное или частичное опровержение (оспаривание) предъявленного лицу обвинения, улучшение его положения, а также обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В зависимости от субъекта осуществления защиты уголовно-процессуальную функцию защиты можно разделить на три вида:

защита, осуществляемая самим участником уголовного процесса (в том числе обвиняемым, подозреваемым);

защита, осуществляемая органами уголовного преследования и судом;

защита, осуществляемая иными лицами (в том числе защитником, представителем потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика).

3. Разрешение дела как процессуальная функция заключается в проверке и оценке собранных по делу доказательств и принятии решения о виновности и ответственности обвиняемого. Указанная функция состоит в проверке оснований как обвинения, так и защиты, принятии всех необходимых мер к обнаружению истины по делу и вынесении законного решения по делу.

Функция разрешения дела принадлежит суду, так как только суд вправе выносить приговор. Однако в ходе предварительного расследования по делу эта функция в установленных законом пределах принадлежит следователю и прокурору, поскольку они могут при наличии к тому оснований прекращать дело в соответствии с УПК, а прекращение дела и есть его разрешение по существу.

Однако, как отмечает П.С. Элькинд, сторонники концепции трех уголовно-процессуальных функций определяют уголовно-процессуальную деятельность как деятельность либо только компетентных органов государства (их представителей), либо еще и некоторых других, но не всех субъектов уголовного процесса. К числу субъектов уголовно-процессуальных функций эти ученые не относят, например, свидетелей, экспертов, переводчиков, понятых и других субъектов, которые тем самым исключаются из числа участников уголовного процесса.

На наш взгляд, уголовно-процессуальную деятельность нельзя ограничить осуществлением только трех вышеуказанных функций, поскольку все субъекты уголовно-процессуальной деятельности являются в то же время и субъектами определенных функций, а деятельность некоторых участников уголовного процесса не укладывается в рамки функций, указанных в данной концепции. В связи с этим П.С. Элькинд в дополнение к вышеперечисленным трем уголовно-процессуальным функциям выделяет также вспомогательные и побочные функции.

Вспомогательные функции – это уголовно-процессуальная деятельность, которая является вспомогательной как для органов уголовного преследования, так и для суда. Кроме того, это деятельность только таких участников уголовного процесса, которые не имеют других процессуальных функций, за исключением вспомогательных. вспомога-

тельные функции отражаются в деятельности свидетелей, экспертов, переводчиков, понятых, секретарей судебных заседаний и др.

Все эти лица при осуществлении своей деятельности пользуются определенными правами и обязанностями, установленными УПК. Деятельность каждого из них по-своему важна в общей системе уголовного процесса.

Побочные функции находят свое выражение в противоположной по своей направленности деятельности гражданского истца и гражданского ответчика (их представителей), объединяемой общим признаком – производным от уголовного дела характером такой деятельности. Тем самым различным процессуальным интересам гражданского истца и гражданского ответчика противостоит единый производный, побочный характер самого содержания осуществляемой ими функции в уголовном судопроизводстве [3, с. 64–66].

Таким образом, считаем, что концепция трех уголовно-процессуальных функций является неполной, так как оставляет в стороне значительное число участников процесса. Однако если дополнить данную концепцию побочными и вспомогательными функциями, то можно обозначить концепцию пяти уголовно-процессуальных функций, которая будет охватывать деятельность всех участников уголовного процесса.

1. Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. – 142 с.

2. Даев, В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 64–73.

3. Элькин, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькин. – Л. : Ленингр. ун-т, 1963. – 171 с.

УДК 343.131.5

С.В. Петлицкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Н.А. Борисенко*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ

В деятельности органов, ведущих уголовный процесс, часто возникают сложности в раскрытии, расследовании преступлений, а также выявлении лиц, их совершивших. В связи с этим Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений

в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в отечественном законодательстве был закреплен новый уголовно-процессуальный институт: досудебное соглашение. На сегодняшний день данный институт нашел свое отражение в правоприменительной практике. Об этом свидетельствует статистика Следственного комитета Республики Беларусь, согласно которой в 2015 г. в Республике Беларусь было заключено 140 досудебных соглашений о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) [1].

Согласно п. 4¹ ст. 6 УПК Республики Беларусь под досудебным соглашением о сотрудничестве следует понимать соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств. Также в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 280³ УПК при разрешении вопросов в предварительном судебном заседании прокурор подтверждает выполнение обвиняемым обязательств по оказанию содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, либо иному заглаживанию вреда, причиненного преступлением. В случаях заключения досудебного соглашения о сотрудничестве суд, руководствуясь ст. 360 УПК, при вынесении обвинительного приговора в описательно-мотивировочной части должен отразить выводы о выполнении обвиняемым обязательств, предусмотренных досудебным соглашением. Все вышеизложенное в очередной раз подтверждает публично-правовую природу досудебного соглашения о сотрудничестве, что свидетельствует об изначально неравном правовом положении сторон «сделки» [2]. Иными словами, речь следует вести об одностороннем обязательстве обвиняемого совершить определенные действия. Данные действия указаны в ст. 468⁸ УПК. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый обязуется помочь органам, ведущим уголовный процесс, изобличить других соучастников преступления. Также на него может быть возложена дополнительная обязанность сообщить сведения об иных преступлениях и лицах, их совершивших (п. 6 ч. 2, ч. 3 ст. 468⁸ УПК). В связи с этим возникает во-

прос о целесообразности применения к обвиняемому мер по обеспечению безопасности. Это обуславливается тем фактом, что обвиняемый, оказывая помощь по изобличению лиц, совершивших преступление, либо же соучастников преступления в рамках заключенного досудебного соглашения, в полной мере может подвергаться противоправным посягательствам со стороны последних с целью воспрепятствованию дачи показаний обвиняемым. На сегодняшний день гл. 49¹ УПК не предусматривает порядка применения мер безопасности к обвиняемому в случаях наличия поводов и оснований, предусмотренных ст. 65 УПК, а также, несмотря на двусторонний характер соглашения, данная глава не содержит каких-либо обязательств со стороны прокурора. Иначе говоря, в УПК не закреплена обязанность прокурора применять меры безопасности к обвиняемому в случаях возникновения как реальной, так и вероятной угрозы жизни, здоровья, повреждения имущества, совершения иных противоправных деяний по отношению к обвиняемому, членов его семьи и близких родственников. На наш взгляд, отсутствие данного правового механизма в институте досудебного соглашения может негативно сказаться на выполнении обвиняемым принятых на себя обязательств в соответствии с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве. В связи с этим, на наш взгляд, институт досудебного соглашения нуждается в совершенствовании.

Также в случаях применения мер безопасности к обвиняемому из тактических соображений необходимо предусмотреть и список тех мер, которые наиболее целесообразно применять в сложившейся ситуации. На наш взгляд, к таковым следует отнести иные меры безопасности, предусмотренные ч. 2 ст. 66 УПК. Данный выбор обусловлен тем, что применение к лицу, заключившему досудебное соглашение, процессуальных мер безопасности является менее эффективным способом обеспечения безопасности, так как сведения о таком лице, как правило, в преступном мире будут заранее известны. В связи с этим существует угроза осуществления в отношении обвиняемого противоправных действий.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что появление института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь в целом можно оценивать позитивно. Однако, затронутые в данном докладе отдельные процессуальные аспекты свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательной регламентации рассматриваемого нововведения. На наш взгляд, в гл. 49¹ УПК необходимо предусмотреть правовой механизм, обеспечивающий порядок применения мер безопасности по отношению к лицу, заключившему досудебное соглашение, с целью защиты прав, свобод, законных интересов личности.

1. Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Следств. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://sk.gov.by/ru/>.

2. Самарин, В.И. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном законодательстве Республики Беларусь (часть 1) [Электронный ресурс] / В.И. Самарин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 342.56

А.Д. Резников, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

П.В. Мытник

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Необходимым условием успешного развития любого государства и одной из актуальных проблем процессуальной науки является повышение эффективности правосудия. В последнее время на страницах юридических изданий все чаще указывается на необходимость «создания эффективного и рационального судебного разбирательства», «рационализации процедуры рассмотрения дел в суде» и т. п. [1, с. 11–13].

Одним из направлений повышения эффективности уголовного правосудия является реформирование процедуры назначения и подготовки судебного разбирательства. Это самостоятельная стадия уголовного процесса, в которой судья единолично, не предрешая вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, изучая поступившее от прокурора уголовное дело, устанавливает наличие или отсутствие препятствий для рассмотрения дела в судебном заседании, принимает соответствующее решение и выполняет подготовительные действия к судебному разбирательству [4, с. 3–4].

Изменения в УПК Республики Беларусь привнесли в действующий порядок отправления уголовного правосудия такую новацию, как предварительное судебное заседание, которое должно быть проведено в одном из следующих случаев:

- 1) при наличии оснований для возвращения уголовного дела прокурору;
- 2) при наличии оснований для прекращения производства по уголовному делу;

3) для решения вопроса о назначении судебного разбирательства по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Поскольку возможность проведения предварительного судебного заседания была введена в действующий порядок отправления правосудия относительно недавно, возникает очевидный вопрос о целесообразности и значении введения данной новации.

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует о том, что перед судебным разбирательством всегда должна существовать стадия, являющаяся своеобразным фильтром, не допускающим некачественно расследованные дела в судебное заседание. В настоящее время одной из новаций, призванных повысить эффективность уголовного производства, а также процедурой, которая реально обеспечивает невозможность назначения дела к судебному разбирательству при наличии недостатков, допущенных в ходе предварительного расследования, является возможность проведения предварительного слушания (в законодательстве Республики Беларусь – предварительное судебное заседание) [3, с. 53].

Институт предварительного слушания возник в странах Европы в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. В основу данного института легла английская судебная процедура arraignment (привлечение к суду).

Предварительное слушание как одна из форм предания обвиняемого суду широко применяется в Англии, США, Германии, Испании, Италии, Финляндии и других государствах. Оно предназначается для того, чтобы вызвать в судебное заседание стороны, выяснить их позиции по делу, проверить допустимость доказательств, рассмотреть заявленные ходатайства, в том числе об исследовании в суде новых доказательств, т. е. установить наличие достаточных оснований для будущего судебного процесса и создать условия для его качественного осуществления [5, с. 94]. В некоторых случаях данный этап может превращаться в ускоренную форму судопроизводства, когда судья уже в ходе предварительного слушания рассматривает дело на основе письменных материалов предварительного следствия и показаний обвиняемого [74 с. 128].

На постсоветском пространстве многие государства – участники СНГ также сохранили усложненную форму предания суду, доставшуюся им от ранее действовавшего законодательства. В Российской Федерации она стала именоваться предварительным слушанием, которое проводится по ходатайству сторон или инициативе суда при наличии: ходатайства стороны об исключении недопустимых доказательств; основания для возвращения уголовного дела прокурору; основания для приостановления или прекращения уголовного дела; ходатайства сторо-

ны о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого; ходатайства обвиняемого о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 229 УПК России). Таким образом, судья единолично вправе принять лишь решение о направлении уголовного дела по подсудности или о назначении судебного заседания (ч. 1 ст. 227 УПК России). Во всех остальных случаях судья должен назначить предварительное слушание.

Предварительное слушание проводится судьей единолично в закрытом судебном заседании с участием сторон и ведением протокола. Предварительное слушание может быть проведено в отсутствие обвиняемого по его ходатайству. Неявка других своевременно извещенных участников производства по уголовному делу не препятствует проведению предварительного слушания (ст. 234 УПК Российской Федерации) [3, с. 101–123].

В Республике Казахстан проведение предварительного слушания необходимо для принятия судьей любого решения, кроме назначения судебного разбирательства, а также для рассмотрения ходатайств сторон и решения вопроса о проведении судебного разбирательства в сокращенном порядке (ст. 301 УПК Республики Казахстан). Вместо возвращения дела прокурору можно возвратить его для дополнительного расследования (ст. 303 УПК Республики Казахстан). Предварительное слушание имеет почти такую же процедуру, как в России и Украине (ст. 301 УПК Республики Казахстан).

Таким образом, если обратиться к опыту зарубежных государств и стран СНГ, можно увидеть, что предварительное судебное заседание является устоявшейся процедурой при отправлении уголовного правосудия, которая играет значимую роль на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. Прослеживаемые тенденции в законодательстве вышеуказанных стран говорят нам о необходимости обращения пристального внимания к проведению предварительного судебного заседания и восприятия его как составной, незаменимой части стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Полагаем, что сегодня потенциал предварительного судебного заседания использован законодателем далеко не полностью. В частности, следовало бы, используя опыт зарубежных государств в правовом регулировании аналогичных институтов, установить на предварительном слушании право суда с согласия сторон перейти непосредственно к рассмотрению уголовного дела по существу в упрощенном порядке и постановить приговор.

Предварительное слушание, на наш взгляд, является наиболее удачной моделью подготовки к судебному разбирательству, так как оно в

полной мере отвечает принципам состязательности и равноправия сторон. Полагаем, что предварительное слушание, проводимое в условиях состязательности, будет способствовать повышению качества подготовки уголовных дел к судебному разбирательству, правильному и своевременному разрешению уголовных дел без отложения и приостановления судебного заседания, усилению гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также устранению допущенных на стадии предварительного расследования существенных нарушений уголовно-процессуального закона [6, с. 39].

1. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Рос. юстиция. – 2005. – № 1/2. – С. 11–13.

2. Зайцева, Л.Л. Предварительное слушание – необходимая форма придания обвиняемому суду [Электронный ресурс] / Л.Л. Зайцева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Зиннатов, Р.Ф. Функциональная деятельность судьи на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию / Р.Ф. Зиннатов ; науч. ред. Л.Г. Татьяна. – М. : Юрлитинформ, 2008. – С. 53.

4. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учеб. для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 481 с.

5. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : Зерцало, 2001. – 480 с.

6. Зайцева, Л.Л. О необходимости предварительного слушания в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 8. – С. 39.

УДК 343.1

А.И. Слабышев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.И. Седач*

ЗАДЕРЖАНИЕ КАК МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Первые упоминания о задержании появились в памятниках древнерусского права, а именно в различных редакциях и списках Русской Правды. УПК Республики Беларусь определяет задержание как меру процессуального принуждения, которая «состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном со-

держании под стражей в местах и условиях, определенных законом» (ч. 1 ст. 107 УПК). Сущность задержания состоит в кратковременном лишении свободы лица, совершившего преступление.

Существуют следующие виды задержания:

- 1) по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления;
- 2) на основании постановления органа уголовного преследования;
- 3) на основании постановления (определения) суда о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочке его исполнения или условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Основаниями для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, являются обстоятельства, в которых:

- 1) лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения;

- 2) очевидцы происшествия, в том числе и пострадавший, прямо укажут на данное лицо как на совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние или захватят его в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК;

- 3) на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище, иных используемых им помещениях, на рабочем месте или транспортном средстве обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния;

- 4) имеются другие достаточные основания подозревать в совершении преступления лицо при условии, что оно пыталось скрыться с места преступления или от органа уголовного преследования, или не имеет постоянного места жительства, или проживает в другой местности, или не установлена его личность.

Уголовно-процессуальный закон допускает задержание подозреваемого в совершении преступления до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 108 УПК). При этом дело должно быть возбуждено в течение 12 часов с момента фактического задержания. Если в установленный срок уголовное дело не возбуждено, то задержанный должен быть освобожден. Данное задержание не может длиться свыше 72 часов с момента его фактического осуществления.

Задержание способствует получению доказательств, свидетельствующих об участии лица в совершении преступления, что помогает быстро раскрыть преступление и играет весомую роль в борьбе с пре-

ступностью. Предназначением задержания является решение вопроса о применении к подозреваемому в совершении преступления меры пресечения в виде заключения под стражу и обеспечение его участия в уголовном процессе.

Институт задержания постоянно используется в практической деятельности. Так, следователями Следственного комитета Республики Беларусь в 2015 г. было передано прокурору для направления в суд более 44 тыс. уголовных дел, по которым задерживалось 18,8 тыс. подозреваемых. В отношении 11,3 тыс. человек избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. В связи с неподтверждением подозрения было освобождено только 134 лица (данные представлены Следственным комитетом Республики Беларусь). Это говорит о том, что гарантиями законности применения задержания в уголовном процессе является правовая регламентация оснований, процессуальной формы, пределов применения этих мер, прокурорский надзор и судебный контроль.

Таким образом, задержание является важным институтом уголовно-процессуального права. Без него невозможно представить себе современное уголовное производство.

УДК 343.1

А.Л. Сосенков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Ю.С. Климович

СОГЛАСОВАНИЕ РЕШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКОМ СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Практика согласования существовала в подразделениях предварительного расследования и до создания Следственного комитета (СК), однако после его создания получила четкое нормативное регулирование. Так, в соответствии с Инструкцией о порядке осуществления процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь, утвержденной приказом Следственного комитета Республики Беларусь от 27 июня 2014 г. № 135 (далее – Инструкция), согласованием является письменная резолюция о согласии с принятым решением на первом экземпляре соответствующего процессуального документа.

Согласованию подлежат постановления следователя о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекра-

щении предварительного расследования, о приостановлении предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения. Вместе с тем в полномочиях начальника следственного подразделения (СП), установленных УПК, не значится возможность согласования решений следователя. Начальник СП полномочен проверять материалы проверок и уголовные дела, а также давать указания следователю о производстве предварительного следствия, привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, направлении дела, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

На наш взгляд, согласование должно являться формой контроля следователя, однако на практике начальник СП обладает реальной возможностью управлять, формировать и изменять решения следователя по своему усмотрению. Начальник СП наделен правом отменять необоснованные и незаконные решения следователя, однако в Инструкции не сказано, к какому типу относится решение следователя, если оно не согласовано с начальником СП. К тому же неясным остается вопрос с разрешением такой ситуации, когда начальник СП согласует постановление о возбуждении уголовного дела, дает указания о производстве следственных действий, а через некоторое время отменяет постановление. Будет ли считаться решение следователя незаконным, если начальник СП согласовал его как законное?

Согласование, по мнению автора, искажает суть полномочий начальника СП по контролю следователя и руководству его действиями. Так, если следователь принимает одно из вышеуказанных решений, подлежащих согласованию, он должен его передать начальнику СП для визирования. В противном случае он не исполнит требований ведомственной Инструкции, что является дисциплинарным проступком и влечет дисциплинарную ответственность, которая чаще всего выражается в лишении премий или уменьшении денежного оклада. Это заставляет следователей беспрекословно выполнять требования ведомственных нормативных актов. Однако, не согласовав свое решение, следователь не нарушит требований УПК – источника уголовно-процессуальных норм, которых он должен в первую очередь придерживаться в своей работе.

На практике начальник СП может без документального оформления редактировать и изменять решение следователя, если вынесенное последним постановление он посчитает неправильным. Следователь должен переделывать собственные решения (здесь стоит отметить такие исправления, как пунктуационные и грамматические ошибки), пока

начальник не согласует его постановление. Таким образом, начальник СП располагает реальным рычагом давления на следователя, который, с одной стороны, не нарушает требования УПК, если не согласовывает свои решения, однако, с другой стороны, нарушает ведомственный приказ и потому на достаточном основании может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Видится необходимым ликвидировать институт согласования решений следователя. В этом случае следователь в достаточной мере станет процессуально самостоятельным участником уголовного процесса, а полномочия начальника СП не будут сокращены, поскольку если начальник СП не согласен с постановлением следователя, он может отменить его своим мотивированным постановлением либо же дать следователю указания в письменном виде о доработке и исправлении конкретных упущений, неточностей и ошибок в решении следователя. Это повысит качество процессуального контроля, осуществляемого начальниками СП, так как в документальной форме в материалах проверки или уголовном деле будет отражено их мнение насчет принятого решения следователя. Ведь резолюция «Согласен» не отражает принятых начальником мер по контролю за решениями следователей, а всего лишь показывает согласие начальника с мнением следователя. Однако в дальнейшем начальник вправе отменить согласованные им постановления как неправильные и необоснованные.

УДК 343.131

К.В. Турко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

П.В. Мытник

ФУНКЦИЯ ЗАЩИТЫ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СУБЪЕКТЫ

Вопрос об уголовно-правовых функциях в теории уголовного процесса является дискуссионным. Вместе с тем законодатель определил следующие виды функций: обвинения, защиты и правосудия.

В соответствии с п. 9 ст. 6 УПК защита – это «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего

общественно опасное деяние, а также лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности... либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи». Как видно из определения, защита – это сознательная, целеустремленная деятельность как самого обвиняемого (подозреваемого), так и защитника, законного представителя [1, с. 109].

В УПК БССР 1960 г. определения функции защиты не содержалось. Однако идея рассмотрения данной функции была сформулирована довольно давно. Ее обоснование, актуальное и в настоящее время, было предложено еще в XIX в. российским процессуалистом И.Я. Фойницким. Он писал: «необходимость такой формальной защиты основана на том, что сам обвиняемый или подсудимый, застигнутый в процессе уголовного преследования, нередко впадает в угнетенное состояние духа и до того теряет самообладание и волнуется, что не может дать себе надлежащего отчета в значении как самого обвинения, так и обстоятельств дела, поэтому помощь третьего лица, спокойно к делу относящегося, может явиться крайне необходимой и, во всяком случае, полезной в интересах выяснения истины. Раз в процессе обвинительной функции успели уже выделиться в особо организованный институт прокуратуры, необходимо дать соответственную организацию и защите; иначе юридически образованный, опытный представитель государственного обвинения будет иметь против себя слабую, неопытную защиту» [2, с. 17].

В 1977 г. М.М. Выдря выдвинул идею о функции защиты, которая противостояла бы мерам принуждения, и определил защиту как «функцию, противоборствующую неправомерным действиям по отношению к любому участнику процесса и во всех стадиях судопроизводства» [3, с. 89]. Однако такая формулировка автора устраняет определение защиты как уголовно-процессуальной функции, противостоящей обвинению, поэтому в юридической литературе высказывались негативные точки зрения относительно этой концепции, в частности говорилось о том, что она размывает границы защиты от обвинения, может помешать развиту гарантий обеспечения права на защиту обвиняемому [3, с. 110].

Субъектами функции защиты являются подозреваемый, обвиняемый, их законный представитель и защитник, гражданский ответчик, а также лица, в отношении которых избраны принудительные меры безопасности и лечения. Но если осуществление функции защиты является

обязанностью защитника, то относительно остальных указанных лиц это их право. Вменяя защитнику в обязанность осуществление данной функции, закон наделяет его правом опрашивать физических лиц, запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии, запрашивать с согласия обвиняемого мнение специалиста для разъяснения возникших в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний [2, с. 8].

Субъектами функции защиты осуществляется процессуальная деятельность в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения ответственности, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, совершившего общественно опасное деяние. Закон определяет границы, в пределах которых осуществляется защита, и указывает на те средства, способы и формы, которые могут быть применены стороной защиты в пределах этих границ. Причем одни из них применяются только обвиняемым, другие – только защитником, третьи – и тем и другим.

Некоторые процессуалисты считают, что защиту нужно рассматривать как функцию, призванную оградить от нарушений не только права обвиняемого (подозреваемого), но и потерпевшего, гражданского истца, свидетеля [4, с. 15]. По мнению Э.Ф. Куцовой, функция защиты в уголовном процессе осуществляется путем защиты интересов всех участников процесса. Она считает, что «граждане, участвующие в уголовном процессе в различных процессуальных качествах, наделяются, как известно, процессуальными правами. Назначение этих прав – служить защите законных интересов соответствующего субъекта» [5, с. 117]. В.М. Корнуков определяет единую основу права обвиняемого и подозреваемого на защиту и права на защиту своих интересов другими участниками процесса: «будучи однопорядковыми явлениями, они представляют собой отражение в уголовном судопроизводстве, правосудии всеобщего права гражданина, личности на защиту своих интересов» [6, с. 132].

С данной точкой зрения сложно согласиться, ведь право обвиняемого на защиту возникает в связи с уголовным преследованием – деятельностью, направленной на то, чтобы изобличить лицо, сформировать и обосновать вывод о совершении им конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Что же касается потерпевшего, гражданского истца, свидетеля, то они пользуются правом на правовую защиту со стороны государства и его органов, наделяются они и процессуальными правами. Но право на защиту в уголовно-процессуальном смысле им не принадлежит, и вряд ли есть основания отстаивать «право на защиту потерпевшего» или «право свидетеля на защиту» [7, с. 11]. Субъектами уголовно-процессуальной функции защиты они не являются.

Таким образом, следует отметить, что необходимо четко разграничивать общеправовую функцию защиты прав и законных интересов граждан и уголовно-процессуальную функцию защиты.

1. Басецкий, И.И. Защитник в уголовном процессе / И.И. Басецкий, В.Л. Василевская. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 299 с.

2. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 352 с.

3. Выдря, М.М. Функция защиты в советском уголовном процессе / М.М. Выдря // Совет. государство и право. – 1978. – № 1. – 64 с.

4. Выдря, М.М. Функция защиты в советском уголовном процессе. В помощь адвокату // М.М. Выдря. – Краснодар, 1972. – 48 с.

5. Куцова, Э.Ф. Дальнейшее усиление защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе в свете нового общесоюзного законодательства / Э.Ф. Куцова // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР. – Воронеж, 1981. – 168 с.

6. Корнуков, В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1987. – 180 с.

7. Куцова, Э.Ф. Расширить процессуальные права свидетеля / Э.Ф. Куцова // Совет. юстиция. – 1965. – № 22. – 124 с.

УДК 343.1

Н.А. Шурно, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.И. Седач*

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

Выступление прокурора с обвинительной речью является одним из наиболее ответственных этапов поддержания государственного обвинения в суде. Участвуя в судебных прениях, произнося обвинительную речь, прокурор излагает те окончательные выводы, к которым он пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела, подводит итог своей обвинительной деятельности. Подвергая всестороннему анализу фактические обстоятельства уголовного дела, критически оценивая каждое доказательство в отдельности и в совокупности, полемизируя по отдельным вопросам с защитой, прокурор изобличает подсудимого, индивидуализирует его ответственность, выдвигает требование о мере наказания. В своей обвинительной речи прокурор обязан дать глубокую

юридическую и политическую оценку совершенного преступления, вскрыть его причины, показать лицо преступника и тот путь, который привел его на скамью подсудимых. Сила прокурорской речи – в ее доказательности, обоснованности, железной логике фактов. Если доводы и соображения обвинителя покоятся на прочном фундаменте доказательств, то такая речь подчинит себе слушателей, убедит их. Как удачно заметил Е. Адамов, доказательства – это мускулы речи. Они делают речь сильной, придают ей убедительность [1, с. 45].

Обычно обвинительную речь составляют следующие элементы: вступительная часть; изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела); анализ и оценка собранных по делу доказательств; обоснование квалификации преступления; характеристика личности подсудимого и потерпевшего; соображения о мере наказания; рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением материального ущерба; анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложений по их устранению; заключение.

Всякая речь должна иметь определенное начало. Вступительная часть призвана ввести слушателей в курс дела, заинтересовать их, привлечь их внимание, подготовить к правильному пониманию последующих частей речи. Также данная часть несет определенную информацию, знания. В ней прокурор излагает те исходные предпосылки, опираясь на которые, он строит дальнейшее выступление, развивает мысль, формулирует выводы и предложения.

Следующим элементом обвинительной речи является изложение фактических обстоятельств совершенного преступления. В этой части обвинитель указывает, где, когда, каким способом, с помощью каких средств, с какой целью совершено преступление, каковы его результаты и последствия. Значение этой части речи состоит в том, что она помогает восстановить в памяти присутствующих общую картину совершенного преступления. При изложении фактических обстоятельств дела не следует останавливаться на несущественных деталях и подробностях, загромождать речь длинными цифровыми выкладками, которые закреплены в заключениях экспертов, повторять общеизвестные факты.

Анализ и оценка собранного по делу доказательственного материала занимает в обвинительной речи центральное место, составляет ее наиболее сложную и ответственную часть. А.Ф. Кони отмечал, что сами по себе доказательства еще ничего не доказывают. Это лишь отдельные кусочки, камешки, которые должны быть спаяны крепким «цементом мышления». Только тогда они образуют цельную картину, приобрета-

ют убедительность и доказательность. В своей речи прокурор обязан систематизировать, сгруппировать все собранные по делу доказательства, дать им оценку с позиции обвинения. От прокурора требуется в каждом случае обосновать, почему он доверяет одним доказательствам и не доверяет другим, почему он считает одни доказательства существенными и бесспорными, а другие – не имеющими значения для дела. При анализе доказательств главное внимание должно быть направлено на установление доброкачественности и достоверности собранных по делу материалов, смягчающих или отягчающих вину и ответственность обвиняемого [2, с. 78–79].

Во время выступления важным значением является характеристика личности обвиняемого и потерпевшего. Это необходимо для правильной и объективной оценки содеянного и предложения наказания.

Заключительная часть должна содержать ответы на вопросы о том, подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное преступление; имеются ли доказательства, смягчающие и отягчающие ответственность; какое наказание должно быть назначено обвиняемому; какой вид исправительного режима и учреждения должен быть определен; подлежит ли удовлетворению гражданский иск; как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения гражданского иска.

Речь государственного обвинителя должна отвечать определенным требованиям. Прежде всего это хорошее знание материалов дела. Без него даже самый одаренный прокурор не сможет произнести речи, способной помочь суду правильно ответить на вопросы, ответы на которые должны содержаться в приговоре. Речь прокурора должна содержать глубокий социальный, правовой и психологический анализ фактов. Необходимым качеством речи является ее убедительность [3, с. 44]. Отсутствие убедительности – наиболее распространенный недостаток речи прокурора. Некоторые прокуроры обходят молчанием доказательства, свидетельствующие в пользу подсудимого, и этим они подчеркивают свою необъективность и предвзятость. Также в речи прокурора должна быть безукоризненная логика. Язык простой и ясный, понятый не только юристам, но и лицам, юридически не осведомленным. Украшает речь образность, использование метафор и т. п. При этом проявление отношения прокурора в ходе допроса должно отвечать следующим требованиям: уважение достоинства допрашиваемого; чуткое и внимательное отношение к поведению обвиняемого и проявлениям его психического состояния; правильное определение собственной процессуальной позиции на допросе; тактически продуманная помощь в преодолении психологического ба-

рьера, умелое направление допрашиваемого к волевой и мыслительной активности во время допроса; спокойствие, уверенность и уравновешенность в обращении с обвиняемым; правомерное и тактически оправданное сочетание делового и эмоционального общения с обвиняемым.

Строго следуя букве и духу закона, прокурор не должен совершать безнравственных действий. Однако помимо следования нравственным нормам, заложенным в законе, он должен обладать собственным, весьма значительным нравственным потенциалом, который дополнит и раскроет наиболее важные уголовно-процессуальные принципы. Содержание этих двух составляющих в конечном счете и должно явиться важнейшей гарантией избежания ошибок и заблуждений государственных обвинителей в ходе участия в судебном разбирательстве.

1. Алексеев, Н.С. Ораторское искусство в суде / Н.С. Алексеев, З.В. Макаров. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 192 с.

2. Шифман, М.Л. Речь прокурора по уголовному делу / М.Л. Шифман. – М. : Юрид. лит., 1960. – 126 с.

3. Михайловская, Н.Г. Искусство судебного оратора / Н.Г. Михайловская, В.В. Одинцов. – М. : Юрид. лит., 1981. – 98 с.

УДК 343.1

С.М. Щуров, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

СОХРАННОСТЬ ИМУЩЕСТВА ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ИЗБРАНА МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь содержит в себе требование о принятии мер по сохранности имущества лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование и применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Данная обязанность возложена на следователей и органы дознания. Однако законодатель, установив такую норму в УПК, не раскрыл сущность и механизм ее реализации. Таким образом, в правоприменительной практике сложилось неоднозначное мнение о способе реализации данного требования.

Необходимость осуществления мер по охране имущества лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, возникает с момен-

та, когда данное лицо лишается реальной возможности самостоятельно следить за своим имуществом (задержание, применение меры пресечения в виде заключения под стражу). Проанализировав мнения ученых в области уголовного процесса, можно выделить определенные меры, которые могут использовать следователи и органы дознания для обеспечения сохранности имущества подозреваемых (обвиняемых), а именно:

предоставление собственнику возможности лично распорядиться имуществом в соответствии с требованиями Гражданского кодекса Республики Беларусь;

передача имущества под присмотр родственникам;

передача имущества органам ЖКХ;

передача имущества на хранение по правилам вещественных доказательств.

Наименьшую проблему правоприменителям доставляет случай, когда у заключенного под стражу лица имеются дееспособные родственники, которые имеют возможность присматривать за имуществом, осуществлять за ним уход. Но ситуация может усложниться, если в собственности лица находятся домашние животные. О принятии решения о передаче имущества под присмотр родственникам рекомендуется выносить постановление, а также составлять опись передаваемых для хранения вещей.

В случае поручения сохранности имущества органам ЖКХ представители таких органов должны быть предупреждены об ответственности за сохранность имущества, о чем берется подписка.

В случае когда лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, не имеет возможности передать свое имущество под присмотр родственникам или знакомым, ему может быть предоставлено право на заключение гражданско-правового договора с любым лицом либо организацией.

В случае хранения имущества (преимущественно недвижимого) по правилам хранения вещественных доказательств оно опечатывается и периодически проверяется сотрудниками ОВД (участковыми инспекторами милиции, сотрудниками ППСМ и т. д.) на целостность печатей и отсутствие следов несанкционированного доступа.

Таким образом, для преодоления сложностей при применении данной нормы Уголовно-процессуального кодекса законодателю необходимо не только обратить внимание на закрепление обязанности по обеспечению сохранности имущества подозреваемых (обвиняемых), но и закрепить на законодательном уровне механизм реализации данной нормы.

*Научно-практическая конференция
«Проблемы совершенствования правового регулирования
экономических отношений в Республике Беларусь
на современном этапе»
(15 июня 2016 г.)*

УДК 349.6

А.С. Асадчий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

**ЭКОНОМИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ
КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Рациональное использование и охрана лесных ресурсов имеют важное значение для устойчивого развития Республики Беларусь. С точки зрения экономического и экологического факторов леса играют важную роль в поддержании полноценной окружающей среды и повышении благосостояния населения. В современном мире происходит коммерциализация всей лесной отрасли, повышение уровня ее доходности, что, соответственно, требует выработки эколого-экономического механизма устойчивого и рационального лесопользования. Именно поэтому уже который год рациональное использование «зеленого золота», его сбережение и преумножение являются основой лесной политики всего государства, а также, что немаловажно, одной из приоритетных задач национальной стратегии устойчивого развития.

В соответствии с положениями Конституции Республики Беларусь леса наряду с недрами и водами находятся в исключительной собственности государства, что и обуславливает общегосударственный масштаб решения вопросов в этой сфере. Ядром лесного законодательства является Лесной кодекс Республики Беларусь, нормы которого направлены на обеспечение рационального и неистощительного использования лесов, их охрану, защиту и воспроизводство с учетом принципов сохранения биологического разнообразия лесного фонда, реализацию функций лесов, удовлетворение потребностей общества в лесных ресурсах на основе научно обоснованного, многоцелевого лесопользования.

На наш взгляд, формирование стратегии устойчивого развития Республики Беларусь в этом направлении требует определенных измене-

ний, главным из которых является осознание необходимости перестройки лесного сектора республики с учетом эколого-экономической роли лесов. Лесные ресурсы имеют значительное влияние на величину природного капитала, а лесное хозяйство занимает важное место в доле отрасли в ВВП республики.

Во всем мире именно экологические функции леса преобретают все большее значение. Именно экологическая составляющая часто становится главной при комплексной оценке лесных ресурсов и их полезных свойств.

В этой связи не стоит забывать, что еще совсем недавно лесная политика Республики Беларусь руководствовалась только экономическими интересами. Лес рассматривался исключительно с точки зрения сырьевого ресурса. Нарушение принципов устойчивого лесопользования стало основной причиной ухудшения возрастной и породной структуры леса, снижения уровня его эколого-экономической ценности.

Таким образом, принцип экологизации производства и человека является ведущим в определении будущей лесной политики. Кроме того, достижение экологических целей напрямую связано с обеспечением роста на основе экономической эффективности производства и финансовой самостоятельности. В ином случае у субъектов лесопользования просто не будет экономических интересов и стимулов, а достижение экологических целей окажется достаточно проблематичным. Поэтому видится приоритетным в данной сфере создание и совершенствование как национального, так и международного законодательства.

Несмотря на все положительные внешние эффекты использования лесного хозяйства как сырьевой и экономически выгодной отрасли национальной экономики, не стоит забывать о его исключительной инфраструктурной роли в развитии общества. В рассматриваемом контексте следует выделить такие направления использования леса, как экологическую инфраструктуру в виде средообразующих ресурсов, социальную инфраструктуру в качестве рекреационных ресурсов и производственную инфраструктуру, заключающуюся в формировании ресурсов экотуризма. При этом, по нашему мнению, ведущая роль должна принадлежать экологической ренте как экономическому инструменту устойчивого лесопользования. Таким образом, возможна потеря значения экономической ренты, что непосредственно может быть связано с удовлетворением экологических потребностей. Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что целью концепции устойчивого развития лесопользования в Республике Беларусь должно стать создание эколого-экономической системы, способной удовлетворить социально-экологические потребности при максимально возможной эффективности функционирования субъектов хозяйствования в этой области.

Весьма существенным является и республиканское финансирование затрат на ведение лесного хозяйства, обеспечение его рационального использования и охраны со стороны государства. Создание устойчивого экономического механизма – многосторонняя проблема, включающая решение таких вопросов, как обеспечение планирования, финансирования, ценообразования, налогообложения и содержания лесного фонда. В любом случае это должно быть связано с приоритетом на экологическую составляющую при сохранении уровня безубыточности важнейшей сферы государственной экономики в сочетании с принципами устойчивого лесопользования.

Современное понимание необходимости сочетания экологического и экономического факторов обуславливает новый взгляд на проблемы регулирования рационального лесопользования и его охраны. С этой точки зрения со стороны субъектов важно понимание необходимости не только добычи лесных ресурсов, но и их воспроизведение. Субъекты лесопользования должны стремиться наносить минимальный ущерб объектам лесного фонда, сохраняя и преумножая его для будущих поколений. Мы вместе должны сохранять, беречь и преумножать природные богатства Республики Беларусь, в особенности леса, являющиеся одной из визитных карточек нашей страны для всего мира.

Таким образом, переход к современной стратегии развития лесопользования заключается в создании экологизированного эколого-экономического механизма в этой сфере при доминировании именно экологических услуг и ценностей постиндустриального белорусского общества.

УДК 349.6

С.Т. Беть, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Республике Беларусь не имеет такой распространенности, как в более энергетически развитых странах Европы: Германии, Франции, Великобритании. Республика Беларусь, не обладая большими запасами природных ресурсов, должна использовать по большей части ВИЭ в своей производственной деятельности. Нашей стране лишь предстоит освоить

эту плодородную ниву – использование ВИЭ. Данный вид природных ресурсов, пользу которых просто невозможно переоценить, не только весьма продуктивен, но и экологически безопасен.

Низкие темпы развития энергетики Республики Беларусь на основе использования ВИЭ определяются следующими факторами:

неконкурентоспособностью проектов использования ВИЭ в существующей рыночной среде по сравнению с проектами на основе использования ископаемых видов органического топлива;

наличием барьеров институционального характера, связанных с отсутствием необходимых нормативных правовых актов, стимулирующих использование ВИЭ в сфере энергетики, отсутствием республиканской программы поддержки широкомасштабного использования ВИЭ;

отсутствием инфраструктуры, необходимой для успешного развития энергетики на основе ВИЭ, в том числе недостаточностью уровня и качества научного обслуживания ее развития и финансового обеспечения, отсутствием надлежащей информационной среды, включая информацию о потенциальных ресурсах ВИЭ, отсутствием нормативно-технической документации, программных средств, необходимых для проектирования, строительства и эксплуатации генерирующих объектов, недостаточным кадровым обеспечением, отсутствием механизмов использования общественного ресурса для поддержки развития энергетики на основе использования ВИЭ.

Основными проблемами, мешающими активному применению ВИЭ, являются: недостаточное финансирование проектов по использованию ВИЭ в производственной сфере, недостаточный интеллектуальный потенциал, отсутствие четко определенного законодательства, регламентирующего сферу использования ВИЭ в деятельности населения. Все эти проблемы являются важными тормозящими факторами при внедрении ВИЭ в жизнь общества. Для каждой проблемы должна быть выработана своя стратегия ее решения: прежде всего это огромная работа со стороны государства как законодателя и в сфере использования и исполнения государственного бюджета.

Необходимо четкое государственное регулирование вопросов использования ВИЭ: издание четких законодательных актов, полностью регулирующих деятельность организаций и иных субъектов хозяйствования по использованию в своей деятельности ВИЭ. Таким субъектам хозяйствования возможно предоставление каких-либо льгот для их деятельности: снижение налогов, возможность оказания государственной помощи и другие способы поощрения их деятельности. Также необходимо создание республиканской программы поддержки широкомасштабного использования ВИЭ. Такая программа будет способствовать более слаженному и ясному регулированию вопросов использования

ВИЭ. Хотя в Республике Беларусь существует достаточное количество НПА, это не гарантирует полного решения вопроса о ВИЭ.

Для полноценного внедрения ВИЭ в жизнь необходима на первом этапе полная поддержка государства, включая финансирование, законодательное и кадровое обеспечение. Однако как реализовать потенциальные планы и прогнозы? Наиболее важным моментом при обсуждении планов и прогнозов являются не технические, а экономические вопросы. Во-первых, развитие ВИЭ требует инвестиций не только в генерирующие мощности, но и в инфраструктуру системы дистрибуции и хранилищ, а в некоторых случаях – в определенные изменения у конечных потребителей энергии (например, некоторые дизельные двигатели должны быть модифицированы для работы на биодизельном топливе). В настоящее время неясно, где будут изысканы необходимые для этого средства. Во-вторых, до тех пор, пока ВИЭ будут более дорогими по сравнению с традиционными источниками энергии, их потребление к тому же должно субсидироваться.

ВИЭ могут принести значительные экологические выгоды, хотя эти выгоды очень сильно варьируются внутри различных видов ВИЭ. ВИЭ могут способствовать росту энергетической безопасности страны. При этом важно понимать, что возобновляемые виды энергии не обязательно должны быть местными. Энергетическая безопасность улучшится, даже если самообеспеченность страны энергоресурсами останется на том же уровне, поскольку диверсификация сократит текущую зависимость от единственного или нескольких доминирующих видов импортируемого топлива. В то же время нужно принимать во внимание и анализировать возможные компромиссы между энергетической безопасностью и экономическими затратами, так как желание приравнять энергетическую безопасность к избеганию импорта любой ценой представляется чрезмерно узким подходом.

УДК 349.6

И.Д. Ерёмов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ

На данном этапе развития энергетики и системы хозяйствования в целом одной из самых актуальных проблем для Республики Беларусь является проблема энергосбережения. Долгие годы, считая неисчерпаемы-

ми сырьевые запасы, государство, несмотря на растущую их стоимость на мировом рынке, стремилось занизить цены на них, устанавливая приоритет плана над экономическими возможностями и эффективностью.

В настоящее время недостаток легкодоступных энергетических ресурсов, их концентрация в определенных географических зонах, увеличение стоимости энергоносителей и использование все более опасных видов энергии способны вызвать кризисные ситуации и экологические катастрофы. Энергетика Республики Беларусь в значительной степени зависит от внешних поставок первичных энергетических ресурсов, импортируемых преимущественно из России. Беларусь закупает за границей более 85 % энергоносителей, что поглощает до 90 % валютных резервов страны.

Основа энергетической политики Республики Беларусь лежит в плоскости обеспечения энергетической безопасности, являющейся одним из основных факторов обеспечения национальной безопасности. Данная политика выражена в ряде нормативных правовых актов, среди которых Законы Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 239-З «Об энергосбережении», от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии», от 27 декабря 2010 г. № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» и иные акты законодательства, регулирующие вопросы энергосбережения.

В силу сложности рассматриваемой проблемы на национальном уровне предпринимается комплекс мер, направленных на обеспечение энергетической безопасности, важнейшими из которых выступают увеличение доли возобновляемых и местных видов ресурсов, строительство АЭС, энергосбережение, диверсификация поставок.

Стратегические цели деятельности в области энергосбережения на период до 2021 г., определенные государственной программой «Энергосбережение» на 2016–2020 гг., предусматривают сдерживание роста валового потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) при экономическом развитии страны, дальнейшее увеличение использования местных ТЭР, в том числе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В соответствии с подпрограммой «Повышение энергоэффективности» дальнейшее повышение энергоэффективности будет обеспечиваться в первую очередь за счет внедрения современных энергоэффективных технологий, энергосберегающего оборудования и материалов во всех отраслях экономики и отдельных технологических процессах, а также за счет структурной перестройки экономики, направленной на развитие менее энергоемких производств, активизации работы по популяризации энергосбережения и рационального использования ТЭР.

Для обеспечения энергобезопасности страны в среднесрочной перспективе целесообразно: расширить разведку и добычу собственных первичных энергоресурсов; проработать возможности присоединения Республики Беларусь к проектам Европейского союза по диверсификации поставок энергоносителей; диверсифицировать регионы и поставщиков природного газа, нефти, продуктов ее переработки и электрической энергии; активизировать работу по добыче топливно-энергетических ресурсов в других странах.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо принятие действенных мер в сфере энергосбережения, в частности формирование тарифов на основе рыночных принципов, которые позволят сделать национальную экономику Беларуси более эффективной.

УДК 343.77

Н.С. Касперович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Существование и развитие человеческого общества немыслимо без постоянного взаимодействия с окружающей природной средой. В современных условиях даже правомерная деятельность человека оказывает все большее воздействие на природу. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «Не будем, однако, обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых».

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. впервые в отечественном законодательстве нормы об уголовной ответственности за экологические правонарушения были объединены в самостоятельную гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Анализ материалов постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушение против экологической безопасности и природной среды» показывает, что количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 282 УК («Незаконная охота»),

является одним из самых значимых в блоке преступных посягательств, включенных в гл. 26 УК. Однако практика показывает, что по сравнению с 2014 г. в 2015 г. количество лиц, привлеченных к ответственности за нарушение правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, значительно снизилось. По статистике, несмотря на уменьшение числа правонарушений данная отрасль права еще далека от совершенства.

О необходимости правильного подхода к использованию природных ресурсов свидетельствует факт того, что за время своего существования на земле человек уничтожил свыше 200 различных видов животных. Данная проблема давно стала интернациональной. Мы полагаем, что эффективность охраны животного мира во многом зависит от совершенства закона. Опыт других стран показывает, что она не решается без применения и расширения уголовно-правовых мер.

Такой же позиции придерживается и наш законодатель, последовательно расширяющий пределы уголовно-правовой охраны природных ресурсов и усиливающий ответственность за рассматриваемые преступления. Тем не менее практика применения уголовного закона не в полной мере отвечает требованиям борьбы с преступлениями экологического характера. Недостатками общего характера являются: неразработанность четких критериев определения ущерба, несоответствие санкции данных преступлений степени их общественной опасности.

17 ноября 2014 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 24 октября 2014 г. № 197-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Внесенными новеллами введена новая правовая норма, устанавливающая ответственность за незаконные перемещение (транспортировку) или разделку диких животных (ст. 282¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь). При этом обязательным условием является причинение ущерба в крупном размере (более 100 базовых величин), либо повторность нарушения, либо принадлежность животного к охраняемым видам, либо совершение действий на особо охраняемых или радиоактивно загрязненных территориях.

В примечании к статье 282¹ под незаконным перемещением (транспортировкой) или разделкой диких животных, в том числе погибших, или их частей в настоящей статье понимаются их перемещение (транспортировка) или разделка в случаях, запрещенных законодательными актами об охране и использовании животного мира.

Кроме того, поправки предусматривают повышение планки крупного и особо крупного размеров ущерба. Так, под крупным размером в новой редакции подразумевается сумма, равная либо превышающая 100 базовых величин (ранее – от 40), размер ущерба в 250 и более базовых величин теперь считается особо крупным (ранее – от 100 базовых

величин). Это связано с недавним повышением такс для расчета вреда, причиненного в результате незаконных охоты и рыболовства.

С целью повысить ответственность за незаконную охоту все части соответствующей статьи УК были дополнены формулировкой «с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» (например, быть охотником).

Криминализация перемещения (транспортировки) и разделки диких животных, в том числе погибших (или их частей), обусловлена тем, что до появления в законе указанной правовой нормы законодательным пробелом пользовались браконьеры. Убивая животных, они не сразу забирали добычу. Сначала прятали орудия охоты, затем возвращались за дичью и открыто транспортировали ее, выдавая за случайно обнаруженную либо купленную с рук у незнакомых лиц. В результате этого они избегали ответственности.

Кроме того, перемещение (транспортировка) и разделка диких животных запрещены Правилами ведения охотничьего хозяйства, утвержденными Указом Президента Республики Беларусь 8 декабря 2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими». В них же сказано, что при обнаружении в охотничьих угодьях, а также вне их, в том числе на дорогах, раненых, травмированных, больных или погибших диких животных запрещается самовольно добывать их, разделявать или перемещать (транспортировать) их туши или части туш, использовать продукцию – мясо, шкуру, рога и др.

Запрещая гражданам присваивать раненых, травмированных, больных или погибших диких животных, государство не только охраняет свои интересы. Оно проявляет заботу о здоровье граждан, которые при употреблении мяса таких животных рискуют получить опасные заболевания.

Ответственность за экологические правонарушения служит одним из основных средств обеспечения выполнения требований законодательства по охране окружающей среды и использованию природных ресурсов. Эффективность действия данного средства зависит от государственных органов, уполномоченных принимать меры юридической ответственности к нарушителям экологического законодательства.

Говоря о причинах совершения преступлений, предусмотренных ст. 282, 282¹ УК, следует обратить внимание на сложившуюся систему взглядов, имеющиеся ярко выраженные, устойчивые пробелы и деформации сознания лиц, совершающих преступления. Этим лицам свойственны неадекватная оценка способностей природы к самовосстановлению, непонимание значимости ущерба, причиненного окружающей

среде, пренебрежение к законодательству, регламентирующему пользование животным миром. При этом браконьеры, как правило, обладают низким уровнем экологического и правового правосознания, ориентированы на корыстное извлечение доходов от незаконной охоты. Очевидно, что подобное отношение к окружающей среде складывается из-за недостаточного эколого-правового воспитания населения нашей страны.

В современных условиях проблема правового регулирования отношений в области охоты как никогда приобретает большое значение, становится предметом изучения не только ученых, но и практических работников, общественности. Обобщая вышесказанное, следует отметить, что детальное изучение проблем правовой борьбы с незаконной охотой позволяет сделать вывод, что действующее законодательство далеко от совершенства, так как отдельные его положения носят оценочный характер, что существенно затрудняет применение данных норм на практике. Таким образом, следует сказать, что данные недостатки невозможно устранить не внося изменений в действующее законодательство.

УДК 347.763.1

Д.А. Коваленко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
О.С. Буйкевич

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Уплата налогов является неотъемлемой частью существования государства, однако нередко налогоплательщики не согласны с мнением налогового органа по тому или иному вопросу. В таком случае имеют место налоговые споры, которые представляют собой одну из наиболее сложных категорий дел в судебной практике.

Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) предусматривает возможность обжалования решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц в вышестоящий налоговый орган или вышестоящему должностному лицу, которому должностные лица, действия (бездействие) которых обжалуются, непосредственно подчинены, и (или) в суд.

Подача жалобы в вышестоящий налоговый орган или вышестоящему должностному лицу не исключает права на обращение в суд. Об-

жалование решения налогового органа, действий (бездействия) его должностных лиц в судебном порядке осуществляется в соответствии с гражданским процессуальным или хозяйственным процессуальным законодательством. При этом жалоба на решение налогового органа может быть подана в экономический суд в течение года со дня его вынесения. Необходимо отметить, что настоящие нормы не распространяются на решения налоговых органов и действия (бездействие) их должностных лиц, принятые (осуществленные) в административном процессе.

Порядок обжалования, установленный НК, предусматривает возможность первичного и вторичного обжалования. Обжалование актов ненормативного характера, действий (бездействия) должностных лиц налогового органа в вышестоящий налоговый орган (инспекции МНС по областям и г. Минску), осуществляющий непосредственный контроль за деятельностью налогового органа, чьи акты или действия обжалуются, является первичным обжалованием. Данный факт не препятствует обращению с жалобой в вышестоящий налоговый орган (вторичное обжалование), а именно в МНС.

Кроме того, заинтересованные лица могут представлять возражения по результатам проведенной налоговыми органами проверки. Представление возражений по акту налоговой проверки является одним из способов внесудебного урегулирования спора еще до вынесения соответствующего решения налоговым органом. Даже в случае, если возражения плательщика не будут приняты во внимание налоговым органом при вынесении решения, представление возражений может произвести благоприятное впечатление на суд. Отмечается, что суды обращают особое внимание на использование плательщиком права на представление возражений. И наоборот, непредставление плательщиком возражений по акту проверки может свидетельствовать о признании вины плательщиком и, соответственно, подтверждении совершения правонарушения.

Несмотря на нормативное закрепление возможности обжалования решений налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц в административном порядке, практика показывает, что большая часть споров становится предметом разрешения судебных органов. Право участников налоговых правоотношений на судебное обжалование актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц также закреплено НК.

Таким образом, в Республике Беларусь установлен административный и судебный порядок рассмотрения налоговых споров. При этом хотелось бы отметить преимущества административного (досудебного) порядка рассмотрения налогового спора: его оперативность

(ст. 88 НК устанавливает месячный срок рассмотрения жалобы); возможность последующего обжалования в суд (в течение года с момента вынесения обжалуемого решения (действий или бездействия) налогового органа); несложный и не требующий выделения на эти цели денежных средств, т. е. уплаты государственной пошлины, порядок подачи жалобы. Единственным условием, соблюдение которого требуется при административном порядке рассмотрения налогового спора, является своевременное обращение в уполномоченный на разрешение спора орган – в течение 30 дней со дня вынесения обжалуемого решения налогового органа (совершения действий или бездействия). Кроме того, рассмотрение споров в административном порядке способствует устранению возможных противоречий и недопущению дальнейшего судебного разбирательства.

Полагаем, что процедура внесудебного разрешения налоговых споров требует более детального урегулирования Налоговым кодексом. Сегодня в нем содержится только четыре статьи (ст. 85–88), посвященные данному вопросу. При этом порядок рассмотрения жалобы, права и обязанности заявителя при ее рассмотрении, требования к содержанию решения по жалобе оставлены без внимания. Особенно хотелось бы обратить внимание на право заявителя знакомится с материалами, связанными с вынесением обжалуемого решения налогового органа. Считаем необходимым дополнить соответствующими положениями гл. 11 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь.

УДК 349.6

Е.С. Красноперов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПИЩЕВЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Питание – один из важнейших факторов связи человека с внешней средой. Обеспечение безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов – одно из основных направлений, определяющих здоровье населения и сохранение его генофонда.

Белорусская продукция известна за рубежом во многом благодаря пищевой промышленности: молочным, мясным, кондитерским брендам, которые пользуются спросом у потребителей благодаря натуральности, вкусовым качествам и оптимальной цене.

За последние годы Беларусь получила статус одного ведущих экспортеров продовольственных продуктов. По всей территории СНГ известны такие торговые марки, как «Савушкин продукт», «Бабушкина крынка», «Санта Бремор» и др.

В состав пищевой промышленности входит более двух десятков отраслей с многочисленными специализированными производствами. Наиболее крупными остаются мясная, молочная, кондитерская и сахарная.

К экологическим проблемам, образующимся в процессе функционирования пищевых производств, относят выбросы в виде загрязненной сточной воды; загрязненной пылью, газами и парами токсических веществ воздуха; шума, вибраций, которые вредно влияют на состояние земли, водоемов; воздуха и живых организмов, в том числе и на человека.

По степени отрицательного воздействия предприятий пищевой промышленности на объекты окружающей среды первое место общепризнанно занимают водные ресурсы. Высокий уровень их потребления обуславливает большой объем образования сточных вод на предприятиях, которые имеют высокую степень загрязненности и представляют опасность для окружающей среды. Сброс сточных вод в водоемы быстро истощает запасы кислорода, что вызывает гибель обитателей этих водоемов.

Решением проблемы является внедрение безводных технологических процессов, нового оборудования, а также развитие оборотных и бессточных систем водоснабжения.

Нельзя оставить без внимания такую проблему, как хранение предприятиями отходов. Отходы, образующиеся на предприятиях рыбной, мясо-молочной, хлебопекарной промышленности и содержащие сыроворотку, мучной смет, солодовую дробину и ростки, пивные дрожжи и т. д., используют как добавки к приготавливаемым кормам. Проблема в том, что хранить отходы в естественном виде можно не более 2–3 дней. При длительном хранении они теряют свои питательные свойства, закисают, загнивают и тем самым загрязняют окружающую среду.

Было бы справедливо задать вопрос: как же обеспечивается экологическая безопасность на белорусских пищевых предприятиях?

В Беларуси экологическая безопасность на предприятии напрямую связана с деньгами. Компании платят налог на выбросы: чем больше выбросов, тем выше сумма. В случае непрохождения аудита или превышения установленных норм загрязнения накладываются штрафные санкции. При этом учитывается влияние вредных веществ не только на окружающую среду, но и непосредственно на работников организации. Поэтому если выясняется, что экология производства недостаточно организована, компания может не пройти аттестацию. В результате кроме штрафа она рискует получить еще и запрет на работу до устранения нарушений.

Со стороны государства качество и экологическая безопасность продовольственного сырья и пищевых продуктов в нашей стране обеспечиваются путем осуществления государственного регулирования в области обеспечения качества и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов, а также принятия необходимых мер технического нормирования и стандартизации. Ведется государственный контроль и надзор за качеством и безопасностью продовольственного сырья, материалов и изделий.

В стране постепенно повышаются экологические требования, предъявляемые к пищевым предприятиям. В 2003 г. был принят Закон Республики Беларусь «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека», который способствует защите отечественного рынка и потребителей от небезопасной и некачественной продукции.

В Республике Беларусь используются современные способы очистки сточных вод, газовых выбросов и переработки отходов.

Очистка сточных вод представляет собой ряд последовательных стадий, таких как грубая механическая очистка с использованием решеток-процеживателей; удаление свободных жиров в жироловушке; удаление коллоидных примесей и эмульгированных жиров в анаэробных биореакторах; сбор, обработка и обезвоживание осадка.

Конкретные варианты технологических решений очистки сточных вод рыбо- мясо и молокоперерабатывающих предприятий имеют свои особенности и зависят от организации производственного процесса и требований к очищенной воде.

Методы очистки газовых выбросов принимают в зависимости от физико-химических свойств загрязняющего вещества, его агрегатного состояния, концентрации в очищаемой среде и другого.

Если рассматривать конкретно пищевые предприятия, то на большинстве из них для очистки газовых выбросов используют различные фильтры, такие как газовые, ионитные и волокнистые (последние являются наиболее распространенными на пищевых предприятиях). Они обеспечивают очистку поступающих в них воздушных масс посредством установленных внутри перегородок из тонких и ультратонких синтетических волокон.

Очистка газовых выбросов возможна и так называемым «мокрым» способом, который основан на контакте газовых потоков с промывочной жидкостью, как правило, водой. По своей эффективности очистка «мокрым» способом сопоставима с очисткой волокнистыми фильтрами, однако уступает очистке с помощью ионитных фильтров.

Говоря о переработке отходов, хотелось бы уделить внимание Брестскому мусороперерабатывающему заводу. Это единственное предприятие Беларуси, которое перерабатывает пищевые отходы в энергию. Основные его клиенты – юридические лица, у которых в процессе работы образуются эти отходы: торговые сети, точки общественного питания, заводы и фабрики, производящие пищевые продукты.

Для переработки пищевых отходов на заводе есть два специальных сооружения – ферментеры. Это огромные герметичные цилиндры, куда загружают сырье, которое в них сбраживается и затем выделяет метан. Дальше газ очищают от серы в газоочистителе, затем накопленный в резервуаре биогаз проходит через угольные фильтры и, наконец, попадает в мини-ТЭЦ, которые сжигают его, превращая в энергию.

Таким образом, в данной работе мы рассмотрели основные проблемы, стоящие перед пищевыми предприятиями и дали им характеристику. Показали механизм обеспечения безопасности пищевых производств и конкретные их методы.

УДК 349

В.И. Миленкевич, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.А. Кравцова*

О МЕТОДАХ И ИНСТРУМЕНТАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Принципиальное разногласие зарубежных и отечественных исследователей проявляется в разных методологических подходах к организации и роли экологического страхования в экономической жизни общества. У зарубежных исследователей оно ассоциируется и осуществляется (редко) в рамках имущественного страхования. Ущерб, нанесенный собственнику имущества или его здоровью в результате негативного воздействия на окружающую среду, причем не обязательно аварийного воздействия, компенсируется страховой организацией на основании заключенного ранее договора страхования. Этот договор предусматривает регулярную уплату страховых взносов, которые не дифференцированы по степени экологической опасности страхователя. Если виновник негативного воздействия признан таковым в судебном порядке, то ущерб компенсируется за его счет. Величина убытка при этом определяется до-

ступными методами оценки потерь имущества и неполученной прибыли. Доступность этих методов заложена в хорошо и давно отработанных нормативных правовых документах.

Отечественные исследователи говорят о таких убытках, которые причиняются реципиентам в результате развития аварийной экологической ситуации и ответственность за нанесение которых должна быть застрахована. О правомерности такого подхода свидетельствует и теория страхового дела, в соответствии с которой страхование должно возмещать ущерб, возникший в результате наступления экстраординарных или, по крайней мере, неожиданных, случайных событий.

В страховании ответственности за последствия развития аварийной экологической ситуации должна, в нашем понимании, отражаться персонафикация причинителя вреда и реципиента. В имущественном же страховании (по образцу экологического страхования, проводимого в некоторых странах), осуществляемом на случай негативного воздействия на окружающую среду, вклад отдельного источника такого воздействия не выделяется.

Из этого принципиального методологического положения следует, что финансовое покрытие убытков в страховании экологической ответственности обеспечивается из разных источников, т. е. соответственно вине каждого причинителя вреда, а полученная страховая премия распределяется страховщиком с учетом убытков реципиентов и необходимости превентивных природоохранных мероприятий.

Экологическое страхование, осуществляемое в виде страхования ответственности за последствия развития аварийной экологической ситуации, преследует цель обеспечения экологической безопасности и компенсации убытков третьим лицам (разумеется, при условии соблюдения коммерческих интересов страховщиков и страхователей).

Экологическое страхование, осуществляемое в виде имущественного страхования, может рассматриваться как элемент обеспечения экологической безопасности лишь в том случае, если оно не поощряет экологическую безответственность страхователя, в любой ситуации покрывая его расходы на компенсацию убытков пострадавшим. Во избежание таких случаев тарифные ставки страховых взносов устанавливаются на запретительном уровне.

Принимая во внимание особенности методологических подходов к экологическому страхованию отечественных и зарубежных специалистов, а также высказанные ранее соображения об экологическом риске, экологическое страхование следует рассматривать как страхование гражданской ответственности хозяйствующих субъектов, инцидент в

деятельности которых может привести к развитию аварийной экологической ситуации.

Из этого определения следует, что главной задачей экологического страхования, как и предполагает теория страхования, является компенсация возникающих из-за негативного воздействия на окружающую среду убытков реципиентам. А задачей, решаемой параллельно, выступает формирование дополнительных финансовых потоков в охрану окружающей среды. Особое внимание надо обратить на то, что все это происходит при соблюдении интересов страховщиков, страхователей и третьих лиц. У страховщика и страхователя эти интересы сходятся в необходимости развития аварийной экологической ситуации. Для первого это залог извлечения прибыли, для второго – сохранение финансовой стабильности.

Спектр распространения экологического страхования значительно шире, чем полагает законодатель. Если посмотреть на эту проблему с точки зрения инновационного развития, то экологическое страхование как инструмент экологизации экономической деятельности является одним из побудительных мотивов изменения системы «экономических стимулов таким образом, чтобы не подавлять факторы производства налогов, а переложить это бремя на негативные экологические последствия производства». В этот процесс хорошо вписывается идеология «инструментов морального воздействия и убеждения», например экологического пакта, заключенного между обществом и хозяйствующими субъектами, признающими необходимость баланса между экологической ответственностью и экономической свободой. В этом смысле институт экологического страхования является особым элементом экологического пакта, основанного на договоренности сторон, при которой проблема рационального природопользования решается путем согласования экономических целей интересов хозяйствующего субъекта и общества, заинтересованного в регулировании доступа к природным ресурсам.

Экологический пакт, элементом которого является экологическое страхование, способен сформировать особую систему доступа к ресурсопользованию и увеличить финансовые потоки в охрану окружающей среды за счет средств из дополнительных доходов.

Запуск процедуры добровольного экологического страхования на основе формирования страховых взносов из дополнительного дохода природопользователя возможен уже сейчас, причем без какого-либо существенного изменения правового поля. Размер ставки страховых взносов в этом случае будет определяться исходя из оценки дополнительных природоохранных инвестиций, объем которых исключается из дополнительного дохода (ренды) хозяйствующего субъекта.

Например, вместо лицензирования необходимо ввести договоры концессии на право добычи определенного количества полезных ископаемых на подготовленном к освоению месторождении при заданной оптимальной технологии его эксплуатации и с заданными параметрами снижения экологического риска. Стоимость права или плата за подписание договора концессии будет не чем иным, как горной рентой, определяемой разницей между выручкой (по рыночным ценам) от добытых полезных ископаемых, нормативными затратами и нормальной прибылью концессионера.

*VI курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(7 декабря 2016 г.)*

УДК 351.74

Е.К. Беспаленков, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
О.Н. Сувалов

ОРГАНЫ МИЛИЦИИ В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ В БССР В 1921–1926 гг.

Эффективность функционирования правового государства и устойчивость существования его политических органов зависят от отлаженности правозащитных механизмов. Угрозы терроризма и организованной преступности обуславливают поиск оптимальных рецептов выявления и предотвращения антиправительственных выступлений. Актуальность данной проблемы определяет интерес к рассмотрению исторического опыта борьбы с бандитизмом.

Деятельность антиправительственных формирований как сложное социально-политическое явление не стала предметом тщательного изучения историков. Исключения составляют отдельные работы таких советских историков, как В.Ф. Кушнер, А.Г. Хохлов, которые пытались показать историческое значение деятельности ЦК КП(б) и органов НКВД в ликвидации бандитизма на территории БССР. При этом понятие бандитизма

связывалось с деятельностью всех незаконных формирований (националистических и политических организаций, а также уголовных элементов). Особенностью советской исторической науки было утверждение ее историков о бандитизме как проявлении деятельности антисоветских формирований. Сюда включались как уголовные элементы, так и вооруженные формирования политических организаций, не питающих симпатий к советской власти. Отсюда вытекает необходимость объективной оценки условий становления белорусского советского государства и выявления дестабилизирующих процессов общественно-политической жизни.

В советский период под бандитизмом понималось создание банды, т. е. вооруженной организованной группы. Бандой признавалась вооруженная организованная группа, созданная со специальной целью – для совершения нападений на предприятия, учреждения, организации или граждан. При этом допускалось применение насилия участниками банды в отношении других лиц для достижения преступного результата, причем нападение могло выражаться не только в насильственном воздействии на людей, но и в незаконном вторжении в жилище, иное помещение, сопровождаемом поджогами, взрывами, погромами и т. д. (ст. 286 Уголовного кодекса БССР) [1].

Сложное переплетение социально-экономических, социально-политических и психологических обстоятельств в условиях непрерывающейся военной обстановки привели к зарождению бандитизма в современном смысле этого слова, подразумевающего под собой деятельность вооруженных формирований, ставящих перед собой целью ослабление государственных основ, утвердившегося белорусского государства (БССР в пределах 1921–1925 гг.) и подрыв моральных устоев среди мирного населения. Благодатной почвой формирования бандитизма стало нарастание противоречий внутри государств.

Особое беспокойство вызывало нарушение условий существования нейтральной зоны, созданной заключением предварительного мирного договора в Риге 12 октября 1920 г. Об этом свидетельствуют документы Национального архива Республики Беларусь: «Российско-Украинская военная делегация получает почти ежедневно рапорта и сообщения о непрекращающихся нарушениях нейтральной зоны Польской стороной, сопровождающимися насилиями, грабежами и убийствами такого свойства, что по получении подобных известий невольно создается впечатление, что это делается простыми бандитами грабителями, а не солдатами регулярной Польской армии» [2, л. 27].

Антисоветское движение после окончания гражданской войны имело довольно сложный социальный состав, политические цели, организационные структуры. Однако несмотря на значительную численность

антисоветских формирований, их борьба была обречена на провал. Тому способствовал ряд причин.

В январе 1921 г. по распоряжению начальника Главмилиции республики для борьбы с этим движением в каждом уезде из молодых, физически выносливых сотрудников были сформированы специальные летучие отряды милиции. Ими командовали, как правило, старшие милиционеры, хорошо знакомые с обстановкой и настроениями на местах, обладавшие боевыми навыками и имевшие хорошую военную подготовку. Обращалось внимание на совместные действия сотрудников милиции и ЧК [3, л. 7]. Большое внимание уделялось повышению служебной дисциплины в связи с имеющимися случаями проявления халатности [4, л. 525; 5, л. 87].

На основании документов можно предположить, что особо крупные группировки все еще продолжали вызывать беспокойство в ряде уездов приграничной зоны. «По имеющимся данным отряд в местечке Раково в 1 500 человек под командованием Калечина, подтверждается присутствии банд около деревни Прусново 100 человек, местечко Столбцы – 100 человек, деревни Новосады, Черниковщина – 50 человек, около местечка Турец Новогрудского уезда стоит 2 000 польских улан, районе местечка Раково сосредоточен отряд полковника Сыляева/Селнова, в числе 700 человек, и около местечка Логойск – 200 человек.

Нам известно, что организаторами банд являются Савинков, Балахович и что пополнением бандитских шаяк служит местное зажиточное шляхетско-кулацкое население и отбросы рабоче-крестьянской среды – дезертиры» [4, л. 13].

Напряженная борьба с оппозиционными вооруженными выступлениями велась также в Витебской и Гомельской губерниях, которые входили в состав РСФСР. Так, в связи с сосредоточением в марте крупных антисоветских сил на польской территории, граничащей с Витебщиной, были приняты срочные меры по обеспечению ее безопасности. Только милицейскими отделами в губернии менее чем за три месяца весной 1921 г. было ликвидировано 20 вооруженных формирований.

Несмотря на серьезные успехи в борьбе с антисоветскими выступлениями в 1921 г., многие формирования не снижали своей активности. Весной 1922 г. обстановка стала осложняться. Уже в начале марта 1922 г. «активизировали всю деятельность по засылке бандитов в Беларусь антисоветские организации в Несвиже, Молодечно, Радощковичах, Глубоком и других пунктах». В политической сводке НКВД РСФСР отмечалось, что «бандитизм свирепствует по всей Минской губернии» [6, с. 129].

Таким образом, в 1921 г. была усилена боевая готовность в главном управлении милиции по борьбе с бандитизмом. В этой связи сформировались отряды особого назначения из сотрудников милиции. К 1926 г.

уголовный бандитизм, так же как и политический, начал терять свою силу. Уголовный бандитизм проявлял себя только в Витебском, Бобруйском и Мозырском округах. В 1927 г. органами милиции была зарегистрирована всего одна уголовная банда в Гомельском округе.

Таким образом, борьба с антисоветскими вооруженными формированиями на территории республики в силу сложившихся объективных причин была длительной и упорной. Банды направлялись, поддерживались и подпитывались главным образом из-за границы, и прежде всего из Польши. Одной из важных причин ослабления антисоветского движения была позиция крестьянства. Многие исследователи считают, что переход к фиксированному налогу способствовал поддержке крестьянством политики советской власти, тем самым социальная база оппозиционного движения была значительно сужена.

С 1921–1922 гг. началось целенаправленное искоренение уголовных и антисоветских банд на территории БССР. Это стало возможным благодаря реформе органов милиции, а также их более сплоченной работе. К этому времени бандиты потеряли поддержку населения, что тоже сыграло свою роль в ослаблении бандитизма. Это произошло благодаря удачной агитационной политике советской власти, а также переходу на продналог. В свою очередь, новый курс экономической политики советской власти способствовал снижению социальной напряженности в деревнях и появлению лояльности по отношению к существующей власти. В период 1922–1926 гг. были уничтожены практически все бандитские формирования на территории БССР, причем с каждым годом количество действующих банд уменьшалось в несколько раз.

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.А. Здановича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1989. – 430 с.

2. Дело о нарушении нейтральной зоны польскими солдатами (март–май 1921 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 34. Оп. 1. Д. 237.

3. Приказ заградотрядам оперативного штаба по ликвидации бандитизма и дезертирства на территории Республики Беларусь // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 34. Оп. 1. Д. 45.

4. Приказ по управлению Уголовного розыска Республики Белоруссия. Гор. Минск. № 198. 8-е ноября 1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. Оп. 1. Д. 164.

5. Приказ фронтовой комиссии по борьбе с бандитизмом при РВС Запфронта // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 34. Оп. 1. Д. 45.

6. Хохлов, А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 годах / А.Г. Хохлов. – Минск : Беларусь, 1981. – 171 с.

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

С.Ф. Лапанович

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Милиция в том смысле, в котором мы привыкли ее знать, возникла почти 100 лет назад. С началом ее существования она не перестает меняться.

Формирование милиции имеет некоторые особенности. Во-первых, милиция формировалась в условиях политического противостояния: созданная сразу после Февральской революции, милиция существовала также в период Октябрьской революции, советско-польской и Гражданской войны и других решающих исторических событий, ввиду чего состав милиции претерпевал множество реорганизаций и изменений на идеологической почве.

Во-вторых, после Октябрьской революции милиция формировалась как временный орган охраны правопорядка и борьбы с уголовными деяниями. Так, считалось, что социализм, а позже – сменивший его коммунизм должны воспитать человека таким образом, чтобы у него даже не возникало умысла на преступление, а кроме того, бесклассовое общество, которое сменил государство, сможет дать каждому человеку все необходимое. Ввиду данных обстоятельств, как следствие, всякая надобность в милиции должна была отпасть. Поэтому изначально вопросы об организации милиции отходили на второй план. В.И. Ленин в статье «Позабыли главное» писал: «...организовать ли сначала рабочую милицию, или организовать сразу всеобщую обязательную службу в милиции; этот вопрос не имеет принципиального значения. Если разные районы начнут по-разному, в этом нет худа: богаче будет опыт, развитие образования будет идти более плавно и ближе к указаниям практики» [1, с. 26]. Однако победы над преступностью не последовало, и милиция как постоянный орган охраны правопорядка формировалась повсеместно.

Упразднение Департамента полиции и образование вместо нее милиции произошло сразу после Февральской революции. Правовой базой образования милиции послужили Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. о его составе и задачах (далее – Декларация), постановление «Об учреждении милиции».

2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола. На следующий день Временное правительство в Декларации установило организацию первого общественного кабинета, который, по сути, являлся Правительством. В этом же документе указывалось, что одно из оснований, которыми должен руководствоваться кабинет, – «...замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» [2].

Спорными остаются вопросы формирования милиции при Временном правительстве. Советские исследователи утверждали, что Временное правительство стремилось восстановить полицию, чтобы остаться у власти. Однако есть ряд фактов, подтверждающих стремление Временного правительства взять лучшее от ликвидированной полиции для создания народной милиции. Так, А.Ф. Вишневецкий пишет: «Право решать вопрос о приеме на службу в милицию „достойных из числа бывших чинов полиции и корпуса жандармов“, также не может свидетельствовать о возврате к прошлому. Наоборот, видна забота о сохранении опытного профессионального состава в службе охраны общественного порядка» [3, с. 9].

Иные аспекты, такие как структура милиции, форма милиционеров, вооружение и др., в Декларации не рассматривались. В ней говорилось, что милиция подчиняется местным органам самоуправления, которые снабжают милицию всем необходимым, однако не установлен единый стандарт для всех милиционеров в государстве.

Первые попытки установить системный подход к комплектованию милиции, а также иерархию в органах милиции были сделаны в марте 1917 г., когда появились Временное положение о Минской городской милиции и Временное положение о милиции гор. Гомеля, изданные 14 и 17 марта 1917 г. соответственно. В данных документах устанавливаются требования к кандидатам, поступающим на службу в милицию, задачи милиции и др.

Тем не менее, по-прежнему оставались вопросы, касающиеся, в частности, структуры милиции. Окончательно решить их Временному правительству так и не удалось. Только после Октябрьской революции наступил следующий этап формирования милиции как правоохранительного органа.

В первые годы после Октября 1917 г. важным направлением деятельности НКВД было разрешение вопросов обмена пленными и беженцами, их размещения и устройства. Достаточно сказать, что на территории страны насчитывалось около 2 200 тыс. военнопленных, еще больше было беженцев. Для разрешения этих вопросов в составе НКВД было создано Центральное управление по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) [4, с. 138].

В конце марта 1918 г. начинается разработка Положения о правах и обязанностях милиции. Также продумывались вопросы создания Глав-

ного управления милиции. В воспоминаниях А.М. Дижбита, первого начальника Главмилиции при НКВД РСФСР, хорошо отражена вся работа, проводимая в то время. Ведь именно он стоял у истоков создания данного Положения. К слову, на заседании Малого Совнаркома был заслушан проект Положения о милиции, однако В.И. Ленин высказал свои пожелания касательно формы милиционеров: чтобы «...наша милиция не имела сходства с полицией. Милиция должна быть крепко связана с трудящимися, опираться в своих действиях на честных людей, которые заинтересованы в поддержании порядка в советском обществе» [5, с. 26].

20 октября 1918 г. была создана Инструкция по организации Рабоче-крестьянской милиции (далее – Инструкция). Она являлась основой организации милиции по всему государству. В Инструкции указывался порядок образования милиции на местах как централизованного аппарата, определялись ее функции, устанавливалось ее место в системе государственной власти. Также в Инструкции указывались конкретные должности, которые были в милиции того времени.

Инструкцией предусматривалось создание на местах отрядов милиции. Всем членам Рабоче-крестьянской милиции при исполнении ими служебных обязанностей предписывалось носить установленную форму одежды или отличительный знак [6, с. 24]. Главной задачей согласно Инструкции была охрана революционного порядка и гражданской безопасности.

Особое внимание уделялось подбору личного состава милиции. Так, например, в газете «Известия» писалось о немногочисленном составе милиции на местах, а также о постоянных реорганизациях, производимых в первую очередь из-за «недоброкачественного состава».

Важным фактором деятельности милиции того времени являются военные и политические события. Практически повсеместно на территории современной Республики Беларусь образовывались партизанские отряды, которые вели борьбу с войсками Германии. Часто организаторами таких партизанских отрядов являлись непосредственно начальники милиции. Так, например, довольно известным для нас является А.А. Можейко. Он родился в д. Амельковщина Хойникской волости, был начальником милиции, а затем руководителем партизанского движения в Речицком уезде. А.А. Можейко был приговорен немецкими оккупантами к смертной казни, однако ему удалось бежать. За его поимку была обещана весьма значительная награда (3 000 р.), что свидетельствует о действительно весомом вкладе А.А. Можейко в борьбе с немецкими оккупантами [6, с. 28].

Отметим также, что борьба с немцами отрядами милиции не всегда велась в привычном виде. Сотрудники милиции проводили работу по предотвращению спаивания населения, и прежде всего солдат Западного фронта. В задачи железнодорожной милиции входило установить,

откуда появились вагоны со спиртом, обнаружить отправителей этого груза и лиц, уличенных в спаивании солдат [7, с. 51].

В ноябре 1918 г. в Германии началась революция, вследствие чего Германия 11 ноября 1918 г. капитулировала.

Так происходило становление милиции в условиях событий начала XX в. Разумеется, милиция постоянно менялась. Преобразования в ней не прекращаются и поныне, так как милиции необходимо соответствовать требованиям времени для максимальной эффективности своей деятельности.

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Политиздат, 1960–1975. – Т. 32. Май – июнь 1917. – М. : Политиздат, 1969. – 606 с.

2. Декларация Временного правительства о его составе и задачах // Изв. Петроград. совета рабочих и солдат. депутатов. – 3 марта 1917. – № 4. – С. 1.

3. Милиции Беларуси 90 лет: история и современность : материалы науч.-практ. конф., Минск, 27 февр. 2007 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – 119 с.

4. Мулукаев, Р.С. История отечественных органов внутренних дел : учеб. для вузов / Р.С. Мулукаев. – М. : NOTA BENE : Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.

5. Дижбит, А. Ильич напутствовал нас / А. Дижбит // Совет. милиция. – 1963. – № 4. – С. 25–26.

6. История милиции Белорусской ССР (1917–1967 гг.) : крат. очерк / А.Ф. Агрошенко; редкол.: И.О. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; М-во охраны обществ. порядка Белорусской ССР. – Минск, 1967. – 207 с.

7. Вишневский, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг. Историко-правовые аспекты / А.Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

УДК 340.131

Н.С. Касперович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Григорьев*

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Формирование белорусского правового государства неизбежно предполагает качественные перемены в понимании законности, обновление принципов становления, укрепления и соблюдения ее режима. Надлежащее исполнение гуманных, эффективных, воплощающих волю

народа законов есть не только существенный показатель уровня цивилизованности и демократичности государства, но и залог прогресса в социально-экономических преобразованиях, гарантия обеспечения и охраны прав и свобод человека и гражданина. Как одна из составляющих основу демократизации нашего общества и защищенности индивида от произвола власти законность предстает прежде всего в виде руководящего начала в деятельности всех государственных органов и должностных лиц.

Эффективность правового регулирования всех процессов функционирования государства зависит от многих факторов, в том числе от качества принимаемых законов, а в большей мере – от эффективности их реализации. Общеизвестным в теории права считается то, что одной из форм реализации права, причем наиболее сложной, является применение права. Именно в процессе правоприменительной деятельности должностных лиц и государственных органов раскрывается подлинно правовой потенциал действующих законодательных и подзаконных актов [1, с. 249].

В частности, мы считаем, что роль отдельных правоохранительных органов в решении вопросов обеспечения законности, прав и свобод граждан далеко не одинакова. Это объясняется различием функций, компетенции, ведомственной принадлежности, форм, методов, условий работы, а также наличием сил и средств, которыми располагают правоохранительные органы.

Рассматривая вопрос о роли ОВД в обеспечении законности и правопорядка в обществе, необходимо отметить, что в сложившихся условиях ОВД занимают особую позицию. Они наряду с другими правоохранительными органами призваны приводить в действие механизм правовой охраны, обеспечивать применение мер государственного принуждения в целях устранения препятствий в реализации прав и обязанностей, восстановления нарушенного права, привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Все это говорит о том, что, используя правовые средства, ОВД обязаны искоренять нарушения законности.

Законность в деятельности ОВД выражается в том, что их структура и компетенция определены в законах и подзаконных нормативных актах, а также в точном осуществлении ОВД требований и принципов права, в строгой подзаконности всей правоприменительной деятельности и субординации издаваемых актов.

Важно подчеркнуть, что ОВД в соответствии с требованиями Конституции и других законодательных актов решают сегодня сложные и ответственные задачи по укреплению законности и правопорядка. Это профилактика и расследование преступлений, розыск скрывшихся от следствия и суда преступников, обеспечение безопасности дорожного

движения, воспитание и перевоспитание осужденных и др. Решение этих задач требует от личного состава ОВД безупречного исполнения служебного долга, высокой организованности и дисциплины, профессионального мастерства, строжайшего учета всех правонарушений и умелого использования их в оперативной и служебной деятельности [2, с. 57].

Как уже отмечалось, деятельность правоохранительных органов строго регламентирована соответствующими нормативными правовыми актами. Однако иногда случаются ситуации, когда закон и целесообразность не совпадают. С точки зрения Н.А. Овчинникова, «...целесообразность предполагает принятие управленческих решений с учетом конкретных условий, времени, места, своеобразия создавшегося положения» [3, с. 546]. В служебной деятельности нередки ситуации, когда сотрудник милиции стоит перед выбором: поступить так, как этого требуют предписания закона или иного нормативного правового акта, или же нарушить формально установленное предписание, чтобы достигнуть той цели, которая стоит перед ним в данный момент, сэкономив время, а порой силы и средства. Иными словами, пренебречь законностью в угоду целесообразности. В правоприменительной деятельности сотрудник ОВД не может и не должен ставить себя в такую ситуацию. Осуществляя правоприменительную деятельность, сотрудник ОВД обязан всегда действовать на основании закона, опираясь на соответствующее нормативное предписание. Он должен выбрать наиболее оптимальное нормативное решение и тем самым достичь поставленной цели наиболее точно, а самое главное, с соблюдением требований закона и иных нормативных предписаний. Целесообразность в правоприменительной деятельности ОВД тесно связана с иными социальными процессами и явлениями. Как метко выразился А.А. Солуков, «целесообразность неразрывно связана со справедливостью, и в сфере реализации права целесообразность нельзя отрывать от справедливости» [3, с. 75].

Кроме того, ОВД выступают важным инструментом обеспечения законности. И нарушение законодательства органами власти, должностными лицами значительно опаснее, чем нарушение обыкновенными гражданами. Неслучайно в юридической науке высказывалась мысль о том, что следует различать нарушение законности и нарушение закона. Гражданин нарушает только закон, а органы государства и должностные лица, нарушая закон, одновременно нарушают и законность как требование к деятельности государственной власти.

Все это свидетельствует о том, что важнейшей практической задачей ОВД является укрепление законности в их собственной деятельности. Именно прочная законность позволит им занять достойное место в правовом государстве, в системе ее органов. Законность есть показатель уровня

и результат работы правоохранительных органов. От состояния данного принципа в деятельности ОВД во многом зависит состояние общественного порядка в стране, обеспечение прав и свобод граждан, создание обстановки, при которой каждый человек может быть уверен в том, что его жизнь и здоровье, честь и достоинство, его имущество и права надежно защищены государством. Основными направлениями решения этой задачи являются: совершенствование законодательства, образующего правовую основу организации и деятельности ОВД, принятие мер организационного и воспитательного характера, ориентированных на повышение уровня общей и профессиональной культуры, профессиональной грамотности сотрудников, укрепление их связей с обществом [4, с. 23].

1. Лазарев, В.В. Правоприменение в советском государстве / В.В. Лазарев // Законность. – 2010. – № 2. – С. 63.

2. Серебрякова, И.М. Деятельность ОВД Республики Беларусь по укреплению законности и правопорядка: критерии оценки / И.М. Серебрякова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 57.

3. Овчинников, Н.А. К вопросу о принципах и требованиях законности в деятельности органов внутренних дел / Н.А. Овчинников // Право и политика = Law and politics. – 2011. – № 4. – С. 546.

4. Солуков, А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование / А.А. Солуков // Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 75.

УДК 351.742

С.В. Король, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук *А.И. Мурашко*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТРУКЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО (АГЕНТУРНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ (1907 г.)

Наиболее похожие на современные методы оперативно-розыскной деятельности стали появляться в Российской империи со второй половины XIX в. В это время происходит становление агентурной работы правоохранительных органов.

В 1907 г. накопленный опыт оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов был отражен в Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (далее – Инструкция). Инструкция уделяла внимание организации и осуществле-

нию агентурной работы подразделения Департамента полиции. Она создавала организационно-правовые основы оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов Российской империи.

С изданием Инструкции Департамент полиции окончательно положил в основу оперативно-розыскной деятельности, прежде всего политического розыска, внутреннее наблюдение, а внешнему наблюдению стало придаваться второстепенное и вспомогательное значение. Агентурное наблюдение становилось наиболее эффективным методом политического розыска. Если в XIX в. приобретение и использование внутренней агентуры зависело от инициативы начальников розыскных органов, то в XX в., и особенно с началом первой русской революции, эта работа уже вменялась им в обязанность.

В соответствии с Инструкцией секретные сотрудники подразделялись: на внутренних агентов и вспомогательных агентов, а по их использованию – на постоянно действующих и «штучников» (в Инструкции отмечалась нежелательность использования последних).

Инструкция обобщила опыт лучших жандармских офицеров, подробно описывала способы вербовки секретных агентов, стимулы, с помощью которых они привлекались к сотрудничеству с Департаментом полиции. При подборе кандидатов для агентуры рекомендовалось обращать внимание на их моральную неустойчивость и пороки как на обстоятельства, способствовавшие успеху вербовки. В то же время среди российских подданных находились люди, которые добровольно становились секретными сотрудниками. Редко среди них были убежденные сторонники режима, желавшие посвятить себя борьбе с революцией. В основном на сотрудничество с Департаментом шли либо авантюристы, искавшие острых ощущений и мечтавшие возвыситься над толпой, либо морально деградировавшие люди, рассматривавшие агентурную работу как способ получения легкого заработка [1, с. 42].

Руководство внутренней агентурой требовало высокой квалификации розыскных офицеров. Подготовка внутренней агентуры сводилась к тщательному и поэтапному обучению конспирации и выработке направлений розыска. При этом способы руководства сотрудниками разрабатывались каждым офицером и составляли его личную тайну [1, с. 43].

Сотрудники, занимавшиеся внутренним наблюдением, должны были быть членами одной из революционных организаций, сведения о которой они предоставляли, или тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых партий. Считалось, что сведения, полученные такими сотрудниками, будут достоверны и ценны. Инструкция давала разъяснения по поводу использования сведений, предоставляемых лицами, не относящимися к таким организациям: «лица, не состоящие в революционных

организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные „сторожилы“, принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в целях политического розыска, но даже и вредны, так как заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не означает, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать... ..Нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки... достоверными». Также в Инструкции говорилось, что «сведения подходящих лиц, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие („штучники“), конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими или просто „дутыми“. При этом всегда надлежит использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры» [2, с. 98]. Исходя из положений Инструкции, можно отметить, что при ведении внутреннего наблюдения как метода оперативно-розыскной деятельности сведения, поступающие от «разовых» или постоянных агентов, не воспринимались одинаково, хотя и те и другие подлежали полной проверке. Большее предпочтение отдавалось именно постоянным, проверенным агентам внутреннего наблюдения.

Инструкция детально регламентировала методы работы с секретным сотрудником (применение различных видов стимулирования и материального вознаграждения агентов, пределы посвящения сотрудника в цели розыска, организация встреч с агентом, соблюдение конспирации и тайны информации о секретном сотруднике, способы разрыва взаимоотношений, способы реализации полученной секретной информации без ущерба для агента и др.). Расставаясь с секретным агентом, сотрудник стремился не обострять с ним личных отношений и вместе с тем не ставить его в такое положение, в котором он в дальнейшем мог бы эксплуатировать лицо, ведущее розыск, неприемлемыми требованиями. При этом сведения о секретных сотрудниках, зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, в соответствии с Инструкцией должны были незамедлительно передаваться в Департамент полиции и другие правоохранительные органы, занимающиеся розыскной работой [2, с. 103, 106].

Таким образом, Инструкцией закреплялись основные принципы организации внутреннего (агентурного) наблюдения, обобщалась практика

привлечения лиц к секретному сотрудничеству с правоохранительными органами. Инструкция имела большое значение для развития современной оперативно-розыскной деятельности, главной целью которой является борьба с преступностью.

1. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.

2. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 гг. / Е.И. Щербакова ; под ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 384 с.

УДК 340.131

С.В. Лантев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

С.Ф. Лапанович

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ

40-е гг. XVII в. в Англии были временем политических переворотов. Гражданские войны разделили английский народ на два лагеря. Британское общество затрепало по швам. Семьи распались, друзья становились непримиримыми врагами. Люди пытались решить религиозные, политические и социальные проблемы одним способом – войной.

В самом центре этого переворота оказался солдат, активные действия которого предрешили судьбу короля. Его звали Оливер Кромвель. Ответственность за те события, которые привели к казни Карла I, может быть целиком и полностью возложена на Оливера Кромвеля.

Феномен есть некое необъяснимое, исключительное, необычное явление. Личность Оливера Кромвеля уникальна.

Для некоторых этот человек является важнейшей фигурой британской истории, определившей судьбу страны в важнейший период ее истории. Самым удивительным в жизни Оливера Кромвеля стала неординарность его детских и юношеских лет.

Оливер Кромвель родился в 1599 г. в английском городе Хантингтоне (графство Кембриджшир). Отцом будущего полководца был Роберт Кромвель – небогатый дворянин, дела которого шли не очень успешно. Мать Оливера, Елизавета, смогла создать дома уютную атмосферу, в которой воспитывался мальчик.

Однажды в свой речи, обращенной парламенту, в 1654 г. Оливер Кромвель сказал: «По рождению я был джентльмен, и если семья моя не пользовалась особой известностью, то не оставалась и в темной неизвестности». Напротив даже. От современных хроникеров мы узнаем, что в апреле 1603 г. король Яков IV Шотландский, будущий король Яков I, проезжая с севера, остановился на два дня у сэра Оливера Кромвеля, дяди и крестного отца будущего революционера, в честь которого мальчик и получил свое имя. Историки утверждают, что во время этого визита королевская обезьяна схватила будущего лорда-протектора и унесла его на вершину дерева. «Жаль, что она не сбросила его оттуда», – пишут они. Другие рассказывают о том, что маленький Оливер познакомился с сыном Якова, будущим королем Карлом I. Пока взрослые обсуждали свои дела, мальчики вместе играли и подрались. Оливер в драке разбил Карлу нос. И это было очень похоже на предзнаменование, так как спустя много лет Оливер Кромвель станет инициатором казни Карла. В тех же хрониках можно прочесть интересный рассказ о том, что какая-то исполинская фигура являлась над колыбелью Кромвеля и, протягивая над ним руки, предсказывала ему, что он будет королем.

Оливер получил хорошее образование, которое продолжил в государственной школе Хантингтона – колледже Сидней-Сассекс при Кембриджском университете.

После одного года обучения Оливер вынужден был вернуться в родное имение, чтобы получить наследство в связи с внезапной смертью своего отца. Вскоре Кромвель женился на дочери богатого лондонского торговца мехами и стал любящим мужем и заботливым отцом шестерых детей. В 1628 г., как хороший и уважаемый хозяин для соседей, Кромвель был избран депутатом палаты общин парламента от своей округи. Это был тот самый парламент, который принял «Петицию о праве» – знаменитый документ, требовавший ограничения политических и экономических прав короля. Кромвель выступил лишь один раз: с речью в защиту пуритан, однако когда 2 марта 1629 г. король Карл I прервал заседание парламента, в числе его слушников был и Оливер Кромвель.

В 1636 г., унаследовав имение от своего дяди и разбогатев еще больше, Кромвель внезапно стал говорить о своем духовном возрождении, называть себя избранником божьим. Все это привело его в палату общин, в Долгий парламент, который заседал с 1640 по 1653 г. Именно Долгий парламент принял Великую ремонстрацию, или Великий протест, – 204 статьи против произвола короля. В это время к Оливеру Кромвелю относились по-разному. Лорды считали, что это простой и не всегда аккуратно одетый человек с мясистым лицом и резким неприятным голосом. Депутаты палаты общин отмечали широту его взглядов,

умение заряжать своей энергией слушателей и считали, что он станет величайшим человеком в Англии.

22 августа 1649 г. Карл I поднял королевский штандарт в Ноттингеме – это означало объявление войны парламенту.

29 августа 43-летний Оливер Кромвель совершил свое первое революционное действие: объявил о сборе отряда кавалерии на рыночной площади. Подобные отряды волонтеров стали ядром будущей революционной армии, созданной Кромвелем для бескомпромиссной победы над врагом. С началом Гражданской войны Кромвель в чине капитана вступил в армию. Он сам обучал волонтеров заряжать мушкет, правильно держать пику, перестраивать ряды, безоговорочно подчиняться командиру и быть беспощадными в бою. Вскоре его полк насчитывал около двух тысяч всадников, а сам Кромвель получил чин генерал-лейтенанта. 2 июля 1644 г. в битве при Марстон-Мур Кромвель вместе с шотландцами и северной армией лорда Ферфакса одержал блестящую победу над войсками короля. Его солдаты стали регулярной армией парламента и получили прозвище «железнобокие». Считается, что прозвище произошло от одного из прозвищ Кромвеля, которое по-английски звучит как «Old Ironside». Очевидно, здесь также имеет место игра слов: по-английски «ironside» – означает «отважный, решительный человек», в то же время «iron» – «железо», «side» – «сторона, бок». В качестве доспехов солдаты Кромвеля использовали своеобразный панцирь.

Настал звездный час Оливера Кромвеля как полководца. В 1645 г. при его непосредственном участии была проведена реформа в армии, по которой в Англии отказались от традиционного принципа занятия офицерских должностей только дворянами, т. е. благородными.

Также Кромвель показал себя искусным политическим тактиком: он представлял самую многочисленную буржуазную партию – индипендентов, или независимых. От их имени Кромвель выступил самым горячим сторонником казни короля Карла I, плененного парламентом. Многие депутаты в последний момент засомневались – очень уж страшно было принять решение об обезглавливании помазанника божьего. Но Кромвель убеждал их: «Совершите короткое, но справедливое деяние». Казнь короля состоялась 30 января 1649 г. Она заставила содрогнуться другие престолы, а Кромвеля сделала всевластным. 19 мая 1650 г. была основана республика индипендентов, упразднены нецелесообразная королевская власть и палата лордов. Эти институты позднее были возвращены, а пока республика признавалась всеобщим благом. Однако основным содержанием республики стала борьба с политическими противниками. Оливер Кромвель подверг арестам и гонениям другую партию – левеллеров, или уравнилелей, и ее лидера Джона Лимберна, настаивавших на более демократическом устройстве государства.

Также, добившись полного влияния в Англии, Кромвель с помощью военной силы подчинил Ирландию и Шотландию, тем самым осуществив вековую мечту английских королей, но потопив эти самобытные страны в крови. Положение молодой республики на международной арене оставалось неустойчивым. Менялся и сам Кромвель – все больше в нем проступали черты тирана. Когда в 1654 г. он вступал в должность лорда-протектора, пышность церемонии была чрезмерной, а сам Кромвель явился в мантии, отороченной соболями, как истинный монарх. В 1667 г. парламент предложил ему корону – Кромвель отказался, уж слишком раздражающим он считал для народа монарший титул, однако по новой конституции он мог сам назначать себе преемника. Практически он стал королем. На ведущие должности в государстве Кромвель назначал своих родственников, своего старшего сына сделал преемником. И в конце концов разогнал парламент.

Оливер Кромвель умер в своей постели 3 сентября 1658 г. За несколько недель до смерти он отказывался принимать пищу и лекарства, считая, что настало время ему уйти. В 1660 г. в Англию вернулась монархия в лице Карла II, сына казненного короля. Однако английские короли с того времени все больше власти стали уступать парламенту.

Отношение к личности Кромвеля остается неоднозначным. С одной стороны, его методы силовой расправы с политическими противниками и ни в чем не повинным населением продолжают вызывать отторжение, однако перед зданием английского парламента ему поставлен памятник. Несмотря на то, что республиканский режим в Англии не смог закрепиться, реформа, терпимость и фундамент империи – вот лучшая часть наследия, которое Кромвель оставил после себя.

УДК 340

А.С. Лис, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

В.С. Гайдельцов

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В юридической науке проблема формирования правосознания является одной из наиболее значимых, особенно для тех, кто решил связать свою жизнь со службой в правоохранительных органах.

Практически все ученые, работающие в области теории государства и права, в той или иной степени уделяли внимание проблеме правосознания, в том числе формированию профессионального правосознания. Значительный вклад в научное изучение проблем правосознания внесли белорусские ученые, в том числе и преподаватели Академии МВД Республики Беларусь, такие как А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский, Е.М. Ефременко, Е.В. Борщева и многие другие [1–4]. И это неслучайно, так как от уровня правосознания зависят качество и эффективность работы сотрудников правоохранительных органов, в том числе и сотрудников органов внутренних дел.

Проблема формирования юриста-профессионала, его правосознания, которое осуществляется в процессе юридического образования и затем в ходе профессиональной юридической деятельности, не может рассматриваться как объект исследования сугубо отраслевых, или специальных, юридических наук. Это общетеоретическая правовая проблема, которая выступает как объект науки теории государства и права.

Профессиональное правосознание юриста – это научно обоснованная стройная система правовых знаний, убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей деятельности. Профессиональное правосознание – это представления о праве, формирующиеся у юристов-профессионалов, специалистов-правоведов на основе мировоззренческой правовой идеологии и специальных юридических знаний [5].

В теории права нет единого подхода к пониманию и толкованию правосознания. Правоведы, философы, психологи и другие исследователи данного феномена трактуют его далеко не однозначно.

Так, например, Е.М. Ефременко определяет правосознание как социокультурно обусловленную форму эмоционального и мотивационно-деятельного отношения субъектов к правовым явлениям [3].

Е.В. Борщева понимает правосознание как взаимосвязь рационально-идеологических и социально-психологических явлений, которые складываются в сознании юриста под влиянием юриспруденции и его практической деятельности [4].

Таким образом, правосознание – это относительно самостоятельная сфера или область общественного, группового или индивидуального сознания (наряду с политическим, нравственным, эстетическим и т. д.), отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и объективированных оценок действующего права, а также в виде социально-правовых установок и ориентации, выполняющих роль внутреннего регулятора юридически значимого поведения.

Как можно заметить, общим во всех определениях является то, что правосознание есть отражение того, как индивид видит и понимает правовые нормы.

Правосознание выполняет ряд значимых функций, основные из них – регулятивная, прогностическая, познавательно-оценочная. Авторы некоторых научных статей выделяют дополнительно такие функции, как мировоззренческая, аксиологическая, объяснительно-описательная, прагматическая, воспитательная [6, 7].

Суть регулятивной функции в том, что правосознание побуждает к правомерным или противоправным действиям. Прогностическая функция заключается в формировании должного поведения, выработке оптимальной модели поведения.

Познавательно-оценочная функция состоит в том, что индивид на основе полученных знаний, а также при участии мыслительных процессов вырабатывает некую оценку правовой системе.

Правосознание, в свою очередь, в зависимости от уровня знания права может быть обыденным (эмпирическим), научным (теоретическим) и профессиональным.

Обыденное правосознание основывается на базовых, упрощенных знаниях права. Здесь существенную роль играют эмоции, чувства и переживания.

Научное, или эмпирическое, правосознание базируется на глубоких, обширных знаниях в области права. Благодаря данному виду правосознания юриспруденция развивается [6].

Хотелось бы отметить, что в наше время на процесс формирования правового сознания влияют и политические идеи, которые, как правило, появляются раньше правовых.

Правосознание – одна из обсуждаемых тем не только в области юриспруденции, но и юридической психологии. Данной проблеме был посвящен целый ряд исследований. Одно из таких исследований в России было проведено О.В. Сергачевой и М.И. Марьиным [8]. В исследовании принимали участие 240 сотрудников ОВД (160 мужчин и 80 женщин) и 86 кандидатов на службу в ОВД. Выборка была представлена рядовым, инспекторским и руководящим составом подразделений следствия, по борьбе с экономическими преступлениями, участковых уполномоченных, а также сотрудниками конвойных подразделений, патрульно-постовой службы, ГИБДД, вневедомственной охраны, штабов и подразделений по работе с личным составом ОВД. В результате исследования было выявлено, что уровень правосознания у кандидатов и сотрудников-мужчин ниже, чем у женщин. У мужчин в среднем правосознание находится на уровне противоречивого и неполноценного сознания, а вот у женщин в основном сформированное правосознание. Также исследование выявило, что и среди сотрудников ОВД встречается правовой нигилизм (8,8 % среди мужчин и 2,5 % среди женщин).

Для того чтобы бороться с низким уровнем правосознания среди сотрудников органов внутренних дел, нужно улучшать профессионально-правовое воспитание, которое заключается в высокой квалификации, остром чувстве долга и справедливости, устойчивости к криминогенным соблазнам и проявлении гуманизма, хорошем развитии правовой интуиции. Люди, носящие погоны, должны быть готовы прийти на помощь гражданам страны в любое время дня и ночи. Для работы в правоохранительных органах индивид должен обладать рядом качеств, которые ему необходимы в служебной деятельности: стрессоустойчивость, выносливость, внимательность, бдительность, общительность, организованность, наблюдательность, способность к постоянному самосовершенствованию и ответственности. При наличии данных качеств сотрудник сможет эффективно решать поставленные перед ним задачи и быть достойным представителем государства. Естественно, для того чтобы такие люди попали в ОВД, должна эффективно проводиться работа отдела кадров, которые, изучив кандидата на должность и сопоставив его личностные качества с требуемыми, примут наиболее рациональное решение [9].

Если проводить комплекс различного рода мероприятий, в первую очередь воспитательных, то масштаб проблемы станет намного меньше, правосознание сотрудников ОВД будет находиться на должном уровне.

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. – 656 с.

2. Лазарев, В.В. Теория права и государства : учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2000. – 511 с.

3. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи / Е.М. Ефременко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 119 с.

4. Борщева, Е.В. Особенности структурных компонентов правового сознания юристов / Е.В. Борщева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 2. – С. 145–147.

5. Чернова, Э.Р. Теоретические проблемы правового воспитания сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] / Э.Р. Чернова // Политика, государство и право (электронный журнал). – 2013. – № 11. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/author/elvia>.

6. Магденко, А.Д. Правосознание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности (теоретический и практический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Д. Магденко. – Н. Новгород, 2004. – 169 л.

7. Кузьмин, Ю.А. Смыслонесущие функции правосознания / Ю.А. Кузьмин // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 162–167.

8. Сергачева, О.В. Правосознание сотрудников органов внутренних дел / О.В. Сергачева, М.И. Марьин // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2010. – № 2. – С. 3–7.

9. Титаренко, Т.А. Формирование правовой культуры сотрудников органов внутренних дел / Т.А. Титаренко // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2011. № 3. – С. 48–52.

УДК 340

Ф.А. Мигалкин, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.А. Данилов*

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАКОНЫ 1935 г.

В 1933 г. в Германии к власти пришла партия НСДАП во главе с Адольфом Гитлером. Эту партию отличала крайняя степень расизма и антисемитизма, что отражалось в пунктах программы НСДАП. Согласно п. 4 гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу, т. е. тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, без различия вероисповедания. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу. В п. 5 говорилось, что каждый, кто не является гражданином государства, может жить в Германии только на правах гостя и подлежит законам о чужестранцах, а п. 6 давал право участвовать в управлении и законодательстве государства только гражданину государства. Нацисты требовали, чтобы любую общественную должность в Германии могли занимать только граждане государства. Их политика была направлена на притеснение и дискриминацию евреев, и если отдельные пункты Программы впоследствии выбрасывались или «забывались» нацистами, то п. 4–6 были неизменны.

Согласно «Словарю по правам человека», дискриминация – это лишение отдельных лиц, групп или целых сообществ равных социальных, политических или экономических прав.

15 сентября 1935 г. были приняты Нюрнбергские законы: Закон о гражданстве Рейха и Закон об охране германской крови и германской чести. Принятие данных законов на государственном уровне закрепляло дискриминацию евреев. В соответствии с Законом о гражданстве Рейха еврей по тем же причинам, что были указаны в п. 4 Программы НСДАП, не может быть соотечественником, а значит, подданным государства (Гейден, К. История германского фашизма [Электронный ресурс] /

К. Гейден ; пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 1. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>). Также этот закон давал определение, кто такой еврей. По нему евреем считался тот, у кого трое родителей его родителей были чистокровными евреями. В результате многие немцы, не исповедовавшие иудаизм, пали жертвами нацистского террора. Перешедшие в христианство, но имевшие предков-евреев во втором колене, они тоже считались евреями и, следовательно, лишались гражданских прав. Согласно Закону об охране германской крови и германской чести еврей не мог быть гражданином Рейха. Он не имел права голоса по политическим вопросам, не имел права занимать общественную должность (Гейден, К. История германского фашизма [Электронный ресурс] / К. Гейден ; пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 1. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>). Служащие-евреи после 31 декабря 1935 г. должны были уйти в отставку. Если эти служащие сражались во время Первой мировой войны на фронте за Германию или за ее союзников, они сохраняли до достижения возрастной границы в качестве пенсии полностью свои последние оклады, учитываемые при начислении пенсии, но подниматься по служебной лестнице они не могли. По достижении возрастной границы их пенсия заново пересчитывалась в соответствии с последними окладами, учитываемыми при начислении пенсии. Также давалось определение понятия «полукровка»: это тот, кто в третьем поколении происходит от одного или двух чистокровных евреев. Таким образом, еврей исключались из общественной и политической жизни Германии. В Законе об охране германской крови и германской чести говорилось, что заключение браков между евреями и гражданами немецкой или родственной ей крови запрещены. Заключенные вопреки этому браки считались недействительными, даже если они в обход закона были заключены за рубежом (Гейден, К. История германского фашизма [Электронный ресурс] / К. Гейден ; пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 1. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>). Также евреям запрещалось брать на работу немцев, о чем прямо говорилось в ст. 3 рассматриваемого закона. Нарушение этих запретов каралось законом и указывалось в ст. 5 Закона об охране германской крови и германской чести. Нарушение запрета, обозначенного в ст. 1, каралось каторжным заключением (Гейден, К. История германского фашизма [Электронный ресурс] / К. Гейден ; пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 1. – Режим

доступа: <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>). Стоит отметить, что названные законы могли дополняться по инициативе рейхсминистра внутренних дел (Гейден, К. История германского фашизма [Электронный ресурс] / К. Гейден ; пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 1. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/heiden/index.html>), также рейхсминистр мог лишать права на гражданство по согласованию с заместителем фюрера. Отменять действие пунктов Программы НСДАП в различных ситуациях мог исключительно Адольф Гитлер. Несмотря на регламентирование положения евреев в стране, государство санкционировало погромы еврейских кварталов, поджоги лавок и синагог. Значительной частью германского общества и самих евреев Нюрнбергские законы поначалу воспринимались как юридическое обоснование дальнейшего проживания евреев в Германии. Нюрнбергские законы были отменены только в 1945 г. с падением нацистского режима в Германии.

Анализ текста этих законов показывает, что данные документы объединяли и дополняли различные законодательные акты, направленные на ущемление прав и дискриминацию евреев. Кое-что из юридически узаконенного имело место и до этого. Например, еще до принятия Закона о гражданстве Рейха евреи только формально считались гражданами Рейха, а фактически их положение было настолько бедственным, что объявление их по закону не гражданами, а чужестранцами, не явилось внезапным ущемлением в правах. Политическими правами, например, они не обладали и до декабря 1935 г., так как и раньше их удаляли со всех общественных постов. То же касалось и запрета смешанных браков. В Германии браки были гражданскими, совершались с согласия муниципалитетов, и до 1935 г. каждое согласие на смешанный брак выдавалось властями в исключительных, редчайших случаях. Например, уже в октябре 1933 г. мэр Майнца распорядился сообщать ему лично о каждом случае заключения брака между арийцами и евреями. Эти сведения передавались из мэрии в местное отделение национал-социалистической партии, работники которого обращались к тому супругу, который был немцем, и убеждали его в том, что смешанный брак может оказать негативное влияние на его экономическое положение и личную жизнь. Однако усиление репрессивного аппарата произошло не сразу. Это было связано с Олимпиадой, которая происходила в Германии в 1936 г. Нацисты опасались, что из-за сильной дискриминации евреев игры в Германии могут быть отменены, что ударит по престижу Третьего рейха. Такого они допустить не могли.

После принятия Нюрнбергских законов и Первой поправки к Закону о гражданстве Рейха законодательная деятельность, направленная против евреев, стала менее интенсивной. Все дело в том, что антиеврейское законодательство, хотя и притесняло еврейское население, но создавало легальные основы их проживания в Германии, предоставляя им законный статус. Это и вызывало некоторые сомнения у нацистов, что заставило их искать более выгодный и эффективный с их точки зрения, способ дискриминации еврейского населения. Однако последовавшая серия постановлений поставила евреев вне закона, отдала их произволу полиции и явилась прелюдией к последующему тотальному истреблению евреев на территории, контролируемой Германией.

Подводя итоги, можно сказать, что Нюрнбергские законы есть олицетворение «духа германской нации», и с этим нельзя не согласиться, ведь в дискриминации евреев в Германии виноваты не только правящие нацисты, но и сам германский народ, который поддерживал или был равнодушен к проводимой антисоциальной политике государства.

УДК 340.130

А.Н. Михальков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Павлов*

ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Константин I Великий жил в эпоху государственных реформ императора Диоклетиана, создавшего систему совместного управления огромной империей одновременно четырьмя соправителями (тетрархия) – двумя августами (Диоклетиан и Максимиан) и их помощниками – двумя цезарями (Констанций и Галерий) [1, с. 141]. 1 мая 305 г. Диоклетиан и Максимиан сложили с себя полномочия согласно системе тетрархии, передав власть Галерию и Констанцию Хлору [2, с. 176].

Константин был сыном цезаря Констанция Хлора, который после снятия полномочий августами уничтожил тетрархию и стал единоличным правителем Римской империи [2, с. 168–175]. Доминат оформился при нем в самом полном виде. Константин продолжил и завершил реформы Диоклетиана, но в некоторых вопросах отошел от его политики.

Константин завершил реформу армии. В эпоху принципата основные военные силы располагались вдоль границ. Он разделил войска на

пограничные и полевые. Пограничные постоянно находились на определенных участках границы; полевая армия размещалась внутри страны и в любое время могла быть направлена на отражение внешней атаки, подавление очередного узурпатора или народного восстания.

11 мая 330 г. Константин перенес столицу из Италии на восток. Это было вызвано тем, что в IV в. западная половина империи пришла в экономический упадок; хозяйство же восточных провинций оставалось на более высоком уровне. Новой столицей Римской империи стал древний греческий город Византий, расположенный на европейском берегу пролива Босфор между Эгейским и Черным морями. Византий был переименован в Константинополь, т. е. «город Константина» (ныне Стамбул).

В религиозной политике Константин резко разошелся со своим предшественником: Диоклетиан боролся с христианством, а Константин признал его. Под влиянием христианства Константин провел правовые реформы. В 313 г. Константин совместно с Лицинием издал так называемый Миланский эдикт, объявивший христианство равноправной религией наряду с другими существовавшими в империи [3, с. 304–307].

Эдикт ввел следующие правовые новеллы:

- 1) свободу христианского исповедания;
- 2) принцип религиозной свободы;
- 3) восстановление имущественных и финансовых прав христианской церкви как «юридической личности», субъекта римского права;
- 4) полную реституцию земельных прав христианской церкви;
- 5) полную реституцию в отношении культовых сооружений.

В ответ на это уже в 314 г. церковный собор в городе Арелате в Южной Галлии постановил, что христиане не должны впредь отказываться нести военную службу в римской армии. В 314 г. римскому епископу был предоставлен в качестве резиденции Латеранский дворец.

В 325 г. церковный собор в малоазиатском городе Никее проходил с участием императора. Были сформулированы общеобязательные основы христианского вероучения. Языческие культы с этого времени начали вытесняться, хотя официально они были запрещены лишь в самом конце IV в. [3, с. 307].

Значимое с юридической точки зрения событие в отношении новой веры произошло в 318 г. – императорским эдиктом было разрешено по взаимному согласию сторон переносить гражданское дело на рассмотрение епископского суда, даже если это дело слушалось в обычном гражданском суде [4, с. 93]. В 319 г. Константин запретил празднование частных жертвоприношений и языческих гаданий, а в 321 г. издал эдикт о всеобщем праздновании воскресного дня [5, с. 170].

Об активной правотворческой деятельности Константина по христианизации римского права можно судить на основании актов первого христианского императора, впоследствии вошедших в Кодекс Феодосия (438) и Кодекс Юстиниана (529) Остановимся на некоторых примерах реформы уголовно-правовых и семейно-правовых институтов.

1. В 313, 319 и 335 гг. Константин издал три постановления против доноительства. Донос в контексте христианской нравственности рассматривался как грех, подрывающий нравственные устои общества, причем интересно, что криминализация доноительства осуществлялась независимо от вида доноса, что указывает на приоритет христианских начал над формально-правовыми.

2. В Конституции 315 г. Константин установил запрет на клеймение лица преступников, осужденных на гладиаторские бои или в рудники, с указанием клеймения только рук и голеней. Человек в соответствии с христианской доктриной начинал рассматриваться как созданный «по образу небесной красоты».

3. В 325 г. судам предписывалось за совершение тяжких преступлений изменять вид уголовного наказания: вместо осуждения на гладиаторские бои и съедение зверями в цирке приговаривать преступников к работе в рудниках.

4. Законом 318 г. в области семейного права отменялось древнейшее римское право «власть домовладыки», в частности старинное право отца распоряжаться жизнью детей. Также законами 323 г. император существенно вторгся в регулирование частноправовых отношений власти *pater familias* над детьми.

5. При Константине женщина впервые приравнивалась к мужчине как субъект права, прежде всего в имущественных правоотношениях. Знаменитые законы 321 г. ввели ряд свобод в отношении женщин, в том числе установление полной гражданской правоспособности (дееспособности) женщин с 18 лет, расширение их правомочий в области непосредственного права, защиту их половой неприкосновенности.

6. Христианская нравственность повлияла и на борьбу с конкубинатом. Конкубинат однозначно квалифицировался как грех блуда. Указом Константина 320 г. женатому мужчине запрещалось иметь конкубину. Кроме того, в 320 г. женщинам и мужчинам впервые было предоставлено право легально воздерживаться от брака (что ранее было невозможно).

7. В отношении рабства, несмотря на сохранение самого института, в 316 г. был введен институт вовлечения церкви в процесс освобождения рабов хозяином (манумиссия рабов в церкви) [6].

Рассмотренные элементы складывающейся новой государственно-правовой модели впервые проявились при Константине и напрямую

связаны с легализацией им христианства. Таким образом, мы видим, что Миланский эдикт и последующая за ним правотворческая деятельность императора Константина заложились основы новой, ранее неизвестной греко-римскому правопорядку правовой жизни.

1. Малер, А. Константин Великий / А. Малер. – М. : Вече, 2011.
2. Лактанций. О смертях преследователей (De mortibus persecutorum) / Лактанций ; пер. с лат., вступ. ст., коммент., указ. и библиограф. список В.М. Тюленева. – СПб. : Алетейя, 1998.
3. Неронова, В.Д. Реформы Диоклетиана и Константина. Экономическое развитие Римской империи в IV–V вв. / В.Д. Неронова // История древнего мира : в 3 кн. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцикой. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Наука : Глав. ред. вост. лит. изд-ва, 1989.
4. Рудоквас, А.Д. Юрисдикция епископского суда в области гражданского судопроизводства Римской империи в IV веке н. э. / А.Д. Рудоквас // Древ. право = *Ius Antiquum*. – 1998. – № 1.
5. Робертсон, Дж.С. История христианской церкви от апостольского века до наших дней : в 2 т. / Дж.С. Робертсон ; пер. с англ. А.П. Лопухина. – Т. 1. – СПб. : Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1890.
6. Рудоквас, А.Д. О христианизации римского права в эпоху императора Константина Великого [Электронный ресурс] / А.Д. Рудоквас // *Ius Antiquum*. – 2002. – № 9. – Режим доступа: <http://www.dirittoestoria.it/iusantiquum>.

УДК 340.130

А.А. Михеенко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.А. Горбатов

О ПРОБЛЕМЕ ДУАЛИЗМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В современной правоприменительной практике особенно важным является четкое, ясное и всеобъемлющее понимание основных правовых категорий. Это в полной мере относится и к выработке дефиниции юридической ответственности, по поводу которой уже почти полвека ведется довольно упорная дискуссия.

Как известно, понятие «юридическая ответственность» было введено в общую теорию права и получило широкое признание в советской теоретико-правовой литературе в конце 50-х гг. прошлого века.

В рамках концептуального направления, рассматривающего юридическую ответственность как реакцию государства и общества на про-

отивоправное поведение в виде наступления для правонарушителя неблагоприятных юридических последствий и претерпевания им в рамках этих последствий соответствующих лишений, существует множество разногласий и дискуссионных вопросов. В частности, к сожалению, пока не удалось сформулировать общепризнанное понятие юридической ответственности.

Однако в науке правоведения постсоветских государств остается еще не разрешенной более общая проблема юридической ответственности, вносящая неопределенность, двусмысленность в ее понимание. Речь идет о дуалистическом подходе к пониманию юридической ответственности. Этот подход состоит в делении юридической ответственности на так называемую позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную).

Под первой предлагается понимать исполнение субъектом права возложенных на него юридических обязанностей, т. е. правомерное поведение, а под второй – принудительное воздействие за совершенное правонарушение. По мнению сторонников этого подхода, позитивная юридическая ответственность наступает не в результате невыполнения требований правовых норм, а, наоборот, имеет место тогда, когда эти требования выполняются. Так, например, П.Е. Недбайло писал: «У человека возникает ответственность уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет» [1, с. 52]. Б.Л. Назаров, в свою очередь, утверждал, что «реализация юридической ответственности по существу всегда есть исполнение юридических обязанностей» [2, с. 29]. Позитивная юридическая ответственность, как полагал М.С. Строгович, выражается в осознании лицом правового долга, необходимости неукоснительного и добросовестного исполнения своих обязанностей [3, с. 75]. Примерно так же юридическую ответственность трактуют и современные сторонники этой позиции.

Нетрудно заметить, что в указанной интерпретации юридическая ответственность отождествляется и с обязанностью, и с долгом, и с правомерным поведением, и с правосознанием.

Что касается перспективных аспектов юридической ответственности, в литературе большинство ученых говорит о невозможности нести юридическую ответственность за будущее поведение.

Представляется также, что применение в отношении юридической ответственности понятий «ретроспективная», и тем более «негативная», не является корректным, поскольку ретроспективно само противоправное деяние, а не юридическая ответственность.

На наш взгляд, неверно именовать юридическую ответственность и негативной. В этом случае отрицательные характеристики правонарушения как негативного социального явления переносятся на меру социальной защиты, которой является юридическая ответственность.

Неслучайно деление юридической ответственности на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную) не без оснований не было поддержано подавляющим большинством ученых. Не была воспринята эта позиция и юридической практикой. Отсутствует не только легальное, но и доктринальное определение позитивной (перспективной) юридической ответственности.

Трактуя позитивную (перспективную) юридическую ответственность как нечто новое, вызванное появлением в советском обществе «ростков коммунизма», создатели указанного направления, тем не менее, не могли отрицать наличие реально существующей и необходимой юридической ответственности за правонарушение. Именно в связи с этим ее и стали именовать негативной. А поскольку она наступает за уже совершенное деяние, объявили ее ретроспективной. Однако это не сняло проблему, ибо, как справедливо заметил Н.С. Малеин, нельзя признать одинаковым правовое положение субъекта в тех случаях, когда он надлежало пользоваться своими правами, добросовестно выполняет обязанности и когда он нарушает их [4, с. 69].

Между тем состояние правопослушания, противоположное правонарушению, выражено в давно утвердившемся в правоведении понятии правомерного поведения. Придание же одинакового терминологического значения противоположным юридическим состояниям порождает двусмысленность, неясность, путаницу в содержательном понимании юридической ответственности.

Поскольку до настоящего времени отсутствуют какие-либо убедительные доказательства теоретической и практической значимости введения в правоведение категории позитивной юридической ответственности, во избежание продолжающейся путаницы в использовании давно устоявшихся юридических терминов следует отказаться от двухаспектной трактовки юридической ответственности.

1. Недбайло, П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П.Е. Недбайло // Правоведение. – № 3. – 1971. – С. 120.

2. Назаров, Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности / Б.Л. Назаров // Совет. государство и право. – 1981. – № 10. – С. 85.

3. Строгович, М.С. Сущность юридической ответственности / М.С. Строгович // Совет. государство и право. – 1979. – № 5. – С. 75.

4. Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. – М., 1985. – 133 с.

РОЛЬ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСВОБОЖДЕНИИ БЕЛАРУСИ

К лету 1944 г. на Западном фронте сложилась благоприятная обстановка. В связи с этим командованием было принято решение о подготовке операции дальнейшего наступления с целью полного изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории СССР. Разработанная впоследствии операция получила название «Багратион».

Линия советско-германского фронта к лету 1944 г. представляла собой выступ, получивший название «белорусский балкон». Здесь существовала система мощных укреплений, получившая название «Фатерланд», что в переводе с немецкого означает «Отечество». Этим подчеркивался факт важности защиты этих рубежей для самой Германии [1, с. 300].

Главный удар летне-осенней кампании 1944 г. было решено нанести на центральном участке фронта, т. е. в Беларуси. К наступлению готовились 4 фронта: 1-й Прибалтийский (генерал И.Х. Баграмян), 1-й Белорусский (генерал К.К. Рокоссовский), 2-й Белорусский (генерал Г.Ф. Захаров) и 3-й Белорусский фронт (генерал И.Д. Черняховский) [1, с. 302].

Успех операции, в том числе на территории Беларуси, был бы невозможен без участия партизанских формирований и местных жителей, так как основной замысел командования заключался в координации действий армии и партизан, в мощном наступлении в следующих направлениях: Витебском, Оршанском и Бобруйском, а затем нанесении удара по Минску с целью окружения большей части группировки армий «Центр» с применением тактики котлов.

Партизанское движение в Беларуси имело массовый характер. На оккупированной территории создавалась разветвленная сеть подпольных организаций и групп. Первый партизанский отряд был сформирован уже на пятый день войны под руководством Василия Захаровича Коржа в Пинском районе.

В 1942 г. стало возможным развертывание широкой борьбы против немецких захватчиков, прежде всего это было связано с созданием партизанских бригад. К середине того же года партизанское движение приняло настолько большие масштабы, что требовало создания единого центра координации действий. 30 мая 1942 г. Государственный комитет

обороны (ГКО) принял решение об организации при Ставке Верховного Главнокомандования Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) во главе с П.К. Пономаренко. 9 сентября 1942 г. был создан Белорусский штаб партизанского движения (БШПД), который возглавлял П.З. Калинин [2, с. 292].

Для увеличения координации действий и эффективного выполнения боевых задач из числа партизанских бригад, полков и отрядов создавались партизанские соединения. На территории Беларуси действовало около 40 подобных формирований.

Численность белорусских мстителей превышала 374 тыс. человек. Они были объединены в 1 255 отрядов, 997 из них входили в 213 бригад и полков, 258 действовали самостоятельно. Партизанские резервы составляли более 440 тыс. человек. Свыше половины всего количества партизан (54 %) составляла местная молодежь до 25 лет. 20 263 партизана были моложе 18 лет, 34 342 являлись учащимися, в том числе 5 тыс. – школьниками [3, с. 155].

Отдельно стоит упомянуть партизанскую операцию «Рельсовая война». Рельсовая война проходила в три этапа. Первый начался в ночь на 3 августа 1943 г. и совпал с контрнаступлением советских войск под Курском. Второй этап под условным названием «Концерт» проводился с 19 сентября до начала ноября 1943 г. – в первый период освобождения Беларуси. Третий и заключительный этап рельсовой войны стал масштабной подготовкой к операции «Багратион».

Итог операции впечатляет: партизаны подорвали 61 тыс. рельсовых путей, восемь железнодорожных мостов, 5 700 м проводной связи, пустили под откос более 150 вражеских эшелонов, уничтожили более 15 тыс. и взяли в плен 27,5 тыс. немецких солдат и офицеров. Блестяще проведенная операция сыграла важную оперативно-стратегическую роль, по своим масштабам она не имела равных в истории, также никогда до этого действия Ставки и партизан еще не были столь слаженными. Успех третьего этапа операции стал определяющим в наступательной кампании 1944 г. и освобождении Беларуси.

Агитационная работа и пропаганда являлись неотъемлемой частью любого сопротивления во все времена. От того, насколько грамотно проводится идеологическая работа с населением, будет зависеть конечный итог борьбы. Во время оккупации Беларуси использовались следующие формы агитационной работы среди населения: беседы, собрания, митинги, выпуск и распространение подпольных газет, листовок, воззваний. Партизаны стремились охватить как можно больше людей, пропаганде и агитации уделялось крайне важное значение.

На протяжении всего периода оккупации печатным способом с помощью простейшей печатной техники белорусские партизаны издавали 171 газету. В январе 1942 г. в Минске начали издаваться периодический листок, имевший название «Вестник Родины», и газета «Патриот Родины», а также много листовок. Уже концу 1942 г. в Беларуси издавалось около 20 подпольных газет. В мае 1942 г. было налажено издание газеты «Звезда». Массовым тиражом в Беларусь доставлялись газеты «Савецкая Беларусь», агитплакат «Раздавім фашысцкую гадзіну!», фронтовая газета «За Савецкую Беларусь». 1 января 1942 г. начала работать радиостанция «Советская Белоруссия» [3, с. 152].

В целом в рядах советских партизан насчитывалось около 1 млн человек. За время борьбы партизаны нанесли немцам существенный урон. За проявленные героизм и мужество 140 тыс. белорусских партизан и подпольщиков были награждены медалями и орденами, 88 из них – удостоены звания Героя Советского Союза [4].

По призыву подпольных партийных организаций жители деревень разрушали вражеские коммуникации: перекапывали дороги, уничтожали мосты, устраивали лесные завалы, тем самым препятствуя отступлению гитлеровских войск. Когда же солдаты Красной Армии подходили к населенным пунктам, местные жители помогали им в преодолении водных преград, показывали места засад, минные поля, служили проводниками, благодаря чему солдаты войск СССР могли в полной мере пользоваться эффектом неожиданности, появляясь там, где их не ждут.

Ранее нигде и никогда завоеватели не встречали более масштабного сопротивления, чем борьба белорусского народа против германских войск, развернувшаяся на всей территории страны. В борьбу с врагом включались представители всех социальных слоев: рабочие, крестьяне и интеллигенция, коммунисты, комсомольцы, беспартийные – люди разных национальностей и всех возрастов.

Таким образом, партизаны внесли огромный вклад в разгром немецких войск. Без их участия и содействия войскам Красной Армии успех СССР в военной кампании 1941–1945 гг. был бы невозможен. На территории Беларуси партизанское движение имело всенародный характер и отличалось массовостью. Ни в одной стране мира партизанское движение не получило столь широкое распространение, как у нас.

Партизанам удалось спасти многие населенные пункты от уничтожения, в том числе правительственные здания в Минске, не допустить угона в Германию на работы и в концлагеря около 150 тыс. белорусов. Без их участия в боевых действиях и антифашистском сопротивлении разгром гитлеровской Германии был бы попросту невозможен.

1. Шефов, Н. Вторая мировая. 1939–1945: история великой войны / Н. Шефов. – М. : Вече, 2010.

2. История Беларуси. Пособие для подготовки к централизованному тестированию / под науч. ред. Г.Я. Голеченко, И.И. Богдановича. – 5-е изд., перераб. – Минск : Аверсэв, 2015.

3. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие / А.А. Коваленя [и др.] ; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. – 2-е изд., испр. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009.

4. Вклад белорусского народа в победу над фашистской Германией. Интернациональный характер борьбы против фашистских захватчиков [Электронный ресурс] // Gistoryja.ru. – Режим доступа: <http://www.gistoryja.ru/XIX-nachalo-XXI-v/97-vklad-belorusskogo-naroda-v-pobedu-nad-fashistskoj-germaniej-internacionalnyj-harakter-borby-protiv-fashistskih-zahvatchikov.php>. – Дата доступа: 12.12.2016.

УДК 351.742

Е.Л. Рыжый, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук *А.И. Мурашко*

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

Сегодня коррупция проявляется почти во всех странах мира. Широко ее распространение и в современной Беларуси.

Термин «коррупция» можно рассматривать в двух аспектах:

злоупотребление должностным лицом своими полномочиями, возможностями, связанными с его профессиональной деятельностью, для получения (извлечения) собственных выгод и удовлетворения собственных нужд;

подкуп (дача взятки) должностного лица для удовлетворения своих потребностей.

Чаще всего коррупция наблюдается в структурах, деятельность должностных лиц которых связана с политикой и государством.

В каждом государстве борьбе с коррупцией придается достаточно большое значение: создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией, законодательно закрепляется юридическая ответственность за подкуп либо получение взятки должностным лицом и т. д. В то же время для более полного и четкого определения реальных мер и средств по борьбе с коррупцией необходимо провести анализ исторических фактов ее искоренения или, наоборот, нерезультативности принятых мер.

В целях изучения исторического опыта мы предприняли попытку исследовать борьбу с коррупцией в Российской империи в XIX в.

К началу XIX в. коррупционная ситуация в Российской империи резко ухудшилась благодаря «мягкости» к антикоррупционным мерам со стороны Екатерины II. Коррупция стала проявляться практически во всех сферах общественной жизни, что привело к заметной дестабилизации общества. Поэтому в начале XIX в. появилась острая необходимость применения стратегии системной борьбы с коррупционерами, которая включала правосстановительные, предупредительные и карательные меры.

В этих целях в 1826 г. при общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Сената был учрежден особый комитет, «в котором бы, при общем объеме всех о криминальных преступлениях законов, с большей удобностью и твердой решимостью можно было бы изыскать ближайший способ к истреблению... и к различению преступления в лихоимстве и лихоимательстве». Значение деятельности указанного учреждения состояло в определении криминологических замыслов борьбы с коррупцией (Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. асоц., 2003. – С. 13).

Комитет установил причины и обстоятельства, способствующие развитию и укоренению коррупции в Российской империи, и пришел к выводу о необходимости разработки мер, направленных на решение проблем подкупа-продажи должностных лиц.

На основе полученных выводов по исследованию данной проблемы было принято решение о применении к коррупционерам следующих видов наказания и профилактических мер для коррупционеров:

- временный арест без удаления от должности и взыскание взятого в Приказ общественного призрения с отметкой в послужном списке;
- выговор перед судом и возмещение убытков;
- временное отрешение от должности;
- отрешение от должности навсегда и недопущение к выборам;
- срочное заключение в тюрьму;
- лишение чести и срочное заключение в тюрьму;
- лишение прав гражданских с оставлением на месте жительства под присмотром полиции;
- лишение чести, выставление у позорного столба с надписью «взяточник» или «вор государственный»;
- лишение прав гражданских и политических и изгнание из государства;
- лишение прав гражданских со ссылкой в Сибирь на поселение;
- лишение прав гражданских или политическая смерть с вечным заключением в каторжную работу;

смертная казнь (Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. – С. 15).

Ряд антикоррупционных мер означал ужесточение борьбы с коррупцией, по сравнению с XVIII в.

С 1832 г. законодательство Российской империи начало разграничивать ответственность за правонарушения, носящие коррупционный характер. Выявление коррупционных деяний было возложено на губернаторов. Это свидетельствует о том, что в XIX в. Российская империя сделала огромный шаг на пути к искоренению коррупции, отдав место по борьбе с коррупцией специальным органам. Губернаторы, «не употреблявшие должных усилий и стараний к пресечению лихоимства подчиненных им лиц... или же содействуя своим чиновникам, или хотя и посторонним лицам, в поручении им управления откупов на вверенной им губернии, или же подрядов...», подвергались ответственности перед правительством (Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. – С. 17).

Однако методы борьбы с коррупцией были крайне плохо развиты в тех проявлениях подкупа-продажи, которые были скрыты или носили характер гражданского оборота. Это означало, что системный подход в борьбе с коррупцией учитывал только традиционные формы ее проявления и не давал возможности привлечения к ответственности тех лиц, которые сумели обмануть закон. В то же время происходило изменение форм подкупа-продажности в сторону более латентных и менее общественно опасных проявлений. Например, в начале 1830-х гг. в качестве коррупционных выплат отмечались памятники, выставленные в публичных местах портреты. На новые формы подкупа-продажности необходимо было реагировать, что и осуществлялось достаточно оперативно. Обоснованием запрещения указанных проявлений являлось предположение о существовании возможной причинно-следственной связи между выплатами и другими материальными и нематериальными выгодами и коррупционным поведением служащего.

В рассматриваемый период происходит дальнейшее ужесточение антикоррупционного законодательства Российской империи. В Уложении 1845 г. подверглись криминализации деяния, органично связанные с коррупцией. Таковыми были признаны противозаконные поступки чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи (ст. 514–517, 519, 523, 527) (Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. – С. 18).

Важно отметить, что в этот период проявлялась закономерность: при увеличении общего числа подсудимых за лихоимство и мздоимство происходило уменьшение числа освобожденных от наказания за данные преступления по амнистии, и наоборот (Астаин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астаин. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. – С. 18).

Необходимо заметить, что практика применения всего спектра мер реагирования на коррупционные проявления принесла свои положительные результаты в данной области – число подсудимых за эти деяния к середине XIX в. уменьшилось в 2,5–3 раза, должностные лица государства начали всерьез задумываться об ответственности за взяточничество и подкуп, так как стала очевидной возможность строгого наказания за данные деяния (вплоть до смертной казни). Конечно, нельзя исключать возможность того, что коррупционные правонарушения начали проявляться в других формах, которые «обходили» законодательство, однако тот факт, что число реальных преступников, которые были пойманы за коррупцию, заметно уменьшилось, свидетельствовал о положительном опыте борьбы с коррупцией. Применение более жестких мер для наказания правонарушителей и преступников, являющихся коррупционерами, привело к спаду подкупа-продажи должностных лиц, в отличие, например, от XVIII в.

УДК 340.130

И.М. Якуш, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент *А.А. Козел*

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Каждая профессия имеет ряд присущих только ей особенностей. Под непосредственным влиянием этих особенностей у людей, имеющих принадлежность к той или иной профессии, формируются профессионально важные качества, благодаря которым достигается профессионализм. Наиболее успешным способом изучения профессиональных качеств следователя является путь психологического изучения следственной деятельности.

Для того чтобы раскрыть психологическую структуру следственной деятельности, необходимо выделить в ней как раз такие «профессионально значимые» составляющие элементы, компоненты и дать их развинутую характеристику.

Итак, основными компонентами следственной деятельности являются познавательная, конструктивная, организаторская и коммуникативная деятельность. Реализация их требует от следователя соответствующих психических качеств.

Познавательную функцию выполняет динамическая информационная модель. На основе первоначальной информации следователь строит общую информационную динамическую модель (картину) преступления, а также создает частные модели его отдельных обстоятельств. Соотнося различные частные модели, отражающие отдельные обстоятельства преступления, сопоставляя их с общей его картиной, следователь видит, какие элементы, детали, факты отсутствуют, чтобы составить истинную картину события преступления. Он направляет усилия на поиски недостающей информации, на обнаружение ее источников. В результате получения новой информации динамическая модель преступления обрастает вновь обнаруженными фактами, обстоятельствами, освобождается от излишних образований, все более приближается к оригиналу (событию преступления).

Основное содержание конструктивной деятельности следователя составляет планирование им своей работы, а также выработка и принятие решений.

Деятельность следователя при планировании должна получить свое выражение в определенном решении, которое должно быть четко сформулированным, обоснованным и убедительным. Процесс выработки и принятия решения является важным элементом конструктивной деятельности следователя, направленной на обеспечение его познавательной деятельности.

Конструктивная деятельность следователя – это всегда принятие решения, позволяющего продолжить процесс установления истины, прекратить, предупредить развитие преступной деятельности, сокрытие преступника, следов преступления. Быстрое принятие решений в подобных ситуациях требует от следователя волевых усилий, уверенности, решительности, смелости.

Организаторская деятельность следователя самым тесным образом связана с конструктивной. Она реализует на практике планы следователя и вместе с тем является условием более целенаправленного и реального планирования.

Также организаторская деятельность предъявляет значительные требования к психике следователя, требует организаторских способностей, обладая которыми, следователь может осуществлять ее наиболее успешно.

Успех деятельности следователя зависит от его взаимоотношений со всеми участвующими в деле лицами. Отсюда вытекает важная задача следователя – установление таких взаимоотношений с этими лицами, которые способствовали бы успешному решению задач расследования.

Связано это с тем, что проходящие по делу лица (обвиняемый, потерпевший, свидетели) являются основными источниками получения необходимой информации. Взаимоотношения со следователем во многом определяют правдивость их показаний.

Некоторые участвующие в деле лица отказываются от дачи правдивых показаний либо дают ложные показания, стараясь ввести в заблуждение следствие. В подобных случаях следователь вынужден для налаживания контакта оказывать на указанных лиц психологическое воздействие (влияние).

Успешное решение перечисленных задач требует от следователя глубоких психологических знаний, понимания человеческой психики, умения проникать в духовный мир людей.

Рассмотрение психологически значимых компонентов следственной деятельности показывает, что на объективные требования профессии следователь должен отвечать определенными качествами личности, характеристику которых мы рассмотрим далее.

Составной частью направленности личности следователя является глубокий интерес к своей профессии, понимание им своей работы как дела большого государственного значения. Только такое отношение к своей профессии способствует формированию у него высоко развитого чувства долга и ответственности за порученное дело, столь необходимо для успешной следственной деятельности.

В направленность личности следователя входит правосознание – одна из форм индивидуального и общественного сознания, которая играет решающую роль в практическом применении правовых норм.

Профессия следователя требует от него высоких нравственных качеств. Это вызывается тем, что, во-первых, объектом профессиональной деятельности следователя является человек, во-вторых, одна из важных задач деятельности следователя – оказание им воспитательного воздействия на участников предварительного следствия.

В зависимости от характера встречающихся следователю задач он имеет дело с простыми и творческими задачами. И в зависимости от задач следователь активизирует дискурсивный либо интуитивный тип мышления.

Дискурсивное мышление продуктивно работает в четко отграниченной области при ясном различии того, что дано и что требуется доказать, в то время как интуитивное мышление отличается огромной скоростью протекания. Оно основывается прежде всего на свернутом восприятии всей проблемы сразу. Умение сразу целиком представить картину преступления во всех деталях требует от следователя высокого развития воображения.

Психологический анализ деятельности следователя позволяет из качеств ума, необходимых ему для решения проблемных ситуаций, выде-

лить следующие: сообразительность (умение быстро ориентироваться в обстановке и принимать неотложные меры), глубина (способность познавать и выделять в предметах, явлениях наиболее существенное, часто скрытое), широта (умение охватить мысленно большой круг вопросов, привлекая знания из различных областей жизни, науки, следственной практики), гибкость (умение подойти к явлению с различных точек зрения, перестраивать свой план действий в соответствии со сложившейся обстановкой), продуктивность (действенность, быстрота и широта реализации намеченных планов), самостоятельность (способность ставить цели и задачи, умение находить решение без посторонней помощи), критичность (отсутствие предвзятых суждений, тщательная аргументация выражаемых мыслей с учетом всех воззрений), проницательность (способность понимать людей, разбираться в мотивах и побуждениях, движущих ими). Также необходимо отметить специфическое проявление в следственной деятельности таких общих свойств характера, как принципиальность, последовательность, целеустремленность, общительность, объективность, критичность, а также волевых свойств характера – активности и решительности, оперативности и инициативности, организованности и дисциплинированности, выдержки и стойкости, выносливости и настойчивости, упорства и ряда других.

Подводя итог, отметим, что любая деятельность, в том числе и следственная, стихийно формирует профессионально необходимые качества, но этот процесс оказывается недостаточно быстрым и разносторонним. Интересы дела требуют, чтобы на следственную работу приходили люди, обладающие определенными профессиональными качествами. Поэтому целенаправленное формирование этих качеств необходимо осуществлять в процессе обучения курсантов – будущих следователей.

УДК 34(37)(09)

В.А. Яскевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.И. Павлов*

ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА ВЕЛИКОГО

Зная о Византии и ее влиянии на историю, можно проследить связь между прошлым и современным его пониманием на базе общей идентичности мотивов и идеалов в обществе.

Император Юстиниан изначально знал, что внутренняя жизнь общества требует реформирования. Э. Гиббон в конце XVIII в. отмечал, что «Самое важное наследие эпохи Юстиниана, а также самое важное наследие самого императора зиждилось в его юридическом аспекте» [1]. Примерно в 30-е гг. VI в. был сформирован «Corpus juris civilis» (свод гражданского права). Рассмотрим хронологию кодификационных работ.

В феврале 528 г. Юстиниан создал комиссию из 10 человек с участием Трибониана, и уже 7 апреля 529 г. был обнародован Кодекс Юстиниана («Novus codex Justinianus»), в который вошли императорские конституции I–VI вв.

В декабре 530 г. была создана комиссия уже из 15 человек под председательством Трибониана, в состав которой вошли ученые-профессора из Константинопольской и Беритской академий, а также 11 адвокатов. В задачу комиссии входило написание Дигест-сборника, который был завершён 16 декабря 533 г. Одновременно Трибониан, Феофил и Доррофей по поручению Юстиниана подготовили Институции – элементарный учебник основ римского права, который также был официально утверждён как закон в 533 г. В ноябре 534 г. был переработан и обновлен Кодекс императорских конституций. Первая редакция кодекса не сохранилась. Вторая редакция – «Codex repetitae praelationis» – дошла до нас и вошла в Свод Юстиниана. Уже после смерти Юстиниана были опубликованы Новеллы – неофициальное собрание императорских конституций, вышедших после издания кодекса в 535–536 гг.

Таким образом, собственно кодификация Юстиниана была проведена в 529–534 гг. и включала в себя Кодекс, Институции и Дигесты. В Средние века Свод Юстиниана получил наименование «Corpus iuris civilis» (свод гражданского права). Новое законодательство писалось не с чистого листа, многое бралось из древних римских законов. Несмотря на свое глубокое уважение к древности, Юстиниан понимал устарелость и сложность древнего римского права, поэтому касательно вопросов личности он использовал термин «humanitas» (человечность), а родовых вопросов – «naturalis ratio» (естественное разумение). Таким образом, более широкие и справедливые принципы нового *jus gentium* (права народов) в эпоху Юстиниана окончательно уничтожали узкие постановления права XII таблиц. На законы римлян начинало оказывать влияние христианство. Через законодательство Юстиниана от начала и до конца проходит постоянная забота об общественной справедливости и попечение об общественной нравственности. В личном праве женщина становится равной мужчине, закон укрепляет ее права на приданое. Изменились взаимоотношения между отцом и детьми, был аннулирован пункт «*patria*

potestas», допускающий запрет на женитьбу детей по воле отца. Также закон затрагивал и тех людей, которые прежде были лишены всяческих прав. Согласно выдающемуся римскому юристу Ульпиану (170–228), закон объявлял, что по естественному праву все люди равны, что всякий человек рождается свободным и что рабство есть состояние, противное природе. Закон разрешал браки свободных людей с женщинами, чьи профессии выделяли их из общества. Изменения коснулись и имущественного права: теперь единственным условием передачи имущества являлось кровное родство. При этом каждый ребенок должен был наследовать часть отцовского наследства. Дочери и сестры были признаны имеющими право на наследство с исключением прав агнатов.

В светской законодательной системе Юстиниан затронул и религиозную часть, пытаясь ликвидировать разночтения среди церковного клира, так как Церковь выступала идеологической направляющей империи. Юстиниан видел в Церкви тот самый государственный орган, который бы объединял всех граждан империи, включая крестьян и губернаторов, и являлся духовно-идеологическим фундаментом византийского общества. Поэтому ему самому приходилось участвовать в церковных спорах и отстаивать позиции представителей православия.

Реформы законодательства коснулись не только обычного населения империи, но и самой администрации. Юстиниан отменил продажу должностей и наказал губернаторам областей «по-отчески» относиться к своим жителям. Борьба с назревшей бюрократией выразилась в сокращении количества административных провинций и уменьшении числа чиновников. Проведя в провинциях ряд апелляционных инстанций, Юстиниан ускорил судопроизводство. Отныне обычные граждане, обращавшиеся в суд, могли довольно быстро получить свой ответ, не дожидаясь, пока их обращение дойдет до самой администрации. Особенностью административного реформирования Юстиниана стало то, что он не стремился все унифицировать и объединить. В различных областях своей империи он оставлял тот административный аппарат, к которому привыкло местное общество [2, с. 4].

1. Кодификация Юстиниана [Электронный ресурс] // SciCenter.online. – Режим доступа: <http://scicenter.online/kniga=rimskoe=pravo/kodifikatsiya=yustiniana=89917.html>. – Дата доступа: 26.12.2016.

2. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб. : Лет. сад, 1999. – 560 с.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Андриашкин Т.А., Клименто С.В.</i> Коррупция как угроза экономической безопасности Республики Беларусь	3
<i>Бараховский А.А.</i> Понятие ценовой конкуренции и ее виды	10
<i>Божко П.А.</i> Анализ принципов оперативно-розыскной деятельности	15
<i>Бокищ А.М.</i> Признаки коммерческой тайны по законодательству Республики Беларусь	21
<i>Веремеенко А.В.</i> Расстройства личности (психопатии) и их формы: причины, основные симптомы	26
<i>Водопьян А.А.</i> Психическое здоровье детей и подростков, подвергшихся насилию в семье	34
<i>Воинов Д.О.</i> Проблемные вопросы противодействия незаконному изготовлению и переработке наркотиков	40
<i>Гапоненко Е.В.</i> Электронный документ как письменное доказательство в гражданском процессе	45
<i>Грузинский Д.В.</i> О сущности службы в органах внутренних дел Республики Беларусь как вида государственной службы	51
<i>Данилов Н.В.</i> Современные подходы к проблеме создания фонда возмещения вреда лицам, которым причинен вред преступлениями	59
<i>Дроздов Д.А.</i> Сущность, понятие и содержание оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение»	65
<i>Жилинская А.А., Касперович Н.С.</i> Проблемы правового регулирования применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел	72
<i>Захарченко Д.И.</i> Интернет-зависимость – проблема XXI в.	79
<i>Касперович Н.С.</i> Теория законности в контексте нетрадиционных (неклассических) типов правопонимания	84
<i>Климович Е.А.</i> Общая оперативно-розыскная профилактика, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел Республики Беларусь	89
<i>Ковальчук М.В.</i> Цели и принципы административной ответственности в Республике Беларусь	96
<i>Колупанович М.В.</i> Планирование как один из элементов эффективной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел ..	102
<i>Кучинский Е.В.</i> Некоторые аспекты взаимодействия оперативных подразделений органов финансового расследования с иными субъектами правоохранительной деятельности при решении задач борьбы с преступностью	110

Москалюк В.И. Правовая регламентация проведения оперативно-розыскного мероприятия «контроль в сетях электросвязи»	115
Никифоров Д.И. Обеспечение безопасности конфидентов и лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам	122
Петлицкий С.В. Соотношение понятий «экономическая несостоятельность» и «банкротство»	132
Самак А.А. Сравнительное исследование правовых норм, регулирующих содержание оперативно-розыскных мероприятий	138
Скурат В.А. Перспективы использования оперативными подразделениями программного обеспечения для анализа информации, представляющей оперативный интерес	145
Сушко А.М. Применение микроскопических методов для решения вопроса о хронологической последовательности нанесения пересекающихся штрихов	150
Сягло С.С. Анализ современного состояния борьбы с коррупцией в таможенных органах	156
Терешёнок П.Д. О правовой природе мер административного пресечения	161
Теслёнок А.Ю. Правовые основы борьбы с незаконной миграцией	166
Чистовский М.Л. Условия наступления гражданско-правовой ответственности	172
Школьник А.Г. Актуальные вопросы противодействия экономической преступности	180
Яновский Р.С. Сущность и назначение оперативного эксперимента	185

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

V курсантские чтения

*«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(11 декабря 2015 г.)*

Блинков И.Г. Политико-правовые взгляды митрополита Илариона Киевского	192
Богданова А.А. Правовое положение женщины в Древнем мире	195
Воробьёва Д.С. Правовая культура в процессе правовой социализации личности	198
Германова М.А. Наказания на Руси в IX–XVII вв.	201
Грузинский Д.В. Правовая доктрина как источник права	204
Грузинский Д.В. Стоглавый собор 1551 г.	207
Каспярович Н.С. Инструментальная природа права	209
Михеенко А.А. Проблема понимания юридической ответственности ...	212
Саврук Я.В. <i>Agentes in rebus</i> – тайная полиция Римской империи	215

Терешёнок П.Д. Концептуальные подходы Андрея Воляна к разрешению проблемы реформирования высших судебных органов Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского в 70-х гг. XVI в. 218

Круглый стол

*«Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права»
(17 марта 2016 г.)*

Ковальчук М.В. О правовых основах регулирования вынужденной миграции в Европейском союзе 222

Терешёнок П.Д. Место и роль органов внутренних дел в обеспечении режима чрезвычайного положения 227

Круглый стол

*«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(28 апреля 2016 г.)*

Быков А.С. Проблемные вопросы квалификации состава легализации преступных доходов по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации 230

Касперович Н.С. Арест в контексте достижения цели уголовной ответственности 234

Лойко И.С. Эвтаназия в Республике Беларусь 238

Михеенко А.А. Классификация форм соучастия в преступлении 239

Мячин И.В. Коллизия, связанная с определением момента окончания преступления, предусмотренного ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь 242

Никитенков А.С. Проблемы квалификации незаконной предпринимательской деятельности 244

Рыбаков А.Г. Об определении понятия детской порнографии 249

Шлапков В.В. Проблемные вопросы малозначительности деяния в уголовном праве Беларуси 252

Научно-теоретическая конференция

*«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(5 мая 2016 г.)*

Бильдис Я.Т. Суд присяжных заседателей: нужен ли он в судебной системе Республики Беларусь? 254

Володькин О.В. Допустимость результатов полиграфных исследований в уголовном процессе 256

<i>Лезовский М.В.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе	259
<i>Мотуз Н.В.</i> Подозреваемый и обвиняемый, их юридическая характеристика	261
<i>Нестерович В.П.</i> Проблемы классификации уголовно-процессуальных функций	264
<i>Петлицкий С.В.</i> Отдельные аспекты применения мер безопасности при заключении досудебного соглашения	267
<i>Резников А.Д.</i> О предварительном судебном заседании	270
<i>Слабышев А.И.</i> Задержание как мера процессуального принуждения ...	273
<i>Сосенков А.Л.</i> Согласование решений следователя начальником следственного подразделения	275
<i>Турко К.В.</i> Функция защиты: понятие, содержание, субъекты	277
<i>Шурно Н.А.</i> Речь государственного обвинителя	280
<i>Щуров С.М.</i> Сохранность имущества лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу	283

Научно-практическая конференция

*«Проблемы совершенствования правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь на современном этапе»
(15 июня 2016 г.)*

<i>Асадчий А.С.</i> Экономико-экологический механизм концепции устойчивого развития лесопользования в Республике Беларусь	285
<i>Беть С.Т.</i> Использование возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь	287
<i>Ерёмов И.Д.</i> Государственная политика Республики Беларусь в сфере энергосбережения	289
<i>Касперович Н.С.</i> Актуальные вопросы правового регулирования отношений в области незаконной охоты	291
<i>Коваленко Д.А.</i> Особенности рассмотрения налоговых споров в Республике Беларусь	294
<i>Красноперов Е.С.</i> Экологическая безопасность пищевых производств ...	296
<i>Миленкевич В.И.</i> О методах и инструментах достижения экологического страхования	299

VI курсантские научные чтения

*«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(7 декабря 2016 г.)*

<i>Беспаленков Е.К.</i> Органы милиции в борьбе с бандитизмом в БССР в 1921–1926 гг.	302
<i>Грузинский Д.В.</i> Становление новых органов правопорядка в условиях российских революций 1917 г.	306

<i>Касперович Н.С.</i> О реализации принципа законности в деятельности органов внутренних дел	309
<i>Король С.В.</i> Историко-правовой анализ инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (1907 г.)	312
<i>Липтев С.В.</i> Исторический феномен личности Оливера Кромвеля	315
<i>Лис А.С.</i> Особенности формирования правосознания сотрудников правоохранительных органов	318
<i>Мигалкин Ф.А.</i> Нюрнбергские законы 1935 г.	322
<i>Михальков А.Н.</i> Правовые реформы римского императора Константина Великого	325
<i>Михеенко А.А.</i> О проблеме дуализма юридической ответственности ...	328
<i>Петербуцев Д.А.</i> Роль партизанского движения в освобождении Беларуси	331
<i>Рыжий Е.Л.</i> Особенности борьбы с коррупцией в Российской империи в XIX в.	334
<i>Якуш И.М.</i> Профессионально важные психические качества следователя	337
<i>Яскевич В.А.</i> Правовые реформы византийского императора Юстиниана Великого	340

Научное издание

**КУРСАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных трудов обучающихся

Выпуск 2

Подписано в печать 08.09.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 20,50.
Тираж 30 экз. Заказ 144.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.